

Гасан Гусейнов

Язык мой

Wrack

мой

Хроника от Ромула
до Ленинопада

РЕПРЕССО

LAURUS

Гасан Гусейнов

Язык мой – Wгаск мой

УДК 81-116
ББК 87.224.2/РУС
Г 96

Гусейнов Г.

Г 96 Язык мой – Wгаск мой. Хроника от Ромула до Ленинопада. – К.:
Laugus, 2017. – 376 с.
ISBN 978-617-7313-09-9

Новая книга известного филолога — дневник наблюдений над драмой русской политической речи эпохи последних лет.

Автор разбирает языковые травмы, которые постсоветское российское общество наносит себе и другим в попытках гальванизировать имперские химеры, легализовать чекистский жаргон. Но есть в этом обществе и стремление выразить новизну, создавая лексикон от блатняка зоны до хипстерских американизмов, от речи обскурантов до истории рефлексии украинофобии.

Книга снабжена подробным предметно-именным указателем.

Адресована широкому кругу исследователей — политологов, филологов, культурологов, журналистов — и каждому, кто стремится понять, как история преломляется в повседневной речи.

УДК 81-116
ББК 87.224.2/РУС

ISBN 978-617-7313-09-9

© Гасан Гусейнов, тексты, фото, 2017
© Laugus, макет, верстка, 2017

Гасан Гусейнов

Язык мой
Wгаск
МОЙ Хроника от Романа
до Ленинграда

Моему отцу — Чингизу Гусейнову

LAURUS

2017

Андрей Дмитриев. Во имя живого и точного понимания	4
---	---

Пролог

О месте Януковича в пищевой цепочке российского премьера.....	9
--	---

Фальшивый май	10
---------------------	----

Геополитический урок для России	12
---------------------------------------	----

Психологически важная черта	15
-----------------------------------	----

Глава первая: Аметистовый куст

Хулиган и балаклава	21
---------------------------	----

Болезни языка: американка, духовка и уголовка	23
---	----

Ленинградцы, алжирки, сайгонцы	26
--------------------------------------	----

Этот неловкий момент, когда этот неловкий момент	29
--	----

Джеймс Бонд, Рабле и Гераклит	34
-------------------------------------	----

Творческие коллективы: Pussy Riot и Список Магнитского	37
---	----

«Черные» и «белые», только не горелые, или Словарик ксенофоба	40
--	----

Новое русское имя – Депардье	42
------------------------------------	----

Дед Хасан, или Дружба народов	44
-------------------------------------	----

Сталинобус, или Некрофилы вместо педофилов	47
--	----

Жириновский – это Достоевский сегодня!	49
--	----

Новая русская заумь	52
Глобальный русский Джохар	55
Против кого бунтуют гомофобы	59
Почему русские не видят репрессий?	62
Тень отца Звездония	65
Партизаны болотных кочек	68
Хиральное угорание по сатане	72
Матерные кандалы Горянчикова	75
Вот да! Чтоб два раза не вставать	78
Ложка дегтя в стоге сена	81
Что говорить об умерших?.....	84
 Глава вторая: Двоюродная мова языка родного	
Украинизмы в русском языке	87
Госдума обижается за Госдuru	90
Уничтожение, или Смертники в Троянском коне	94
Украина учит русскому языку Россию	96
Гитлер: метафора вместо политической рациональности	99
Вежливая зелень, или Восстание клерухов	102
Самые новые русские	105

Как присвоить Крым дотла?	108
Жанна Бичевская перепевает Александра Блока	111
Так вы римляне или самозванцы?	114
Имена эпох: между самоназваниями и охулениями	117
Какому государству принадлежит русский язык?	122
Можно ли сравнивать людей с животными?	125
Патриофобия, или Язык без костей	128
Услышать чеченскую речь	132
Где вы берете такую матерную траву?	134
Ложный пафос, или Что случилось с языком после изъятия из русской азбуки фиты?	139
Новое торжество аббревиатур	143
Пустострадания либеральных демократов	146
Политический словарь Валерии Новодворской	149
Как древние греки узнавали правду	153
Фейк, или Зачем лжи новые наряды?	158
Мандил, или Расовая чистота вместо коммунизма	162
Клячи советского апокалипсиса и понятия-невидимки	165
Кто дал санкцию на осквернение высотки?	170
Почему линяют политические колера?	175

Метропропаганда: «Любовь к родине начинается с семьи»	180
Речь в защиту женщин	183
Почему так беспощаден Ленинопад?	184
Шокировать: потрясать, восхищать или ставить в неудобное положение?	186
В защиту доллара	190
Нелайк, или Неполная коммуникация	192
Не думайте на чужом языке	193
Здравствуй, жопа, Новый год!	197
Куба, или Воспитание чувств	200
Импортозамещение: петушиное слово России.....	203
 Глава третья: Матрица нагибалова	
Креветки	207
Уголок оскорбленных чувств	210
Фантасмагория, или Как толкование слова привело к мировой войне?	213
Иммануил Кант и крымская весна	217
Ислам, шум-гам, вигвам	220
Все оттенки черного, серого и красного	223
С полей доносится косплей	227

Сверхновый русский язык уходит от погони	231
Русский язык литовского разлива	235
Ксенонимы, или Пряный посол лицемера	238
Продукты питания для продуктов природы	241
Лексикограф в Аду	245
Невольные проговорки чекистов	250
Топонимы, вызывающие боль	253
Инсинератор для санкционного продукта	257
За что русский язык не любит Москву?	261
Народная пословица, или Неприличный восторг	265
Почему вышел из моды Булат Окуджава	268
Темная сторона Луны	272
Может ли политика испортить жизнь языку?	275
Между игиловцами и скобарями	279
Логика сентиментального бандита	282
Как получить Нобелевку после Светланы Алексиевич	286
Гибридные бюджетники и обманутые пророки	290
Казенный язык	293
Римские слова и русские понятия	296
Третьеримское начальство и его пуллари	299

Что значит слово Париж?	302
Турецкий марш, или Езда в незнаемое	306

Глава четвертая: Непреодолимая мощь штампов

Перед концом эпохи слова переодеваются	311
Так вингсют или бердман?	314
Главное в русском языке в 2015 году	318
Кругом шешнадцать, или Високосная вечность	320
Тонкое и толстое на вашем языке	324
На полпути от Лииньграда к Петербургу	327
Пятнадцатилетняя война	333
Постправда: главное слово 2016 года	336

Эпилог

«Чтобы понять Трампа, учите русский!»	343
Первое модное слово нового политического года	346
Верьте антисемитам и рабовладельцам – они не соврут	349
Обращение автора к читателю	354
Указатель	355

**Во имя живого
и точного понимания**

Андрей Дмитриев

Гасан Чингизович Гусейнов (родился 1953) начинал как специалист в области античной мифологии и литературы. Читателю нелишне знать: в ту пору, когда Гусейнов учился в Московском университете (год окончания – 1975), классическое отделение филфака непререкаемо почиталось (наряду с Отделением структурной и прикладной лингвистики) элитой факультета, да и всех гуманитарных факультетов МГУ. Достаточно сказать, что Гусейнов учился у виднейшего философа, интерпретатора античных и ренессансных смыслов А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи. Начало вышло ярким. Одна за другой (1981, 1982) в Москве выходят книги Гусейнова «Драматургический опыт Платона» и «Орестея» Эсхила. Книга «Аристофан», изданная в 1988 году, сразу стала, говоря сегодняшним языком, бестселлером – и не только в среде специалистов, но и в самых широких читательских слоях. «Аристофан» ценится знатоками и сегодня: на букинистических книжных развалах эта книга стоит недешево. По существу своему, научная биография великого древнегреческого драматурга читается как художественное повествование. Поэтический темперамент Гусейнова потребовал, чтобы слово, независимо от жанра, не только лишь сообщало, описывало и обозначало, но и звучало. Его социальный темперамент захватывал читателя, остро переживавшего историческую бурю второй половины 80-х годов прошлого века: звучание книги с этой бурей явно резонировало.

Развитое изучением древнегреческой философии и драматургии понимание природы конфликта как такового и уже упомянутый социальный темперамент – вынудили ученого вмешаться в конфликты эпохи. Пишущий эти строки был свидетелем настойчивых попыток Гусейнова и его немногочисленных единомышленников предотвратить назревавшее в ту пору кровавое столкновение народов Азербайджана и Армении. Это были не митинговые призывы, но длительная и упрямая работа с людьми, представлявшими активные стороны и группы участников конфликта. Работа, как было ясно уже тогда, обреченная на неудачу, но оттого не менее ценная, вызывающая уважение и взывающая к подражанию.

Похоже, именно в ту пору, все еще называемую эпохой перестройки, круг научных интересов Гусейнова расширился – сообразно расширению круга общественных проблем, все отчетливее обретавших историческое значение. Гусейнов вслушивается в современный ему, стремительно меняющийся и, самое главное, меняющий массовое сознание политический язык. Складывается особая область социолингвистики. Названия книг Гусейнова, вышедших почти за полтора последних десятилетия, говорят сами за себя: «Материалы к русскому политическому словарю XX века», «Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х», «Нулевые на кончике языка: Краткий путеводитель по русскому дискурсу».

Предлагаемая читателю новая книга Гусейнова – это объемный опыт свободного высказывания ученого, литератора и гражданина, отказавшегося от каких-либо жанровых и иных формальных ограничений во имя не линейного, живого,

но и точного понимания исключительно динамичной и разнообразной живой современности языка. Гусейнов приглашает в единомышленники и собеседники своих любимых древних греков – и они, в чем сможет легко убедиться читатель, – охотно и всегда по делу вступают с автором и читателем в разговор. И в каждом фрагменте, в каждом политическом, лингвистическом, научном высказывании, из которых состоит книга, автор реабилитирует придуманную древними греками логику, понемногу убеждая нас в том, что повсеместный отказ от ее преподавания в школах, ее изгнание из языка, из общественного и житейского обихода, быть может, и является причиной из причин всех нынешних тревог и катастроф.

Читать книгу Гусейнова и трудно, и легко, притом, что трудность ее понимания напрямую связана с легкостью ее восприятия. Способ изложения в книге вполне можно, в духе времени, определить так: научность под прикрытием. Обытовленная, то веселая, то яростная речь автора обманчиво настраивает на легкую познавательную прогулку – и очень скоро прогулочное настроение обочивается растерянностью. Каким бы тоном автор ни разговаривал, речь идет о слишком глубоких вещах, обусловленных векторами движения европейской культуры и цивилизации, заданными еще античностью и довольно грубо подправленными нынешней российской социальной и политической ломкой. Из книги видно, как настроения так называемых элит и так называемых маргиналов, сливаясь в интересах исторической минуты, легко ломают традиции и нормы ответственного публичного высказывания, взаимобезопасного общения и общенационального самосохранения, – притом, что эти традиции и нормы художественно устояли после всех революций. Язык, по мысли Гусейнова, не высказанной в лоб, но заявляющей о себе и подтверждаемой в каждом из осмысленных в книге примеров, это во вторую очередь средство коммуникации, тем более, что прямая коммуникация (попросту говоря, понимание) все более затруднена социокультурной несовместимостью носителей языка и небывалой, революционной скоростью перемен, происходящих в языке. Язык – это прежде всего поведение, повадка. Тому, кто убедил большинство принять свое, сколь угодно аномальное, поведение в качестве нормы; тому, кто сумел навязать большинству свою повадку, – принадлежит власть. То есть правят те, на чьем языке – по своей воле или вынужденно – говорит страна.

Современным лингвистам свойственно понимание языка, как саморазвивающейся, свободно меняющейся, своими собственными законами защищенной сущности. Язык, согласно этому пониманию, подобен, допустим, океану, чьи волны и глубины живут, дышат и перемещаются по своим надобностям и законам, неподвластным человеческому вмешательству. Язык сам с собой разберется и не нуждается в защите. Задача, она же счастливая возможность, ученого – наблюдать движение волн языка, его приливы и отливы, заглядывать в его глубины, фиксировать, осмысливать и описывать увиденное. С этим пониманием не поспоришь.

Тем более, что в нем выражена оборонительная позиция ученых перед унылым лицом бюрократии, так или иначе связанной с образованием. Утверждение ученых: «Язык в защите не нуждается и защитит себя сам» – это, по сути, и есть попытка защиты языка от тех, кто безуспешно пытается законсервировать язык в пределах своего, скажем так, коллективного бессознательного... Проблема в том, и это не лингвистическая проблема, что язык – не океан, созданный и существующий по законам природы. Законы истории, общества, законы языка не суть законы природы и даже не тождественны им. Сколько бы мы ни говорили о строении мозга, челюстей и носоглотки, созданных и развитых сообразно законам природы, язык создан не мозгом, как биологическим субъектом, не челюстями и не носоглоткой. Язык создан волей людей к сообществу и развивается сообразно воле людей – к красоте или злодейству, к власти или любви. Язык в своем развитии слишком зависим от преобладания ума или глупости, доброй воли или злой. Язык слишком зависим от случайностей, никакими законами не объяснимых – ну, скажем, от появления на свет Аристофана, и от его судьбы. Умри Аристофан в детстве, что было в ту пору общим местом – язык древних греков был бы другим, а значит, другой была бы их, да и наша, история. Да, миф неизбежен, но писатель, его судьба, его вклад в язык – не неизбежны и слишком зависимы от сознательных и бессознательных усилий огромного количества людей, всего того, что мы зовем жизнью страны. Если бы Пушкина в детстве порол – мы бы никогда не узнали той русской литературы, которую мы знаем, и русский литературный язык был бы иным. Не в силу объективных законов, но в силу разнообразных и печальных обстоятельств нашего развития, а также во имя солидарных и оттого победительных интересов «элит» и маргиналов, Россия едва ли не хором заговорила языком блатной подворотни. Не потому наш словарь стремительно переполняется иностранными словами, что таковы законы взаимодействия языков, а потому, что не мы все эти гаджеты изобрели, даже не мы их производим. Мы отстали – ровно на то количество иностранных слов, которые усвоили за время всех последних технологических революций. В защите нуждается не язык – а люди, носители и создатели языка. В защите нуждаются государство и общество: когда их нравы и отношения станут таковы, что нечему будет ужасаться, – нечему будет ужасаться и в языке. Ну, а поскольку язык репродуцирует, провоцирует и легитимизирует нравы – в защите нуждается и язык.

Таковы предварительные соображения по прочтении замечательной книги Гасана Гусейнова.

Пролог

*«Не верь Троянскому коню,
а верь рекламе Авеню»...
Троянский конь нырнул в метро...
Троянский конь всегда в пальто...
Троянского коня нутро —
бойцы кровавые, иль то,
чем вырвет их на авеню, —
под стать Троянскому коню.
Троянским этого коня
назвали, не спросив меня,
а в Троя страх, и смерть, и вонь
внес Нетроянский этот конь!
Не верь Троянскому коню,
Кассандры верь лаоконью!
В шинель Троянского Пихто
да не оденется никто!
Из конских яблок тут халва,
и третьеримская трава...
Что будет? Сладок молодым
Четвертой Трои смрадный дым!*

О месте Януковича в пищевой цепочке российского премьера

*Робин Бобин Барабек
Скушал сорок человек,
И корову, и быка,
И кривого мясника*

Веселая «английская песенка» Корнея Чуковского под названием «Как надо дразнить обжору» первой приходит в голову, когда слушаешь сообщение об очередном непомерно прозрачном высказывании премьер-министра РФ В. Путина:

«По его словам, украинская сторона „выкатила“ непомерную сумму „\$40-45 млрд за десять лет“. „За эти деньги я бы съел вашего президента и премьер-министра вместе взятых, но не могу, — иронично заметил премьер РФ, добавив, что: — За эти деньги несколько баз можно построить, но для нас главное — это развитие сотрудничества с Украиной“.

Тот, кто подумает, что на премьер-министра РФ снова повлияла «атмосфера» политического хамства, окружающая его итальянского коллегу Сильвио Берлускони, ошибется.

Еще больше ошибется тот, кто заговорит о виртуальном людоедстве «кровавой гевни». Людей у нас, кажется, не едят — не Европа. Мочат, травят, взрывают, но не едят.

Это метафора такая. Некоторые информагентства даже на всякий случай прокомментировали сообщение: «иронично заметил». А раз иронично, значит, подтекст какой-то должен быть. Какой?

Что Виктор Янукович мужчина большой и питательный, это и так видно. Пусть не такой нежный, как Юлия Тимошенко, он все же питательнее, чем был предположительно отравленный диоксидами Виктор Ющенко. То есть сама готовность тем или иным образом съесть такого человека собеседнику В. В. Путина должна быть понятна. Собеседник может не соглашаться с формой высказывания, но в направлении метафорической пищевой цепочки никаких сомнений быть не должно.

Слово «съесть» здесь термин не гастрономический (как бы питателен ни был свежизбранный президент Янукович), а чисто бюрократический. В русском обиходе «съесть», например, начальника — значит добиться его отставки и самому сесть на его место.

Поэтому слова Путина «съем вашего президента с премьер-министром в придачу» означают: «Да, сегодня вся ваша дэржава, друзья, этих 45 млрд долларов просто не стоит. И мы вас пока не покупаем — мы вам корму подсыпаем просто, заботимся о вашем развитии».

Ведь премьер-министр РФ помнит продолжение песенки про Робина Бобина Барабека, который съел:

*...И телегу, и дугу,
И метлу, и кочергу,
Скушал церковь, скушал дом
И кузницу с кузнецом...*

А потом и говорит:
«Съел бы, но не могу».

30 апреля 2010

Фальшивый май

Громкие слова всегда фальшивы. Но ложь одних — безобидна. Например, «Новый год». Ну что в нем нового? Только цифра. Так она каждый день новая, и в этом нет ничего нового. Но есть национальные торжества, которые только прячутся за значительным историческим событием и ключевым словом. Иногда их удается привязать к традиционным религиозным праздникам, и тогда эта фальшь забывается сезонной истиной.

«День международной солидарности трудящихся» (или как он там сейчас официально называется). Сколько в этих словах правды? Конечно, трудящиеся — это правда. Даже читать эти строчки для некоторых — некупаемый умственный труд. А вот солидарности между трудящимися не просматривается. В стране, где фактически нет профсоюзов, а население ждет милостей от жирных взаимооблажающих котов: государства и крупного бизнеса, — любые разговоры о солидарности — просто вранье. Тем более о международной.

С международной совсем плохо. Особенно в так называемый День Победы.

Не хочется никого обижать. Отец моей матери погиб на фронте. Язык не поворачивается назвать дедом человека, которого убили

на войне молодым задолго до моего рождения, хотя формально это и правильно. Как формально правильно сказать, что СССР победил в войне с нацистской Германией. А вот формулировка «день победы советского народа» — пропагандистская утка, запущенная Сталиным и до сих пор совершающая свой полет. Это была победа антигитлеровской коалиции. Вклад СССР был великим и решающим. Но великим и решающим был и вклад союзников — США и Великобритании. Эту правду понимали все фронтовики и все голодавшие и бедовавшие в тылу. Особенно те, кто оказался в плену, а потом попал за это в сталинские лагеря. Особенно те, кто потерял на фронте конечности и был после войны отправлен с глаз долой — чтобы не попадаться на глаза в больших городах. Иначе говоря, советский народ, как многократно доказано всей последующей историей СССР, никакой победы не одержал. Сталин победил, а народ выжил. Но празднуется День Победы, а не День Выживания.

Это был великий день окончания войны. Одних он овеял славой, с других смыл позор двухлетнего союза с Гитлером в начале Второй мировой войны. Но третьим он принес новые бедствия, потому что под гром победного салюта репрессии в СССР развернулись с новой свирепостью, и даже смерть Сталина в 1953 году не могла остановить тупого маховика победоносности. Советская армия начала выполнять карательные функции — не только в Венгрии 1956 года и в Чехословакии 1968-го, но и в Афганистане 1979-го, и, наконец, на своей территории — начиная с подавления восстаний в лагерях или в Новочеркасске и кончая славной победой над превосходящими силами грузинской армады два года назад.

В редкие годы, когда День Победы приближается к Пасхе, в нем остается что-то человеческое — как в дне поминовения погибших. Но чем меньше остается свидетелей той войны, тем больше наглости у тех, кто превращает этот день в пропагандистский гала-концерт с Георгиевской лентой вместо серпантина. С 1965 года гром победы раздавался все громче, а от страны-победительницы почему-то оставалось все меньше.

В 1922 году, когда СССР только начинал помогать переоснащать разгромленную в Первой мировой войне Германию, Владислав Ходасевич написал о музах войны и истории:

*Людские войны и союзы
Бывало, славили они;
Разочарованные музы
Припомнили им эти дни —*

*И ныне, гордые, составить
Два правила велели впродь:
Раз: победителей не славить.
Два: побежденных не жалеть.*

Коктейль из ложной жалости к распущенному СССР и фальшивых славословий сталинской победе — слишком крепкое питье для политически незрелого российского общества. Он мешает нынешнему политическому классу страны трезво осмыслить современное положение Российской Федерации. Новую демократическую государственность России приходится строить после глобального поражения сталинской империи. Ей нужны трезвые союзники, помощники и работники.

25 мая 2015

Геополитический урок для России

Слово «геополитика» используется в современной России вот в каком значении: это политические отношения лидеров крупных держав, позволяющие этим лидерам игнорировать интересы малых стран и манипулировать собственным населением с помощью медийного и полицейского устрашения. Первая часть сложного слова «геополитика» одновременно указывает на географию и на геологию.

С какой же стати выстроенный, по большей части, хронологически сборник интервью и статей поэта и литературоведа Томаса Венцлова (род. в 1937 году) о поэтах и филологах, о цензуре и самиздате, об удачничестве и невезучести, о рациональности и предположительной, но не мистической, неизбежности, — с какой стати эти 600 страниц плотного гуманитарного текста я предлагаю читать как геополитический урок для России?¹

Те, кому книга адресована прямо, найдут в ней историю восточно-европейских (включая русскую) литератур второй половины 20 и начала 21 века. Здесь не только портреты писателей и

---

¹ Томас Венцлова. Пограничье. Публицистика разных лет. Редактор-составитель: Игорь Булатовский. Переводчики: Герасимова Анна, Доброхотова-Майкова Екатерина Михайловна, Прокопович Наталья. ИД Ивана Лимбаха, 2015, 640 с. ISBN: 978-5-89059-224-8

филологов от Чеслава Милоша и Ю.М.Лотмана до Льва Лосева и Е.Г.Эткинда, но и анализ теперь уже невидимых и совсем мало понятных нынешнему поколению связей людей культуры, существовавшей в 1950-1990-е годы в западной части постсоветского пространства. Сын преуспевавшего советского классика и диссидент первого призыва, «ярко выраженная» (как тогда говорили) «пятая колонна» (как тогда еще не говорили), Венцлова каким-то чудом сохранил четыре черты, которые пронизывают всю книгу – сдержанность в оценках противников, постоянство личного поэтического приоритета над карьерными и политическими суждениями, уважение к чужому достоинству, космополитизм, включающий симпатию к «последнему» национальному меньшинству – одному человеку, и лишь постольку – к его так называемой национальной идентичности.

Книга, которую составил, отредактировал и снабдил чрезвычайно полезными комментариями Игорь Булатовский, это на три пятых – переводы с литовского, английского, польского. Примерно пятая часть – статьи, написанные на русском языке. Русский у Венцлова не менее родной, чем литовский и польский. Человек трех родных языков, которым в эмиграции больше помогал, чем мешал английский, Венцлова больше всего размышляет о том, что случилось недавно, на нашей памяти, и что случалось на протяжении жизни трех-четырех предшествовавших поколений с языками людей и языками культур огромного и вместе обозримого мира между Балтийским и Черным морями, который из Москвы, из Кремля, из советских и русских школ никогда не виделся иначе, чем просто «пограничье» между «основной» Европой и нашим советско-имперским материком.

Помню, как один бывший германский посол на представительной русско-немецкой конференции про «диалог культур» брякнул что мы, мол, «великие народы-соседи». Хорошо, нет хоррроршоу помню, как переглянулись присутствовавшие поляк и венгр.

Поэтому буду говорить не о том, что тихо пишет и вполголоса произносит Томас Венцлова, а о том, что носитель критического, а значит, рефлектирующего и интроспектирующего, почти инспектирующего себя сознания, должен был бы прокричать сегодня, чтобы докричаться до «мохнатых ушей». Тщетно шептали и пели в эти уши в 1960-1970-х Галич или Высоцкий.

Венцлова внушает русскому культурному сознанию опорные точки для понимания человеческой, эмоциональной и интеллек-

туальной общности, которая должна была бы просто помочь ныне живущим в бывшем СССР поколениям отказаться от особого рода добровольной слепоты, или, может быть, слабovidения. Эта установка на себе, на собственном пупе заставило бывшее население имперской метрополии изолировать себя от всех своих непосредственных соседей. Ничего и никого больше не читая и не желая знать всех этих вчерашних колониальных «националов», «русский мир» и не может довольно агрессивно не хотеть понимать неинтересных, завистливых, малочисленных, вечно держащих за пазухой камень «прибалтов» и неверных «братьев-славян». Легче принять советский цензурный ад и его язык – «деградировавший, униженный, подкупленный» (с. 342, 1990 г.), чем признаться себе в старой привычке не знать и презирать своих соседей за то, что они – твои бывшие колонии, вернее – бывшие недостойные рабы твоей великой культуры, которую в минуту слабости «предали» и теперь стали невольными, может быть, союзниками врагов нашей культурной самобытности и уникальности.

Венцлова пишет, как угнетенные или даже не очень сурово взнуданные Советами и старой Россией в культурном и политическом отношении народы Восточной Европы доходили до истин новой социальности – иногда довольно нехитрых, – без которых наша постимперская метрополия по-прежнему хочет обойтись.

Одна из таких истин новой социальности – автономия непубличного человека. Не столько поэта, сколько читателя. Книга Венцлова – это в большей степени самоотчет читателя, чем писателя. Автор предлагает в ней читать его биографию как движущийся во времени пучок социальных связей: со старшими коллегами по разным цехам – правозащитному, поэтическому, академическому, в разных городах – Вильнюсе, Тарту, Ленинграде, Москве. Как только он говорит как литовец, выясняется, что в фокусе внимания не он сам, а его собеседник – русский, поляк или еврей. Живя в Америке, думает о Европе. Оказавшись в Париже, радуется, наблюдая живого русского европейца (в Ефиме Эткинде) и прикидывая, как и почему эта закваска, которую так давно и пристально изучил автор «Русских поэтов-переводчиков от Тредиаковского до Пушкина», все никак не начнет бродить в России.

В диалоге с Викторией Ивлевой Венцлова приводит свой, кажется, знаменитый центон из Блока и Пастернака:

*Грешить бесстыдно, беспробудно,
Потом достать чернил и плакать,
И головой, от хмеля трудной,
Упасть в грохочущую слякоть.*
(с. 473, 2007 г.)

Может быть, рациональная разгадка этой притерпелости к меланхолическому параличу политической воли – в слишком большом художественном своеволии, которое мешает выйти и из воронки самоизоляции? В отсутствии пресловутой «осознанной необходимости», которая определяет дисциплину управления и подчинения? В отсутствии трезвости? В том числе относительно культурного самоопределения на местности.

Прочитав книгу Венцлова, я понял и одну из, по-моему, главных причин, по которой агрессия Российской Федерации против Украины ни в самой РФ, ни даже многими в Украине не воспринимается во всем ее глобальном значении. В Москве просто не слышат чужой речи. Не понимают, как это у самых границ их страны, где прокуратура и казаки с нагайками контролируют девичьи танцы, может быть другая жизнь. Так бывает. Глухота обиды, стресса, бешеное культурное одиночество. Хотя рядом – вот она, многоязыкая культурная среда, свободно плавающая в русском языке, в русской литературе, в русской культуре. А ты – не видишь и не слышишь ее.

1 ноября 2012

Психологически важная черта

21.02.2012 Pussy Riot проводят панк-молебен в Храме Христа Спасителя.

3.03.2012 Арестованы Надежда Толоконникова и Мария АЛЕХИНА.

16.03.2012 Арестована Екатерина Самуцевич.

17.08.2012 Участницы группы приговорены к двум годам колонии.

Когда будут писать историю русского политического языка, обязательно воспользуются точными методами. Некоторые

пользуются этими точными методами уже и сейчас, хоть это и хлопотно.

Молодой лингвист Борис Орехов составил хитроумную программу и выявил ключевые слова десятилетия в одном из самых популярных российских новостных изданий — на Ленте.Ру. Есть такие слова, что еще не вошли в словари русского языка, но успели стать ключевыми в первом десятилетии 21-го века. Почему мы зовем их ключевыми? В том числе потому, что употребляются в хвост и в гриву и без всяких объяснений — все понимают, о чем идет речь. А первые среди этих слов в России минувшего десятилетия — пренебрежительные. Одно — официальное. Это слово «спецоперация». А другое — жаргонное. Это слово «откат».

Слово «спецоперация» до обидного полно выражает содержание российской политики.

Слово «откат» до обидного полно выражает содержание российской экономики.

В самом деле, у нас ведь всё — «спецоперация»: не только борьба с террористами, но и выборы — спецоперация по имитации выборов, и создание разрешенных оппозиционных партий — спецоперация, и борьба с диссидентами — спецоперация.

Но это — моя эмоциональная оценка достижению точной науки.

По-настоящему понимаем и познаем мы, увы, только уже прошедшее. А жить-то хочется дальше. И вот приходится прогнозировать даже словарь. В переводе с греческого это значит «предугадывать». Какие там новые слова возникнут, сказать не берусь. Но есть ведь и старые ключевые слова.

В порядке такого предугадывания рискну и скажу, что ключевым словом октября 2012 года, возможно, станет выражение «явка с повинной». В истории России на нем висит столько всякой гадости, что даже о самом начале разбирательства говорить рано.

Являлись в повинку и при Царе Горохе. Вообще, при царях. Когда было «слово и дело государево». Сам придешь и — даже ни в чем не виновный! — оговоришь себя первым, т.е. до того, как это сделает какой-нибудь доносчик, и чуть-чуть тебе вроде бы послабление выйдет. Так — убили бы, а эдак — только на каторгу закатают.

И такая эта сильная дискурсивная вещь, что и властители, хозяева жизни ею пробавляются. Но сами этого не замечают. Потому что охамели очень. Т.е. оборзели. Т.е. решили, что, вот поскольку им все можно, а являться с повинной им вроде бы и не к кому, то их признания — не в счет.

А вот и нет. Просто счет этот ведется по другой программе. Никто вас к ответственности пока и не призывает. Нету у нас такой компетенции. Но у нас есть компетенция понимать ваш язык. Давайте я вам сейчас покажу, как организуют явку с повинной наши доблестные гаишники. Это самый простой пример. Несколько дней подряд из разных городов страны приходили пренеприятные известия – то пьяный полицейский сбил на переходе бабушку, то просто пьяный убил на своей машине пять человек на автобусной остановке. Некоторые даже думали, что это команда сверху поступила – сделать достоянием гласности такое вот очевидное безобразие, отвлечь, дескать, народ от настоящих политических новостей.

И вот объявляют рейд. Спецоперация по выявлению и задержанию пьяниц за рулем. Тут надо понимать, что пьяный за рулем – это покушающийся на убийство. Ну, гаишники, понятное дело, эту спецоперацию организуют. И на следующий же день рапортуют: полторы тысячи пьяных задержали в одной Москве за один ночной рейд. Бывает, у человека от излишнего рвения штаны лопаются на самом интересном месте. Это вот такое сообщение и есть.

Не заметили люди, что явку с повинной себе сами нарисовали. Кто-нибудь из математиков и экономистов мог бы даже составить сводку потерь гаишников от неуплаты задержанными взяток за привычное, обычное, рутинное освобождение от ответственности за езду в пьяном виде на темной улице.

Что тут получилось? Какая-то, как теперь говорят, «психологически важная» черта оказалась взломана. Два убийства пьяным водителем на остановке в неделю и одно убийство пьяным полицейским на «зебре» в неделю – это можно, а вот три и четыре – уже много. Потому что тогда организованная преступная деятельность сотрудников госавтоинспекции – сбор денег с преступников за освобождение от наказания – может стать политикой. Большой политикой, за которую вас уже не синими ведерками будут троллить, а чем-нибудь покрепче.

Слушаем дальше. Президент ядерной сверхдержавы и самой большой по площади страны современного мира публично комментирует приговор трем совсем еще молодым женщинам. У которых нет судимостей, но есть маленькие дети. Их как раз приговорили за якобы совершенное хулиганство в церкви к двум годам тюремного заключения. Судья и прокуроры убедили «потерпевших», что те испытали такие моральные муки, что виноватых

надо в тюрьму посадить. Какое выражение выбирает юрист по образованию и штирлиц по опыту работы, чтобы этот карательный приговор назвать и оправдать? Информагентства передали вот такой текст:

«Он также обвинил сторонников Pussy Riot в том, что дело „стали раскручивать“ и „докатали до суда“. „А суд вlepил им двушечку. Я здесь ни при чем. Они этого хотели, они это получили“, — заявил президент».

Вот такое дело: они «докатали до суда», а «суд вlepил им двушечку». И эта «двушечка», как полторы тысячи потенциальных убийц на московских улицах, которых за один день изловила мужественная и неподкупная госавтоинспекция, — самая настоящая явка с повинной. Разберем ее поподробнее. Она того стоит. Все-таки и президент — живые люди, и спичрайтеры ихние, наверняка, обсуждают каждое слово.

Придуманный очередной публичный хамизм, как бы так попонятнее для спичрайтеров и спикера выразиться? А вот как — «не катит». Вернее, конечно, катит, но не туда, куда хотел бы оратор.

Итак, начнем с «двушечки». Не исключено, что на жаргоне людей, занятых в России отправлением правосудия, есть такое слово. Оно означает много чего. Прежде всего, то, что сам приговор такой — два года колонии — это мелочь, пустяк. В самом деле, у карателей, которые могли бы и «пятерку» дать, и «семьку», два года — это почти как год для друга Берлускони — ничто. Такое каратели и дают ни за что. Вот только не дают, а «влепляют». Значит, высказывание это — незаметно для оратора! — содержит и утверждение, что сделано все было не по закону, т.е. не по настоящему закону. Именно что «влепили». По понятиям карательной корпорации. А дальше, конечно, и без глума не обошлось. «Я тут ни при чем», — зачем-то добавил *вошть*. Ну, во-первых, с чего бы это президенту атомной сверхдержавы оправдываться? Неспровоцированные оправдания только усугубляют подозрения. Ведь тем, кто следил за процессом, это больше всего и запомнилось — и в суде первой инстанции, и в суде второй. Ведь это ж было единственное, в чем имелся реальный состав «преступления»! Цель панк-молебна была упросить Богородицу прогнать Владимира Владимировича Путина с политической сцены, а также привлечь к ответственности господина Гундяева. Последний как раз накануне панк-молебна злоупотребил своим служебным положением стоящего на

божественном хозяйстве и даже призвал своих подчиненных голосовать за вышеназванного политика.

В эпоху «спецопераций» и «откатов» такие действия даром не проходят.

Что слово здесь – действие, поступок, – ни у кого сомнения не вызывает. Как «партия жуликов и воров», так и «Богородица, Путина прогони!» уже стали мемами нашего времени. Они мне тоже ужас как не нравятся. Но «ПЖиВ» уже никуда из истории не денется, пусть даже большинство рядовых членов «Единой России» окажутся честными людьми. И «Богородица, Путина прогони!» будет звучать чаще благословений, даже если иерархи церкви столь же тверды в вере, сколь глава государства тверд в следовании духу и букве закона.

Возникает вопрос, как же так? Почему не доглядели спичрайтеры, ведь в шесть глаз читают! У меня объяснение только одно. Трудящимся, лет уже -надцать как, внушили, что чекистов бывших не бывает. А чекисты – народ суеверный. С учетом симфонии светских и духовных властей это означает, что обижено начальство крепко. И хотело бы высказаться шире, в бога-душу-мать высказаться. Но материться у нас нельзя. Закон не позволяет. А ругнуться хочется. Вот и остается вместо языка закона блатной жаргон юристов.

Аметистовый куст

Псевдоцентон памяти М.Л.Г.

*Когда амфибрахия дроги
вернутся с погоста, пусты,
кудрявые Греции боги
займут боевые посты,
и жизни закончится тряска,
из куля сольется иссык,
безвыходно, скользко и вязко
гадюка вопьется в язык.*

Хулиган и балаклава

Все знают русские слова *мерси* и *пардон*. Да нет, скажут нам, они французские. Да, взяты из французского, но стали русскими. Как и когда слово становится своим? Говорят, тогда, когда оно просто перестает восприниматься как чужое. Например, попадает в стихи.

Как живете, караси? Ничего себе, мерси.

Вот и все. Валентин Катаев в шутку написал, Владимир Маяковский продекламировал. И слово стало русским.

Но как бы не так. Всякий помнит, что его нам когда-то давно француз подарил. И сейчас, когда хотят поблагодарить без излишнего пафоса, да даже и с иронией, за какую-нибудь приятную безделицу, скажут «мерси».

Но есть и слово «мерсикать» – не просто благодарить, а лебезить, сыпать благодарностями там, где не нужно.

Итак, заимствуемое слово заполняет какую-то новую нишу. Новое слово раздвигает стены твоего дома. Но вот – сказал так и сразу сам почувствовал фальшь. Слишком уж пафосно, как говорят некоторые. Мы живем во времена другие. Похожие, конечно, бывали, когда приход новых слов из чужого языка кажется агрессией. Ручеек превращается в сель. Сейчас такая агрессия наблюдается аж с трех сторон.

Очень много англицизмов-американизмов. Это раз. Очень много слов церковных – где своих, старых-престарых, а где и каких-то сварганенных для текущих нужд. Это – два. Ну, и очень много слов матерных. Это три. Матерные, правда, мало для кого новые. Но в таком широком открытом обиходе оно все-таки наблюдается впервые.

Давайте посмотрим с этой, только языковой, стороны на дело Пусси Райот.

Само название группы, само это имя уже вошло в русскую историю XXI века. Как только его ни переводили – от «бунтующих пиписек» до «кошачьего восстания» – все напрасно: в русский язык вошло именно английское слово, причем тоже в разных вариантах – от Пуссирайотов до пусечек.

А рядом с этим трудным словом в ходе процесса потрясенные россияне попробовали на зуб и старо-новые слова из церковного обихода. Ну, амвон и алтарь в пассивном словаре присутствовали

испокон веку. Однако же алтарник, свечница или солей (она же солея) большинству носителей русского языка внове. Эта новизна сыграла с некоторыми довольно злую шутку. Они решили, что сами эти слова, а также обозначаемые ими предметы – ступеньки в храме, ведущие к алтарю, – это и есть святыя святых. Перво-бытный страх перед таинственным словом некоторые приняли за глубину веры. Женщина вошла на солею! Да ты ж еще вчера не знал, что такое эта самая солея!

Не забыть нам и два английских слова, сыгравших, можно сказать, роковую роль в процессе над панк-группой Пусси Райот. Это слова *балаклава* и *хулиган*. Хотя Балаклава – район Севастополя, а в столице России имеется Балаклавский проспект, само слово *балаклава* для обозначения ныне знаменитого головного убора пришло из английского языка. Английские словари говорят, что, хотя слово это и возникло в разгар Крымской войны, когда замерзавшим английским солдатам заботливые соотечественницы присылали эти самые шапки, все-таки в английский обиход оно вошло спустя несколько десятилетий – в 70-х годах XIX в. А в русском угнездилося вот только что. Если дела пойдут дальше в духе процесса над группой Пусси Райот, то слово балаклава войдет и в юридический словарь. Подобно своему далекому английскому предшественнику – слову *хулиган*.

Культурные люди в России любят ссылаться на словарь Даля. Чуть что – забираются в Даля и на основании пересказа словарной статьи патрона всех русских лексикографов выносят суждение о чем угодно. Так вот, слова *хулиган* у Даля еще нет. На этом самом месте стоит другое заимствование с совсем другим значением – из немецкого: слово *хубли*. Его сейчас никто не знает, да и во времена Даля понимали только узкие специалисты. Что-то вроде рубанка для спрессованной бумаги.

Некоторые читатели и слушатели могут решить, что я так хулиганю, что никакого *хубли* у Даля нет. Но оно есть. И я не хулиганю. Это язык так хитро устроен. Всякий язык.

Все знают, что слово – серебро, а молчанье – золото. Но не все додумывают эту верную мысль до конца. Стоит только захотеть заставить других людей поклониться слову – высокому, достойному и со всех сторон прекрасному, – как услышишь в ответ брань. Недаром самую крепкую, богохульную ругань по-русски называют «в бога душу мать», в «бога и богородицу». И это вовсе не потому, что русские – большие богохульники, чем прочие.

А просто те, кому можно было выступать от имени церкви, этим свои правом злоупотребляли. Традиция такая. Гордыня обуревают прежде, чем успеваешь прочитать «Отче наш!»

Крестьянин – христианин! – может, и не хотел бы, но язык сильнее человека – особенно того лжеца, который пустосвятствует. Или обманывает простаков ученым словом.

В марте 1971 года Владимира Константиновича Буковского, уже известного диссидента, который впервые сел за антисоветскую деятельность еще подростком, обвинили в «злостном хулиганстве». В тюрьму и лагерь на семь лет Буковского отправили, правда, по статье «антисоветская агитация и пропаганда». Но и 5 лет спустя, снова объявив известным и никому не нужным «хулиганом», Буковского обменяли на лидера компартии Чили Луиса Корвалана. Тогда-то в народ и пошла частушка:

*Обменяли хулигана
на Луиса Корвалана.
Где б найти такую блядь,
чтоб на Брежнева сменять.*

Конечно, пардон, граждане, что такие нехорошие слова употребить пришлось. Но из песни слова не выкинешь.

1 ноября 2012

Болезни языка: американка, духовка и уголовка

Вот уж двадцать лет как люди жалуются, что много стало американизмов. Причем всяких – то здание правительства по-американски назовут Белым домом, то депутатов верхней палаты Федерального собрания – сенаторами. Хотя слова «сенатор» в официальном русском политическом языке нет. Приходило в него во времена империи, но в двадцатом веке ушло. Уже не говорю о «клининге» вместо «мытья полов», «менеджерах по продажам» вместо «продавцов». Говорят, что болезнь такая напала. Американка называется.

Во Франции ее научились не замечать. Или даже перестали считать болезнью. Тихо включают в словари американизмы, при-

шедшие из интернетной жизни. Кажется, на этом сходство русских лингвистических недугов с французскими кончается.

Идем дальше. Многие жалуются, что для описания гражданской жизни в России нужно уж больно много слов из уголовного жаргона. Не «взятка», а «откат», не «покровительство», а «крыша». И даже название у этой болезни есть: блатняк, или уголовка называется. Значит, две так называемые болезни уже есть. Загинаем пальцы, как говорил мне сержант Таманской дивизии на школьных военных сборах в 1967 году.

Третья история пока вроде бы не ощущается как болезнь. Наоборот, многим даже нравится. Это – слова и словечки из церковного обихода. Во время процесса над Пусси Райот весь народ узнал греческое слово *солея*. Сейчас набегут и скажут, что оно всегда было. Ну, допустим. Было, конечно. Просто почти никто и не знал его и даже не слышал о его существовании. В обиходе его не было. А тут оно не просто появилось, это место перед алтарем, а сразу оказалось «священной солеёй». Такой штукой, на которую «не положено вступать женщине». Это в светском государстве вещь новая, что куда-то женщине ступить нельзя.

С одной стороны, всякому вежливому человеку понятно, что алтарь в церкви – место не для посетителя, тем более – не для прихожанина. Даже, скорее, праздному посетителю его могут показать: ведь для него это только любопытный культурный объект, а не святое место. Поэтому посетители церквей как-то смирились с мыслью, что мужчине по каким-то причинам туда нельзя входить в головном уборе, а женщине нельзя входить без головного убора. У евреев и мусульман – наоборот. И к этому нужно относиться с полным уважением. Возможно, сверху не видно, кто мужчина, а кто женщина. Не по копытам же считать.

Как бы то ни было, но некоторые граждане за десятилетия безбожности и бездуховности поотвыкли от таких возвышенных выражений. Обращение «отец», или, например, словечко «старик», употребляли либо в прямом, либо в переносном смысле. Кто мог подумать еще 20 лет назад, что вернутся времена, когда «отцами» начнут публично называть малознакомых мужиков в бородах и рясах.

А походы в церковь или на кладбище из частного дела вдруг превратятся в государственные мероприятия.

Настоящие лица духовного звания недовольны. И прихожане, которые в свое время подвергались преследованиям за принад-

лежность к церкви, говорят, тоже zelo переживают. Мол, наступили новые времена, и от имени «духовки» заголосили даже недавние уголовные авторитеты. В общественный обиход разные свечники, алтарники и охранники натаскали слов с последствиями – тут тебе и «кошунник», и «богохульник», и «священноначалие». Быстро выяснилось, что все это слова с последствиями для подсудимых. Даже анекдоты появились: девушка уходит на свадьбу подруги и хочет одолжить у мамы пистолет, по-нашему говоря, *травматику*, – пострелять из свадебного кортежа. Бери, говорит мама, только в церкви не пой!

Стало быть, три у нас лингвистические болезни получают. Духовка, американка и уголовка. Как и почему они сблизилась? Вроде бы, на первый взгляд, волк, коза и капуста. Никак не получается перевезти их в одной лодке, а все-таки – плывут.

Почему?

Наука, несомненно, когда-нибудь ответит на этот вопрос. Но и нам, современникам, нужна правдоподобная гипотеза. Например, такая.

За кем повторяют новые слова дети, подростки? За дворовыми авторитетами. За кем повторяют модные словечки студенты или читатели журналов? За авторитетами телеэкрана и глянца! За популярными телеведущими и акулами пера. За кем повторяют слова капитаны финансовой индустрии? За теми авторитетами, что печатает их деньги и хранят их сбережения – американскими политиками, бизнесменами и финансистами.

Стало быть, просто авторитеты в стране очень разные. Не у разных групп населения, а буквально у каждого. Вот сидит такой старший помощник младшего брокера, глубоко верующий менеджер по клинингу среднего звена. И по духовной части у него все пучком, и по служебной налаживается, и кое-чем для крыши поступиться не грех. Да на то и духовник, чтобы грешок отпустить. Может быть, это и есть гармония новой социальности?

Слово *гармония* – греческое. Оно восходит к глаголу, обозначающему сплачивание, сколачивание, соединение. Поэтому гармонично, как теперь говорят, «по ходу», только то, что составлено из совсем разных частей, из непохожего. Но составлено так, что устраивает всех. Это непохожее согласовано, сбито, сколочено. Конечно, эту гармонию можно развалить, и тогда наступает дисгармония.

Осталось только понять, три наши лингвистические болезни – духовка, уголовка и американка – это что? Гармония или дис-

гармония? Наш глубоко верующий, проклинающий кощунников и всегда вовремя приходящий на стрелку с крышей менеджер по клинингу — да он даже не поймет, на что вы жалуетесь. Ведь жалуетесь вы не на язык, вы жалуетесь на жизнь. А другому поколению просто удобнее так говорить. Вам — цитировать пушкинские «странные сближенья». Им переживать их. Как сказал Козьма Прутков,

*Тебе и горький хрен — малина,
а мне и бланманже — полынь.*

17 ноября 2012

Ленинградцы, алжирки, сайгонцы

Соединенные Штаты Америки. Штат Луизиана. Новый Орлеан. Отсюда, с конференции Американской ассоциации славистов, я веду сегодня репортаж о русском языке. Правда, вокруг — французские названия. Например, улица, на которой я поселился в Новом Орлеане, называется рю Декатур. Рю Декатур пересекает исторический Французский квартал. В трехстах метрах — берег реки Миссисипи. На другом берегу — туда пешеходов бесплатно возит паром — район Нового Орлеана, который называется Алжир. Ну, понятное дело. Топонимическая модель, привезенная из Европы.

В русских гимназиях, а какое-то время, пока географию еще преподавали, — и в советской общеобразовательной школе, последние парты в классе называли Камчаткой. Микротопонимика огромных империй. Она прodelывает с людьми и с целыми поколениями удивительные вещи.

В Москве «Тайванем» называлась пивная, находившаяся недалеко от Китайского посольства. Так ее прозвали студенты МГУ. Китайская Народная Республика была государством коммунистическим. Но на памяти поколения, которое выросло в хрущевское и брежневское время, все-таки КНР и СССР враждовали. Андрей Амальрик в своем пророческом трактате «Просуществует ли СССР до 1984 года?» ошибся в том, что назвал Китай могильщиком Советского Союза. Но не ошибся в том, что СССР перестанет существовать. При чем тут московский народный микротопоним Тайвань?

А вот при чем. В Ленинграде «Сайгоном» называли кафе на углу Владимирской и Невского, которое граничило со всей советской пропагандистской машиной. Все советские люди тогда следили за так называемой героической борьбой народа Северного Вьетнама со столицей в Ханое с Южным Вьетнамом со столицей в Сайгоне. Северян поддерживали СССР и Китай, южан – американцы. Советские отщепенцы, диссиденты и прочая либеральная шантрапа инстинктивно отвергали эту пропаганду. Я сейчас не говорю об исторической и политической уместности инстинктивных реакций и действий. Я говорю только о языке. У той части общества, которая пыталась мыслить самостоятельно, не было площадки для публичного говорения. А средства для высказывания – были. Поэтому политический вывод – в виде названия забегаловки – оказывался одновременно таким энигматичным, или нарочито загадочным, и таким абсолютно понятным и прозрачным. Да, эфемерным, но все-таки долетевшим до наших дней.

Почему Сайгон? Да потому что не Ханой. Сейчас уже и Сайгон для многих – топоним-загадка: столицу Южного Вьетнама сразу после захвата северянами переименовали в 1976 году в Хошимин – в честь покойного главы компартии Вьетнама.

Почему Тайвань? Да потому что сказать вслух «чума на оба ваших дома» об этом противостоянии СССР и Китая язык не поворачивался, а вот географическая и политическая альтернатива называлась коротко и ясно – «Тайвань». Тоже Китай, но, видимо, буржуазный. А раз буржуазный, значит, с тогдашней вполне либеральной точки зрения, – более человечный.

А вот с Алжиром в России не задалось.

У нас Алжиром называлось нечто иное.

Акмолинский лагерь жен изменников родины. Когда будут издавать исторический словарь живого русского языка XX века, эта аббревиатура непременно займет там свое место.

Там будет место и для Индии – чумного лагерного барака. Да простят нас индийские братья и сестры, но и слово «индус» в русском политическом словаре привязано к истории истребления крестьянства в СССР. Даже в русскую поэзию – в «Страну Муравью» А.Твардовского вошло это название «единоличника», застрявшего между раскулачиванием и коллективизацией.

*И подхватила женщина,
Припав к щеке рукой:*

— *Индусы называемся,
Индусы, дорогой...*
— *Выходит, бесколхозные, —
Вздыхнул с усмешкой дед. —
Сошлись жуки навозные,
Гудят, а кучи нет...*

В начале 1930-х, когда опухшие и почерневшие от голода «индусы» появились на улицах советских городов, этот этноним и топоним архипелага ГУЛлаг пошел в дело. К 1936-му, когда Твардовский писал «Страну Муравию», дело уже было сделано.

Прожил «индус», надо сказать, недолго. Но он был. Сейчас о его бытии вспоминать не хочется. Но приходится. Сейчас «индусов» называют «бомжами».

Психологически оно понятно. Лучше бы вовсе не видеть этих людей. Детские воспоминания об опыте встречи с голодавшими в конце 1920-х — начале 1930-х гг. — в Поволжье или Украине — слабые: родители маленьких горожан тянули своих детей прочь. Голодающие ведь не наши сограждане (тогда еще и паспортов общегражданских у людей не было), они как бы инопланетяне. Они — чужие, не такие, как ты и я. Так соединяется казенная аббревиатура с почти шутивным описанием внешнего вида. Сейчас точно так же, как тогда, матери оттягивают детей от бедомахов, с опухшими синими лицами людей.

Один поэт, которого уже нет на свете, напечатал стихотворение, в котором объявил бомжа не человеком, а угрозой себе. Инопланетянином. Опасным, страшным. Не жертвой экономического кризиса. Не людьми, вытолкнутыми обстоятельствами жизни за пределы привычной и уютной социальности, а новыми сущностями. Бомж не человек. Это — мутант. Как алжирки — жены, дочери и матери «врагов народа», прокаженные и зачумленные своей политической долей.

Таких коварных слов в языке немало.

Иду, размышляя об этом, по улице Декатур.

В зале регистрации конференции встречаю замечательного питерского историка Б.К.

— Ты откуда прилетел? Из Англии? — спрашиваю.

— Да нет, из Ленинграда!

Рядом с нами — немецкая исследовательница современной русской культуры.

— Как интересно! — говорит она. — Разве сейчас говорят «Ленинград»?

— Говорят, говорят, — успокаивает ее историк. — «Санкт-Петербург» успел стать чужим топонимом. А Ленинград — пусть только для людей нашего поколения! — остается своим не потому, что кто-то продолжает чтить Ленина-гриба, Ленина-персонажа анекдотов, Ленина-палача. А потому, что историческое имя Санкт-Петербурга присвоили себе люди, по мере сил истребляющие историческую память. Идейные наследники тех чекистских тварей, которые всего одно-два поколения назад занимались планомерным истреблением людей в этом, как они его называли, «городе на Неве».

Как Миссисипи разделяет Французский квартал Нового Орлеана и Алжир, так и последние лет пятнадцать разделили липовых «санкт-петербуржцев» и старых «ленинградцев». Кто бы мог подумать.

23 ноября 2012

Этот неловкий момент, когда этот неловкий момент

Язык состоит не из слов, а из предложений. Эту простую мысль мне впервые объяснил мой учитель, когда я был уже довольно взрослым студентом. В самом деле, слова, которые для удобства по алфавиту засунуты в словари, слишком многозначны, чтобы ими можно было пользоваться просто так. Подобно тому, как яйца нужно вынуть из коробки, разбить, взбить, добавить туда чего-то, чтобы приготовить даже простую яичницу, и слова нужно извлекать из словаря, разминать их по определенным правилам, принаравливая к речи, и только твои предложения могут стать понятными собеседникам.

Но есть между отдельными словами и законченными предложениями такая область, в которую языковое сообщество заглядывает в последнее время особенно часто. Называется эта промежуточная форма «мемами». Англичане и американцы зовут эту штуку memes.

По-старому нечто похожее называют фразеологизмами. Если переводить это слово с греческого, получится просто «произносимое вслух высказывание», или устойчивое словосочетание, при-

меняемое в некоторых случаях и, видимо, необходимое сообществу, чтобы отличать действительно знающих язык от тех, кто только делает вид, что его знает.

Но мемы не совсем фразеологизмы. Это почему-либо замершие в памяти отрывки, их специалисты называют синтагмами, или сочленениями, которые выдают в человеке не только знающего язык, но еще и принадлежащего к кругу своих, посвященного.

Примеров полно. «Как страшно жить». «Кому сейчас легко?»

Когда такой мем начинают вставлять в каждое предложение, делается не по себе. Мем становится вирусным. Например, с недавних пор в русском общении появился такой, переведенный, как водится, с английского, мем: этот неловкий момент, когда...

Поскольку меня слушают и читают в интернете, я не буду, как говорят знатоки астрофизики, пиарить энтропию. Но поверьте. А кто не может поверить, лучше проверьте сами. Мем «этот неловкий момент, когда к родичам пришли гости, а ты не успел смыться в свою берлогу и теперь вынужден вести светскую беседу». Или «этот неловкий момент, когда ты понимаешь, что сам голосовал не за того парня». Или «этот неловкий момент, когда понимаешь, что ты одет в цвета полицейской машины, только когда тебя в нее усаживают».

Что такое этот вот конкретный мем? Даже не мем-вирус, а мем-вампир: все, что попадает ему под руку, он словно спрыскивает зловонной струей скунса.

В каталогах, или на кладбищах, сетевых мемов эта штука уже заняла свое место.

Мемы оказались удобны для тех, кому страсть как хочется пообщаться, но сказать совершенно нечего. Остается – что? Правильно! Остается искать «статусы» и «фразики».

Более ловкие делают из этих «прикольных» статусов не менее «прикольные» демотиваторы. Что такое эти демотиваторы? Более или менее остроумные и едкие картинки, сообщающие всю правду сразу обо всем.

Этот неловкий момент, когда понимаешь, что третьего дня смеялся хохмам Жванецкого и Шендеровича, а сегодня сам хохмишь, как Жириновский и Путин. Про социализм с запашком портянок, про уши мертвого осла, про гриппозный нос или обрезание для журналистов.

Надо сказать, что государственная власть в России раскусила смешливость своего народа несколько раньше, чем этот народ начал задумываться, за что же над ним, недотепой, так глумятся.

И вот этот неловкий момент, когда целый министр образования, человечище, объявляет, что вверенная ему часть народа, преподы, доценты с кандидатами, — зарабатывают столько, что у него, министра, появляются сомнения, да могут ли вообще так мало зарабатывающие люди учить кого-то жить. Да даже и не жить, а заниматься каким-то полезным делом. Если ты такой умный, почему ты такой бедный?

Как может учить кого-то считать математик, чье годовое жалованье меньше месячного оклада шофера папы его ученика? Мне один такой шофер драму свою обрисовал. Обидно — везешь к нему короeda, а сам ждешь у подъезда, как какой-то... шофер. А короed хозяйский у этого учительшики, стало быть, учится. Этот неловкий момент, когда слуге показывают, что тот все-таки только слуга. Хотя и витязь на лошадиных силах.

Так что министр абсолютно прав. Этот неловкий момент, когда понимаешь, о чем приходе еще Мережковский в 1906 году предупредал. Этот неловкий момент, когда гнусное предложение «Встречайте!» в телевизоре уже не вызывает немедленной рвоты. Этот неловкий момент, когда встречаешь очередного — нет, не грядущего, а грянувшего Хама, — и даже слушаешь, как тот поет свой блатняк.

Этот неловкий момент, когда понимаешь, что не надо объяснять, если надо объяснять. Например, не надо писать писем Хаму. Никаких. Пусть поет один. Без трагического хора обиженных преподав.

Этот неловкий момент, когда понимаешь, что метафора «заевшей пластинки» почти никому не понятна.

В конце 1980-х годов в Советском Союзе многие любили анекдоты. Безудержное хохмачество бывало и остроумным. Смех, казалось нам, помогает превозмочь абсурд. Так думали и многие соседи по соцлагерю. Например, в ГДР. Но там раньше нашего задумались над одним пренеприятным свойством анекдота и вообще хохмачества. Оказывается, оно дает только кратковременное облегчение. Но не позволяет познать осмеиваемый предмет. Смехом ты его, оказывается, вовсе не убиваешь, а наоборот — на длинной исторической дороге! — только бальзамируешь, мумифицируешь. Но — не познаешь. И вот он стоит перед нами — как живой — этот мертвый, но не желающий уходить мир глумливых хамов. Трудно вести диалог с кусающим себя за хвост. Этот неловкий момент, когда этот неловкий момент.

И все-таки надо дождаться удобного момента.

Может быть, тут «фразики» и «статусы» помогут.

Некоторые стары как мир: не рой другому яму, сам в нее попадешь. Или вот: как аукнется, так и откликнется. Обычно такие формулы работают лишь после того, как кто-то вырыл яму, а другой в нее провалился, или кто-то так аукнул, что горы откликнулись на это лавиной. Другими словами, несмотря на всю свою мудрость, они хороши только для тех, кто, по другой формуле, крепок задним умом. То есть бесполезны.

Почему так происходит? Потому что метафоры люди и раньше воспринимали туговато. Ну, и потому еще, что никто не любит, когда его учат. Как же быть людям, которые все же хотят воспользоваться умным советом на будущее, причем таким, который всегда под рукой? Девизом, как обычно говорили раньше. Мантрой, как часто говорят теперь. Таким предложением, которое дает положительный метод. Тут большая мудрость не требуется, нужен список народных методических указаний. Но не простых, а превратившихся в *статусы*.

Статус – это особый сетевой микрожанр, временный знак самоидентификации, виртуальная смываемая татуировка аватара. Его не нужно путать с одноименным старым понятием, обозначающим положение человека в социальной реальности. Специалисты называют такие формулы банализмами. Относительно новая забава сетевого человечества, статусы обеспечивают аватарную личность девизом данного отрезка жизни. Девиз может быть очень старым. Вот, например, такое методическое указание: «Хочешь жить, умей вертеться». Или такая формула: «От трудов праведных не наживешь палат каменных». Или даже такая, когда-то распространенная в местах заключения: «Не верь, не бойся, не проси».

В последнем случае дело идет об отношениях с начальством в условиях полного бесправия. Лет двадцать назад казалось, что к этой лагерной максиме из книг о ГУЛАГе остался лишь археологический интерес. Как же получилось, что спустя несколько десятилетий эта формула перекечевала в обычную повседневность и стала статусом, описывающим отношения, например, одноклассников или вконтактников?

Вопрос не такой простой, как кажется. На мантры и статусы – спрос. Например, на такие: «Если жизнь повернулась к тебе задом, пни ее и начни новую». Или про начальника, который «не должен быть другом». Или про «друзей друзей, которые лучше

врагов врагов». Если сотни (и даже тысячи) голосов, отданных за подобные рекомендации, в самом деле не накручены держателями сайтов, то самое время задуматься, что же такое есть в этом жанре словесности, чего молодому человеку не хватает в обычной народной мудрости – с ее ямами, словами-не-воробьями и колодцами, в которые не положено плевать, потому что якобы придется воды напиться?

Социологический опрос в данном случае проводить бесполезно, ведь его материалы – и сами вопросы, и ответы респондентов – опять же разворуют на статусы. И съехать с этой ленты Мебиуса не получится.

Поэтому предположим, что мы уже знаем правильный ответ. Например, такой: у каждого человека есть потребность в программе. Пусть маленькой. Он просто уже не мыслит себя без командной строки. На первый взгляд, статус – это пародия. Но разве пародия не главный жанр нашей жизни?

От «не плюй в колодец: вылетит – не поймашь» до «мы рождены, чтоб кафку сделать былью» – все пословицы, девизы и мантры, все цитаты, разобранные из авторитетных текстов эпохи, рано или поздно идут на такую пародийную переплавку. А на поверхности каждый раз остается очередная банальность. И все же не стоит торопиться с насмешками. Всякий человек нуждается в работоспособном программном обеспечении. И те тысячи искателей прикольного статуса, которые голосуют за статус «Прежде чем стырить статус, хотя бы проголосуйте за него...», искренне хотят обеспечить себя таким статусом, который обеспечил бы их лучшим статусом, чем тот, которым они располагают до тех пор, пока не нашли для себя действительно прикольного статуса.

Чтобы говорить друг с другом, язык у нас должен быть общим; но чтобы в говорящем узнавали именно тебя, ты должен пользоваться им по-своему. Как? И тут придется признать: очистить свою речь от заемных формул невозможно, а жить с ними тяжело. Даже самый богатый жизненный опыт не может уберечь от банальностей. Более того. И у тех, кто ничего не знает о молодежных «статусах» и «фразиках», тоже имеются наготове такие вот рабочие формулы, которые включают программу для правильной обработки новых данных. Тяжело копать в каталогах дешевых банальностей. Трудно увидеть за банальностью – смысл.

Один знакомый дальнбойщик рассказал мне, какими словами он настраивается, или, как говорят сегодня, самопрограммируется на работу, когда пересекает границы, «наматывая мили на кардан»:

— *Понимаешь, когда в Западную Европу въезжаю, сразу говорю себе: «Все продумано». Стало быть, если что-то мне не очень понятно, нужно только немного задуматься, ну, как было бы удобней всего для потребителя, для человека, которому что-то нужно, и вот по этому азимуту идти. Обычно сразу находишь.*

— *А на востоке что надо себе говорить?*

— *А у нас сразу напоминаю себе: «Все схвачено». Значит, надо забыть об удобстве и тупо искать этого вот того, у которого все схвачено. Я так всегда делаю. И за двадцать лет ни разу не ошибся.*

— *Неужели у нас не бывает «все продумано»?*

— *Почему не бывает? Все бывает. Бывает, что схвативший думает. Но обычно нету этого. Он, конечно, по-своему думает о нашем и вашем удобстве, чтоб ты его поскорей нашел, облегчил кошелек и ехал себе подобиру-поздорову дальше. Поэтому дома работа тяжелая, а там — трудная.*

26 ноября 2012

Джеймс Бонд, Рабле и Гераклит

7.05.2012 Владимир Путин третий раз вступает в должность президента.

8.05.2012 Дмитрий Медведев назначен председателем правительства.

...А еще язык состоит из цитат.

Первый словарь цитат в Советском еще Союзе составил почти четверть века назад переводчик и историк Константин Васильевич Душенко. В мире подобные словари уже были, и всякий желающий мог легко проверить, какими афоризмами или просто словечками оставил след в истории тот или иной политик. Если не считать Сталина или Юрия Гагарина, отечественные ораторы мелькали в иноземных словарях редко. И Душенко закрыл большую дыру в нашем фразеологическом хозяйстве. Важно и то, что обычно к слову политика прислушиваются после совершенных им дел. Нет творческих свершений — пусть разрушительных и ужасных! — нет интереса и к твоим высказываниям.

Но верно и обратное. Бывает так, что единственным свершением политика становится удачно использованный афоризм. Симпатичным краснобаем был Виктор Степанович Черномырдин, но и в историю он вошел фразой, которую, кстати, позаимствовал у другого политика – Петра Алексеевича Кропоткина. Вершиной в русской политической карьере этого мыслителя стало название станции метро. «Мы хотели как лучше, а получилось как всегда».

Мировой поэтический опыт учит, что суждения, в которых используются слова «всегда» или «никогда», лучше доверять ученым птицам – попугаю или ворону.

Об этом 26 ноября 2012 года напомнил гражданам и глава правительства России Дмитрий Медведев, накануне поездки в Париж. Подбор авторитетных цитат, как и подбор галстука, дело серьезное. Вот почему, за недоступностью понимания политических действий, к речи второго лица в текущем российском руководстве мы должны прислушиваться с сугубым вниманием. Не исключено, что, правильно разобрав слова, мы поймем и замыслы предполагаемого действия или бездействия.

Так вот, отвечая на вопрос о политических планах, Д.А.Медведев, в недалеком прошлом – третий президент Российской Федерации, искусно инкрустировал свое высказывание цитатами сразу трех весьма известных фигур на мировом, а отнюдь не только русском, философском и политическом небосклоне.

Все три деятеля столь значительны, а все три цитаты столь знаменательны, что высказывания главы российского правительства никак невозможно не повторить в полном виде:

«Если у меня для этого будет достаточное количество сил и здоровья и если наши люди мне доверят в будущем такую работу, я такого, конечно, не исключаю поворота событий. Но это зависит от целой совокупности факторов. Я уже говорил как-то: вообще никогда не нужно от чего-то отказываться, ведь, как известно, никогда не говори никогда, тем более что я уже один раз входил в эту реку и это как раз та река, в которую можно входить дважды».

Первая цитата заметней всего. Еще бы – ведь за нею стоит многоликий и великий Джеймс Бонд, на что сразу же указали все ведущие российские издания. Вторая – контрастная цитата, наоборот, принадлежит персонажу не вымышленному, а историческому, и не политику, а великому философу, Гераклиту Темному. Риторическое мастерство премьер-министра состояло здесь в следующем: слова агента 007 Медведев принял как руководство

к действию и даже расширил его границы до размеров, о которых я еще скажу. А вот философа Гераклита Медведев поправил тонко. Река президентства, дорогой товарищ Гераклит, это вам не Стикс, не Лета и даже не Сетунь. Туда можно входить два раза.

Слушатель может спросить, а кто же третий цитируемый и где вообще третья цитата. Но сначала проанализируем две очевидные – из Джеймса Бонда и из Гераклита. Что хочет нам сказать третий президент и энный премьер-министр России этой подборкой цитат? А вот что. «Всё возможно, дорогие граждане. Тут даже величайший философ, имеющий репутацию „Темного“, может ошибиться и, как мы видим, ошибается. Потому что настоящие решения, и как раз втёмную, принимают у нас в стране джеймсы бонды. Местные, с которыми комфортно работать. Поэтому, граждане, может, оно будет, а может, и не будет. Тут все от здоровья зависит. И от совокупности факторов. Главное – не болеть».

Вот мы и к третьей цитате подошли. С памятью россиян происходят занятные вещи. Как поется в известной советской пропагандистской песне, «то, что было не со мной, помню». А то что было со мной, как раз не помню.

Потому что слова Гераклита все помнят. Как на той неделе дело было. Хоть и две с половиной тысячи лет прошло. А Джеймса Бонда вон, небось, новую серию только вчера посмотрели. Хоть фразочке его попугайской сто лет в обед.

А вот прощальные слова первого президента России Ельцина Бориса Николаевича позабыли. Потому что было давно. 13 лет назад. До нашей эры. А вы вспомните, как он объяснял, почему уходил, передавая бразды правления тогдашнему премьер-министру, потом второму и ныне четвертому президенту России. «Я, – сказал Ельцин, – ухожу. И не по состоянию здоровья, а по совокупности всех проблем».

Учитесь, граждане, правильно отвечать на вопросы иностранных корреспондентов. Тут вам и Гераклит, и шпиён, и отец Семьи в одном флаконе.

Градус загадочности спичрайтеры главы правительства обеспечили совокупной мудростью. «Вообще никогда не нужно от чего-то отказываться». Если вы думаете, что это перебор, то ошибетесь. Перед визитом во Францию глава российского правительства сделал широкий вербальный жест и процитировал знаменитые слова Франсуа Рабле из романа «Гаргантюа и Пантагрюэль». Именно эта формула была, по словам Д.А.Медведева, «отлита в

граните» над воротами знаменитого Телемского монастыря: **делай что хочешь!**

Жив курилка, жив монах Ейвставий! Цитата остается великой силой и ценным свидетельским показанием. Карнавал продолжается!

10 декабря 2012

Творческие коллективы: Pussy Riot и Список Магнитского

16.11.2009 Сергей Магнитский умирает в СИЗО из-за недостатка медицинской помощи. Он был арестован по делу об уклонении от уплаты налогов.

14.12.2012 В США вступает в силу Закон Магнитского: российским чиновникам, причастным к смерти Магнитского, запрещен въезд в США, а их счета в американских банках заблокированы (всего – 60 человек).

Когда я слышу выражение «симметричный ответ», сразу представляю себе змею, кусающую себя за хвост. В мифологии разных стран и народов этот Уробор, или «хвостоед» по-гречески, символизирует не только математическую бесконечность, но и логическую ошибку – ошибку отождествления добра и зла, инь и янь, черного и белого.

В русском политическом словаре за титул слова 2012 года в номинации политика и общество сейчас как раз сражаются два словосочетания, два названия, два имени – «Pussy Riot» и «Список Магнитского». Они страшно похожи и даже симметричны. Или зеркально противоположны.

И то, и другое – названия творческих коллективов российских граждан. Правда, происхождение обоих наименований различно. В первом случае – это английское самоназвание группы артисток. Во втором нам, россиянам, приходится принимать наименование из чужих рук. И от кого – от американцев!

В первом случае речь идет о нескольких молодых женщинах, которые могли бы сказать о себе стихами Сергея Есенина: «Не бандит я и не грабил лесом, не расстреливал несчастных по темницам, я всего лишь уличный повеса, улыбающийся встречным лицам...»

Члены другого творческого коллектива – фигуранты «списка Магнитского» – сказать этого о себе, кажется, никак не могут. Т.е., они, конечно, никого и не расстреливали, но, судя по результатам расследования, человека в темнице уморили, а кое-кого и ограбили или помогли грабить. Кажется, ограбили то самое государство, которое, по загадочной причине, этих предполагаемых душегубов изо всех сил защищает. Некоторые объясняют эту защиту приступом национальной гордости. Не знаю, врать не буду.

Как бы то ни было, наш уробор, или многоглавый змей-горыныч, за нарушение прав собственных граждан выбирает и наказывает группу чиновников другого государства, страны-супостата. Госдума России вступает, таким образом, в соревнование с Сенатом и Палатой представителей Конгресса Соединенных Штатов Америки – кто лучше защитит права российских граждан.

Это очень похвально! Обидно, что спровоцировали такое рвение все-таки американцы. Оказали в очередной раз свою хваленую «американскую помощь». Что же она такое, в таком неожиданном новом исполнении? Ведь бенефициаром помощи станут наши сограждане, чьи права нарушили коварные иноземцы. Вообще-то старое советское словосочетание «американская помощь» обычно использовали вот в каком значении: помощь, оказываемая с целью закабаления; неискренняя, недобросовестная помощь. Так – в языке.

Согласно легенде, в 1942 году товарищ Сталин подарил президенту Рузвельту копию фильма «Волга, Волга», о главном герое которого – пароходе «Северюга» – знаменитый актер спел песенку, состоявшую из одного куплета: «Америка России подарила пароход – с носа пар, колёса сзади – и ужасно, и ужасно, и ужасно тихий ход». Говорят, посмотрев фильм, Рузвельт понял его как намек на медлительность в открытии «второго фронта».

В реальности американская помощь выглядела иначе. После гражданской войны американская организация АРА спасала от голодной смерти сотни тысяч людей в Советской России. А за время второй мировой американцы передали Советскому Союзу 15 тысяч одних самолетов, несколько сотен тысяч грузовиков. Это не считая яичного порошка и шоколада. Да и второго фронта в 1944 году. Хотя всего за несколько недель до решения американцев помогать Советам Сталин с сентября 1939 по июнь 1941 был верным союзником Гитлера.

Наступили новые времена, пошла и другая американская помощь. Многообразная. Например, политическая. Не знаю,

откуда американцы знали, что СССР долго не протянет, но только вот правительство США до последних дней существования СССР не признавало присутствия в составе Советского Союза республик Советской Прибалтики.

Потом – поправка Джексона-Веника в помощь политзаключенным. И после распада страны уже частное лицо – Джордж Сорос, леволиберальный американский мыслитель и миллиардер, – помогал кормить советскую культуру и науку. Американцы прятали у себя наших лауреатов Нобелевской премии по литературе – Солженицына и Бродского.

Вывод простой: «американской» называется такая помощь, которой надо, видимо, пользоваться с умом. «Список Магнитского», судя по мудрой правозащитной реакции Госдумы России, отличный новый пример.

А вот какое выражение победит в конкурсе ключевых русских слов 2012 года – Пусси Райот или Список Магнитского, будет зависеть от уровня понимания в России того, что она теперь такое, эта самая «американская помощь».

Хитрованы-американцы пытаются по мере сил помешать населению России думать. Не успели законодатели всех четырех фракций обсудить свой законопроект, как прямо 10 декабря 2012 года пришла сногшибательная новость. Оказывается, наша родная Лада-Калина, та самая модель, которую освятили чресла и лядvei самого президента России, закупила сиденья у американской компании. «Сиденья для обновленного бюджетника Lada Kalina поставит американская компания Lear Corporation. Об этом в интервью газете „Волжская коммуна“ рассказал Максим Симонов, генеральный директор компании „ТПВ РУС“».

Что, в самом деле, происходит? Головы у Российской Федерации все еще несомимо антиамериканские получаются. А задница, так сказать, по умолчанию, выходит, проамериканской будет?

Может быть, попробовать наоборот?

З.Ы. За задницу я всегда готов попросить прощения у чувствительного слушателя и читателя. Но ведь есть такое международное выражение «спасать чью-то задницу». Так вот, в конечном счете, как и в 1942 году, и задницу некоторых товарищей государственных деятелей спасут только братья-американцы.

18 декабря 2012

«Черные» и «белые», только не горелые, или Словарик ксенофоба

6.11.2012

На выборах президента США Барак Обама набирает 51,1% голосов, а его соперник республиканец Митт Ромни – 47,2%.

Я – черный. Ну, скажем так, черногузный. В последнее время сильно пробивается седина, но крючковатый нос выдаст и тогда, когда совсем побелею, если доживу.

Задумываться о своей идентичности меня заставляет не зеркало, а родные СМИ. Даже приличные.

Еще когда шли выборы в США, наши невинные расисты заголосоли. Один, разговорчивая медийная шишка с канала Россия-24, рассказывал о Вашингтоне из Москвы. Вот, говорит, Митта Ромни не выбрали: а ведь он стал бы последним белым президентом США! Но и черным не светит. После Обамы, дескать, самой влиятельной группой станут «латиносы». Которые, оказывается, не белые. А теперь всё: на «настоящего белого» у «настоящих американцев» больше никогда не хватит голосов.

Посматривая на людей в городском транспорте столицы России, замечаю, что таких черногузных кавказцев что-то подозрительно много стало. Конечно, кавказцами их не назовешь. Мы помним, что на американском языке *caucasians* – это как раз белые и есть. Старое обозначение так называемой белой расы.

Да и в правительстве российском они, говорят, сидят. Мать, говорят, выдает. Как сказал один мой попутчик в электричке, «знаем мы этих лавровых и сурковых».

Есть, конечно, и белые, но их с каждым годом становится все меньше. Андрей Донатович Синявский рассказывал, что еще в 1960-х годах прошлого века в лагере в портретах членов политбюро узнавали «жидов» – Брежнева, Суслова, Андропова. Тогда кавказцы не пугали. Сейчас же некоторые из-за этого сильно переживают. Или, точнее, перевоспитываются в переживании страшных перемен – утраты «расовой чистоты».

В старом советском кинофильме «Цирк» радовались, что цвета перемешаются. А теперь вот оно как повернулось.

Болещикам ленинградской футбольной команды «Зенит» не нравятся «негры» и «геи».

Спрашиваю подмосковного унылого подростка, а как он видит гея. «Душистый. Пестрый. Весь такой из себя...»

Значит, это умение у несчастных фанатов не врожденное, а благо-, точнее – злоприобретенное, – выделять в толпе людей по вторичным признакам, о которых ему рассказали другие.

Вот и Америку, говорят наши знатоки расового дела, завоевали «новые черные» – латинос.

В США американцы *hispanic* и *latino* – бюрократическое наименование выходцев из испаноязычных стран Латинской Америки и Иберийского полуострова, бразильцев и португальцев. Главное в определении статуса – не внешний вид, а язык. Для расистов – и тамошних, и наших отечественных, в том числе имеющих советский еще диплом о высшем образовании, главное не язык, а внешность и те совсем уж неуловимые отличия, из которых складывается портрет опасного изгоя.

Драма в том, что, например, по признаку языка наших ленинградских «зенитчиков» в ныне существующей терминологии назвать вовсе никак нельзя: русский язык у них вроде материнский, но не родной какой-то. Вот почему с помощью слова помочь этим молодым людям обрести душевное равновесие нелегко. Не легче, чем заставить кошку сказать «Россия». Этого, в шутку, тщетно пытался добиться от умного домашнего животного поэт Дмитрий Александрович Пригов.

Поскольку из слов рождается вражда и ненависть, в разные эпохи люди вместе с реформированием реальности объявляли не существующими и некоторые слова. Но в языке действуют странные правила. Отменили, например, «рабство», а слово «раб» не исчезло. Говорят о «рабском» подражательстве. Человека могут называть «рабом» страстей.

Но бывает и настоящее рабство, в которое, например, слабый попадает у сильного, приезжая молодая женщина – у местного полицейского или работодателя. Да и «работа» в русском языке в подозрительной близости к этому самому «рабству» находится.

Может быть, поэтому и хороший работник так мало ценится в России потому, что отбрасывает тень раба? Вот ведь и «негром» по-русски называют не столько афроамериканца или афророссиянина, сколько любого исполнителя низкооплачиваемой работы, плоды которой присваивают другие.

Многие образованные люди в России презирают политкорректность, считая оную лицемерием. Лицемерен, успокоим мы их,

и сам язык. Да, язык заставляет нас видеть вещи такими, какими мы их видим. Когда в 1936 году, с 36-й, как говорят, попытки Лебедев-Кумач и Дунаевский написали «Песню о Родине», там были такие слова о гордом слове «товарищ», которое

*Нам дороже всех красивых слов.
С этим словом мы повсюду дома,
Нет для нас ни черных, ни цветных,
Это слово каждому знакомо,
С ним везде находим мы родных.*

Что же произошло за пятьдесят с небольшим лет? Почему эти замечательные слова оказались такими – не то что не вполне убедительными, а – скоропортящимися?

Доступный мир стал еще больше, мы научились летать в Париж и в Шанхай, в Штаты и в Эмираты. Миллионы бывших советских граждан живут по всему свету.

Почему же многие бывшие советские люди, разъехавшись по свету, наткнулись на новых расовых врагов? А некоторые из них, как раньше говорили, протянули руку дружбы расистам и ксенофобам всех мастей. В Соединенных Штатах – это нелюбимые «черные» и «латинос», в Германии – турки, во Франции – арабы? Ведь «Широка страна моя родная» было вытатуирована сталинской пропагандой на черепе изнутри?

Что объединяет «зениitchика» – ксенофоба и гомофоба – с европейскими нацистами?

Ответ такой – немота. Людям трудно описать усложнившуюся современность, виновницу их неудовольствия. Подсказка суфлера из могилы Второй мировой войны возвращает их к желанной простоте. Жаль, что не показывает дороги обратно в современность.

05 января 2013

Новое русское имя – Депардьё

01.01.2013

Владимир Путин предоставляет
Жерару Депардьё российское гражданство.

Многие слышали о «коктейле Молотова», как стали у нас называть, обезьянничая, бутылку с зажигательной смесью. Но не

удосужились выяснить, что во время советско-финской войны в далеком 1939 году финские солдаты называли «коктейлями для Молотова» свои самодельные гранаты.

Или вот сейчас, в современном аргентинском варианте испанского языка, в честь одного известного футболиста, словом «диего» называют то, что в России известно как «откат». Правда, скромный, десятипроцентный.

В русском языке пока не установилось даже нормативное написание слова «депардье». Лично мне, стороннику вариативности, кажется, что всем следует позволить писать это слово так, как они хотят. Как и другие русские слова, заимствованные у французов. Лье и лье, месье, месье и даже мусью. Все это отлично ложится в язык. Вот Википедия, Коробочка наша Плюшкина, пишет «депардье» – по образцу «ружьё» и «битьё». А кто-то держится нормы, доставшейся от других французских слов, вроде «портье» или «колье».

Люди попроще могут и дальше говорить «депардье», склонные показать свою близость к французскому языку и культуре должны будут поднапрячься и сумеют произнести это слово «депардью». Совсем другое дело – значение, которое слово депардье-депардье приобретет в устах русскоговорящего сообщества. И здесь важной частью истории слова становится биография объекта, которым это слово называется.

Ясно, что для полного, окончательного и бесповоротного обрусения его имени, озаменованного получением российского паспорта, самому актеру, Гепарду нашему Леопардовичу, пришлось пройти большой творческий путь. Среди достижений на этом пути – роль Григория Распутина. Эта работа позволила пресс-секретарю президента Путина г-ну Пескову назвать исполнителя большим мастером российского кино. Мягко говоря, авантюрный отлив, возможно, так и останется у слова «депардье», подобно тому, как растиньяком по-русски до сих пор могут назвать прохиндея, гобсеком – пиранью капитала, гаргантюа – обжору, тартюфом – пустосвята и лжеца в рясе.

Пусть людей, читающих по-русски Рабле, Мольера или Бальзака, становится все меньше. Но, видимо, народу как воздух нужны новые красивые французские имена. Эстетически озабоченные и художественно одаренные россияне могли бы перелицевать эти имена на новый лад. Мы ведь с вами не виноваты, что наши дети уже не читали, например, «Капитана

Фракасса», этого Депардьё наизнанку, выведенного в романе Готье.

Однако, пора пробудиться от литературного забытья.

Появление нового россиянина, так сказать, вытекающее из Указа о гражданстве для господина Депардьё, вызвало так называемую неоднозначную реакцию у многих влиятельных россиян. Их высказывания также чрезвычайно важны для определения того, что ученые называют семантическим полем. По этому самому полю будет ходить и новое русское слово «депардьё».

22 января 2013

Дед Хасан, или Дружба народов

16.01.2013 «Вор в законе» Аслан Усоян (Дед Хасан)
убит снайпером в Москве.

Есть множество упорных словосочетаний, к сожалению, переживших свое время и отравляющих чужую эпоху. Как смоляное чуелко, они врезались в русскую речь на поколения вперед. От всех этих «кадры решают все» и «если враг не сдается, его уничтожают», будет тошнить не одно поколение людей. Но иногда уходят и формулы, о которых никто особенно не жалеет. И вот вам пример такой формулы – «дружба народов».

Она, эта дружба, осталась в названии плавленого сырка и журнала, но, как и «Новый мир» или «Красный Октябрь», не пустая ли это гильза – «Дружба народов»?

Написал слово «гильза» и захотел было вымарать. А потом все-таки оставил. И вот почему. Прочитал комментарии «криминальных экспертов» (так прямо и сказано) на убийство «криминального авторитета» Аслана Усояна, известного как Дед Хасан. И вот, по праву, так сказать, тезки, не могу молчать.

Но сначала перечислю имена людей, упомянутых в десятках статей и вовлеченных в эту историю:

Тариэл Ониани по кличке Таро,
Ровшан Джаниев по кличке Ровшан Ленкоранский,
Джемо Микеладзе по кличке Джемо,
Тамаз Корошинадзе по кличке Тбилисский,
Тимур Мирзоев по кличке Свердловский,
Дмитрий Чантурия по кличке Мирон,

Ильгар Джабраилов по кличке Данабаш,
Захарий Калашов по кличке Шакро молодой,
Вячеслав Иванько по кличке Япончик.

Ну и наконец, сам виновник торжества – *Аслан Усоян* по кличке Дед Хасан.

А теперь освежим в памяти другой список:

Вячеслав Скрябин по кличке Молотов,
Лев Розенфельд по кличке Каменев,
Гирш Бриллиант по кличке Сокольников,
Сергей Костриков по кличке Киров,
Григол Орджоникидзе по кличке Серго,
Петерис Кюзис по кличке Ян Берзин,
Иосиф Джугашвили по кличке Сталин

и, наконец,

Владимир Ильич Ульянов по кличке Николай Ленин.

Только не подумайте, что я собираюсь разоблачать банду по признаку наличия у ее членов кличек, а также по принадлежности большинства этих людей к меньшинствам, которые, как нам рассказали, Россию продали, хоть и провели кто двести, а кто и триста лет вместе. Тут немного другая история, другой ее поворот интереснее.

Было такое понятие – интернационализм. Первичная его субстанция довольно простая – нарочитое безразличие к происхождению человека. Сначала этот интернационализм называли пролетарским, потом переименовали в социалистический.

В первые десятилетия Советской власти Россия учила остальной мир, как быть настоящими интернационалистами. Учила – чем? Не только тем, что во главе партии и государства стояло тогда, в самом начале, больше инородцев, чем русских. Причем, например, евреев и латышей было на самом верху или в органах больше чем, скажем, русских, украинцев или немцев.

Уже накануне начала союза с Гитлером, а потом войны с ним, положение изменится. Перекос будет выправляться в пользу лиц, так сказать, славянско-арийского происхождения. Прогонят и частично убьют в Советской России, например, непропорционально много поляков и евреев.

И только в некоторых сферах советской жизни этот интернационализм сохранит свои первичные позиции. Одной из самых, наверное, консервативных площадок практического развертывания этого самого интернационализма долго оставался серьезный преступный мир. Не базары и мебельные склады, а мир, в кото-

ром крутятся действительно большие деньги. Слишком большие, чтобы обращать внимание на такую бессодержательную вещь, как племенное родство партнеров и соперников. Тактически – да, это могло иметь некоторое значение, но стратегически «дети разных народов» десятилетиями были вместе.

Сейчас, в условиях вторичной глобализации – после советского социалистического интернационализма, в большинстве развитых стран мира происхождение участников бизнеса особого значения не имеет. Только в странах, отброшенных реактивной силой назад, этот сюжет – этническая, племенная принадлежность человека – раздут и закрывает озабоченным гражданам путь к глобальному лидерству.

Можно только гадать, почему современное российское государство в лице не только его спецслужб и полицейских, но и так называемого парламента, и большей части общества так зависит от преступного мира.

Что мы имеем здесь дело с концом интернационализма старой закалки, говорят и другие подозрения, опубликованные в нескольких французских и итальянских газетах. Одно из подозрений связывает курда-езида Усояна с поставками оружия Курдской рабочей партии – сепаратистской организации, в подавлении которой Турецкой Республике по мере сил помогают европейские правительства. По словам итальянской газеты «Коррьере делла сера», этнически озабоченные СМИ и вовсе называют Аслана Усояна «курдским авторитетом».

Если это так, то на наших глазах распадается великий криминальный интернационал. По-своему его берегли все – от Сталина и Брежнева до Ельцина и Путина. Если правда, что в развивающихся странах третьего мира или в разлагающихся пока еще странах мира, до недавнего времени, второго – бывшего соцлагеря, если правда, что громче стала национальная нота, это может быть провозвестником конца целой эпохи. Конца, сопоставимого с гибелью в огне первой мировой войны европейской аристократии, но, вероятно, куда более кровавого.

04 февраля 2013

Сталинобус, или Некрофилы вместо педофилов

05.05.2010 Акция «Автобус Победы» впервые проводится в Санкт-Петербурге.

02.02.2013 Автобусы с портретом Сталина выходят в Чите, Волгограде и Санкт-Петербурге к 70-летию победы в Сталинградской битве.

Невеселые хохмы имеют обыкновение возвращаться бумерангом. Например, педагогам России, поскольку педофилия теперь не только болезнь, но и преступление, в качестве гражданской любовной альтернативы предложена некрофилия. И не только идеологическая, но и, можно сказать, натуральная. Вообще, любовь к мертвецам разнообразна.

Вот религиозное поклонение мощам, т.е. более или менее крупным фрагментам чужой плоти, от которых, как полагают верующие, исходит нечто божественное. Дискуссии по поводу этих мощей в последнее время стараются не вести, чтобы не вляпаться в оскорбление чьей-нибудь святыни. Но в России это поклонение страшно популярно.

Судя по новостным лентам, в 2012 году в Красноярск возили мощи архиепископа Черниговского Феодосия, а в Казань – мощи Николая Чудотворца, в Екатеринбург – мощи великомученика Пантелеймона, в Москву – мощи святителя Спиридона Тримифунтского, в Сочи – мощи Ильи Печерского, а в Тюмень – великомученика Димитрия Солунского.

Путешествие по России ковчега с мощами Матроны Московской, которая считается покровительницей бедняков и голодающих, освещалось в СМИ примерно так, как в свое время возвращение Александра Солженицына из эмиграции – через Дальний Восток и Сибирь. Но Солженицын был тогда живой и ехал сам.

Чтобы не трогать безбожника и истребителя священнослужителей всех мастей Николая Ленина, решили, видимо, не сковыривать с Красной площади главные мощи страны. Для этого президент России в конце 2012 года попытался связать обе традиции,

сказав, что Ленин в мавзолее — это примерно то же самое, что мощи в раке или мумия фараона.

Священнослужители выступают против таких сближений, но тому, кто не верит ни в Христа, ни в Магомета, ни в бессмертие фараона, трудно рационально объяснить, какая разница между перемещением по Руси головы святого Луки или волоса из бороды пророка. А вот как раз общее у этих путешествий есть — уверенность сотен тысяч, а может, и миллионов людей, что от этих объектов должна исходить особая живительная сила.

Вера в таинственную силу глубоко сидит в языке официальной советской идеологии. У вас, мол, животворящий крест, а у нас животворное учение Ленина-Сталина. Вот почему и через двадцать лет после закрытия советского проекта в поисках «духовных скреп» граждан привычно потянуло к вечно живому.

А тут стеной стоят имена покойников, ставшие именами городов. Все эти Кировы и Куйбышевы, Ульяновски и Свердловски, Калининграды и Ленинграды незаметно делали свое таинственное дело. Потому и обратное переименование забуксовало.

Тут накопилось много редкостного языкового материала — Петербург является столицей Ленинградской области, Екатеринбург — столицей Свердловской области.

Пушкинскую улицу обратно Дмитровкой сделать удалось, а Ленинский проспект сделать Калужским «религия не позволяет».

Теперь вот народному телу захотелось Сталинграда. Тяга к этому имени — Сталин — только на первый взгляд парадоксальна. Как же так, говорят знающие люди, как можно именем человека, уничтожившего миллионы сограждан, снова называть город? Как можно выпускать на улицы города транспорт с его портретами?

Ответ, хоть и неприятен, но прост. Новая волна «перемен» докатилась до самых низов российского общества и сейчас ползет обратно. В 1980-х годах возвращались имена Гумилева, Бухарина и Мандельштама, чуть позже — Солженицына и русских религиозных философов, ну а в последние лет пять ускоренно — Столыпина и Сталина.

Реального исторического и политического содержания за этими именами никто не ищет. Есть только смутное ощущение силы, которую могут, могли бы, хотелось бы, чтоб могли распространять вокруг себя эти имена.

И какое-то мистическое эхо про великую Россию, великие потрясения, атомную бомбу и ежовые рукавицы.

Имя «Сталин» стало чем-то вроде «сталинского дома» на фоне архитектурного убожества что брежневской, что путинско-лужковской эпохи.

Рациональные аргументы, основанные на современной политической теории, на науке истории, требуют интеллектуальных усилий. А вот поклонение святым мощам и повторение сакрального имени не требуют ничего, кроме пересохших губ и увлажненных глаз.

Поэтому компьютерная игра «Сталин против марсиан», книги под названием «Сталин против Гитлера – поэт против художника» или «Апокалипсис от Кобы», – все это кирпичи, из которых складывается новая виртуальная сущность, вампир-амулет, с помощью которого простодушный мечтает вернуть величие своему государству.

Иногда эта кукла вуду вдруг встает в полный рост – как Родина-Мать над Мамаевым курганом, а на дороги Волгограда и каких-то еще городов шесть раз в году будут выезжать страшные «сталинобусы» и хватать зазевавшихся граждан, чтоб проверить, помнят ли те даты советской истории: 19 ноября – День начала разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом, 2 февраля – День окончания разгрома этих войск в Сталинградской битве, 9 мая – День Победы, 22 июня – День начала Великой отечественной войны, 23 августа – День памяти памяти жертв бомбардировки Сталинграда и, наконец, 2 сентября – День окончания Второй мировой войны.

Да какого черта?! – спросят некоторые. Была б живая политика, не звали б мертвяков! А так – встречайте, некрофилы!

26 февраля 2013

**Жириновский –
это Достоевский сегодня!**

21.02.2013

Депутаты ЛДПР во главе с Владимиром Жириновским вносят в Госдуму законопроект, позволяющий штрафовать за употребление иностранных слов, если у них есть общеупотребительные аналоги в русском языке. Размер штрафа – от 2 тыс. до 2,5 тыс. рублей.

– Ты что, ненормальный, говорить такие вещи? – спросила меня одна ученая дама и навсегда раздружилась со мной.

Но давайте все-таки по порядку.

Поскольку внешние отличия Жириновского от Достоевского всем известны, позволю себе остановиться на сходстве обоих деятелей. Первое и главное: оба являются признанными мастерами слова. Правда, Достоевский уже, к сожалению, покойник, и не смог бы ответить даже на теорию, придуманную М.М.Бахтиным, не то что на сравнение с господином Жириновским.

А Жириновский не только жив и бодр, но и возглавил в Госдуме РФ борьбу за спасение русского языка. И вот в этой точке Достоевский и Жириновский очень близки. Оба они – решительные антизападники и, конкретно, антиевропейцы.

Сближает обоих политических мыслителей и крайне противоречивое отношение к России и вообще самооценка. В «Дневнике писателя» Достоевский признается:

«Деликатная взаимность вранья есть почти первое условие русского общества — всех русских собраний, вечеров, клубов, ученых обществ и проч.».

Оба – отъявленные игроки. Оба – силою верховных обстоятельств – в конечном счете если и не оказываются в проигрыше, то должны, по условиям игры, признать себя побежденными. Достоевского предчувствие социалистического бунта приводило в отчаяние.

Жириновский, дитя уже советской эпохи, напротив, мечтает об установлении в России государственного социализма «с запашком портянок». С этой формулой, впервые введенной им в обиход в 1994 году, Жириновский, может быть, и войдет в историю.

Но тут мы подходим, наконец, к основополагающему различию, можно сказать, к пропасти, которая отделяет живую собаку от мертвого льва. Федор Михайлович Достоевский «тушевался». Читатель, конечно, помнит, что этот глагол – «тушеваться» – и ввел в русский язык автор «Преступления и наказания». Не сам придумал, а перенес из студенческого жаргона.

Слово это интересное – русско-немецко-французское. Тушь, а по-русски говоря, чернила, немцы позаимствовали у французов – есть у них глагол «туше». Он и в русском языке трижды прописан. «Пуркуа ву туше?» – спрашивает у лже-француза Дефоржа, более известного как Дубровский, Антон Пафнутьич Спицын, как объясняет Пушкин, «спрягая с грехом пополам русский глагол тушу на французский лад».

Но какая здесь игра слов. Ведь и борцы, и фехтовальщики, и художники русские поймут эту игру слов. В общем, тушить

свет, каким нужно быть махровым мудрецом, чтобы превращать «деликатную взаимность вранья» в большую политику! И вот от этой самой «туши» и от этих многообразных «туше» отрезал себе филейную часть Федор Михайлович Достоевский для глагола со значением «исчезнуть, уничтожиться, сойти, так сказать, на нет. Но уничтожиться не вдруг, не провалившись сквозь землю, с громом и треском, а, так сказать, деликатно, плавно, неприметно погрузившись в ничтожество».

Словом, сделать то, что как раз не получается у господина Жириновского. Достоевский придумал слово *стушеваться* и обогатил за счет французов и немцев русский язык, а Жириновский предлагает обворовать незадачливых россиян, вымарав из русского языка как раз новейшую тушь, гуашь и акварель иностранных слов. Конечно, под знаком заботы о своем, о родном.

Станем как турки. Как французы. Как венгры. Они вон – немножко поднажали, очистили свои языки кто от арабских слов, кто от немецких – и стали мировыми державами. Не то что американцы с британцами. Эти в свои словари включают все, на что падает глаз и ухо мировой печати и литературы. Из русских слов в оксфордском словаре уже есть и «откат», и «крыша», и «силовики». Вклад России в мировую повестку дня.

Но за каждым примером у Жириновского – «деликатная взаимность вранья».

Потому что язык, по счастью, устроен не так, как хотелось бы любителю «запашка портянок». И американские междометия, все эти «вау» и «о'кей», входят в язык только потому, что простому русскому человеку открылась суровая правда айпада и айфона. Которые придумали в Америке, изготовили в Азии, а юзают повсюду в мире. Так в турецкий язык в начале прошлого века вошел французский камьон – грузовик, и никуда оттуда не торопится.

Особенно весело читать про угрозу штрафа за нарушение нормы. Да ведь у нас и штраф, и норма – слова заимствованные. И все-таки так понятно, что после четверти века портяночно-сапожной логореи возмечталось о «нормальном русском языке». Конечно, можно и по понятиям, задрать и ободрать. Но лучше, конечно, «штраф» за «нарушение нормы».

Специалисты в России и в мире знают, что это его, Жириновского, говор, его манера речи, стиль публичных выступлений легли в основу современного русского политического жаргона. То, что в середине 1990-х вбрасывал Владимир Жириновский,

в нулевые закрепил своим угрожающим балагурством Владимир Путин.

Почему же сегодня думские миллионеры из-за спин телохранителей кричат, что русский язык идет неправильным путем, что русский язык «вопасности», что, мол, за «вау» и «о'кей» платить придется?! У меня на этот вопрос ответа нет, сам Достоевский называл таких крикунов «стриючками».

«Верите ли, — писал покойник о наших сегодняшних думцах, — в них много и искреннего! А главное и прежде всего — совершенное незнание России».

Как мы помним, Достоевский в своих оценках ошибся. Стрючки построили-таки свое государство. Но некоторые слова, важные для понимания новой России, все-таки сохранились. Есть такое слово «прохвост». Оно кажется на первый взгляд русским-прерусским. А заимствовано из немецкого. По-немецки «профосс» — «надзиратель за солдатами, взятыми под стражу», или «лицо на корабле, наказывающее за нарушение устава».

Поэтому да здравствуют американизмы, галлицизмы и германизмы! Да здравствует братская товарищеская взаимопомощь языков!

16 апреля 2013

Новая русская заумь

17.04.2013   Начинается суд над Алексеем Навальным и Петром
Офицеровым по делу Кировлеса.

Во время русских революций начала прошлого века, т.е. между 1905 и 1917 годами, русский язык ворвался в мир с футуристами, с социал-демократами всех оттенков — от красного до бурого, и учредил моду на себя самого как на инструмент познания и переделки мира.

Это была настоящая бомба! Ее взрыватель, позднее отброшенный, мы и сейчас находим не только в пыльных бумагах. И в языке Хлебникова и Маяковского, их не очень многочисленных последователей и эпигонов, и в языке науки и техники, которая много брала где могла, но многое создавала сама.

Да и язык политики – язык деклараций освобождения народов от рабства и войны! – грел души миллионов. Настоящих, натуральных миллионов, которых боялись и дворяне, и бояре, и буржуины.

Великое русское слово «заумь» пошло гулять по городам и весям, как адреналин по жилам.

Не собираюсь пересказывать историю. Сколько-то было там лжи, сколько-то правды.

Но и в этой зауми, и в тяжелом сонном уме дореволюционной России, и в хитрожопом уме товарища Сталина был смысл – иногда страшный только для самих русских, иногда опасный для всех остальных, иногда – очень даже спасительный для мира. Например, когда надо было свернуть в бараний рог Гитлера.

Иногда наличие этого смысла проверяли и доказывали другие. Вслушиваясь в язык Страны Советов, Джордж Оруэлл предупредил свой мир об угрозе торжества двоемыслия.

Но кончилась эпоха идеологий, которые так переплетали ложь и правду, что чертям в аду становилось тошно, а тот, кого некоторые называют богом, похоже, отвернулся от человечества. И в тот самый момент, когда оказалось, что можно прожить без сверхценных идей, снова Россия предлагает миру много нового и интересного.

На русском языке создаются ныне яркие произведения коллективного безумия. Спрашивается, почему?

Например, человека, который разоблачил жуликов и воров, заседавших в российском парламенте, государственные карательные органы преследуют какими-то не правовыми методами. При этом, в недостаточной степени владея русским языком, сами публично объявляют дело политическим. Официальный представитель Следственного комитета Владимир Маркин ухитрился в одном интервью, опубликованном в газете «Известия», дважды нарушить закон. До суда этот господин объявил, что Навальный «сможет из тюрьмы бороться с коррупцией».

Неправомерное давление на судью налицо.

Далее, тот же господин Маркин, как уже было сказано, признал, что дело Навального – политическое.

Но наиболее общественно опасно третье признание Владимира Маркина, и его необходимо процитировать целиком:

«Есть подозрение, что в Йельском университете, или где там готовят кадры политиков для развивающихся стран, просто не разобрались, перепутали Россию с Грузией или какой-то еще страной третьего мира. Вряд ли его кураторы не знали, что вероятно

уголовное преследование. То есть рассчитывали на такой резонанс, мол, обижают правдоискателя, рубящего правду-матку».

Попробуем перевести это высказывание на русский язык. Итак, спикер Следственного комитета полагает, что оппозиционеры в России возникают по замыслу профессоров американских вузов. И этот вот собирательный Йельский университет сознательно провоцирует непомерно эмоциональные, но, очевидно, с точки зрения господина Маркина, безмозглые российские власти на репрессии в отношении лже-оппозиционера.

Спикер не сказал, правда, с какой целью российские власти должны репрессировать жалкого политического гомункула, выращенного в американском университете. Еще менее понятно, зачем все это нужно американцам.

И все-таки высказывания господина Маркина не содержат ни капли лжи. В сухом остатке его речи вот что. Следственный комитет объявляет гражданина Навального политическим заключенным, которого российский судья, в сговоре с прокуратурой, намерен посадить на нары в результате провокации Йельского университета США. Говорят, судья, который будет рассматривать дело Навального, — девственник. В том смысле, что никогда еще не вынес оправдательного приговора.

Но возникает вопрос: «Что все это значит?».

Какое значение, например, у «дела Магнитского», которое ведут против покойника?

Как объяснить нормальному человеку, почему вся государственная машина России ополчилась на одного убитого в российской тюрьме человека? Судя по сообщениям и российских, и иностранных СМИ, этот человек, Сергей Магнитский, раскрыл банду преступников, которые грабили государственную казну. Почему вся государственная машина выгораживает преступников и судит безответного покойника?

Объяснить это безумие нельзя ни на каком языке.

Ни на русском, ни на английском, ни на эсперанто. Зачем же этим все-таки занимаются многочисленные спикеры немногочисленных держателей власти?

Заумь Хлебникова или эхолоалия Андрея Белого, теории поэтического языка второй половины XX века объявляли миру, что смысл есть даже там, где его на первый взгляд не видно.

А люди, выступающие от имени российского государства сегодня, — его Дума, спикеры правительства и карательные

органы, – доказывают обратное. Они употребляют язык с целью убедить своих подданных слушателей в отсутствии значения у любого, даже на первый взгляд осмысленного высказывания.

Спротивление бесполезно – не только активное, или сопротивление действием, но и пассивное – сопротивление словом. Как и зачем сопротивляться, если, что бы вы ни сказали, все это не будет иметь никакого значения?

Вот почему люди попроще из числа мандато- и хоругвеносцев просто стараются запретить всем обижать их как таковых.

А люди, устроенные посложнее, пытаются с помощью неких художественных средств убедить остальное человечество в бессмысленности политической оппозиции в России – как абсолютного зла.

Единственное, что пока позволяет остальным гражданам свободно пользоваться речью для понимания положения дел в стране, – это страх самих государственных мужей и их органов, что от неаккуратного обращения с законами они же первыми и пострадают.

20 апреля 2013

Глобальный русский Джохар

15.04.2013

Два взрыва на Бостонском марафоне убивают троих человек и ранят более 280.

19.04.2013

Спецоперация по задержанию подозреваемых братьев Царнаевых. Тамерлан Царнаев от ран умирает в больнице.

25.04.2013

Ежегодная телепередача «Прямая линия с Владимиром Путиным» на Первом канале, России-1, России-24, Мире, Russia Today.

Путин о бостонском теракте:

«Дело не в национальности и вере, а в экстремистских настроениях. Младший Царнаев является гражданином США, а кто-то говорит о том, чтобы объявить его военнопленным – это бред. Эта трагедия должна подтолкнуть нас друг к другу в сфере купирования общих угроз».

В моем детстве город Бостон существовал в историческом меме «Бостонское чаепитие». Подростком я узнал про вальс-бостон, был и другой просторечный мем – «в лучших домах Филадельфии и Бостона». Сегодня это для меня прекрасный город, где живут

мои друзья — русские эмигранты, где сам я уже не раз бывал. И где на днях юноши из России предположительно взорвали две адские машины, убив несколько человек и ранив несколько сотен участников Бостонского марафона. Отныне особое значение навсегда приобретет и это слово — «Бостонский марафон».

В России многие вскинулись, когда американские СМИ назвали юношей чеченского происхождения «русскими». Но это слово «русский» — применялось англоязычными СМИ и к бывшему Советскому Союзу, а различать тонкости — «русский» или «россиянин» — и в самой России не очень умеют, чего ж требовать этого от американцев.

И все же русский, российский, киргизский, казахский или советский, двадцатишестилетний гражданин США Тамерлан Царнаев убит, двенадцатилетний гражданин США *in spe* по имени Джохар Царнаев пойман, и вздох облегчения издали многие жители Бостона. Но, думаю, не все.

И ключевым здесь является опять-таки слово «русский». Попробуем рассмотреть удивительный излом исторической семантики этого слова «русский» в этот довольно удивительный день. Сегодня в истории России и США туго стянулся интереснейший узелок: одно слово позволяет увидеть связь между событиями, отстоящими друг от друга очень далеко.

На первый взгляд, между этими событиями ничего общего. И в самом деле, никакая индивидуальная или групповая человеческая воля эти события не связывает. Даже то, что они пришлись так кучно на вторую половину апреля, скорее всего, случайность. И я бы никогда не написал нижеследующее, если бы больше двадцати лет назад не поработал Кассандрой и не описал языковые пружины того, что произошло сейчас.

События, образующие историческую рамку «Бостонского марафона» 2013 года — это подписание 19 апреля 2013 года договора между Сербией и Косово и убийство ракетным ударом 21 апреля 1996 года в Чечне президента Джохара Дудаева. Два сценария, в развертывании которых Косово перестало быть частью Сербии, а Чечня осталась Россией. Я сейчас оставляю за скобками еще более глобальную рамку — саудовца Бин Ладена и глобальный исламистский террор, разлившийся по свету после противостояния США и России (СССР) вокруг последней большой проигранной войны советского народа — Афгана.

Итак, американские СМИ абсолютно правильно назвали братьев Russians. Именно за то, что жители Чечни остались Russians, и бомбили город Грозный. И теперь это такая же вторая столица третьеримской империи, каким был Константинополь для Рима. Политически невменяемые москвичи голосят, что, мол, «чеченцы куролесят в Москве». Но Рамзан Кадыров, господа, – Russian, и все бойцы его – Russians.

Византийские греки называли себя, как мы помним, «римлянами» – «ромеями». Вот в этом, третьеримском, смысле, Грозный – это Нью-Москва. Да, с исламским колоритом. Но именно этот город мы увидели и в мечтах русского Russian Владимира Путина, когда тот инаугурировался в президенты РФ, проехав по обезлюдившей столице своей империи. Две, типологически очень не похожие друг на друга, столицы современной России. Москва, где бурлит жизнь, где еще можно ругать и Путина с Медведевым и, немножко потише, Рамзана Кадырова. И Грозный, где, говорят, можно только молча созерцать фонтаны и подсвеченную мечеть.

Возникает вопрос, а как связана с «Бостонским марафоном» эта внутрirosсийская история? И почему я вспомнил о 21 апреля 1996 года? Да потому, что выжившего брата зовут Джохар. Ему 19, и назвали его в честь Джохара Дудаева, советского генерала, служившего в Эстонии, ставшего первым президентом Чечни, с которым не захотел вести переговоры первый президент России Борис Ельцин.

Кем был Дудаев для Бориса Ельцина? Белой костью, блестящим боевым офицером, летчиком, мгновенно сориентировавшимся в политическом раскладе умиравшего СССР. Кем был Ельцин для Джохара Дудаева? Обкомовской крысой из Свердловска, пользовавшейся поддержкой кагэбэшников и ничего не понимавшей в национальной политике. Под маской уважения Дудаев не мог не презирать Ельцина за легкость, с которой тот распустил СССР из карьерных соображений. Под маской презрения Ельцин не мог не бояться Дудаева и думал отделаться от него грубой силой.

Почему же в этой точке США, которые активно помогали Косово отделиться от Сербии, встали на сторону Москвы в споре с Грозным? Почему, по слухам, военные Билла Клинтона помогли военным Бориса Ельцина навести ракету на телефон Джохара Дудаева? Общий ответ прост: американцы считали, что потери России после роспуска СССР и без того слишком велики, и пусть то, что осталось в составе РФ, навсегда останется Россией. Сербии в этом плане повезло меньше, и расчленение Югославии про-

двинулось на шаг дальше: примерно так, как в Грузии, у которой отобрали Абхазию и Южную Осетию.

Мне кажется, историческая справка об истории Чечни, которую американский юноша по имени Джохар мог получить от преподавателя американского колледжа, содержала примерно такой ответ.

Вот почему, я думаю, обжившийся в США Джохар Царнаев оскорбился бы, узнав, что его называют Russian, никак не меньше, чем москвичи, обиженные, что их всех считают в мире соотечественниками такого известного Russian, как Рамзан Кадыров.

Не знаю, какую роль в самосознании Джохара, задержанного младшего брата предполагаемого террориста Тамерлана Царнаева, играло его имя и понимание напастей, обрушившихся на чеченский народ во второй половине XX века.

Но знаю, что семена государственного террора сильнее самих государств. Той России, которую получил от Михаила Горбачева Борис Ельцин, больше нет. А семена позднесоветского и российского государственного терроризма проросли в самых неожиданных местах и людях – от молодых вдов, взрывающих самолеты на юге России, до полковника Буданова и его убийцы в Москве. А убийства других чеченцев – на Ближнем Востоке, в Вене, в Лондоне? Это ведь тоже – продолжение the Russian Civil War, с легким кавказским акцентом.

Но есть у эпитета Russian и другой оттенок, который политически больше всего должен беспокоить и, видимо, беспокоит сейчас и американцев, и многих московских Russians.

Находящегося в США в заключении Russian Виктора Бута и разыскиваемого британской полицией Russian Андрея Лугового московские, а точнее, кремлевские Russians изо всех сил выгораживают и поддерживают – как своих. Для Запада эти люди – часть глобальной террористической сети, угрожающей международной безопасности. Для России – простые русские разведчики, продолжающие нелегкую службу ради величия державы.

А вот Russian Рамзан Кадыров своих соплеменников Джохара и Тамерлана сдает. Но сдает на трагикомических основаниях. Он думает, что юноши-террористы бросят тень на Чеченскую республику. Но для Запада Чеченская республика уже находится в тени Рамзана Кадырова. Вот почему единственным способом отвести от себя любые подозрения было бы просто сказать: «Да, это наши ребята, вот только путь, ими избранный, не наш. Спите

спокойно, дорогие американцы! Мы, чеченцы, — те же Russians, только побоевители». Но Рамзан Кадыров этого не сказал, он предложил разбираться с ними Вашингтону, а косвенно — и Москве.

Между двумя столицами России — Москвой и Грозным — слишком туго натянуты провода. Вместо пары Борис Ельцин — Джохар Дудаев на концах этих проводов Владимир Путин и Рамзан Кадыров. Russians на randevу. Поэтому ни американцы, ни русские пока не могут спать спокойно.

17 мая 2013

Против кого бунтуют гомофобы

У всякой фобии (в переводе с греческого — «страх») двоякая мишень — тот, кого бояться, и тот, кто боится сам. Это верно и в отношении неживых источников страха. Например, клаустрофоб боится не просто закрытого помещения, но унижительной утраты самоконтроля, стоит только ему в это закрытое помещение попасть.

Или юдофоб.

«Глупый» антисемит считает себя защищенным от евреев тем, что сам-то он, во всяком случае, никакой не еврей.

«Умный» антисемит правильно опасается, что и его самого могут либо принять за еврея, либо даже объявить евреем, и тогда ему несдобровать. Вот почему юдофобами обычно называют людей, ненавидящих собственное еврейство как источник экзистенциальной муки.

В нацистской Германии и Австрии некоторые ассимилированные евреи-немцы были вполне солидарны с преследованием так называемых «восточных евреев» — из городков и местечек Польши, например. Такие евреи полагали, что германская машина истребления людей — «умная», и никогда, мол, не тронет «своих».

Нацистская Германия, к сожалению, все еще плодотворный пример для размышления в некоторых постсоветских государствах, где возрождается поиск надежных и легко устанавливаемых врагов.

Собственно, всякое национальное возрождение обычно сводится к выявлению понятного врага, на которого удобно науськать толпу. Есть, например, в бывшем СССР большие города, в

которых преподавателям не велят рекомендовать студентам учебники, написанные авторами с армянскими фамилиями.

Есть миллионные города, в которых разрешено преследовать людей по признаку их сексуальной ориентации. Почти повсеместно дискриминируются инвалиды: для их удобства почти нет пандусов или лифтов. Так, большинством станций московского метрополитена могут пользоваться только довольно крепкие люди. Пересчитайте ступеньки на станциях «Библиотека имени Ленина» или «Аэропорт»!

В отличие от мелких мошенников, которые охотно выдают себя за инвалидов или их представителей, большинство настоящих инвалидов делает вид, что никакие они не инвалиды, что они справятся, что они все-таки смогут сами преодолеть десятки и сотни гранитных ступеней.

Но сделать это трудно.

И тогда несчастные люди раздражаются и сатанеют.

Им тяжело, они злятся на себя за беспомощность и на всех остальных – на тех, кто видит эту беспомощность, но не войдет в положение.

Никаких официальных справок в подтверждение слабости, болезненности, беспомощности большинство людей предъявить не может.

И это затягивает петлю взаимной озлобленности. Очень медленно постсоветское общество научается помогать своему обессиленному большинству.

Но злобы накопилось все-таки еще очень много. И ее надо правильно расфасовать. В этой расфасовке совершенно особое место занимает гомофобия.

Она в России совпадает с привычкой к лицемерию, вшитой в современный русский язык. Сам язык диктует людям ошибочное поведение. Сейчас всем известен тюремный жаргон. Усилиями отвязанных людей искусства и расконвоированных политиков он вошел в повседневную речь.

В этом жаргоне есть специальное обозначение для людей, подвергаемых сексуальному насилию в тюрьме. Их называют «опущенными», «опетушенными», «петухами» и т.д. Бывает так, что целая популяция может ошибаться. И в таком вот словоупотреблении заложена ошибка популяции носителей русского языка.

Изнасилованному человеку присваивается обозначение, которое на самом деле должно быть приписано насильнику. Иначе говоря,

«петухом», «козлом», «орлом», — называйте как угодно, — но, как ни крутите, настоящим гомосексуалом оказывается «опускающий», насильник. А вот избираемая этим насильником жертва как раз вовсе не обязательно имеет склонность к сексу с представителями своего пола.

И вот теперь дорогие россияне используют термин, навязанный обществу насильниками. А вместе с термином усваивается и ярость к гомосексуалам — как к больным или преступникам. При этом — из-за слова и страха — настоящих насильников и преступников это самое общество не видит. Тем временем сцепка тюремной администрации и гомосексуалов-опускателей знает себе работу, благо и число заключенных растет, и ненависть к «гомосятине» разогревается с нездешней силой.

А гомофоб боится себе подобного, другого человека. И защититься от него хочет раз и навсегда. Абсолютным оружием.

Логика тут неумолима: требующий запретить пропаганду гомосексуализма выступает в поддержку гомосексуалов-насильников против обыкновенных людей, неважно какой ориентации.

Гомосексуалы — точно такие же люди, как и всякие другие. И среди них есть преступники и насильники, которым хочется спихнуть ответственность за преступление на свою жертву.

Почему же нормальные, на первый взгляд, люди поддерживают гомофобов, добившихся запрета так называемой «пропаганды гомосексуализма»? Из того же страха перед «гомосятинной»: не поддержи я это, не дай бог, самого за такого примут. Или по невежеству, по той самой темноте человеческой, которая боится самого знания. Ненависть к знанию, в том числе — знанию о самом себе — тоже сидит в понятии «гомофобия».

Логика страха — та же, что у борцов с проститутками. Знамо дело, это проститутки «сами виноваты», когда их калечат озверевшие самцы. Еще бы: ведь у самца ретивое играет, и это так естественно. Проститутки же все — ну, мы же знаем, кто они есть, правда? Они же прямо-таки провоцируют, негодяйки эдакие.

И «нарки», «наркоши», наркоманы для ныне действующих законодателей, мягко говоря, не совсем люди. Принимают закон, позволяющий поголовное тестирование детей на потребление наркотиков. А почему бы не проверить на вампиризм? Или на склонность к злонамеренному падению с велосипеда? Есть ведь такие рискованные люди. Катаются, падают, а ты их лечи, трать на них народные деньги.

Откуда у граждан такая страсть к принудительному лечению? Может быть, сами болеют, но боятся обращаться к доктору?

30 мая 2013

Почему русские не видят репрессий?

Народные пословицы безжалостны к народу. Например, говоря, что русский мужик крепок задним умом, народная мудрость утверждает, что обычным, передним, он как раз слаб. И ведь тоже понятно, почему. Объяснение находим в другой пословице: заставь дурака богу молиться, он лоб расшибет.

Но мужика жалко. Ведь богу молится. В Россию верит, например, или в царя-батюшку. Но язык свой родной учит скверно. Точнее, верит всякому сброду, заезжей штучке, скажем. Или местному какому проходимцу. И доходит в своем непонимании родного языка до каких-то совершенно уже непереносимых пределов.

И вот вам отличный пример. С одной стороны доносится крик: «Возвращаются сталинские репрессии! Сталинизм на марше! 1937-й год!»

С другой стороны доносится окрик: «Не сравнивайте! То были настоящие репрессии, а сейчас-то что? Даже свобода слова есть! А будете кричать – станет еще хуже!»

Есть и промежуточные, и более радикальные позиции. Почему же, говоря иногда об одном и том же, например, о вопиюще неправоподобном преследовании Алексея Козлова или Алексея Навального, жесточайших – по мере не содеянного ими – карах, свалившихся на Алехину и Толоконникову, люди в одной стране так разделились?

А все дело в языке. Точнее, в последствиях старой советской индоктринации, или промывания мозгов, которое устроили ровно поколение тому назад официальные защитники советского строя.

Именно тогда, в начале 1950-х годов, когда советским властям надо было примирить послесталинскую эпоху со сталинской, в ход пошли полезные эвфемизмы – мягкие дезориентирующие людей обозначения.

Массовый террор и кровавая баня, устроенная одной частью населения против другой (от раскулачивания до «дела врачей» или убийства членов Еврейского антифашистского комитета), была названа «незаконными репрессиями». А сам факт при-

знания «незаконности» свелся к формуле «посмертная реабилитация».

Эти-то два речения – «незаконно репрессирован», но «реабилитирован посмертно» – и должны были закрыть эпоху.

Но язык – коварная вещь. Не назвав террор – террором, вернее, переименовав террор в репрессии, население России лишилось словесного инструмента для самоописания.

И теперь, когда немногочисленных свободных людей фактически незаконно репрессируют – прессуют, «впаивают двушечки», избивают и держат в кутузке, сперва спровоцировав на возмущение действиями полиции (как на Болотной), – общество просто не распознает, что именно это и есть репрессии, это и есть репрессивный полицейский режим.

Почему? Да потому что словом «репрессии» обозначают другую, чужую историческую реальность.

Может показаться, что это несущественная мелочь. В самом деле, ну какая разница, говорят нам, каким словом описывать те или иные безобразия.

Но это и есть роковая ошибка. Не умея обозначить происходящее на сухом юридическом языке, люди не могут разумно действовать, не могут толком и сообщить ничего о своей стране ни собственным детям, ни остальному миру.

«Это не сталинские репрессии!» – говорит главный начальник страны. Имея в виду, что сейчас все не так страшно.

Нет, это не сталинские репрессии. Но не потому, что сейчас не страшно. Просто сталинских репрессий никогда и не было. Сталинская система была системой массового террора, только временами доходившая до массового уничтожения. Но и это организованное массовое уничтожение людей назвали словом-прикрытием «раскулачивание».

На самом деле истребляли социальными слоями и народами. А в газетах писали «головокружение от успехов».

Вот и выражение «сталинские репрессии» придумали постсталинские чекисты, чтобы избежать виселицы: тогда нравы были проще, и восстания в ГДР, Венгрии, да и в Новочеркасске заставляли дрожать советских карателей.

Так что Путин прав. Это не сталинские репрессии. Но это наши, постсоветские репрессии, которые, возможно, войдут в историю как путинские, или репрессии так называемого следственного комитета.

Черт их знает, кто придумал, что общество лучше контролировать плеткой – Березовский или Бастрыкин, Путин или Патрушев, – они обществу не подотчетны и не докладывают.

Просто потому, что и сами говорят на советском новоязе. И они думают, что «сталинских репрессий» в России нет, а есть только «взятие на контроль», «обеспечение правопорядка», «выявление иностранных агентов», «проверка на законность», «отказать в УДО».

Все эти и многие другие слова-прикрытия неназываемых репрессий и нужны потому, что само общество оглушено самообманом и неизвестно, как себя поведет, когда в очередной раз выйдет из забвения.

Здесь есть важный семантический нюанс: репрессии отличаются от террора тем, что имеется видимость законности. Конечно, законность эта липовая. Например, судья Ольга Егорова наверняка понимает, что соучаствует в репрессиях против Пусси Райот, отказавшись пересмотреть их дело. Но чисто формально она ведь только отказалась пересмотреть дело.

Как же нам не стыдно употреблять такое нехорошее слово – «репрессии»?! Разве судья Сырова рассмотрела его не на основании закона? А раз был вынесен законный приговор, то очередной судья просто решил дело не пересматривать.

Почему же это все-таки репрессии? Ведь все по закону. Да, по закону, но установленному для другого состава преступления. Иначе говоря, приговорившие Толоконникову и Алехину к тюремному заключению люди только делали вид, что действовали в рамках закона, а на самом деле злоупотребили своими полномочиями и репрессировали группу Пусси Райот.

И этот факт приняло большинство населения страны. Населению кажется, что репрессии – это спектакль, который его не коснется. Оно ведь не пело в церкви «Богородица, Путина прогони!». Оно не разоблачало жуликов и воров.

Этот факт приняли крепкие задним умом люди. Ведь все знают пословицу про закон, который что дышло. Впрочем, большинство русских слово «дышло» знает, а как оно выглядит в натуре – нет.

Так и с репрессиями. Путинский режим, по существу, действительно, очень народный. И вместе с народом, вся крепость которого ушла в задний ум, он пользуется той облегченной версией русского политического языка, для которой не требуется не только логика, но и история.

Вот почему русские не воспринимают репрессий, не просто потому, что у них нет для этого правильного слова. Они и не хотят их видеть, чтобы не портить себе карму. Не загоняться. Не заморачиваться. Плавали, знают.

4 июня 2013

Тень отца Звездония

30.04.2013

Прокуратура предписывает «Мемориалу» зарегистрироваться в качестве иностранного агента.

28.05.2013

Во Франции узаконены однополые браки.

В день защиты детей 1 июня 2013 года патриарх московский и всея Руси Кирилл Гундяев выступил с удивительной политической речью. На Бутовском полигоне – там, где в конце 1930-х годов расстрельные команды НКВД сотнями убивали своих соотечественников и тут же зарывали их в землю.

Этот риторический памятник нашей эпохи будут со временем изучать в школе. Но некоторые пассажи нужно разбирать по горячим следам.

Пассаж первый:

«С августа 37-го по октябрь 38-го, особенно в конце 37-го года – октябрь, ноябрь, декабрь, мрачные, темные месяцы, не то осень, не то зима, снег и дождь, холод и ветер, – и вот сюда привозят несчастных, обреченных на смерть людей. Темно, сыро, грязно – казалось бы, никакой надежды на свет, никакой надежды на то, что Бог явит правду. Может быть, до самого последнего мгновения эти люди верили, что чудо произойдет и они останутся живы. Но Бог тогда никакого чуда не явил, и они были умерщвлены на кромке этих страшных рвов, которые потом заваливались грязью, погребая в себе тела мучеников за Христа...»

По старой советской традиции, укорененной до сих пор, оратор скрывает от своих слушателей, кто же совершил преступление, даже не намекает, не то что не называет тех конкретных людей, кто деятельно тысячами уничтожал своих соотечественников на Бутовском полигоне с августа 1937 по октябрь 1938 года.

Далее, проповедник вводит в заблуждение своих слушателей, высказывая предположение, что жертвы, «может быть, верили, что они останутся живы».

Никаких оснований для такого утверждения оратор предъявить не может.

Мало того, самую свою речь проповедник отрицает собственное предположение.

Убийцы, расстрелявшие и закопавшие людей во рву в 1937-1938 годах, столь профессионально и столь надолго уклонились от ответственности, что сам верховный владыка самой большой религиозной конфессии России, три четверти века спустя ни разу не называет и не упоминает даже названия организации, сотрудники которой провернули бутовскую мясорубку.

В проповеди сказано, что это сами «рвы погребали в себе тела мучеников за Христа».

Между тем, на Бутовском полигоне сотрудники НКВД разного происхождения и вероисповедания убивали граждан по разным показаниям. Потом палачи закапывали убитых в ров.

Зачем же красноречивый сановник делает вид, что происшедшее было каким-то мистическим явлением природы? Заодно замарывая и собственное небесное руководство, которое почему-то «не явило чуда спасения».

А цель святейшего умолчания обнаруживается уже в следующем пассаже.

«Но разве сегодня не требуется исповедовать веру во Иисуса Христа, когда общее течение современной так называемой культуры уносит сознание людей в сторону, противоположную Христу? И какая разница, кто на той стороне: люди с оружием на краю этих страшных рвов или те, кто словом своим, примером своим, а иногда и властью своею отрывает людей от Христа и разрушает веру?»

Итак, не убийцы («страшные люди с оружием») на краю рва, а люди с оружием на краю «страшного рва». И вот поэтический туман постепенно рассеивается: слушатель делает нужный оратору вывод. Оказывается, эти убийцы, хоть мы их и не назвали, существуют до сих пор.

И все-таки, почему тех, старых, убийц пастырь называть побожлся? А новые – кто они? И почему их назвать не страшно?

Да вот же они! Замаскировались под французских парламентариев и деятелей «так называемой культуры», которые, оказывается, «отрывают людей от Христа».

Церковному оратору, наверное, можно не видеть разницы между своим, родным и понятным вооруженным преступником в униформе и каким-нибудь чужим итальянским геем вроде Пазолини, автора фильма «Евангелие от Матфея».

Но «отрывать людей от Христа» можно и в пользу, скажем, Магомета или Будды. У них тоже полно сторонников. Это ведь отрыв не смертельный, не так ли? И во рву Бутовском лежат и такие.

Да поклоняйтесь вы хоть камню с большой дороги, только не кидайтесь этим камнем в людей.

Однако же, обвинив парламентариев дружественной страны в принятии богохульных законов, трудно не обновить и символ веры.

«Быть христианином сегодня значит ни на минуту не терять бдительности...»

О бдительность, фирменный советско-российский девиз.

Правда, не будучи ни чекистами, ни христианами, большинство населения России, если кто-то хочет его духовно окормить, нуждается все-таки в более конкретных рекомендациях.

Что делать гражданам, если совсем по соседству, в Европе, богохульниками становятся десятки миллионов людей?

Возможно ли в связи с этим вообще дальнейшее сношение с французами? С этими либералами, которые, по мнению архипастыря РПЦ, так похожи на чекистов, расстрелявших и сбросивших в Бутовский ров советских граждан?

Чего же хочет от Бутовского полигона РПЦ?

Дело в том, что, заключив пакт с правительством СССР, официальная Русская православная церковь и не поднимала вопроса о массовом государственном терроре против граждан СССР. Даже священнослужителей.

Но свято место пусто не бывает. Эту задачу в последние двадцать лет решало светское общество «Мемориал».

Светское, неправительственное, некоммерческое научно-исследовательское общество.

Это «Мемориал», а не РПЦ, поднимал архивы.

«Мемориал», а не РПЦ, выявил тысячи, десятки тысяч «убиенных».

В том числе и деятелей церкви, и простых прихожан, христиан и буддистов, мусульман и социалистов. Вся конфессиональная, идейная и просто человеческая пестрота России лежит в земле на Бутовском полигоне.

И теперь духовным наследникам тех, неназываемых, кто стоял с ружьем у рва, все это очень не нравится. У них одна задача – поскорее бы закрыть «Мемориал», да и дело с концом.

Но пока никак нельзя. Работа сделана. Не спрячешь. А оприходовать трупы пока не научились. Пробуют перевесить бирки. Под названием «Крест – мучеников похвала» РПЦ и занимается, как видно, торжественной апроприацией «невино убиенных».

Свершилось, оказывается, отложенное чудо: когда мистический ров сам закапывал в себя убиенных, «бог не явил чуда». А мы его дождались: разве не чудо превращение бутовских жертв в «мучеников за Христа»? Пусть только на словах, в ревизской сказке, так сказать.

Да-да, на наших глазах пишется четвертый том «Мертвых душ».

Дело Павла Ивановича Чичикова ставят на поток. В отличие от Пушкина, Гоголь, надо сказать, лиц духовного звания в «Мертвых душах» пощадил. Для ориентации в политическом пространстве новой России Гоголь подарил нам и славный тандем Ноздрева и Манилова, и Собакевичей с Плюшкиными...

А вот пространство духовное оставил с подвывертом. И тень отца Звездония шагнула в постсоветскую Россию из виртуального будущего – романа Владимира Войновича «Москва 2042».

«Будьте бдительны!» рекомендует тень.

Отвечаем: «Уже!»

«Не прите против рожна!» — цитирует патриарх Кирилл апостола Павла.

«Знамо дело, чай, не в Стамбуле, гражданин начальник!»

Эх, бдительные, будьте людьми.

14 июня 2013

Партизаны болотных кочек

В день России 12 июня 2013 года довелось мне читать лекцию о риторике в Парке Горького. Где знаменитый фильм снимали. В открытом кинотеатре «Пионер».

После короткой лекции несколько человек выступили с вопросами-комментариями.

Один из слушателей спросил, как быть, если девушка говорит тебе, что ты ей нравишься, а ты ей вовсе даже и не нравишься.

Зачем она врет? Как мог, я пытался утешить юношу, что, мол, ложь является печальной, но, видимо, неизбежной составляющей всякого общения: она же может быть законным поводом это общение и прекратить.

Как вдруг юноша признается, что это он сам обманывает девушку по телефону и не только по телефону.

Что делать?

Может быть, некоторые и уходят в политику, чтобы покончить с неизбежной бытовой мукой взаимного вранья?

Но в политике лжи, обмана и самообмана даже больше, чем в быту. Как-то они взаимосвязаны, но вот как?

Вот «день России» – 12 июня, праздник независимости, или обретения государственного суверенитета. Но ведь все знают, что этот суверенитет был результатом интриги нескольких политиков, желавших сместить Горбачева с поста президента СССР. Поскольку законных методов смещения не было, они и придумали Беловежское соглашение. И сейчас российские власти и большая часть населения винят ушедшее поколение политиков в том, что те обкорнали страну, вытолкав в зашей нужных и полезных, а вместо них зазвав к себе бесполезных и лишних.

Но день разъединения празднуют как день объединения.

Дальше больше. Над названием «Объединенный народный фронт» не смеялся только ленивый. «Дурацким» назвал свой вопрос, кого бы нам назначить командующим, С. Говорухин. Хотел, наверное, сказать «риторический», но слово это дурацкое забыл. И вот гражданский президент РФ стал еще и командующим фронта.

Линия фронта проходит везде, где раздается писк недовольства. Если этот писк из собственных рядов, из «Партии жуликов и воров», то их внутренней оппозицией никто не назовет. «Оппозиция» на новом русском – это живущие на болоте маргиналы.

Маргиналы, надо признать, тоже придумывают названия без огонька.

Сорок лет назад Андрей Донатович Синявский очень убедительно объяснил, как Ленину и его товарищам удалось превратить свое меньшинство в РСДРП в большинство. Очень просто: Ленин перехватил слово «большевики». Оно для «народного уха» звучит, говорит Андрей Донатович, веселей, чем меньшевики.

Природы вечный меньшевик, говорил поэт про медведя-арестанта.

А вот у недовольных нашего времени революционный язык еще хуже, еще фальшивее, чем у путинистов-фронтоников.

Что лежит в основе катастрофы с политическим неймингом, сказать не берусь. Может быть, с тем, что приличные партийные имена расхватали? Воцерковленные националисты называют себя «коммунистами», серо-буро-малиновое движение Жириновского захватило бренд «либерал-демократов».

Неистребимая фальшь сопровождает все попытки демократического движения достоверно обозначить свое место, очень скромное место, на пока еще мавзолейно-мертвой политической арене России.

Ну почему, например, «Другая Россия»?

Вы же сами, господа, утверждаете, что перехватившие у Ельцина власть чекисты нелегитимны и, в общем и целом, свое «историческое государство Российское» представляют плохо. Вы ведь их считаете «другой Россией», а себя-то – представителями России подлинной, чаемой, лучшей, настоящей. Какого же черта называть все свое движение столь нелепым и отталкивающим образом? «А нам „другая Россия“ не нужна!» – резонно говорят вам даже самые тупые ваши оппоненты.

Дальше начинается и вовсе трагифарс оскорбительных преувеличений.

Если бы я верил в теорию заговора, то решил бы, что в стан оппозиционеров пробрались диверсанты, которые предлагают противникам нынешнего режима просто губительные для их худосочных движений имена и лозунги. То они пытаются выдать желаемое за действительное («марш миллионов»), то, по простоте душевной, берут чужой лозунг («за нашу и вашу свободу»), а то вдруг практикуют любовь к изящному.

Какой «Парнас», кудрявые? Назовите так летнюю веранду в райцентре для межрайонного конкурса художественной самодеятельности. Но политическую партию да еще «Народной свободы» называть Парнасом? Вы ее еще Геликоном назовите. Если, неровен час, кто-нибудь не свяжет это слово с известным жаргонным словечком *парнес*, обозначающим гонорар ресторанного лабуха.

Но вот зачем врёт правительственная пропаганда, хотя бы понятно. Дескать, все, кто недоволен властями, – оппозиция. Но оппозиция – это функция, а не субстанция. Иначе говоря, оппо-

зиционер только тот, кто хочет временно вытеснить тебя, переведя на время из рубки капитана или машиниста. Но в нынешней России такая оппозиция попросту не предусмотрена. Существует только правящий режим (местами – очень гнусный, местами – для некоторых – вполне сносный) и – все остальные, не имеющие никакой возможности показать свой политический профиль люди. Недовольные. Рассерженные горожане. Называйте как хотите. Но политической канализации недовольства у этих людей нет. Поэтому, например, правильный лозунг «Яблока» «Гражданское общество против полицейского государства» в России должен гласить: «Полицейское государство против гражданского общества». Тут все по-честному: без гражданского общества полицейское государство переродится и уже перерождается во что-то еще менее аппетитное.

«Марш против подлецов»? «Марш против палачей»?

Да, правоотступники в мантиях и погонах вынесли противозаконные приговоры. Но так, как эти судьи, думает большинство населения страны. А неумного и нечистоплотного человека называют палачом – это перебор.

Почему же слова, которые находят для своих публичных акций те, кто недоволен репрессиями, такие не политические? Да потому что за правильным словом для разговора с политическим противником нужно нырять глубже.

Ханты подарили Виталию Бианки сказку, которую в детстве знали наизусть многие люди моего поколения. Сказка называлась «Люля». Про птичку, Люлю-Нырка, которая достала для зверей щепотку земли со дна океана, чтоб из нее могла появиться суша.

Мне могут возразить: а что ты хочешь? Ведь политическая деятельность идет в тени врага. Они врут, что у них «Объединенный народный фронт», а нам что делать? Называть себя «Партизанскими болотными кочками»? Засмеют!

А хоть бы и засмеяли. Но ведь новый политический язык все равно придется создавать с нуля. И к нему должно быть только одно требование. Он должен быть честным. Как тот юноша в Парке Горького, который признал, что врет своим девушкам.

24 июля 2013

Хиральное угорание по сатане

Есть наивное представление, распространяемое, как ни странно, лингвистами, что всякий мелкий мусор, который иной раз нагоняет в словарь или речевые повадки молодежи, собственно к языку никакого отношения не имеет. Мол, есть *langue*, язык, великий и могучий, со своими неколебимыми правилами и со всех сторон совершенным словарем, а есть *parole*, всякий речевой вздор – вроде пены и мусора на поверхности волнующегося моря. Поэтому, говорят нам, даже если у вас речь неважная и замусоренная, не надо волноваться за *langue*. Язык, мол, и не такое выдерживал.

Этот взгляд не выдерживает критики, как только нам надо объяснить значение того или иного выражения человеку, который изучает язык здесь и теперь. Например, тайные агенты обязательно должны учить язык страны, в которой они этими тайными агентами работают.

Предположим, готовится такой агент к поездке в страну высокой духовности – Российскую Федерацию. Осваивая литературу, обнаруживает, что помимо слова «духовность» и нескольких возвышенных слов, образуемых от слова «дух» – «духоподъемный», например, или «духовник», его ждет в подворотне малопонятное слово «духовка» и даже совсем уж гнусное словцо «духосрач», обозначающее вышедший на неприличные обороты спор о высоком.

Всякому ясно, что обидным слово становится не потому, что изначально имело снижающее значение. Даже наоборот. Как прекрасны гуси! А с легкой руки писателя за словом «гусак», если его применить к человеку, закрепилось нехорошее значение. Значит, каким бы неподвижным, точным и невинным ни было семантическое ядро, в живом узусе, в речевой практике с его мякотью могут случаться какие-то чудеса.

Иногда, ныряя в живую речь, попросту не догадываешься, куда попадешь. Что гусак! Например, на жаргоне работников юстиции судей в России называют «судаками». Понятное дело, что это только привычная аналогия. Если следователь – «следак», то как же судье не быть «судаком». И все же слышится в этом слове некое, мягко говоря, отсутствие уважения. Какое-то плохо прикрытое оценочное суждение о судье – и нем, как рыба, и спесив, как судак.

Если сравнить язык с набором лекарств от непонимания жизни, то можно уверенно сказать: некоторые из этих лекарств оказывают тяжелый побочный эффект.

Поскольку слово – серебро, а молчание – золото, люди инстинктивно понимают, что о некоторых вещах, причем важнейших, лучше помалкивать. Особенно о таких, которые описывают и обсуждают все таинственное. Потому что начнешь говорить – и не сможешь остановиться, не забравшись в противоположном желаемому направлении.

Например, агент, попавший в Россию, быстро поймет, что многие люди в этой стране верят в существование невидимой высшей силы. Но что это за высшая сила? Например, добрая она или злая? Сама по себе такая вера может не представлять никакой угрозы ни данной личности, ни ее окружению.

Но язык, как и вся живая жизнь, устроен, говорят ученые, хирально. Если перевести это греческое слово на более понятный язык, то это надо понимать так – почти симметрично. Примерно так, как правая рука похожа на левую, а левая ноздря – на правую. Они почти зеркально отражаются друг в друге, но не совпадают. А вот чтобы понять одно, нужно держать в голове и другое.

Эта хиральность проявляется и по отношению к высшей силе. Когда люди говорят, что существует не только бог, но и черт, им приходится этого самого черта додумывать до конца. Если бог – седой, полноватый и светлый старец на прохладных облаках, то черт будет черным, тощим и злобным парнем. Хиральность будет проявляться тут во взаимозависимости и несовпадении: зачем бог создал черта, мы так и не узнаем.

Со времен эпохи Просвещения поэты, музыканты, архитекторы, скульпторы, карикатуристы и иконописцы соревновались за право изобразить черта то в возможно более ужасающем облике, то, наоборот, как друга человечества. Сатана в плаще потихоньку превращался в полезного и местами симпатичного Бэтмена или Супермена.

«Посоны, – читаю я в твиттере, – хотите тату?» «Колитесь по сатане!»

– Это как? Изображение врага рода человеческого на тело?

– Да нет, – отвечает мой юный эксперт. – Просто наддай побольше татушек покруче, чтоб глядеть жарко было!

Неужели, думаю, наряду с возрождением православия, ислама, иудаизма и буддизма, кое-где угнезвился и страшный и ужасный «сатанизм»?

Оказываются, нет. Незлобивые представители этой децентрализованной субкультуры – молодые и не очень люди, которых просто немного угнетает «духовка». Вот почему хиральность их реакции на религиозное возрождение проявляется тоже под видом религиозного культа. Только не настоящего.

Читаем сообщение в социальной сети ВКонтакте:

«Если что, мы здесь просто развлекаемся, да-да, никакого сатанизма всерьёз. А то уже задрали с обвинениями. Если честно, я вообще мало разбираюсь во всех этих варраксах и лавях, они мне не интересны (хотя последнего читал пару книжек). Просто инверснутые по вертикали пентяхи [пентаграммы] и кресты – это стильно. „Сатанизм“ давно уже просто модная хрень, так что не загоняйтесь. Пэгээмнутые [страдающие ПГМ = «православием головного мозга»; официальная расшифровка акронима – «противогололедный материал»] – уходите к сектантам...! Забаньте мой паблик в новостной ленте и не заходите сюда вообще».

Или вот признание из дневника незнакомки:

*«Ночь с понедельника на вторник я провела в компании К... и Т... Мы бухали, смотрели порнуху и упарывались по сатане **НО ЭТО ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЗАЧЕРКНУТО, И ВМЕСТО НЕГО НАДО ЧИТАТЬ наслаждались культурным досугом и делились друг с другом прекрасным».***

Что же это за чертовщина такая? Дай, думаю, узнаю, что все это значит. Почему девушке нравится «упарываться по сатане»?

Поиск завел меня далеко и глубоко. Оказывается, в зависимости от контекста выражение «по сатане» приобретает все новые и новые значения. Например, по сатане можно «угореть» и «упороться». По сатане можно дерзко проехать ночной окраиной, не без опасности для жизни слушая музыку.

«Влюбилась я в это музло. На велике очень круто по путепроводу в туман одной возвращаться домой. По сатане».

По сатане можно, наконец, просто жить. Интенсивно, на полную катушку. Демонстрируя толерантность, т.е. терпимость буквально ко всякой твари.

На лицо ужасные, добрые внутри, все эти посоны, у которых «глаза в линзах пекут по сотоне», не плачут, но угорают. Они чувствуют хиральность своего положения, и легко переходят на язык светского общества. Но главные свои мысли высказывают все же «по сатане». Крепко, очень, чтоб мало не показалось.

2 сентября 2013

Матерные кандалы Горянчикова

Чем меньше у человека словарный запас, тем труднее ему описать реальность. Иному кажется, что меньшим запасом, наоборот, даже проще выразить свои чувства: выходит поглубже, но доходчивее. Этот самообман легко развеять: чувства человек обычно испытывает довольно сложные. Вот почему из-за нехватки слов в ход так легко идут кулаки и зубы.

Френд по фейсбуку написал пост о встрече с группой школьников в электричке. На майке у одного из них было написано «Я – русский!», на кепке – «New York City», вся компания ела лапшу из пакетов с надписью «Доширак». А говорили школьники исключительно на матерном языке. На том самом упрощенном варианте современного русского, который, с одной стороны, запрещен к употреблению, а с другой – остается и средством межкультурного общения, и довольно странной, болезненной тайной.

В школе детям никто не объясняет, что это за язык. Они знают или умеют додумываться о его запретности. Но что есть запрет без объяснения? Объяснение неизбежно потребовало бы подробного описания самого предмета запрета. Из этого противоречия никак не получается вырваться. Но логический анализ его необходим. И хотя логика в России не в чести, попробуем разобраться.

Человек, который то и дело ругается матом, все-таки ведь не хуже, например, убийцы, правда?

Особенно такого, который специально готовился к своему ужасному преступлению. Как у Достоевского. Черт его знает, что там произойдет в голове у подростка, который прочитает роман об убийце всерьез. Не с той моралью, которой учитель может подсластить эту горькую пилюлю, а, так сказать, по Бахтину, в беспощадном диалоге с писателем. Да что с писателем – с разговором с самим чертом на вороном коне. При этом роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» вошел в школьную программу через два года после смерти Сталина, в 1955.

Итак, Достоевского с его философией смертоубийства подростки изучать могут и даже должны, а вот на объяснение жаргона, которым подростки наши перемежают Доширак и матерок в прокуренных и в провонявших мочой тамбурах, – на это нет ни

одной, ну ни одной секунды времени. Ни в школьной программе, ни в программе внеклассного чтения. Нигде.

Между тем отношения Родиона Раскольникова с матерящимися подростками гораздо сложнее и интереснее.

В журнале «Большой город» недавно провели опрос, кого из писателей дети хотели бы выкинуть из школьной программы и за что. Вот что сказали бедные московские детки про Достоевского.

«Как бы это неправильно ни было, но я бы исключила Достоевского. Я считаю, что его произведения слишком тяжелые. Человек должен сам дойти до него».

Запомним эту формулу: Достоевский нужен, но не в школьном исполнении. Идем дальше.

«Давайте уберем Достоевского, а то десятиклассники с тоской в глазах начинают шляться по подворотням и дворцам-колодцам, то ли в поисках старушек, то ли еще чего...».

Это – серьезная позиция. Не прочитаешь «Преступление и наказание» – глядишь, и старушка какая целее будет. Аргумент непрошибаемый: запретив мат, мы вынуждены запретить и его изучение. Идем еще дальше.

«Исключить Достоевского. Мнение, конечно, субъективное, но Достоевский переливает из пустого в порожнее тяжеловесные рефлексии и воспевают слабость. Слабость какая-то деструктивная, отдает застоявшимся болотом».

«Надо исключить муторного Достоевского, потому что он непонятный мне шизофреник».

«Я бы исключила Достоевского, потому что он депрессивный, маниакальный и совершенно жуткий. Когда ты подросток, и так все хреново вокруг, а Достоевский в школьной программе отравляет жизнь просто невероятно».

Как видим, детки перехватили у взрослых главный смысл официального взгляда на образование. Жизнь, говорят они, и без того отвратительна, с ее подворотнями, шизофрениками и желанием пристукнуть «всех этих людей». А школа, как им кажется, должна быть местом нормативного душевного покоя. Сладкое, медовое время. Ё-кэ-лэ-мэ-нэ, это же так понятно. «Я помню чудное мгновенье...», ходи оно конем. «На холмах Грузии лежит ночная мгла», гори она огнем.

Ни дети, ни взрослые не замечают и другое, промежуточное противоречие: как тогда быть с таким главным школьным предметом, как ОБЖ – основы безопасности жизнедеятельности.

Воспаленный ум, придумавший это название и эту обжористо-обжигистую аббревиатуру, как раз и представляет собой выпяжку из самого «депрессивного, маниакального и совершенно жуткого» Достоевского. Но если вам отменят Достоевского, то сами ОБЖ не превратятся ли в набор инструкций по изготовлению адской машины?

Удивительный мир, в котором смысл слов меняется на противоположный, начинается не с чьей-то злой воли. Запретители всего дурного искренне хотят добра. Но поскольку они плохо учились в школе и пролезли куда надо по блату, то и понимание добра у них – блатное.

Вот почему верхушка матерящегося взрослого сообщества – депутаты, органы образования и внутренних дел – пытается сделать запретным для всех остальных не что иное как свой цеховой язык. Все – по Достоевскому и отменившему его изучение в школе товарищу Сталину: из бывших эзков набрали лучших надзирателей, из бывших двоечников – составителей школьных программ и «единых учебников истории».

В последние летние деньки 2013 года московская полиция расклеила в вагонах метро воззвание с такими, в частности, словами:

«Не рекомендуется пересчитывать деньги в людном месте, не следует афишировать дорогие телефоны, компьютеры, фотоаппараты. После объявления „Осторожно, двери закрываются!“ преступник может вырвать приглянувшуюся вещь или сумку у пассажира, сидящего рядом с выходом, и выбежать из вагона. Защитите себя!»

Полиция дает одновременный совет и сигнал всем пассажирам – всех грабителей не переловишь, всех ограбленных не утетишь. Тем более которые афишируют...

Тот, кто должен был тебя защитить, становится наводчиком твоих же будущих грабителей. Кто не спрятался, я не виноват!

Так постепенно самые простые слова меняют свой смысл на противоположный.

Итак, если мат запрещают нам матерящиеся чиновники и разного сорта менты, то нечего удивляться, что двоечники составляют школьные программы. А уж потом и Достоевского, покойника Федора Михайловича, выкинут за ненадобностью сами школьники.

Как вчерашним двоечникам в мундирах и мантиях не хочется, чтобы мелкие людишки владели их настоящим языком, так и действующим двоечникам неприятно, что Достоевский на полтора года вперед раскусил их, школьников, собственное поведение.

«Арестанты, — писал Достоевский в «Записках из Мертвого дома», — почти все говорили ночью и бредили. Ругательства, воровские слова, ножи, топоры чаще всего приходили им в бреду на язык. „Мы народ битый, — говорили они, — у нас нутро отбитое, оттого и кричим по ночам“.

«Ругаться, „колотить“ языком в остроге позволяется. Это отчасти и развлечение для всех... Но враги ругаются больше для развлечения, для упражнения в слоге. Нередко сами себя обманывают, начинают с страшной горячкой, остервенением... думаешь: вот бросятся друг на друга; ничуть не бывало: дойдут до известной точки и тотчас расходятся. Все это меня сначала чрезвычайно удивляло. Я нарочно привел здесь пример самых обыкновенных каторжных разговоров. Не мог я представить себе сперва, как можно ругаться из удовольствия, находясь в этом забаву, милое упражнение, приятность?»

«Впрочем, — говорит Достоевский, — не надо забывать и тщеславия. Диалектик-ругатель был в уважении. Ему только что не аплодировали, как актеру...»

Ну что, не знаете вы этого матерного актерства? Знаете, как не знать!

Так чего ж ты хочешь?! Разрешить мат в школе и на улице? Пустить на самотек воспитательную работу и борьбу за культуру речи?! Пропагандировать непристойности?

Александр Петрович Горянчиков, чьи «Записки из Мертвого дома» Достоевский подарил нам 150 лет назад, кончает свои записки сценой в кузнице, где с него в последний раз сняли кандалы.

«Кандалы упали. Я поднял их... Мне хотелось подержать их в руке, взглянуть на них в последний раз. Точно я дивился теперь, что они сейчас были на моих же ногах...»

Двадцать два года назад кончилась советская власть, а матерные кандалы так пока и остаются не изученными и не понятыми, надетыми на мозги с закрытыми глазами и все-таки запрещенными. Дурь несусветная!

21 октября 2013

Вот да! Чтоб два раза не вставать...

В русском языке недавно закрепились новые речения, которые, кажется, пока что никто еще не разбирал. Речения эти возникли несколько лет назад на границе устной и письменной речи —

в социальных сетях, в чатах и эсэмэсках. Пойдем от коротких к длинным. Сначала о самом коротком. Оно состоит из двух союзов: «И да». За этим «и да» может последовать такое дополнение к сказанному, после которого собеседникам лучше разойтись и не возобновлять разговор. У речения «и да» есть более развернутый родственник – «чтоб два раза не вставать».

Другое речение – «вот да!» – обычно произносится или пишется в ответ на чужое высказывание, с которым собеседник как раз очень даже согласен. Больше того, он и сам бы хотел это сказать, но его опередили. И тогда он говорит «вот да». Правда, потом за этим «вот да» часто следует скрытое опровержение.

Почему эти речения такие короткие, понятно: они ведь возникли в быстром межпальцевом диалоге. Хороши «и да» и «вот да» еще и тем, что не нуждаются во всяких смайлах. Смайлы – это часто признание человека в неспособности (реже – в нежелании) выражать свои мысли и чувства с помощью слов. А мелко-речевое притаптывание с помощью дискурсивных слов обозначает все же попытку вскарабкаться с уровня жеста или картинки на уровень речи.

Пойдем немного дальше. Посмотрим на более пространные модные дискурсивные слова. Первое – «кому не везет, тот я». Например: «Кому сегодня вставать на работу и кто не спал всю ночь, тот я».

Для чего говорящий использует этот довольно сложный оборот? Он хочет соединить в своем высказывании две вещи, которые в жизни вступают в противоречие. Первая вещь – это потребность поведать о себе миру. Вторая вещь – это необходимость признаться в собственной неудачливости или невезучести. Для этой цели в языке есть и другие средства.

Интересующий нас оборот «кто невезучий, тот я» совмещает самоиронию с признанием, или признание с самоиронией. Пусть и не совсем удобно мне в этом признаваться, но всегда приятно поговорить о маленьком подвиге. При этом событие, спрятанное за незамысловатым «тот – я», обычно представляет собой цепочку мелких препятствий и неприятностей, из-за которых сама попытка добиться от говорящего чего бы то ни было обречена на провал. «...Тот я» – это человек, снявший с себя хотя бы часть ответственности за собственные действия. «Мне не повезло, такой вот я невезучий...»

Второе развернутое речение: «Это только мне кажется странным то-то и то-то?» Например, «Это только мне кажется стран-

ным, что о русском языке пишет человек с нерусской фамилией?» Так пишут обычно люди, уверенные, что их мнение на самом-то деле разделяет большинство. Но поскольку никто пока не успел высказаться, им пришлось первыми раскрыть всем нам глаза.

Почему таких речений и новых риторических вопросов становится все больше?

Возможно, только потому, что у людей появились для них гаджеты. Ведь это – выражения, позволяющие вставлять в любое высказывание такой подтекст, который позволяет собеседнику одновременно и высказаться, и уклониться от ответственности за высказывание.

Названные случаи: «и да», «вот да», «чтоб два раза не вставать», «это только мне кажется?», «кто невезучий, тот – я», – всё это только поплавки над целой сетью старых и новых речений. И в эту сеть человек попадает для того, чтобы сказать вроде бы всё, а на деле как бы и вовсе отказаться от высказывания.

В каких случаях может появиться такая необходимость отказа от прямого высказывания? Возможно, в тех, когда у других от твоих речей ничего не изменится, а вот лично тебя могут ждать большие перемены. Когда свобода высказывания ограничена наиболее болезненным образом. Да говори что хочешь! Вот только ответ тебе будет дан асимметричный. И – главное! – совершенно непредсказуемый. Обычно, однако, получаешь ответ в форме отсутствия ответа.

Вот, например, в Госдуме РФ есть депутат, который объявил Россию колонией США, а главу российского государства – тайным лидером национально-освободительного движения. Между тем, захваченные Госдепом США российские СМИ, по мнению названного депутата, «мешают президенту вести борьбу за суверенитет». И даже всячески цензуруют выступления президента. Ни медицинских, ни правовых, ни политических последствий эти публичные высказывания государственного мужа не имели.

С другой стороны, обращение нескольких девушек из панк-группы «Пусси Райот» к Богородице закончилось для них тюремным заключением.

Или другой пример. Президент России официально заявил, что гринписовцы, пытавшиеся захватить платформу «Приразломная», очевидно, не являются пиратами. Но вопреки этому довольно авторитетному мнению главы государства, к тому же публично высказанному, мужественные представители слепой

старухи-Фемиды из Мурманска гнут свое и держат гринписовцев в тюрьме по подозрению именно в пиратстве.

Как бы мог отреагировать на эту коллизия современный россиянин? Он мог бы спросить так: «Это только мне кажется, что, с точки зрения международного права, акт „пиратства“ в данном конкретном случае совершают российские спецслужбы?»

Или дать более развернутый ответ: «И да. В советское время у начальника на столе лежали два карандаша – красный и синий. Когда положительная резолюция была написана красным карандашом, ее можно было не исполнять. Сейчас, когда люди разучились читать и писать, вместо цветных карандашей и употребляются дискурсивные слова. И когда большой начальник говорит, что нечто «очевидно», это значит, что слова сказаны понарошку. Поэтому, объявив, что гринписовцы «очевидно, не пираты», президент просто подмигнул своим мурманским сообщникам.

Прочитав это, иной вялый россиянин ответил бы так: «Кто устал от этой вашей новой русской риторики отчаяния, тот я».

14 ноября 2013

Ложка дегтя в стоге сена

Вернулся с московскими студентами из Рима. Мы занимались в вечном городе вечной игрой в слова.

Рассматривая в метро официальные объявления и простецкие граффити, сопоставляешь с привычным. Поразительная пестрота этих записей помогает лучше понять многое сразу в трех языках – итальянском, латинском и русском. Иногда записи на старых надгробиях заставляют вспомнить и те времена, когда в Городе говорили по-еврейски и по-гречески. Нет ничего более итальянского, чем Рим, но и без языков-соседей и завоеванных картина была бы неполной.

Надписи на армянском на стене собора Святого Петра, или на болгарском – в церкви святого Климента, где похоронен один из отцов-учредителей и русской, в том числе, азбуки. Но и малограмотная английская и своя, итальянская, брань смотрит со стен.

На латыни камни подробно рассказывают о «великих понтификах» – епископах Рима, строивших город как великий памятник

ник себе и своему пребыванию на папском престоле. По-итальянски и – краской на всякий поверхности – то и дело слышишь богохульные или антиклериакальные возгласы.

Clerici, т. е. «попы», тут могут увидеть, что кто-то предлагает «потравить их дустом» (cloro). Или вот еще: пиццерия у стен Ватикана называется *Habemus Pizzam* – с прозрачным намеком на формулу, которой ждут миллионы людей по всему свету – *Habemus Param!* Ну, ничего святого.

И по старым надгробным плитам смело можно ходить. В некоторых церквях исповедные будки, конфессионарии, установлены прямо на изрядно потертых подошвами каменных лицах достойнейших людей. Это никого не смущает. И неуважения к умершим тут как-то не просматривается. С античных времен покойники здесь страшно разговорчивы. Надгробие приглашает путника вслух подумать о бренности всего сущего.

Одним из первых следствий этих мыслей как раз и является свобода слова. Ее приходится понимать как ложку дегтя в бочке меда. Или иголку в стог сена. Или наличие одной какой-нибудь паршивой овцы, которая, якобы, способна все стадо испортить.

Альтернативу этой плохонькой мудрости про паршивую овцу придумали как раз христиане две с лишним тысячи лет назад. Можно сказать, опровергли традиционную и довольно зверскую народную мысль другой, более светлой и человеческой. Но и неожиданной для специалистов по руководству.

Эта альтернатива прячется за выражением «добрый пастырь». Что это за человек такой? Всякий может поупражняться в добром пастырстве. Например, ходите вы, ходите со студентами по Риму, и вдруг не досчитываетесь одной студентки – скромной и немного мечтательной, которая любит отойти в сторонку и посмотреть на всю компанию издали. Потеряться в Риме совсем не страшно. Может быть, для многих это даже и веселей: люди тут добрые, и накормят, и спать уложат. Но это абстрактно.

А конкретной овечке, даже и совершеннолетней, но которую родители впервые отпустили на зелено-красно-белую лужайку, стало страшно: неужели придется одной возвращаться вечером на электричке в нашу деревню, куда весело ехать только отарой? И кто их знает, бесшумных и зорких воришек и авантюристов, которыми тоже кишит многоликий и прекрасный Рим? Ведь семеро одного не ждут! Ведь нас предупреждали, что опоздавший сам обрекает себя на страх.

И тогда желающий побыть добрым пастырем оставляет отару на поечение коллег и, чертыхаясь, идет искать потерявшуюся. Благо, и искать-то не надо: жертва щиплет траву европейской культуры в полукилометре от нас, прямо перед фонтаном возле Пантеона.

Тут вполне наглядно, что это за зверь такой – добрый пастырь.

Да-да, у нас это называется «мягкосердечием» и «быть добреньким за счет других». Лицемерно ищущим поощрения от слабых сих.

«Милосердный», «сердобольный». Эти слова нечувствительно, но твердо перестали употребляться в своем первоначальном значении. Особенно занятно, что ушли они даже из речей самых высокопоставленных священнослужителей. Искренность зверства на новом витке процветает. Из повести Владимира Маканина конца 1980-х есть у меня карточка-выписка со словосочетанием «какой-то сердобольный демократ».

Короче говоря, добрый пастырь уже объявлен городским сумасшедшим.

И всегда наготове такое соображение массового человека. Вот не накажешь показательно одного, и все станут теряться и опаздывать. А то и в храме плясать. Чтоб неповадно было. Надо, нужно, правильно.

Говорят, «иногда нужна беспощадность». Потому что нет, мол, ничего хуже распада. Но каков рациональный смысл существования беспощадного сообщества, исполненного такой ненависти к одному человеку? Чисто логически в нем, в таком сообществе, нет никакого смысла: оно просто самоубийственно.

Между тем, формы мышления исподволь куются формами говорения. Говорят, за эпохой коллективного зверства и бесчувствия может последовать эпоха человечности. А может ли – не последовать? Может, если для ее описания больше не будет подходящих слов. Ведь тогда люди просто не узнают о ее наступлении. Они так привыкнут быть беспощадными и бескомпромиссными, что не смогут ответить на вопрос, зачем они тут вообще.

Сколько бы грубых и откровенных граффити ни смотрело на вас со стен Города, записей, в которых прославляется милость и сострадание – *gratia* и *miser cordia*, все-таки намного больше. Какими бы слащавыми и «пафосными» они ни казались, все же очень утешительны для сердца слова о милости и добросердечии, щедрости и человеколюбии, о пощаде.

Хотя и злословию должно оставаться место.

12 декабря 2016

Что говорить об умерших?

По случаю смерти некоторых политических и общественных деятелей часто в стане противников и даже ненавистников усопшего разгорается вот какой спор. Одни не могут сдержаться и вываливают всю свою радость, словно торопясь высказаться сразу здесь и теперь, пока не отшумела злость и живо злорадство. Другие, словно призадумавшись, вдруг решают, что не стоит им, пожалуй, в этот самый час обрушивать на покойника всю справедливо накопившуюся душевную скверну.

При этом те и другие ссылаются на спартанца Хилона, который еще в VI веке до н.э. прославился своими афоризмами. По свидетельству Диогена Лаэртского, Хилон утверждал, что доблесть мудреца в том, чтобы с помощью рассуждения предсказать будущее. Пусть Хилон и был спартанцем и высказывался всякий раз в кратчайшей форме, все-таки по-лаконски немногословным его не назовешь: подозрительно много у него накопилось морализаторских афоризмов. Когда баснописец Эзоп спросил Хилона, чем, по мнению этого мудреца, занимается Зевс, Хилон ответил: «Возвышенное — снижает, низкое — возвышает». На вопрос, чем воспитанный человек отличается от невежи, отвечал, что «подаваемыми надеждами». Не зря ведь и наш Козьма Прутков так удачно спародировал Хилона, сказав, что три вещи, единожды начав, трудно закончить: вкушать хорошую пищу, говорить с вернувшимся из похода другом и чесать, где чешется. У Хилона, по-моему, получилось не так интересно: «Сохранить тайну, бездельничать в свое удовольствие и стерпеть обиду».

Видит бог, не нужно было быть спартанцем, чтобы даже и в VI веке до н. э. призывать людей не болтать лишнего в застолье; не злословить, дабы не получить в ответ неприятную неожиданность о себе самом; чтить стариков; не смеяться над чужой бедой; беречь себя; не говорить, не подумав; быть добрым в силе, дабы тебя не боялись, а уважали; не спорить с гадателями; соблюдать законы; обуздывать гнев.

Но самая известная хохма Хилона гласит: «Не злословь мертвцов». По-гречески именно так. Когда эту мысль перевели на латынь, воспользовались двойным отрицанием, естественным образом вставив в максимум вместо «зла» — «добро». Но при последующих переводах на другие иностранные языки риторическое усиление мысли,

достигнутое в латинском выражении двойным отрицанием, отошло на задний план. В результате получилось совершенно идиотское по содержанию предложение: «Если уж хочешь сказать о покойнике, то изволь говорить только хорошее». Некоторые граждане (и без помощи иноземных афоризматиков лишённые мозгов) немедленно запричитали и начали при каждом удобном случае вгрызаться в оставленные покойниками каменоломни не вполне ещё остывшего дерьма с целью найти там жемчуг этого самого «хорошего». Автобаны Гитлера, личная скромность Сталина, кукурузное зернышко Фиделя, памятник которому, размером с жернов, накатили на могилу революционера.

Хилон увещевал Периандра: «Счастлив тиран, который умрет у себя дома своею смертью!»

Итак, тиран уже счастлив. Кругом прав оказался Хилон. Но правота его в отношении «нехуления покойников» нуждается совсем не в том продолжении, которое мы получили от римлян. Восстановим еще раз цепочку ошибок: из требования «не злословить покойников» сначала возникает риторически более увлекательное «не говори о покойниках недоброе», а потом и совсем сладостное — «если уж говоришь о покойниках, то только хорошее». Чтоб выправить кривизну и лицемерие этого афоризма, кое-кто стал к «добру» прибавлять «истину»: «О покойниках говори хорошо или правду». Афоризм разваливался на глазах.

Что же на самом деле мог иметь в виду Хилон? Что он не договаривал своим «не злословь покойника»? Неужто так и будем ходить с недоговоренностью — «слово не воробей», «не плюй в колодезь» или вот: «человек — мера всех вещей»?

А ведь все так просто: в афоризме Хилона есть «зло» и «смерть». Для полноты не хватает, стало быть, «добра» и «жизни». Вот почему в полном виде максима Хилона звучит так: «Не злословь покойника, если хвалил его при жизни». А если не хвалил? Тогда — выбирай сам!

Двоюродная мова языка родного

*Псевдоцентавр памяти М.Л.Г.
В ином не чаем мы души,
А тот не любит нас:
Хохлы, урюки, бульбаши
И этот вот Кавказ.
Пусть мы пришли к тебе с мечом
И выкололи глаз,
Не делай вид, что ни при чем
И чем-то лучше нас.
Была бы сила у тебя
И зоркость ясных глаз,
И ты б гордился, нас ебя
И радуясь за нас.*

Украинизмы в русском языке

Как правильно написать – «Майдан Незалежности» или «Площадь Свободы»? А как правильно сказать «Незалежности» или «Незалежности»? А как правильно сказать по-русски – «Самостийность» или «Независимость»? Ведь есть же вполне русское слово «самостийно», правда? Почему бы не сказать «Самостийность»?

А вот почему: в русском медийном и политическом обиходе «самостийность», «незалежность» и другие украинизмы проносятся иронически или саркастически. Снимая с вентилятора лепешки вторичного продукта, понимаешь одно: в самом русском речевом обиходе Украина присутствует как не вполне настоящее государство. Страна-недоразумение, сам язык которой – смешное искажение нормального русского слова.

За этим отношением стоит слишком богатая культурная традиция, особенно прискорбная еще и потому, что некоторые русские писатели приложили руку к вскармливанию столь вредного для народной психеи чувства. Анну Ахматову тщетно пыталась избавить от украинофобских комплексов Лидия Корнеевна Чуковская: «Не люблю я это, – говорила Анна Андреевна Горенко, – мамо, ходымо». Эту свою фобию она передала и Иосифу Бродскому, к несчастью отлившему шовинистическую риторику своей поэгической наставницы в стихи.

Неудивительно: простые советские люди с родным русским языком несколько десятилетий кряду воспитывались в колониальном духе. Украинцы? Да они ж мы самые и есть, только попроще, ну, деревенщина, со своим диалектом и потешным акцентом, когда пытаются заговорить на правильном русском языке.

Если на вершине русского духа позволительно противопоставить недостаточного «Тараса» (Шевченко, а не Бульбу) настоящему «Александру» (Пушкину, а не Македонскому), то что спрашивать с низов общества?

С глумливым псевдоукраинским акцентом – говорят и пишут об Украине, как правило, люди, украинского языка не знающие. Но уверенные, что достаточно чуть-чуть поднапрячься, чтобы начать все понимать. Это языковое высокомерие особенно так наглядно в анекдотах об украинцах, рассказываемых в России. Например, в таком:

- Пётро, слыхал, як москали наше пиво кличут?
- Нэ, а як?
- Пи-и-иво.
- Повбывав бы!

В психологии эта штука называется проекцией: говорящий одевает в собственные страхи того, кто объявляется виновником этих страхов.

Украина и украинский язык стали виновниками умаления величия России. Речевой контур этого умаления и проявляется в повседневном русском обиходе как антиукраинизмы – акцент, реалии (сало или галушки), якобы потешные топонимы. Ну, и, конечно, природная «тупость хохлов», которые все никак не могут взять в свою чубатую башку, что они – это просто такие глуповатые мы.

Потому у них и государство ненастоящее. Как и язык.

В большинстве случаев никакого другого содержания у современной российской украинофобии нет.

И все-таки есть еще одна – даже не нота, а мелодия, звуков которой так страшатся дремучие государственники постсоветской России. Это – украинские русские и русскоязычные украинцы. Живущие на Украине или в Украине и себя охотно с этим новым, молодым государством отождествляющие. Как говорят в России, идентичность у них такая.

В самом факте – выступлении премьер-министра Украины на заседании Верховного Совета Украины (Радой он называется по-украински, а по-русски премьер-министр Азаров правильно называет свой парламент Верховным Советом), – так вот в этом факте и содержится главный вызов России. Она теперь не единственная владычица русского языка. Русский язык, подобно английскому или немецкому, живет-поживает и в других государствах, где на нем даже премьер-министр может выступать перед своим парламентом.

Для России это гораздо более серьезный вывод, чем для тех украинцев на Украине, кому язык северного соседа и вчерашнего колонизатора – кость в горле.

Двуязычные жители Киева или Львова с младенчества практикуют сложность – как швейцарцы, говорящие на трех языках. Например, на немецком, на швейцарском языке своего кантона и с «швейцарским акцентом», когда надо подразнить какого-нибудь пуриста или заезжего шовиниста. Практиковать языковую слож-

ность – значит помогать собственным мозгам познавать окружающую действительность.

Например, по-русски «держава» – это великое государство. Великая держава. Ну, там, Штаты, Советский Союз, Китай – настоящие могучие страны, решающие чужие судьбы.

А вот по-украински «держава» – «государство», и без третьеримского придыхания. Вот и получается, что в русском речевом обиходе «украинская держава» – это нонсенс. Глобус Украины, ага.

Уж очень они малорослы, эти ваши малороссы. И почему-то разговора с вами не получается. Сплошной – пардон, пуристы! – «хохлосрач».

В России еще 10 лет назад многим казалось, что одного русскоязычия Азарова или Януковича будет довольно, чтобы сменить политический вектор этой страны на Российскую Федерацию. Эта политическая ошибка зиждется на ошибке языковой. Российские политики отождествляют свой язык со своим государством.

Кто же это пугает Украину расколом на украиноговорящий Запад и русскоговорящий Восток? Может быть, та москальская президентская федерация, которую, как сказали бы в Одессе, крепко держит за цугундер внутреннее нерусское зарубежье?

В 1990-е годы, когда над независимостью Украины и Белоруссии смеялись еще без злорадства, еще пуская добрую из-под смеха слезу, был такой анекдот.

– Откуда, спрашивают, появилось слово таможня?

– Та хохлы придумалы.

– Та як?

– Даешь взятку на границе и спрашиваешь, ну что, можно провезти товар? А тебе отвечают: «Та можно».

Отсюда, по анекдоту, и таможня пошла.

Из таких вот незаметных и местами довольно милых речевых камушков сложена мозаика если и не неуважения, то пренебрежения. Со скользкой обидой в подтексте: вот ведь свои – ушли, а чужие остались с нами. Как Муму в анекдоте безмолвно вопрошает Герасима, так и москалики спрашивают друг друга «цею псячею мовою»: «За что?»

Да-да, и в украинском языке найдутся речения, бранные словечки, в которых нет большой симпатии к русскому миру. В отличие от большинства русских, которые украинского языка не знают, большинство украинцев свободно говорит на языке недавних колонизаторов.

Вот почему, даже если русский станет в один прекрасный день вторым государственным языком Украины, это будет, наверное, чуть-чуть другой язык. Не тот, с которого капает слюна при виде украинского политического сала, а другой, новый.

Как тот, который вместе с поляками строила Наташа Горбаневская в русском журнале «Новая Польша». Язык, настроенный по исправному политическому камертону.

Именно об этом писал в 1980 году и Ян Сатуновский, цитируя название романа Панаса Мирного, запрещенного к изданию в России и опубликованного в Женеве в 1880 году:

*«Хіба ревуть воли,
як ясла повні»
Но мы и не «ревли»,
а молча «мёрли», —
напомнила мне снова
двоюродная мова языка родного.*

19 декабря 2013

Госдума обижается за Госдуру

8.12.2013   Сброшен с пьедестала памятник Владимиру Ленину в Киеве
— первый демонтированный Ленин на Украине.

Популярные поэтические мемы редко додумывают до конца. Например, строчки, вырванные из знаменитого стихотворения Анны Ахматовой «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...», часто толкуют в том смысле, что, мол, растут из навоза, зато вырастают — о-го-го! — экологически чистые и гладенькие продукты. Как лебедь из гадкого утенка.

Конечно, одно дело — сор и лебеда, другое дело — прекрасные стихи.

Однако если бы болваны дали себе труд прочитать соответствующее короткое стихотворение целиком, они увидели бы, что строчка вырвана ими из контекста совершенно напрасно.

*Давайте прочитаем эти двенадцать строк:
Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.*

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.
Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.*

Поэт, таким образом, не мораль читает, а только просит у своих читателей понимания. Поэзия, говорит нам Ахматова, капитальная работа ума и воображения, а не косметический ремонт протекающего чердака.

Вот вам еще пример.

Ахматова заканчивает другое стихотворение так:

*Ржавеет золото и истлевает сталь,
крошится мрамор, к смерти все готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней царственное слово.*

Сознайтесь, в словах о ржавении золота и истлевании стали вы видите поэтическое преувеличение. Но, написанное вскоре после окончания Второй мировой войны, стихотворение Ахматовой предлагает понимать слова о «крошащемся мраморе» буквально.

И все-таки по прошествии всего нескольких десятилетий это буквальное понимание как раз стирается. Доказательством стертости воспоминания стал эпизод новейшей истории Украины и посмертной истории СССР, когда большая толпа искрошила продукт советской монументальной пропаганды – высеченную из полудрагоценного кварцита фигуру Ленина.

Между стихами о «задорном» и «нежном» дегтярном мазке и о прочности печали прошло пять лет Второй мировой войны. Но вот мы смотрим на происходящее в Киеве и понимаем, что, собственно, означают слова поэтессы «крошится мрамор». Мы выстраиваем причинно-следственную связь: уважали бы слова, понимали бы «царственность» слова, и не было бы нужды в молоте, крошащем истукана.

В конце календарного года начинается состязание между двумя меньшинствами – правящим и изучающим. Правящее меньшинство требует к себе уважения, превращая свои слова в законы.

Изучающее меньшинство пытается понять, какие слова в самом деле вошли в обиход. Обе, как пел Владимир Высоцкий, процедуры чрезвычайно важны.

Исследователи подтверждают свою авторитетность, законодатели – свою легитимность.

На наших глазах пишет свою толстую книгу о русском языке ГосДума Российской Федерации. Марают, как говорили в старину, «скорбный лист». Основной нерв законодательной деятельности «в области языка и стиля» – наказание за те обиды, которые своими критическими высказываниями наносят ГосДуме граждане.

Вот почему в 2013 году российский парламент несколько раз пытался ограничить свободное применение русского языка в России. Задача государственная: добиться от граждан такой речи, с помощью которой думцев вовсе нельзя было бы обидеть. Но сами законы пишутся и оформляются на русском языке, вот почему каждая думская законодательная инициатива «по вопросам языкознания» немедленно добивается результата, обратного желаемому.

Именно поэтому злоязычному телегуру оказалось так легко переименовать ГосДуму в ГосДуру.

Некоторые горячие головы уверены, что сами эти думские инициативы – бессознательная борьба с собственным имиджем, или, если вы хотите услышать более русское слово, с неважной репутацией. Парламент наш был избран два года назад с такими нарушениями прав и свобод граждан, что – при всей формальной законности – у населения есть основания сомневаться в легитимности этого парламента.

А как компенсировать отсутствие авторитетности и легитимности?

Правильно: демонстрацией силы на территории противника. И вот, поскольку такой свободной территорией пока еще является живая речь, то у законодателя не остается другого выхода: он должен вторгнуться на эту свободную территорию. Вот, собственно, почему ГосДума вынуждена снова и снова пытаться навязать обществу свое понимание языка.

Когда-то в одной песне немодный ныне Булат Окуджава назвал коллективного советского законодателя «безумным султаном». В самом деле, сосредоточив в своих руках полноту власти и не испытывая ни малейшего сопротивления со стороны управляемых и окормляемых, почему же и сегодняшний законодатель пытается навязать своим простодушным подданным какие-то осо-

бые правила речевого поведения? Зачем он требует от людей то перестать материться, то говорить в рабочее время только на государственном языке, то не пропагандировать однополую любовь, то не оскорблять чувств верующих?

Ответ на все эти вопросы один. В старом Советском Союзе смертельно больной «безумный султан», почуяв неспособность в одиночку писать законы о жизни, начал преследовать за слова.

Но вопроса о легитимности тогда не возникало, потому что все население твердо знало: никакого другого закона у нас и над нами просто нет. Поэтому никакого кризиса собственной легитимности умирающий Советский Союз не осознавал и даже не чувствовал, а из деревянного советского языка получился отличный гроб для идеологии.

Чекисты опомнились только в тот момент, когда им пришлось разрешить толпе демонтировать «Железного Феликса» на Лубянке.

Но так и не поняли смысла происходившего. Четверть века спустя дедушку Ленина уже искрошили. Правда, пока в другой части бывшей империи.

Новое обостренное самочувствие самозванца, который точно знает, что сам его мандат – подмоченный, хочет и нового языка. Но сколько его ни ищут чекисты, вернувшиеся, по слову певца, «на свою блевотину», а все никак не найдут – скрепы ломаются, матерок паруса раздувает, думаков обижают, над начальством глумятся, на каждое новое хамство отзываясь свежим задиристым «перашком». Не бог весть каким, но какой есть.

С неудержимой страстью хотят прикрутить к мозгам своих поданных новую программку – а она, проклятая, все никак не прикручивается.

Язык не позволяет. Поэзия. Не верят, бедняги, что

*Ржавеет золото и истлевает сталь,
крошится мрамор, к смерти все готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней царственное слово.*

30 декабря 2013

Уничтожение, или Смертники в Троянском коне

21.10.2013 Взрыв автобуса в Волгограде –
8 погибших, включая смертницу.

29.12.2013 Взрыв на железнодорожном вокзале
в Волгограде – 18погибших.

30.12.2013 Взрыв троллейбуса в Волгограде –
погибло 16 человек.

Прорицатель Лаокоон пытался убедить троянцев не ввозить в город деревянного коня, который оставили после себя греки, для виду отплывшие из-под Трои. Но тут из моря выползла на берег гигантская змея и задушила как самого прорицателя, так и его сыновей. Змеи должны были убедить троянцев, что прорицатель – обманщик, и деревянного коня можно смело вкатить в город.

Вот и Россия, еще в советское время перенявшая у китайцев традицию называть года по имени довольно фантастических животных, ждет прихода на смену Году Змеи года Голубой Деревянной Лошади.

Зачем человек хочет наречь год каким-то особенным именем? Для чего миллионы людей покупают амулеты, изображающие случайное китайское слово? И к тому же дарят их друг другу?

Ответ на этот вопрос примерно такой: потому что люди решили, что кто-то другой знает об их жизни больше и лучше, чем они сами. Имена годов, как и имена богов, как бы тех ни называли верующие, – это список заклятий, с помощью которых люди перекладывают на другие неведомые сущности свои повседневные заботы.

В глубокой древности субъектом перекладывания ответственности обычно оказывался прорицатель, пророк, вития. Это очень удобная фигура: все, что такой певец говорит, сбудется. Никто не знает только одного: когда?

Вот почему поиск любых закономерностей в суеверном обществе немедленно превращается в поиск заговорщиков. И чем беспомощней человек перед событием, тем грандиознее предполагаемый заговор.

Важны слова, которыми пользуются в таком случае люди. Обычно это так называемые «сильные выражения» (заимствование из немецкого *Kraftwörter*), или слова, которые должны выразить крайнюю степень раздражения происходящим. Когда пресс-секретарь – это нечто среднее между глашатаем и жрецом – президента РФ Дмитрий Песков публично заявил, что людям, которые осмелились сопротивляться полицейским, надо «размазать печень по асфальту», это было таким вот сильным выражением.

Сильным выражением является также слово «уничтожил» применительно к человеку. Например, в российских СМИ регулярно сообщают об «уничтоженных» в ходе спецопераций террористах. Сами террористы, между тем, совершают «бессмысленные убийства». Но стоит переставить местами слова, как выяснится, что это именно террористы «уничтожают» – чужие судьбы, благополучие и счастье целых семей. А поскольку слово такое «сильное», то неопытные пользователи стараются выбрать поострее, лишь бы утолить ярость.

Но слово является коварным инструментом познания. Употребление «сильных слов» для выражения эмоций обычно мешает понять происходящее, зато сообщает окружающим все необходимые подробности о тебе самом. В ответ на взрывы и гибель людей на вокзале в Волгограде 29 декабря 2013 года глава Чечни Рамзан Кадыров потребовал принять закон, «безгранично усиливающий наказание тех, кто не только совершает теракт, но разделяет идеи террористов, распространяет их идеологию, готовит террористов».

Рапортов об «уничтожении» террористов было за минувшие полтора десятилетия немало. Но и террористы продолжают уничтожать выбранных ими для себя жертв.

Таким образом, уничижительное эмоциональное слово, ничего не добавив к пониманию события, с дьявольской глумливостью заставляет граждан наблюдать, как общество раздирает непонятный, невидимый, только вчера еще объявленный «уничтоженным» враг.

Смысловая пустота заполняется и другими ограниченно осмысленными словосочетаниями, подменяющими познавательную работу. Например, когда вместо важных подробностей сообщается, что «возбуждено уголовное дело». Или что «президенту доложили о теракте в Волгограде».

Пройдет немного времени, и те же агентства сообщат об очередном «уничтожении организаторов теракта». Вот только проверить достоверность этого сообщения не удастся – до момента следующего теракта.

После того, как троянцы ввели деревянного коня в стены Трои, вылезшие из него ахейские воины перебили стражу у ворот и впустили в город остальное войско, которое разграбило и сожгло Троию. При этом сам деревянный конь, построенный греками для захвата этого города, почему-то зовется «троянским» – по месту применения, а не по имени настоящего строителя.

Похоже, и с новостями так. «Смертниками» в СМИ называют людей, предположительно взрывающих себя на вокзалах и в троллейбусах. А если взрывали дистанционно? Можно ли вообще верить тем, кто вместо поимки преступников рапортует об их «уничтожении»? И кто тогда «смертники»? Не являются ли смертниками вовсе не убийцы, а сами пассажиры, простые люди, выезжающие утром на работу в переполненном троллейбусе?

Не оказалось ли очередной «безграничной» ложью и сообщением об «уничтожении» организаторов предыдущих терактов в Волгограде и в других местах? 6 декабря российские СМИ сообщили: «Следственный комитет закроет уголовное дело о теракте 21 октября 2013 года в автобусе в Волгограде, когда во время самоподрыва шахидки-смертницы Найды Асияловой погибли семь человек, около 50 получили ранения. Это связано с тем, что спецслужбы уничтожили всех причастных к этому взрыву – организатора и гражданского мужа Асияловой Дмитрия Соколова, а также лидера махачкалинской бандгруппы Мурада Касумова. Именно по его указанию Соколов изготовил бомбу для теракта. Дело будет закрыто после того, как экспертиза подтвердит личность уничтоженного Соколова».

Сильное слово «уничтожение» – удобное прикрытие собственного ничтожества. В этом и состоит его познавательный смысл.

23 февраля 2014

Украина учит русскому языку Россию

Несколько лет назад я увидел в ютубе занятный ролик: какой-то бородатый дядька моих лет с симпатичным южнорус-

ским акцентом говорил об Украине, но при этом упоминал странные имена и названия.

Юлию Тимошенко он величал исключительно ее армянской девичьей фамилией, как бы подчеркивая, что та и не украинка вовсе. А США, известные как Соединенные Штаты Америки, этот человек называл Соединенными Государствами Америки.

Было очевидно, что бородач считает каждое свое слово острым. Видимо, он полагал также, что искусно разоблачает коварную Тимошенко перед всеми украинцами как лжеукраинку, а уж Штаты уязвляет своим доморощенным «точным переводом» с английского, как теперь любят приговаривать в России, по самое не могу. Фамилия седобородого вундеркинда оказалась, кстати, Водолей. Но не в нем суть.

Почему, называя человека по имени, а вещь – общепринятым названием оной, мы поступаем именно так, а не как-то иначе? Не только потому, что в противном случае мы перестанем понимать друг друга.

Тут есть вот такая тонкость. Но сначала еще один пример.

В историческом имени самое опасное – политический самообман.

Политический самообман в России какие-то уж совсем головокружительные обороты набирает. И снова все начинается с имен.

Стали говорить, например, «Владимир Ленин». Вообще-то переименовывать вождя начали довольно давно. Тезка Маяковский назвал свою поэму «Владимир Ильич Ленин». Это был вызывающе: настоящее имя Вождя исчезало. И как-то все вцепились в эту ошибку. Хотя человека такого никогда не было. Был Владимир Ильич Ульянов, и псевдоним у него был Н. Ленин, или Николай Ленин. У него и подпись такая была – Ульянов и – в скобках – Ленин. Он под псевдонимом и в Мавзолее совершенно правильно, так сказать, лежит. Как имя. А рядом на Красной площади бронзовые Минин и Пожарский стоят. Тоже своеобразная идеологическая конструкция. Якобы спасители отечества якобы от польского завоевания. Весь 2012 год по официальным телеканалам гоняли рекламный ролик про «купца» и «князя». С концом света в 2012 году не получилось. Мифологическую дату отметили, а в 2013 году, аккурат после не состоявшегося конца света, не стали в России отмечать ни четырехсотлетие дома Романовых, ни 95-летие Октябрьской революции. Очень страшные трупы лежат на Красной площади, около кремлевской стены и в самой кремлевской стене.

Нынешнее руководство России и предлагает построить такой учебник истории, который бы сделал всю эту историю не совсем настоящей, приспособленной к восторгу и любви. Все прежние попытки построить общественное согласие на коллективном невежестве заканчивались провалом. Этому руководству помогают, по неведению, и вполне добросовестные в других случаях люди. Например, пишут, что в Украине сносят памятники «Владимиру Ленину». Но такого зверя – Владимира Ленина – никогда в истории не было. Был такой человек – Владимир Ильич Ульянов, скончавшийся в 1924 году. И был предводитель большевиков, революционер и символ новой эпохи Ленин. Увековеченный в памятниках по всей Советской России. Эти памятники сейчас сносят на очень большой части бывшего СССР.

Уничтожается при этом не историческая память о довольно кровожадной личности, а только политический символ прошлого столетия.

Для будущих поколений было бы хорошо, если бы эти памятники не разрушались физически, а свозились в одно какое-то место, куда можно было бы возить экскурсантов. Захватывающее зрелище получилось бы. Оно помогло бы людям понять, что означал звук «Ленин» для десятков и даже сотен миллионов людей, живших в XX веке.

А снимать памятники с насиженных мест приходится для того, чтобы звук не звучал повсеместно, как и прежде. Главное в слове «Ленин» – право на истребление любых частных лиц и целых классов (в том числе и самих Владимиров Ильичей Ульяновых) ради полезной общественной идеи. У Владимира Ильича Ульянова могли быть на этот счет взгляды. Под звуки Ленина это семя идет в рост и колосится. Не случайно агония советской власти началась с песни «И Ленин, такой молодой, и юный Октябрь впереди»: люди уже научились разбирать каракули Владимира Ильича, уже прозвали его обидным «Лукичом». А идеологи пытались гальванизировать лежащего в мавзолее Ленина и улучшали «клеточное вещество» мумии.

И пытаются до сих пор. Сейчас Украина кладет этому конец.

Вот почему с познавательной точки зрения музеи основателя Советского государства важно было сохранить, заменив идеологическую начинку на историческую. А вот гигантские памятники – вроде монстра на Октябрьской площади в Москве – увезти в лес.

За двадцать лет без видимой советской власти большинство населения России настолько политически одичало и исторически отупело, что проглатывает медийный бред про «Владимира Ленина». И опускается все ниже и ниже. Идет на стук снизу.

Кстати о стуке, сейчас в Украине начинается демонтаж еще одного памятника звуку времени – чекистам. С этим словом ЧеКа, чрезвычайка, чрезвычайная комиссия – у многих по-прежнему связаны какие-то романтические бредни. Но ведь его значение очень просто – это обозначение организации и людей, обладающих исключительным правом под прикрытием, тайно предавать, убивать или пытаться тех, кого прикажут. Никакого другого содержания у слова «чекист» нет. Странно иметь памятник этому слову в нормальной стране.

Общественное согласие можно строить только вокруг обсуждения настоящей, твоей истории. Какой бы печально та ни была. Не искать в исторической дали чужую фальсификацию, а разобратся со своей, свежей. На своем языке. Вот почему победу, в том числе над своими слабостями, одержит тот, кто пользуется правильными именами.

Украинские уроки русского языка продолжаются.

3 марта 2014

Гитлер: метафора вместо политической рациональности

26.02.2014   Российские войска начинают операцию в Крыму.

Речь – ужасная ловушка для сознания. Однажды поняв, что она строится по определенным правилам, сознание норовит вырваться из царства логики и порядка. Норовит обмануть язык свободой от всяких правил и ограничений.

Люди неосторожно пользуются метафорами. Поэтам это прощительно. Пушкин сказал, что Петр Россию «поднял на дыбы», когда посмотрел на бронзовую статую Фальконе. И с тех пор поколения школьников, переводя взгляд с верноподданнического памятника на мятежные стихи и обратно, ищут свою меру понимания истории.

Политические метафоры – перенос имен, географических названий и понятий из чужой эпохи на сегодняшние реалии, если

переводить разговор на философский уровень, – это торжество памяти над сообразительностью.

Чего стоит, например, употребление имени нацистского пропагандиста Йозефа Геббельса в качестве метафоры для современного российского телевидения или для пресс-секретарей министерств, которых уличают во лжи, разоблачаемой самими пропагандистами.

Для сошек помельче в России пользуются словом «пропагандон». Тут тоже имеет место метафора, только не именная, а предметная. Гандон по-русски – это грубоватое обозначение презерватива. Метафора образована не только по созвучию, но и по функциональному сходству: говорящий полагает, что пропагандон только мучает мозги своих слушателей, бессильный осеменить тех плодотворными идеями.

Чем же плохи эти метафоры? Тем, что отвлекают слушателей и читателей от существа дела. Мешают познавать насущную реальность.

Почему отсылка к «геббельсу» в русском разговоре так вредна? Да потому что в России советской эпохи, в совсем недавней истории трудились собственные злокусачие идеологи. Это Жданов или Сулов отформатировали мозги современных россиян, а никакой не Геббельс, который и говорил на иностранном языке, и кончил свой путь вместе с нацизмом.

Но никому из российских журналистов и в голову не придет пользоваться этими собственными именами, потому что ни сами они, ни их аудитория не интересуются скучной историей своей страны. На кой черт нам самопознание, если мы можем жить в империи чувств?

Или вот Гитлер. Ясное дело, сказать, что Путин ведет себя с Украиной так же, как Гитлер повел себя в 1930-х гг. с Австрией или Судетами, конечно, можно. Но эта метафора, если представлять себе язык как стрелу мысли, которую мы посылаем в цель, одновременно является и недолетом, и перелетом.

Почему недолет? Потому что, с одной стороны, повторять то, что до тебя делал известный тебе и общепризнанный злодей и убийца, значит быть хуже этого злодея и убийцы. Не казаться, а именно быть хуже его, даже и не исполнив еще всего задуманного. Но одновременно это и перелет. Гитлера нет на свете с 1945 года, смерть его была ужасна. Жертвы, которые принесли по воле этого человека во всем мире и в его собственной стране, беспримерны.

Сравнение с ним оскорбительно для разума человека, который отличает прошлое от настоящего как бывшее от только становящегося.

Метафоры хороши в поэзии, где они создают небывалые миры и расширяют сознание, и плохи в политике, где они сначала порождают химеру, а потом велят людям подчиняться той и приносить в жертву собственных детей, как сейчас требует от россиян, к счастью, только половина верхней палаты парламента.

Но что же делать, когда жить без метафор российские политики пока не могут?

С точки зрения политической семантики Россия предложила Украине и остальному миру поразительную загадку. Тысячи российских военных в, как говорят, новейшей униформе спецназа постепенно захватывают стратегические позиции на Крымском полуострове, но ни на их бронемашинах, ни на камуфляже нет никаких опознавательных знаков.

Понятно, что чисто правовой подход здесь не работает. Жертвы нападения понимают, что перед ними – россияне, но это понимание опирается на слуховые ощущения и на подсказки внутреннего голоса.

Это какая-то сверхсекретная Россия, пришедшая не из настоящего и не из прошлого, а откуда-то еще, из четвертого измерения. Безымянная машина смерти (дяденьки ведь вооружены до зубов) должна, возможно, деморализовать военных и гражданских. Но у нее есть и еще одна функция: она должна разрушить ощущение политического времени.

Инопланетяне без опознавательных знаков, успевшие выучить человеческий язык в русском изводе, сначала прибыли на украинскую территорию, и только вдогонку этим людям из далекой Москвы пришло решение Совета Федерации России разрешить президенту РФ отправить российские войска в Украину.

Если перевести это на человеческий язык, Совет Федерации и президент теперь могут в любой момент рассекретить свои воинские части, дать им имена, звания, повесить опознавательные знаки на их бронетехнику и сделать нечто официальное. Но какие это будут имена?

Перед нами, по-видимому, не простой акт агрессии одного государства против другого, а эпизод тайной операции по внутреннему преобразованию захваченного пространства путем постепенного, но быстрого переименования его населения, армии и правительственных учреждений.

Иначе говоря, безмянные россияне, прибывшие в полном вооружении в Крым, представляют собой ядро новых будущих «крымчан», которые, возможно, даже обойдутся без единого выстрела, но зато проглотят население Крыма, переозначив его. Так позднеантичные эллины превратились в «римлян» Византии, и только пережив эпоху Османского владычества, вернулись в свой статус греков. Но там процесс измерялся столетиями, а на крымском театре военных действий счет идет на недели.

Для остального мира эта процедура переименования через вприскивание в Крым неопознанных вооруженных мужчин, страшно похожих на людей, могла бы пройти незаметно, если бы не современные средства коммуникации. Все желающие могут сейчас рассмотреть эти лица, бронжилеты и даже кое-где не до конца споротые шевроны.

Больше того, Россия без опознавательных знаков, вероятно, пойдет дальше и начнет топтаться в других городах, перед административными зданиями и воинскими частями, привлекая к себе нестойких «старых украинцев», чтобы, спарывая и с них пока еще значащие что-то нашивки, переименовать в каких-нибудь «новых украинцев».

Как работает такое переименование, мы наблюдали в Чечне. Утопив в крови Ичкерию, федералы, как тогда называлась российская армия, вылепили правильное население во главе с Рамзаном Кадыровым, окруженным «новыми чеченцами». Примерно таких «новых украинцев» и хочет создать для себя Кремль.

Вот что бывает, когда поэтическая метафора вытесняет политическую рациональность.

6 марта 2014

Вежливая зелень, или Восстание клеруков

Фукидид сохранил для нас удивительный политический диалог, который состоялся почти две с половиной тысячи лет назад.

В 416 году до нашей эры Афины – тогдашняя сверхдержава Восточного Средиземноморья – решили присоединить к своему морскому союзу остров Мелос, который в Пелопоннесской войне между афинянами и спартамцами сохранял нейтралитет. Осадив

город, афиняне спросили мелосцев, готовы ли те провести с ними переговоры о сдаче острова. Мелосцы, по словам Фукидида, ответили так:

– Мы не против предложения обсудить дело. Но ваши военные приготовления, а не только намерения, явно противоречат вашим словам. Ведь вы явились как судьи с заготовленным приговором. И если это так, нас ждет война. Если же мы сразу сдадимся, рабство.

Афиняне: Ну что ж вы начинаете строить догадки, давайте лучше вместе обсудим, как спасти ваше государство!

Мелосцы: В нашем положении вполне разумно обмениваться разными мнениями, особенно если речь идет о нашем спасении. Что ж, давайте говорить на ваших условиях.

Афиняне: Отлично. Мы готовы не вспоминать обиды, которые вы нам наносили. Политика – искусство возможного и полезного. Право имеет смысл только тогда, когда равные по силе признают общую необходимость. А если один силен, а другой слаб, какое право? Сильный требует возможного, а слабый – подчиняется.

Мелосцы: О праве вы говорить не хотите. Но хотя бы идею общего блага и справедливости не отвергайте! Ведь может прийти конец и вашему владычеству, и тогда другие оправдают свое возмездие вашим же примером.

Афиняне: Нас не печалит, что может прийти конец и нашему владычеству. Страшнее всего, когда подданные восстают против своих повелителей и побеждают тех. Но мы-то хотим господствовать над вами не во вред вам, мы хотим вашего спасения к обоюдной выгоде.

Мелосцы: Неужели рабство может быть нам столь же полезно, сколь вам – владычество над нами?

Афиняне: Тут вот какое дело: вам выгоднее покориться нам, чем заставлять нас убивать вас.

Мелосцы: А может быть, вам все-таки оставить нас в покое при условии соблюдения нейтралитета и невступления во враждебные вам союзы?

Афиняне: Ваша вражда даже полезнее для нас, чем признание вашего нейтралитета. Сломив вас, мы докажем всем остальным свою мощь, оставив вас в друзьях, мы покажемся слабаками. Подчинив вас, мы не только расширим свое господство, но будем чувствовать себя в большей безопасности.

Мелосцы: Но зачем вам делать врагами все государства, которые до сих пор соблюдали нейтралитет? Ведь вашими недругами станут и те, кто никогда не помышлял об этом.

Афиняне: Большие державы слишком неповоротливы для принятия серьезного решения. Нам сейчас опаснее мелкие непокоренные государства: их безрассудная любовь к свободе может повредить и им, и нам.

Мелосцы: Если вы идете на такой риск, чтобы завоевать нас, то для нас, пока еще свободных, было бы великой низостью и трусостью не испробовать все средства спасения, лишь бы не стать рабами!

Афиняне: Но вы же не в силах противостоять нам!

Мелосцы: Военное счастье иногда бывает на стороне заведомо слабого. Ясно одно: если мы уступим вам без боя, то лишаемся всякой надежды, а если будем сопротивляться, то хоть какая-то надежда остается. Да и спартанцы нам, наверное, помогут.

Афиняне: Неужели вы не понимаете, что выгода зависит от безопасности, а справедливая и честная политика приносит одни неприятности? Да и маловероятно, чтобы при нашем господстве на море спартанцы решились защищать ваш остров.

Мелосцы: Если они не смогут помочь нам на море, они могут напасть на ваши земли или на земли ваших союзников на материке, и тогда вам придется воевать уже не за чужую страну, а за свой дом!

Афиняне: Не поддавайтесь тому ложному чувству чести, которое чаще всего толкает людей на гибель. Мы предлагаем вам на выбор войну или безопасность, не настаивайте на худшем. Рискнете всем – всё и потеряете!

Сопrotивление мелосцев афинянам удалось сломить, только склонив к измене кого-то из островитян. Они захватили остров, убили всех взрослых мужчин, женщин и детей обратили в рабство, а на остров прислали 500 клерухов – афинских-колонистов, которые постепенно закрепляли за афинами права на новоприсоединенные территории и предотвращали поползновения местных жителей восстановить суверенитет.

В этой точке дело становится для нас актуальным. Основная часть нынешнего населения Крыма – это наследники и последователи советских клерухов – переселенцев из других регионов европейской России, которых разместили на полуострове после депортации оттуда крымских татар.

В отличие от стран Балтии, где советские клерухи и их наследники были ограничены в правах по языковому принципу, Украина

подобной политики не проводила. Многоязычие Крыма если кого-то и раздражало, то все-таки не выливалось в заметные конфликты. Но Украинё не помогло и это. Примордиальные колониальные инстинкты Кремля нашли бы другой удобный повод для захвата Крыма.

А вот мелосское торжество афинян продлилось недолго. Через несколько лет военная мощь афинян рухнет. От безопасности не останется и следа. Эллада будет захвачена македонцами, а потом две тысячи лет переходить из рук в руки – от империи к империи, ни одна из которых не доживет до наших дней. Чудесной маленькой страной в составе Европейского Союза Греция станет уже на нашей памяти.

Фукидид сохранил для нас этот диалог, дословно переданный здесь с минимальными сокращениями, чтобы было понятно, из каких яиц вылупились те безымянные и вежливые зеленые люди, которых выпустили на берег Северного Причерноморья.

18 марта 2014

Самые новые русские

18.03.2014

В Кремле подписан договор
о присоединении Крыма к России.

Однажды Зевсу пришлось вмешаться в охоту собаки, которая могла догнать любого зверя, на лисицу, которую не мог догнать ни один зверь. Зевс вышел из положения, остановив бежавших и превратив собаку и лисицу в камни, которые до сих пор показывают в Греции.

Смотрю на фотографию. Гагра или Гульрипши, лето 1962 года. На снимке – молодой поэт Евгений Евтушенко, сидя на галечном пляже, приобнимает щуплого мальчишку.

Мне скоро девять, и мы с ним поем песню «Хотят ли русские войны?» Считается, что слуха у меня нет. Мой отец – азербайджанец, а мать – еврейка. Это мне уже известно – так записано на последней странице классного журнала. Никакого противоречия я в стихах не вижу. Здесь, у себя дома, мы все можем быть разными, а в большом мире мы – русские, т. е. советские. Эту же

простую формулу прочитаю через несколько лет у Корнея Чуковского в книге о языке.

Четверть века спустя я буду работать в академическом институте. Год 1988. Несколько дней назад вышла моя статья о позднесоветском русском языке. Ее прочитал заместитель директора института, довольно известный тогда публицист и литературовед. Он сказал мне на Тверском бульваре так: «Человек с вашей фамилией должен все-таки трижды подумать, прежде чем писать о русском языке».

Ага, думаю, значение слова «русский» меняется.

Этическое в понимании Евтушенко начала 1960-х сменилось этническим к концу 1980-х.

Когда будущий историк будет разбирать подписи сторонников и противников войны Украины с Россией, ему придется отвечать на вопрос, почему с той и другой стороны так много, например, армян и евреев, татар и грузин, украинцев и русских. Есть так называемые этнические украинцы, с яростью нападающие на Украину, и так называемые этнические русские, готовые снести с лица земли Кремль.

Кто же теперь – русские?

Поскольку инициатор войны – президент России Владимир Путин, мы можем сузить вопрос: кто такие русские для Путина, или, попросту говоря, кого Путин называет русскими и ведет за собой?

На поверхности ответ такой.

Русскими Путин считает тех, для кого не утратило обаяния и политической привлекательности все советское.

Но речь все же идет не о восстановлении СССР и вообще не о движении в прошлое.

Ведь советский строй формально был наднациональным.

Все, как говорили в российской империи, инородцы, а также евреи и прочие иноверцы, стали советскими людьми, и теперь некоторые из них ловят этот привычный советский сигнал. Они выстроились под звуки той трубы, в которую во время Великой отечественной войны подул Сталин и развернул свою страну наружу как Россию – наследницу империи, а внутри страны – построил хитроумную машину русификации.

*Хорошо, что Ю. Гагарин
Не еврей и не татарин,
Не таджик и не узбек,
А наш советский человек, —*

гласила частушка, созданная в те же годы, что и стихотворение Евтушенко «Хотят ли русские войны?».

Многим евреям в России Путин нравится тем, что он не анти-семит, и даже вообще, кажется, не шовинист. Он даже с Мустафой Джемилевым по телефону пообщался с полным уважением – правда, не как с гражданином соседней Украины, а как со своим бывшим и будущим клиентом – с советским крымским татаринном.

Почти по Высоцкому – «к тоже пострадавшему, а значит – обрусевшему».

«Мустафа-ака», – сказал президент РФ гражданину, ожидающему реабилитации. Такому, которому надо только помочь завтра стать своим. С будущим русским человеком крымско-татарской национальности.

Иначе говоря, для президента РФ русским становится каждый, попадающий во взаимодействие с его государством. Именно так – от Жерара Депардье до Мустафы Джемилева.

Этого не понимают и никогда не поймут бесчисленные стаи шовинистов, жидоедов, чуркогонов и кавказорезов, которые время от времени беснуются в метро или спальных районах и которым кажется, что отмашка на создание арийской России уже дана. Новым атаманам козолупам претит евразийская риторика, которая заставляет принимать в русские, т. е. в себя, всяких узкоплеченных, чебуреков и урюков.

Но право чувствовать себя бойцами за русскую идею и русскую государственность, слышать, как сама история свистит в их мохнатые уши, делает всех этих полубайкеров-полугопников теплым воском в руках главнокомандующего.

Дело служивое: когда надо, их похватают и расскажут по зонам, когда надо – выпустят попугать погромами кого надо.

Такой предельно щедрый взгляд на русскость и позволяет Владимиру Путину совершенно искренне видеть в каждом хоть чуть-чуть ностальгирующем человеке на всем постсоветском пространстве настоящего, полноценного соотечественника – русского человека.

В Крыму шанс стать русскими будет предложен всем – и украинцам, и русским, и крымским татарам: признай новый административный статус и прими российский паспорт.

В Татарстане у нас русские – татары, в Крыму будут – крымчане, в Латвии они – латвийцы, в Азербайджане – каспийцы, а в Казахстане – посмотрим, как они там могут называться: страна

большая, обильно политая кровью всех бывших советских людей. Наша, русская земля.

Значение имени русских на этот раз переведено на русский язык не со старого советского, а с английского. Это то самое надэтническое значение, в котором словом «русские» пользуется пресловутый Госдеп.

Один из лидеров Евросоюза, германский социал-демократ Мартин Шульц процитировал строчку Евтушенко «хотят ли русские войны», задавая риторический вопрос Кремлю. В голове евродепутата «русские» раньше были советскими, и вот сегодня словно вернулись из одного похода, чтобы позвать в другой. Вызвать всех, кого только можно вызвать, из новых соседних государств.

Пока на этот вызов откликнулась молодежь в России. За пятнадцать лет горячая смесь из советской ностальгии, евразийской мифологии, пропаганды насилия, обиды и исключительности дала интересные плоды, простую картину мира, в которой тебе, независимо от рода и племени, нужно выбрать – русский ты человек или нет. Если за Путина – русский, если против – нерусский.

А из стихотворения Евтушенко новые путинские русские выбрали, похоже, другую строчку: «Да, мы умеем воевать...»

«Русские не сдаются», – говорят, ответил российскому адмиралу командир украинского корабля.

Итак, уже русских гонят на войну с пока не русскими ради спасения других русских.

Это надо суметь.

20 марта 2014

Как присвоить Крым дотла?

20.03.2014 Депутат Госдумы России от ЛДПР Михаил Дегтярев предложил переименовать Крым в Тавриду.

Предлагается важный следующий шаг на пути перепрыгивания украденного у соседнего государства полуострова. Его предлагают переименовать.

Начинание это, с лингвистической точки зрения, очень многообещающее. Следы удач на этом пути многочисленны. Но они

могли бы быть еще ярче, если бы не досадные просчеты прежних поколений переименователей.

Наломали дров дважды. Начали в императорские еще времена. Крымскотатарские и старые греческие топонимы начали разбавлять греческим же новоделом – Севастополем и Симферополем. О русских словах тогда и не думали – новую империю строили не с племенным, а с вселенским замахом. Но времена были диковатые, и никто не удивлялся, что на том самом месте, где пятьсот лет простоял город Акмесджит, или Акмечеть, возникает Симферополь, дорогой наш советский Симфи.

Когда депортировали из Крыма крымских татар, греков и болгар, начали выметать имена попроще – маленькие и большие. Тысяча названий – большая комиссия работала. Деревня Капсихор стала Морским, например, а город Карасубазар – не без глумления над старым названием – Белогорском. Чтоб стало красиво: был какой-то Базар у Черной речки, а стал Белый город. От Чернореченска отказались правильно – светлым путем шли. Эски Кермен стал Старым Крымом. Впрочем, как и у украинского Львова, Лемберга, Львува, Львива, – у этого города было несколько названий – на языках тех народов, которые там жили – свое у армян, свое – у греков, свое – у крымских татар.

Хаживая по крымским горам и побережью в 1970-х годах, спрашивали друг друга, почему некоторые старые названия все-таки оставили. Например, Коктебель в Планерное переименовали, Ялту назвали в разгар Гражданской войны Красноармейском, но в 1922 вернули старое название. А вот потом не стала Ялта ни Чеховским, ни Дамособачкиным. Бахчисараю повезло: предложение было сделать его городом Пушкиным. А вот Фонтанное бы, наверняка, прошло.

Стало быть, тогда, в 1940-е и 1950-е, помешало советское культурное лицемерие. Все-таки пропагандистский нерв Советов был какой? Правильно – просветительский. Хочешь иметь «Бахчисарайский фонтан», терпи и город с крымскотатарским названием, обойдись без «Дворцового сада».

С Восточной Пруссией на Балтийском море обошлись круче: перестала существовать вся Пруссия, и на территории Калининградской области не осталось ее топонимических следов. Правда, дав Кенигсбергу имя, как его любовно называли в народе, «всесоюзного козла» товарища Калинина, советские ономатетыошиблись: третье послевоенное поколение называет свой город по-немецки.

Отсюда, видимо, и нынешнее предложение депутата Госдумы о переименовании Крыма. Какой Крым? Никакого Крыма не знаем.

В 1960-х-1970-х, когда слово «крымские татары» в Крыму и произносить было нельзя, доморощенные гиды рассказывали туристам в белых войлочных шляпах о «горных таврах», якобы населявших задолго до нашей эры эти благословенные места.

Историк Крыма Гульнара Бекирова показала, что особую свирепость переименовательская активность получила после визита в Крым Сталина в 1948 году. С 1948 по лето 1953 была поставлена задача переименовать все до последнего ручья.

Антитатарская истерия была усилена в эти годы угаром борьбы с низкопоклонством перед Западом, так что вместе с французскими булками и котлетами деволяй, переименованными в котлеты по-киевски в Москве и Ленинграде, должны были исчезнуть и крымские мысы, заливы и горы. Удивительно, что остановил эту вакханалию командующий Черноморским флотом адмирал Сергей Горшков: орлы мух не ловят.

Нынешняя истерия тоже имеет под собой вполне рациональные основания. Однако при перепрыгивании краденого нужно быть последовательным. Идти, так сказать, по всему словарному фронту.

Например, пресловутый «Беркут» должен быть немедленно переименован. Это ведь тоже турецкое слово. Как-то некрасиво получается. Говоря на новом русском, некошерно. Да чтобы наши русские богатыри ходили под татарским флагом. Т.е., не богатыри, черт их дери, тоже турецкое слово. Не так – витязи!

Впрочем, и витязь – не совсем хорошее слово. Тут два варианта. Как сказал Дмитрий Мережковский, оба хуже. Если оно у нас из «викинга» вылезло, куда ни шло. Но что если оно и правда – славянское? Тогда оно происходит от слова «взяти», «пограбити», «разжиться добычей».

Ну вот, разжились.

Идет освеживание. Со свежим названием.

А придется ведь двигаться дальше. Татарскую «нефть» переименуем в «масло», чтобы пиндосы своим «ойлом» (oil) не кичились. Отменим «балаган», «ералаш», «кавардак», «кутерьму» – житья ведь нет от азиатчины этой поганой, от всех этих пантюризмов коварных, исказивших весь строй нашей жизни.

«Орднунг мус зайн!» – звенит балда чугунная – весь мир заглушить хочет.

Чурка лапшу варит – весь мир накормить хочет.
Неужели сможете вашу мать переименовать?

30 марта 2014

Жанна Бичевская перепевает Александра Блока

Один поэт хотел, чтоб к штыку приравняли перо. А другой взял – и приравнял. Что из этого вышло?

Да бардовская же песня. «Бард» – слово, как известно, иностранное, но в императорско-советской России о нем сказали бы, что оно прописалось в русском языке. Сегодня говорят «зарегистрировано» в России. Среди бардов немало замечательных женщин. Настоящих поэтов, которые поют свои стихи иногда на собственную музыку. Иногда эти песни напоминают религиозные песнопения. Их с удовольствием поют в небольших компаниях и на многолюдных сборищах. Самые знаменитые исполнители собирают чуть ли не целые стадионы.

На одном таком стадионе виртуально довелось побывать и мне. Зрителей и слушателей на нем были если не миллионы, то сотни тысяч, потому что выступление транслировалось по телевидению, а оттуда нырнуло в ютьюб. И ходит там вот уже, говорят, лет десять. Мне попалась запись 2009 года.

Вот на экране появляется женщина с отличной дикцией и красивым голосом, которая поет о Куликовом поле.

Со времен Александра Блока, который написал свой знаменитый цикл после поражения России в русско-японской войне и подавления революции 1905 года, за несколько лет до начала первой мировой, так вот со времен Блока сотни поэтов обращались к этой теме. 1380 год одни считают чуть ли не началом освобождения России от татаро-монгольского ига, а другие – наоборот, началом формирования из Руси и Орды нового могущественного государства, которое под именами Российской Империи и Советского Союза станет со временем самым большим по площади и разнообразию населяющих его народов государством на планете Земля.

Надо сказать, что за десять лет, которые прошли между «Куликовым полем» и балладой «Скифы», написанной в 1918 году, когда первая мировая война переросла в гражданскую, блоковская картина мира сильно обновилась. Она выросла, можно

сказать, из одной-единственной строчки: «наш путь стрелой татарской древней воли пробил нам грудь».

Десять лет спустя, в «Скифах» – самом, наверное, антиевропейском стихотворении из всех, написанных на русском языке, поэт приглашает завоевателей в свои страшные азиатские объятия.

Как часто бывает у Блока, в одном стихотворении смешиваются разные голоса. Так и в «Скифах» мы слышим то голос «белых русских», пропускающих мимо себя такую же «белую» европейскую орду, то голоса узкоглазых, живущих далеко в Азии.

Идите, говорит он первым голосом, пройдите мимо нас в Азию, а мы посмотрим, как этот настоящий страшный Восток сломает вам хребет.

*Но сами мы — отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.
Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..*

А страшный азиат предлагает европейскому хлопипику свои объятия:

*Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?*

Но хранящиеся в памяти страшные строки Блока времен первой мировой войны все-таки заглушил своим солдатским ритмом красивый голос бардессы.

*Как же мы дожили до такого, братицы?
Стонет Русь под гнетом черной саранчи,
Значит, снова русским за оружие браться,
Значит, снова русским доставать мечи...*

Несмотря на седину, слова о «черной саранче» я как-то сразу принял на свой счет. Подозрение, что бардесса имеет в виду именно меня, окрепло после следующего куплета:

*Антимир взжигает новые пожары,
Славный город Москов ими снова взят,
Новые Европы, новые хазары,
Новые мамы – Родине грозят...*

Ну, думаю, совсем беда: при всей незамысловатости стиха и богатой рифме «хазары-пожары», которую все мы получили в наследство от одного из солнц русской поэзии, такой пропаганды всемирного заговора против России я еще, признаться, не слыхал. И, главное, наверное, уже не успею узнать, какое влияние на нынешнее состояние умов оказала эта вот конкретная бардовская песня.

*В страшный час расплаты брови мы нахмурим
И смахнем вампиров с тела всей страны.
И не будет зоны, лагерей и тюрем:
Все враги России будут казнены.*

Это понятно: какие пленные в битве с черной саранчой, мамами и масонами? И все же, что случится после казни всех врагов? Когда страна благотворно опустеет, случится вот что:

*Возвратит Россия Русский Севастополь,
Станет снова русским полуостров Крым,
Наш Босфор державный, наш Константинополь
И святыня мира – И-е-ру-са-лим!
И назло масонам и иным злодеям,
Тем, кто к христианам злобою кипит,
Куликово поле вспомним и прозреем,
И святыня эта нас соединит!*

Когда певица допела свое произведение, телеведущий Дмитрий Дибров сквозь бурю оваций прокричал пожелание, чтобы сбылись все мечты талантливой исполнительницы. Тогда, в 2009, никто еще не знал, как скоро первая часть этих пожеланий певицы станет реальностью.

Блок писал, конечно, получше Бичевской или ее куплетистов. Но от этого совсем не легче.

*Мы помним всё — парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных роц далекий аромат,
И Кельна дымные громады...
Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?*

Блоку уже не ответишь.
А Жанна Бичевская?
Невиновна!
А слушатели ее?
Невинны!

6 апреля 2014

Так вы римляне или самозванцы?

Ну, про Евгения Онегина-то мы все помним!
*Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли
Бытописания земли:
Но дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей.*

Как и у русских, у древних римлян были две легенды, объяснявшие происхождение их великой империи. Одна легенда – троянская. Согласно ей, царевич Эней отплыл из-под Трои и основал новое государство в Италии. У русских тоже есть похожая легенда – о призвании варягов, или шведов, которые прибыли в славяно-угро-финские земли и стали ими править.

Была у римлян и другая история, конкурирующая. Про волчицу, вскормившую Ромула и Рема. У русских этой легенде соответствует предание о татаро-монгольском иге. Как волчица вскормила своим молоком основателей Рима, так орды кочевников вспоили своим политическим кумысом русскую государственность. С ее неодолимой тягой к колхозам и вождям.

Вот почему, спустя почти четверть века после распада СССР и Российской империи, — мы вправе попросить у Ромула и римлян некоторых разъяснений относительно нашего постсоветского словоупотребления.

Итак, от Ромула получил свое название город Рим. А от города Рима — римская империя и ее граждане — римляне. Сначала римлянами были только латины — жители той области, что окружала город. Но со временем эти латины присоединяли и ассимилировали соседей — носителей других языков — от вольсков до этрусков. Потом римлянами становились люди, жившие вокруг Средиземноморья. Их родным языком мог быть уже хоть греческий. И вот настал такой день, когда и греки в восточной части империи стали называть себя «ромеями» — римлянами.

Но даже и после того, как несколько столетий спустя на месте Восточной Римской империи, Византии по-нашему, оказалась империя Оттоманская, и вчерашним римлянам-ромеям, грекам, армянам или сирийцам, пришлось выучить турецкий язык, некоторые из них продолжали называть себя «римлянами».

Только слово чуть-чуть видоизменилось.

Следы этих римлян — урумов — ведут в северо-восточное Черноморье. Последние тысячи урумов и сейчас еще можно встретить здесь. А раз наблюдается такое историко-политическое чудо — тюркоязычные греки по-прежнему называют себя «римлянами», — то есть смысл спросить у них, этих последних ромулов, наследников трех великих империй, что они, с высоты своего исторического опыта, думают о нынешнем конфликте между двумя частями бывшей Российской Империи. Одна часть — вроде бы наследники бывших победителей-завоевателей — русские. А другая — вроде бы наследники бывших завоеванных-проигравших — украинцы.

Ромул ответил бы на наш вопрос примерно так.

Наша, римская империя просуществовала так долго, что после ее распада никто не стеснялся принадлежности к ней. Даже косвенной. Латинская Америка не переживает, что она — латинская. Носители романских языков если и спорят, то только о том, чей язык более романский. Румыния не переживает, что в названии этой страны слышится мое, Ромула, имя. А если тюркоязычный житель далекого китайского города Урумчи захочет протянуть сомнительную этимологическую нитку к Вечному Городу, мы вспомним Марко Поло и возражать не станем.

Совсем другое дело – ваша Российская Федерация (понятие, кстати, тоже наше, латинское – от слова «договор»). После того, как распалась Российская Империя, Советский Союз, который в мире и назывался Россией, начальники этой Федерации отчего-то решили, что только они и наследуют своей старой большой Родине. А все остальные – нет.

Но ведь это совсем не так.

Ведь Большой России наследовала и не очень маленькая Украина. Да все они, сказал бы нам Ромул, от Армении до Эстонии, выходя из Российской Империи, вынесли свою часть этой самой империи – землей, людьми, наукой и техникой.

Просто, по слабости колониального ума, не захотели признаваться в этом.

Всем, сказал бы нам Ромул, показалось удобнее назваться не по своей первой завоеванной когда-то Россией исторической сущности – от богатого курагой Эриванского ханства до богатого клюквой Чухонского уезда, – а по своей последней советской титульной эмблеме.

Вместо того, чтобы признать себя сонаследниками и сопредельниками Российской Империи, все бывшие колонии согласились взвалить груз наследства на слабые плечи Российской Федерации. Лишь бы только их оставили в покое. Это была их ошибка.

Так, в одночасье, все русские украинцы и русские эстонцы, русские азербайджанцы и русские казахи оказались для Российской Федерации обиженными соотечественниками. И до начала защиты их с оружием в руках осталось совсем немного времени. Свою Крымскую ошибку Эрэфия уже совершила.

А признались бы бывшие колонии, что они – урумы, или, точнее, по-вашему, конечно, урусы, – объяснили бы всем своим русским – от Риги до Кишинева, что Латвия и Молдова – тоже наследницы Российской Империи, со своими русскоязычными шурави, тут и было бы вам полное счастье.

И расколдовался бы нелепый советский национализм, который считает русский язык своей собственностью, а всех говорящих на нем людей – своими холопами. Вот как крымчан. Или урумов – наших, римлян, хоть они и тюркоязычные.

В чем же беда нас, русских, – спросили бы мы у Ромула, – так и не успевших справиться со всеми своими иноязычными племенами и народами? Почему эти сволочи, наши бывшие колонии, не хотят снова становиться нашими младшими братьями?

Ромул ответил бы примерно так.

Вы, русские, подарили свой язык многим. Миллионы людей получили образование, выросли на нем. Но этим вы только расплатились за успешную колонизацию.

Ваш язык стал их языком. И вот они стали вами.

Зачем же вы их предаете? Зачем взялись сегодня хором врать на своем языке, созданном для познания и свободного общения?

Знатоки, сказал бы Ромул, не готовы признать, что малограмотная и лишенная всякой логики белиберда, которую несут ваши авторитеты и агитаторы, произносится на русском языке.

Нет, — сказал бы Ромул, — то, что сейчас льется с ваших дальноскопов, это никакой не русский язык. Какой-то, по-нашему говоря, суррогат. Подделка.

А самозванцам, хоть они запишут в Кремле, мы советов не даем.

13 апреля 2014

Имена эпох: между самоназваниями и охулениями

8.04.2014 Глава комитета Госдумы по образованию Вячеслав Никонов называет русских «ветвью арийского племени, которая спустилась с Карпатских гор и мирно заселила Великую Русскую долину».

11.04.2014 Вице-премьер Дмитрий Rogozin называет колонизацию Луны стратегической целью России.

Некоторые эпохи называют себя сами. Таковы эпохи революций. Другим эпохам названия дают из будущего. Есть времена, которые наделены несколькими именами.

Так, время правления Сталина, которое сам «отец народов» называл «эпохой социалистического строительства», впоследствии называли сначала эпохой «отступления от ленинских норм партийной и государственной жизни», а потом — эпохой «сталинизма» или «сталинского (большого) террора».

Несколько лет прерванной «десталинизации», которую назвали «оттепелью» или даже «хрущевской оттепелью», впоследствии пытались переименовать в эпоху «волюнтаризма», а брежневское

время «построения развитого социалистического общества» во времена «Горбачевской перестройки» назовут эпохой «застоя».

Но Горбачев фактически возглавлял СССР меньше пяти лет. В 1991 году его сначала безуспешно – под лозунгами спасения СССР от распада – пытались отрешить от власти деятели ГКЧП, а потом успешно отстранили от власти лидеры РСФСР, Украины и Белоруссии, тут же объявив о роспуске Советского Союза.

Эпоха «перестройки» была сначала, с легкой руки философа Александра Зиновьева, объявлена «катастрофкой», а после отстранения от власти Б.Н.Ельцина даже официально объявлена «величайшей геополитической катастрофой XX века».

Между тем, для современного Запада «перестройка» – сугубо положительное событие мировой истории, ведь она вызвала к жизни «бархатные революции» 1989 года. В этой точке эмоциональное и политическое отношение к данному отрезку в истории России – СССР и бывших колоний России – оцениваются в Российской Федерации и в разных странах Запада и Востока иногда диаметрально противоположным образом.

Между тем, «перестройка» как советский политический термин постоянно требует к себе внимания. Когда он прозвучал в первый раз в паре с термином «ускорение», было ясно, что под перестройкой понимается не что иное, как «перестройка на марше», движение в колонне. В этом значении о «перестройке» говорил и Сталин.

И только спустя несколько месяцев военно-политическая семантическая аура вокруг слова сместилась – благодаря «гласности» – в направлении «реконструкции» и замерла там до самого роспуска СССР.

Но победа мирного слова-обозначения эпохи оказалась временной. Через четверть века Российская Федерация испытала реванш тех сил, для которых никакой перестройки никогда и не было. Напротив, был суровый проигрыш в холодной войне, после которого только чудо вмешательства спецслужб якобы спасло страну от дальнейшего распада.

Аннексия Крыма показала, что официальная доктрина реванша окрепла, и теперь предстоит серьезный пересмотр всей цепочки – от эпохи сталинского строительства через эпоху хрущевского волюнтаризма к эпохе позднего советского сверхдержавного величия и катастрофы распада СССР, а от них – к новым временам пересмотра дележа советского наследства.

Глубоко символично наблюдать в новой и старой Москве 2010-х годов написанные аршинными буквами объявления «ГАЗ, НАСЛЕДСТВО, СДЕЛКИ». Как в XIX веке «православие, самодержавие, народность», так и эта тройчатка XXI века, внутриэкономический посыл которой незатейлив и прост, раскрывает перед взором современника новые функции государства – контролировать сделки по наследству с помощью газовой трубы, которая сильнее всех танковых и автоматных стволов.

То, что досталось в 1991 году Российской Федерации, то принадлежит России по закону. А то, что принадлежало Российской империи или СССР ранее, мы сейчас попробуем на зуб. Получится – сейчас же и откусим, не получится – сделаем это чуть позже. Будем стараться действовать в правовом поле. А поскольку право – это право сильного, объясняет миру правительство РФ, то правовое поле – всегда поле сражения сильного со слабыми.

За этой простой схемой есть, как минимум, еще два слоя политической терминологии, которые лежат под самоназванием эпох. Первый слой – это политическая идентичность самых активных групп населения. В позднем СССР ортодоксов-партократов называли по-русски «правыми». Даже Борис Ельцин в воззвании о сплочении демократов против ГКЧП назвал осуществленный теми переворот «правым».

Считалось, что «правых», «консерваторов» тогда в стране почти и не было (за вычетом философствующих почвенников и немногочисленных агрессивных шовинистов). «Левыми» же называли всяких легкомысленных либералов. Либералы считали, что Запад нам поможет и что стоит только перенять побольше западных ценностей, как сразу же установится полное человеческое счастье.

Но всего за год-полтора выяснилось, что, оказывается, бывшие на советском языке «правыми» – это как раз международно признанные левые, а бывшие легковесные лево-либеральные граждане – это самые настоящие правые рыночники, основоположники хищнического капитализма. Как интегрировать всех их в новом политическом пространстве?

И чего же хотела в разгар «перестройки», говоря на новом русском, беспонтовая интеллигентская слизь? Которую, однако, волновала теория совсем другого процесса: как можно соединиться с передовыми странами мира, вырваться из философской изоляции?

Четверть века назад, когда не было еще слова глобализация, понятие о самом этом процессе существовало. И выражалось оно двумя иноземными словами. Для советской идеологии оба были ругательными. Одно слово – конвергенция, а другое – космополитизм.

Был такой журнал в Советском Союзе. «Век XX и мир». Долгие годы – один из множества довольно бессмысленных пропагандистских листков для друзей из развивающихся стран.

Но году в 1987 все поменялось. Из ссылки вернулся в Москву Глеб Павловский. И стал мотором журнальчика. Почти одновременно вернулся из ссылки в Горьком (ныне Нижний Новгород) академик А.Д.Сахаров.

Тогдашняя московская медийная сцена переживала свою космополитизацию и конвергенцию. Глеб Павловский собирал в редакции людей, разговаривал их, требуя максимальной четкости позиций. А то, что получалось, расшифровывал, велел заострить и публиковал.

В конце 1988 года довелось мне оказаться на одном таком редакционном чаепитии, итоги которого вышли в январском номере 1989 года под шапкой «Беседы космополитов». Иллюстрировал журнал потрясающий Игорь Смирнов. Картинки были одна страшнее другой. А тексты – наивные до слез. Не только мои. Лен Карпинский, который через два года станет главредом «Московских новостей», а еще через четыре покинет этот мир, кончил выступление так:

«Социалистическая собственность не монолитна, а многочастевая, разновеликая, сложносочиненная через план и рынок структура. Важно, чтобы это была трудовая собственность. Мы к этому идем, и разве тем не сближаемся с тем же капитализмом в плане его лучших структурно-функциональных достижений? Перестройка не только наш внутренний процесс, но это и процесс конвергенции...»

Следом выступил Андрей Дмитриевич Сахаров. Тема: «Плюрализм – это конвергенция». «Что, на мой взгляд, необходимо? Необходимо сочетание глубокого политического, экономического и идеологического плюрализма. Это и будет наше движение в направлении конвергенции [с Западом]».

Третьим участником чаепития оказался – не по чину! – автор этих строк. Нападавший на корифеев общественной мысли политический зазнайка заявил, в частности: «Нашей стране не предостит конвергенция с Европой, США или Японией. И в политическом, и в экономическом, и в социально-бытовом плане нам

предстоит конвергенция с такими сравнительно развитыми странами третьего мира, как, например, Индия, Мексика или Бразилия...» Чтобы стать как Запад, к стыду своему вешал я, «нам нужно стать космополитами». «Через знание, покаяние, созидательный межэтнический диалог – к миру без погромов, резни и отчаяния: этот путь конвергенции пока еще открыт».

Как говорят теперь и в России, бла-бла-бла...

Сейчас не перед кем извиняться за все свои благоглупости. Но можно ли хоть чему-то научиться, читая журнальчик эпохи позднесоветской медиаконвергенции?

Ведь вместо социальной рыночной экономики марксиста Лена Карпинского сотня-другая крупных хищников, разорив остатки промышленности, начали грызть руду и сосать нефтегазовую грудь советской матери-земли.

А мечты Сахарова об идеологическом плюрализме? Разве они не уперлись в «единый учебник истории» и в единственного чекиста, который через 10 лет после чаепития космополитов прилипнет к власти, а за следующие пятнадцать приучит всех плевать на демократию с высокой колокольни.

А космополитизм? Это даже не смешно. Из всех форм представления о национальной исключительности выбрана самая тупиковая. В 2014 году один российский политик публично объявит население страны «арийцами» с особыми правами диктовать свои правила остальному миру, а другой заявит, что Россия, наконец, созрела для захвата Луны.

Вместо конвергенции с Западом – полная дивергенция.

А космополитов гоняют полицейские, прозванные за свои шлемы космонавтами.

Вот как плохо быть фетишистами красивых слов.

И все-таки я зачитался журналом. Ведь в том же номере – письмо Бориса Можаяева о Солженицыне. Еще через несколько страниц – трактат Юлия Кима о необходимости создания мирового правительства!

Тогда казалось – еще чуть-чуть, вся советская машина взмахнет крылами – и полетит.

Это была настоящая конвергенция с миром.

Номер был подписан в печать 21 декабря 1988года. А.Д.Сахарову оставалось жить одиннадцать с половиной месяцев.

19 апреля 2014

Какому государству принадлежит русский язык?

У большой страны, мирно или силой оружия, захватившей соседние территории, всегда есть загадки, трудные и для окружающих, и для самих жителей этих стран – старых и новых.

Вот пример: в СССР в каждой союзной республике была своя местная коммунистическая партия. От Азербайджана до Эстонии (на букву «Я» не было союзных республик, а в автономной Якутии был только областной комитет). Единственная республика, лишенная привилегии иметь свою компартию, называлась Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой. Как так? Все было в РСФСР «как у людей» – от министерства культуры до министерства сельского хозяйства. Почему же не было Компартии РСФСР?

Ответ прост: потому что сам Советский Союз был продуктом деятельности Коммунистической партии – сначала, пока существовала Российская империя, – Российской социал-демократической рабочей, потом, когда прототип СССР назывался Советской Россией, Российской коммунистической, а потом – Всесоюзной коммунистической партией большевиков – ВКП(б). И все учебники истории СССР – вплоть до самого последнего времени – создавались по схеме, заданной товарищем Сталиным в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Компартия РСФСР была бы невозможной двойницей компартии СССР.

И привычное для американцев или англичан обозначение СССР как России дает нам достаточное объяснение, почему и внутри России не могло быть двух главных коммунистических партий. Колонии России, опасно граничившие с внешним миром, – от Азербайджана до Эстонии – получили из рук большевиков свои компартии – как щедрый дар, как новые ярлыки княжения.

В этом же качестве – культурно-управленческого, а не только идеологического – дара получили народы СССР и русский язык в качестве языка межнационального общения.

Официальная политика двуязычия была устроена таким образом, что почти в любой республике вполне можно было прожить всю жизнь, так и не выучив языка титульной национальности.

Нужно было обладать интеллектом Ю.М.Лотмана, чтобы выучиться в Эстонии эстонскому языку. Нужно было обладать политическим чутьем Михаила Саакашвили, чтобы, поучившись в Украине, освоить и украинский, и русский языки.

Но советская власть не для того депортировала в Сибирь эстонцев и латышей, украинцев и крымских татар, а на их место засылала русских рабочих, колхозников и пропагандистов, чтобы казахи в Казахстане и многонациональные засланцы в Эстонии учились эстонскому, соответственно, у ссыльных или у местных жителей.

Мало-помалу русский язык из языка межнационального общения должен был превратиться в главный, а потом, возможно, – и в единственный язык на всей территории бывшей Российской Империи и бывшего СССР. Не получилось это только по одной причине: в советской идеологии действовала и другая, противоречившая ассимиляционной, программа. Проповедь расцвета наций, изучения и развития местных языков тоже была частью официальной идеологии. Вот почему, когда Советский Союз был распущен, в каждой бывшей республике носители русского языка оказались в трудном положении. Чем скорее мы избавимся от русского языка, думали местные националисты, тем скорее мы избавимся и от проклятого советского прошлого, сбросим колониальное иго.

А русские в России? Что должны были думать и делать они? Поначалу казалось, что нет ничего проще. Советский Союз – этот продукт антирусского интернационализма – будет забыт, как только мы воссоединимся в своей памяти с Россией до 1917 года. А лучше даже, перепрыгнув первую мировую войну, оказаться в 1913 году – том самом, с которым вечно сравнивали бурный рост советской экономики в СССР.

Но это была мнимая легкость.

Выяснилось, что в 1913 году Россия была одной из нескольких колониальных империй, что и в новом Российском государстве есть очаги «нерусскости» – от адыгов на Кавказе до якутов в Сибири.

И что русский язык для них – хоть и второй, да не родной.

И в состав России они входят, хоть и прочно, но, скорее, вынужденно.

К тому же от этой мелюзги все-таки есть некоторая головная боль, которая мешает не обинуясь назвать и новую постсоветскую Россию – Русью, а ее граждан – русскими.

Идея гражданской нации, безразличной к происхождению человека и уважающей его право на свой родной язык, на бумаге существовала и даже продолжает существовать. Что же помешало гражданской нации?

Почему сейчас русскоязычные иногородцы Мариуполя могут (точнее могли) заставить его безропотно хвататься за флаг Российской Федерации?

Гражданской нации мешали ошибки соседей и так называемого международного сообщества. Мир не помог России осознать себя как новое молодое демократическое государство, унаследовавшее от СССР и Империи очень многое, но не всё. Мир не помог Украине осознать себя как новое молодое демократическое государство, унаследовавшее от СССР и Империи не только украинский, но еще и русский язык и русскоязычных граждан – как украинцев. Вместо этого мировое сообщество с маниакальным упорством дезинформирует и своих сограждан о происходящем в Украине, в Крыму и кое-где еще. Даже в других отношениях умные европейские газеты печатают бессмысленные карты Украины, в которых носители русского языка противопоставлены носителям украинского языка как, соответственно, враги и друзья украинского государства.

Откуда эта ошибка?

К сожалению, оттуда же, откуда выросли ноги у захвата Третьим Рейхом большей части Европы. Говоришь по-немецки? Немец! Почему европейцы, преодолев эту ошибку на своем континенте, продолжают навязывать ее Украине и России? Да потому что так же плохо, как и в бывшем СССР, изучали историю. История русского языка впервые за тысячу лет разошлась с историей российского государства. То нечто, на чем вещают нынешние его представители – парламентарии вроде Владимира Жириновского или Вячеслава Никонова, пропагандисты вроде Дмитрия Киселева, певицы вроде Жанны Бичевской, – это и продукт недомыслия современной Европы, которая пока не готова признать русский язык не только старой исторической, культурной и военной, но и новой политической силой.

Нет государства, которому принадлежали бы английский или немецкий языки. Нет такого государства-хозяина и у русского языка. А вот государства-губители, государства-растлители и государства-гонители у русского языка есть.

27 апреля 2014

Можно ли сравнивать людей с животными?

Глупый вопрос, скажете вы!

Попробуй сказать «нельзя» – засмеют.

– Я думал, ты – птаха. А ты – дятел! – говорил бандит подсадной утке в фильме моего детства.

Птички-козочки, рыбки-щечочки сопровождают человека с самого раннего детства.

До тошноты, можно сказать.

Не случайно, что и у взрослых, вовсе не только у таких, которые не утратили детской лютости, не приобретя взрослого безразличия и взрослой сдержанности.

*Ну и взрослые – свиньи и ослы, псы и козлы, козы и коровы.
Ах, если бы не эти грубости!*

То и дело в цивилизованном мире разворачивается движение за право животных не фигурировать в межчеловеческой брани в качестве орудия словесного насилия. Животные, однако, не обладают личными правами. Вот почему доказать, что люди, требующие запрета ругаться, например, «козлом», «овцой» или «вороной» – это не самозванцы, что эти люди действительно представляют интересы животных, доказать это никак невозможно.

Между тем, с самой глубокой древности не тускнеет представление, согласно которому все животные – это бывшие люди, превращенные богами за какие-то прегрешения. У разных народов такие представления страшно похожи друг на друга. Сейчас-то мало кто в это верит, но и известную песню Владимира Высоцкого о метемпсихозе сбрасывать со счетов рано:

*Должно быть, тот облезлый кот был раньше негодяем,
а этот милый человек был раньше добрым псом.*

Переживания и страхи людей – как бы и в самом деле не превратиться в бессловесное и бессмысленное животное – от насекомого до млекопитающего – стали предметом самых знамени-

тых книг последних ста лет. От «Метаморфозы» Франца Кафки, где такая беда приключилась с одним Грегором Замзой, который родился как человек, а умер как насекомое, до «Носорогов» Эжена Ионеско, где беда стряслась с целым городом, обменивающим человеческие свойства на предположительно носорожьи.

Здесь и коренится загвоздка. С какой стати мы, люди, переносим на зверей свои дурные наклонности, свой нрав? Написанная вскоре после Второй мировой войны и по ее следам, пьеса Ионеско исследует явление конформизма. Кто-то большой и сильный выбирает облик и повадки носорога в качестве замены привычному человеческому говорению.

И все же походя обижает носорогов. Где и когда это видано, чтобы носороги с таким рвением истребляли себе подобных? Нет уж, говорит читатель полвека спустя. Метафора полезная, но ее смысл вовсе не в уподоблении хорошего и вежливого человека толстокожему и грубому животному. Признак грубости и тупости грозно трубящего зверя заслоняет гнусную природу самого человека. Носорог не мимикрирует так, как это делает человек.

В сложной связке метафоры мы, люди, проигрываем дважды. В первый раз, когда согласились измерять свое достоинство броней и рогом, как это случилось в двух мировых войнах и в предчувствии третьей. И во второй раз, когда приняли метафору Ионеско, ингалировали театр абсурда как спасательный круг. Кто, в самом деле, может привлечь к ответственности массового человека, добровольно-принудительно ныряющего под шкуру носорога? Ведь если это всего лишь массовое помешательство, то снова – никакой личной ответственности: тогда все так делали!

Фантазия писателя не подчиняется логике моралиста. В 1936 году Карел Чапек написал роман «Война с саламандрами».

Об этой книге я вспомнил совершенно случайно, послушав и почитав, как очевидцы описывали «зеленых человечков» или «вежливых людей», появлявшихся в Крыму. Отроческое воспоминание вернуло меня в финальную сцену романа: уверенный, что до континента, до гористой Чехии, саламандры уж точно не доберутся, пан Повондра с ужасом видит голову саламандры во Влтаве.

Перечитывать роман было тяжело. Прямые совпадения было бы легче переносить. А вот сходство диффузное, словно выступающее из тумана, заставляет читателя неожиданно ударяться лбом о собственную каменную реальность.

Саламандры, которых люди у Чапека поставили себе на службу, не столько зеленые, сколько черные. Они легко обучаемы, быстро схватывают человеческий язык. Только не в его лирической или познавательной глубине, а в его простоте.

Способность саламандр к труду и членораздельной речи и склонность людей злоупотреблять работоспособностью и простотой, с какой живут саламандры, заставила самых совестливых представителей рода человеческого начать борьбу за права саламандр.

Активисты-люди выговорили для саламандр весьма льготный режим существования при человечестве. И тут выясняется, что, подобно «вежливым зеленым человечкам», саламандры вроде бы понимают свою задачу, вот только не обсуждают ее с другими людьми. При этом, действуя по собственной программе, саламандры впитывают язык приказов и ультиматумов, обильно сдобренный лицемерием.

В конце книги Верховный Саламандр, сам саламандрой не являющийся, приказывает людям не чинить саламандрам никаких препятствий. В обмен на мирный договор и саламандры соглашаются не наносить людям большего ущерба, чем они уже нанесли, постепенно утопив половину земной суши в океане.

Титаническая гидротехнофилия этих вымышленных животных намекает из своего сумеречного прошлого на организацию захвата Крыма.

Молчаливые ничейные и вежливые зеленые человечки стоят вдоль «поробрика», безмолвно отпугивая своим видом спокойных и возбуждая беспокойных. Потом оказывается, что они никакие не зеленые, а черно-зеленые: это ведь моряки-черноморцы.

Как в романе Чапека, так и в реальности уже вполне сухопутного региона Украины – Донбасса, – черно-зеленые головастики – тут как тут. Они названы «сторонниками федерализации Украины». Так и саламандры у Чапека боролись за свою автономию.

При этом, когда с их предводителями пытаются поговорить об этом самом «федерализме», они сбиваются на культ Великого Саламандра, которого представляют себе в виде исполняющей саламандрой республики они не смогли найти ничего лучшего, чем изображение старинной татуировки уголовников – иллюстрации к песне волжских босяков из пьесы Горького «На дне»:

*«Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно.
Дни и ночи часовые
Стерегут мое окно...»*

Обычные люди со страхом и смятением смотрят на боевых саламандр и думают, что Великий Саламандр, наверное, знает, что делает. Ведь он-то – как раз хитроумный человек. Он держит под контролем и саламандр-активистов, которые у Чапека называются «лидингами», и бойцов-«тимов», и, наконец, – тогда, в конце 1930-х, это было совсем новое слово, пришедшее в русский язык из английского через чешское посредничество! – «трэшей», или мусорных, ни к чему особенно не пригодных существ, которых никому особенно и не жалко.

Саламандры-трэши обычно бедны, а взятые по отдельности – и слабосильны, умеют повторять только самые простые лозунги, вместе легковерны и недоверчивы, ненавидят сложность и презирают людей, неспособных понять радость от принадлежности к большинству. Ловкому человеку не стоит труда заставить их поверить в великую миссию. В конце концов, именно саламандра-трэш обеспечила первоначальный успех Верховного Саламандра.

Кем был этот человек? У Чапека он – фельдфебель-ветеран первой мировой войны (в 1936 году никто еще не называл ее первой, потому что вторая только предстояла). Великий Саламандр нашего времени – ветеран войны холодной, и званием повыше. Вот только ничего нового предложить человечеству он не может.

Все те же саламандры-трэши, повторяющие магическое заклинание «затокрымнаш».

Их головы в черных балаклавах всплывают сейчас все дальше от побережья. Как я понимаю пана Повондру!

4 мая 2014

Патриофобия, или Язык без костей

Луи-Себастьян Мерсье выпустил в 1801 году в Париже замечательный словарь под названием «Неология». Помимо новых слов в нем находятся и вполне старые, но неизбежно изменившие прежнее значение под влиянием новых соседей. Так, рядом со

всем известным «патриотизмом» появляется «патриофобия».

Новое слово «патриофобия», о котором я еще скажу, заставило Мерсье так написать о патриотизме: это, говорит он, сильная лихорадка, которая вызванными ею судорогами побеждает самую природу. «От нее умер Катон», — резюмирует французский мыслитель.

Мерсье, как мы видим, зачерпнул гораздо глубже, чем автор афоризма о патриотизме как последнем прибежище негодяя. В конце концов, не всякий патриот негодяй, как и не всякий негодяй обязательно патриот. Но понимание патриотизма как болезни, помешательства, разрушающего природу человека, как объяснить его?

По Мерсье, победа над человеческой природой, которую одерживает в человеке патриот, хорошо объясняется неологизмом «патриофобия» — другим полюсом отношения к Отечеству. Мерсье понимает патриофобию как страх перед отечеством. Мы не ожидаем увидеть в справочном издании статью, завершаемую вопросительным знаком, правда? А Мерсье это как раз и удается.

Гидрофобией, поясняет он, называют страх перед водой. Человек, поясняет Мерсье, форменным образом входит от воды в раж — вместо этого французского слова можно было бы сказать «неистовство», но ведь и французское «раж» обрусело уже достаточно давно и всем понятно.

Так вот, патриофоб, по Луи-Себастьяну Мерсье, — это человек, который испытывает страх перед своим отечеством, человек, которого начинает трясти при самом произнесении слов «родина», «отечество» или «патриот». Никаких более внятных примеров патриофобии Мерсье прямо не приводит, но например, читателям его знаменитого романа-утопии под названием «2440 год, или Сон, которого, возможно, и не было», все представляется довольно понятным.

Было время, когда настоящими патриотами в разных странах считали людей, мысливших критически по отношению к бесчеловечному режиму. Например, Лермонтов, писавший о «немытой России, стране рабов, стране господ», считался патриотом вовсе не потому, что отправился в завоевательный поход на Кавказ (который тогда еще не был Россией).

А теперь появилось много обиженных на этого дворянчика, да и на других. «Люблю Россию я, но странную любовью»? И это — плохая отговорка для того, кто считает, что «язык без костей».

Получается, если в России о чем и спорили, то только о том, кто из спорщиков – лучший, готовый на бульшие жертвы патриот.

Вот почему патриофобия – отвращение к болтовне о патриотизме – остается почти совсем не изученной. Между тем, явление патриофобии невероятно разнообразно. Например, в Советском Союзе патриофобами на определенном этапе жизни оказывались миллионы людей – в широком диапазоне от воевавших в Великой отечественной войне на стороне гитлеровской Германии до разнообразных низко- или высокопоставленных проходимцев, разоривших государственную казну.

Как мы видим, речь идет не о ненависти, например, к Советскому Союзу как к исторической родине, а о страхе, что хоть в какой-то форме сама система принудительной массовой любви к этому отечеству вернется, застанет человека врасплох. Такая патриофобия наблюдается на всем постсоветском пространстве в форме борьбы с чужим языком как с неполноценным, опасным для «своих».

Патриофобы – это и те, кто пытается задушить русский язык и другие языки меньшинств (а с ними и сами меньшинства) в бывших республиках СССР как признак «советизма» или источник новой российской угрозы. Патриофобия охотно прикрывается эрзац-патриотизмом особого рода – признаниями в любви к языку как уютному дому твоего сознания.

Говорю о прикрытии, потому что признающийся в любви к своему языку или культуре обычно противопоставляет эту духовную сущность реальному государству или современному патриофобу народному телу. Патриот не сразу может заметить, что под девизом защиты родного языка и его носителей он вдруг встал под знамена бандита, напавшего на чужую страну, или депутата, рассуждающего о «бешенстве матки», – людей, не способных к человеческой речи ни на каком языке.

Ценный отчет о возможности раздельного существования языка и народа оставил нам немецкий писатель Томас Манн. До сих пор многие в Германии держат на него обиду за то, что в дни варварских бомбардировок германских городов, где сгорели сотни тысяч гражданских лиц, в том числе, конечно, ни в чем не повинных детей, этот гуманист обращался по радио к соотечественникам и объяснял смысл происходившего, задачи и, так сказать, философскую желательность неизбежной оккупации своей Родины международной коалицией победителей.

Патриофию этого рода многие в Германии не могли простить и великой Марлен Дитрих, певшей и плясавшей для американских солдат, очищавших Европу от нацистов. Она говорила по-английски с сильным немецким акцентом, а в конце жизни и по-немецки – с американским.

Герой романа Томаса Манна «Волшебная гора» Ганс Касторп объяснял своей русской собеседнице, почему он предпочитает говорить с ней не на родном немецком, а на чужом языке. «Да я это просто так сказал. Хоть я почти не говорю по-французски. Почему в разговоре с тобой я предпочитаю этот язык родному? Да потому что для меня говорить по-французски значит в некотором смысле говорить – ничего не говоря, не отвечая за свои слова, как мы говорим во сне».

Фигурально выражаясь, каждый хороший писатель пишет не только на своем языке. Он размышляет и встраивает в свои произведения и другие языки, языки других. От Пушкина в «Евгении Онегине» до Толстого в «Войне и мире». И в «Волшебной горе» Томаса Манна – романе, описывающем, среди прочего, жизнь русских эмигрантов в Европе первой четверти XX века, есть наблюдения над русским языком – и бесконечно далеким от Манна, и привлекавшим его своими свойствами, которые великий немец старался поймать и – хоть и вчуже, но с дьявольской искусностью – описать.

Манн воспринимал русскую речь как «мягкую и лишенную костей» (*weich und gleichsam knochenlos*). Живущий в русском языке и дышащий этим языком находится как бы в грудной клетке без ребер, объясняет один из главных героев «Волшебной горы», господин Сеттембрини. В 1924 году, когда Томас Манн опубликовал свой толстый роман, некоторым было уже хорошо понятно, как будет выглядеть тот государственный порядок, который учредили в Советской России вчерашние спорщики из швейцарского туберкулезного санатория.

Сеттембрини выбирает метафорой русской идеи безразличия русского языка и его носителей к категории времени. Герой Манна, да, пожалуй, и сам писатель словно завидуют этому качеству чужого языка. Но призыв ценить европейскую цивилизацию, прежде всего, в языке – как инженерную, высоко технологичную, Манн воспринимает скептически. У него самого не было недостатка в предчувствиях того, что случится с немцами и их дисциплинированным, высоко организованным языком, зна-

ющим цену времени, как полагает герой романа, из-за крайней пространственной стесненности.

Русские, говорил Сеттембрини, ведут себя так, как будто их будущее уже стало их прошлым, как будто время вовсе не имеет значения, и они вместо будущего могут бесконечно ждать возвращения этого прошлого. Каким бы страшным оно ни было.

25 мая 2014

Услышать чеченскую речь

18.05.2014

Нацгвардия Украины задерживает под Краматорском журналистов LifeNews Олега Сидякина и Марата Сайченко.

24.05.2014

Сидякин и Сайченко освобождены и летят в Грозный.

24.05.2014

Внеочередные выборы президента Украины.

Возможно, единственный внешний признак разумного человека, заметный собеседнику, который также считает себя разумным — это способность переспрашивать. Способность переспрашивать свидетельствует, во-первых, просто о том, что собеседник тебя слушает. Во-вторых, способность переспрашивать означает и вот что: собеседник готов признать возможность недопонимания им самим того, что говоришь ты, а тобой — того, что говорит он. При условии, что и ты слушаешь собеседника, и ты признаешь возможность недопонимания с твоей стороны, только и возможен диалог, разговор.

Российские власти и взятые ими на бордаж СМИ решили от такого разговора с гражданами своей собственной страны любой ценой уклониться. Лишенные права переспрашивать забыли, как и зачем это делать.

О чем же должны были бы переспросить себя и свои СМИ вменяемые граждане РФ?

Почему российские ТВ никогда не показывают украинские дебаты — ни те, что идут по-русски без перевода, ни те, что идут по-украински, с субтитрами, например?

Ответ один: потому что всего за один вечер станет ясно, что вся пропагандистская машина РФ производит ложь – и о «фашизме» в Украине, и о преследовании русских, и об угрозе со стороны НАТО, и о «пятой колонне» в самой России. Если же выяснится, что и украинские фашисты не фашисты, что жидобандеровцы не жидобандеровцы, что НАТО наплевать на Российскую Федерацию до тех пор, пока федерация эта не лезет в соседние страны со своим представлением о «федерализации» этих стран, – вот тогда окажется, что отвечать за это придется не только руководству страны и СМИ, но и всем молчаливым гражданам, которые, как старая собака, все понимают, но не могут ничего сказать на членораздельном человеческом языке.

Наконец, из кармана спорящего вынимается самый последний аргумент: да, врут наши СМИ. Но разве у них – иначе? Врут, мол, точно так же. Все, мол, одним мирром мазаны.

Все да не все. Если тебе кажется, что кто-то врёт о тебе, о твоём правительстве и о ваших общих намерениях, спроси, задай вопрос, поговори, разоблачи, наконец, чужую ложь.

Если ты молчишь, то только по одной причине: ты подозреваешь, что твой противник в этом противостоянии окажется прав, а ты – нет. И на его стороне не более ловкие приемы пропаганды, а просто более достоверные сведения. Доступные всем на твоём родном языке.

А час истины пробил для РФ не тогда, когда бывший президент Украины В.Ф.Янукович бежал из Киева в Москву, а когда такие же солдаты империи из РФ вторглись без опознавательных знаков на территорию Украины и сначала захватили Крым и Севастополь, а потом приступили к патрулированию Донбасса и Луганщины.

Но как переспрашивать людей в масках? Главное – на каком языке? Сейчас, говорят, к уничтожению государственности Украины приступили, по-видимому, самые боеспособные части РФ – бывшие сепаратисты из Чеченской республики во главе с Рамзаном Кадыровым. Или это все-таки умиротворение хунты? Или гуманитарное посредничество? И это природная стеснительность заставляет этих людей прятать лица под балаклавой? Но рыцари все равно заметны.

«Когда нас посадили в машину, где мы слышали чеченскую речь, мне сразу полегчало. Я понял, кто вмешался», – заявил коллегам из России задержанный в Украине журналист Сайченко.

Не увидев лиц, закрытых масками, московско-грозненский пропагандист молниеносно сделал правильный вывод. Помог,

можно сказать, сплочению бывших террористов-сепаратистов с российскими военными властями в противостоянии новому врагу – Украине и украинцам.

За высказыванием журналиста Сайченко есть и важная для этого нового врага скрытая угроза: услышав в эфире или из окопа речь на незнакомом языке, поди догадайся, какие чувства тебе испытывать – облегчения или уныния.

Да и все ли в России выучили уже чеченский язык?

01 июня 2014

Где вы берете такую матерную траву?

01.06.2014   Запрет на курение в общественных местах.

Сегодня, первого июня 2014 года, в правовом поле России встретились два запрета.

Оба они – духовного свойства. По одному закону, отныне строго-настрога запрещено употреблять в СМИ несколько матерных слов. По другому закону, отныне строго-настрога запрещено курение в общественных местах.

Если бы эти законы вступали в силу в разное время, мы, может быть, и не задумались бы о сходстве обеих субстанций – того богатого духовного смысла, который вкладывают люди в курение табака и употребление крепких выражений.

Давайте вместе понюхаем этот дым. Что это за действия?

Главное, конечно, состоит в том, что эти действия – социальные. Иначе говоря, они нужны людям для общения. Покурить выходят, чтобы вместе попеть-потрындеть. Почему так вышло, мы сейчас разбирать не будем. Но это простой медицинский факт – даже для такого агрессивного противника курения, каким до сегодняшнего дня был ваш покорный слуга.

Второе сходство. Курение и употребление крепких выражений для описания действительности и разгребания ее очевидных нечистот затыгивают, вызывают привыкание. И понятно, почему: государства, которые гребут миллиардами налоги с курильщиков, требуют писать на пачках сигарет странные угрозы (вроде

какого-нибудь «Курящие кончают раком!»), хотя им следовало бы на государственных казначейских билетах печатать красными буквами – «Внимание! Купюра скоммунизжена и попадает к тебе, временный пользователь, уже немного обесцененной!»

Третье свойство. Оба действия – курение и сквернословие – мешают другим полезным начинаниям человека. Отвлекают от трезвого спокойного анализа обстановки, приостанавливают рабочие процессы, требуют для утоления желания все больше денег. Последствия курения, очевидно, легко сравнить с последствиями злоупотребления матерным языком. Глядь – у тебя легкие черны, а там и до карачуна недалеко. Глядь – а у тебя эвфуизмы зашевелились. Еж мою мышь, ёлки-моталки, ёксель-моксель, ёшкин кот! Гидрит и ангидрит, как пел Владимир Высоцкий.

Субъективно полегчало, объективно похужело. Вопрос, однако, брошен так и не изученным. И с 1 июня 2014 года кто же нам теперь поможет разобраться, если мы не можем теперь друг другу публично пожаловаться да показаться?

Невидимая хвойная шишка политики говорит примерно так:

«Граждане, да чешитесь вы конём!»

«Курите где хотите, лишь бы вас никто не видел!»

«Материтесь где хотите, лишь бы вас никто не слышал!»

Много лет назад, когда братья Стругацкие были страшно популярны примерно в тех же, с поправкой на время, кругах, что теперь читают Виктора Пелевина, я с этим своим временем был не в ладах, и почти никаких сочинений Стругацких осилить не мог: они мне казались схематичными, картина мира в них – упрощенной, диалоги – вымученными. По-русски это называется переснобировать. А сейчас вот читаю некоторые вещи с большим удовольствием, потому что они хорошо объясняют и то время, в которое уже не вернуться, и то, из которого пока еще не видно разумного выхода.

«Мы любим и ценим этих простых, грубых ребят, нашу серую боевую скотину. Они нам нужны», – говорит герой романа «Трудно быть богом», засланный в Арканар, – ведь отныне простолюдин должен держать язык за зубами, если не хочет вывешивать его на виселице! Язык простолюдина должен знать свое место. Бог дал простолюдину язык вовсе не для разглагольствований, а для лизания сапог своего господина, каковой господин положен простолюдину от века... А если язык простолюдина лижет не тот сапог, –

громко говорил герой Стругацких, — то язык этот надлежит удалить напрочь, ибо сказано: „Язык твой — враг мой“...

Но брань под окнами продолжалась с прежней силой. До чего же могучий язык! Энтропия невероятная».

Как же так? Почему объективно разумные ограничения вызывают такое отторжение?

И даже объективные показатели сокращения, например, числа курильщиков не вселяют особой радости даже тем, кто и сам не курит, и других уговаривает не курить?

Неужели потому, что сдает выдержка и выгучка даже тех, кто прошел солидную советскую подготовку? Давайте еще послушаем Стругацких: «На Земле мы здоровые, уверенные ребята, прошедшие психологическое кондиционирование и готовые ко всему. У нас отличные нервы: мы умеем не отворачиваться, когда избивают и казнят. У нас неслыханная выдержка: мы способны выдерживать излияния безнадежнейших кретинов. Мы забыли брезгливость, нас устраивает посуда, которую по обычаю дают вылизывать собакам и затем для красоты протирают грязным подолом. Мы великие имперсонаторы, даже во сне мы не говорим на языках Земли. У нас безотказное оружие — базисная теория феодализма, разработанная в тиши кабинетов и лабораторий, на пыльных раскопах, в солидных дискуссиях...»

Осени и зимы с 1969 до 1971 года я часто бывал в курилке Ленинской библиотеки, где читали тогда короткие и смачные лекции разные замечательные люди. Одну такую лекцию я вспоминаю до сих пор. Ее прочитал Александр Моисеевич Пятигорский. Официально это была, конечно, и не лекция вовсе, а просто длинный разговор, растянувшийся, наверное, на целую неделю. В нем участвовали разные замечательные люди. Виктор Камянов, Лев Антопольский, вставлявшие сквозь сигаретку словечко или два. А Пятигорский говорил о Максиме Горьком. Матерных слов, кстати, не употреблял вовсе. Но классика советской литературы все-таки обижал. Пятигорский объявил Горького воплощением дьявола в русской культуре. Вот, говорит, в XIX веке были всякие — и попы, и безбожники, но ненавистников рода человеческого было совсем мало. А тут, говорит, появился. И в романе «Жизнь Клима Самгина» подвел жирную черту под всем бесхребетным гуманизмом русской литературы. Даже Достоевского переплюнул «историей пустой души». И Карла Шмитта переплюнул с его теорией врага. Потому что Максим Горький прямо продиктовал

тогда основную линию: «Если враг не сдается, его уничтожают». Смешно, что под этим писательским лозунгом и работала вся советская карательно-воспитательная машина.

Рассказ Пятигорского о Горьком я вспомнил и сегодня, когда прочитал у Стругацких: «Колодцы гуманизма в наших душах, казавшиеся на земле бездонными, иссякают с пугающей быстротой».

Древние ближневосточные цивилизации, на неудобной северной окраине которых мы живем, требовали от своих граждан строго по расписанию дважды в году – весной и осенью – забывать о рутине, спускать с чердаков громадные изображения мужского полового члена, огромной толстой хвойной шишки, и носить их по улицам, выпрашивая у богов хорошего урожая или благодаря богов за уже оказанную поддержку. Возжигались факелы, пелись скабрёзные частушки, которые в этот день приобретали буквальное значение.

*«Дай нам фруктус с борозды,
борозды-зды-зды!
Вот он, фруктус с борозды, –
за труды!»*

Оказалось, что у людей не получается договориться. Они не соблюдают договоренностей, курят что попало и где попало, матерятся при детях, друг дружке житья не дают.

Как же с ним договариваться, с обществом этим? Таким хамоватым, таким вонючим, таким не построенным? Как бы приостановить его неотвратимое разложение?

И тогда хорошая, субъективно добрая и мечтательно-умная, прямо-таки елдовая, как сказал бы Чехов, шишка принимает мудрое здоровое решение. А не придать ли нам духовной жизни наших подданных морально здоровое, и политически правильное направление? Не закрыть ли нам задним числом курилку Ленинской библиотеки?

Чтобы здоровье физическое соединилось, наконец, с чеканным пунктом из советской характеристики: «Политически грамотен, морально устойчив».

И тогда братья Стругацкие, может быть, не поехали бы в 1963 году в Донецк, Луганск или Славянск.

«Эта неотвратимость чувствовалась по всем. И в том, что штурмовики, которые еще совсем недавно трусливо жались к

казармам, теперь с топорами наголо свободно разгуливают прямо посередине улиц, где раньше разрешалось ходить только благородным донам. И в том, что исчезли из города уличные певцы, рассказчики, плясуны, акробаты. И в том, что горожане перестали распевать куплеты политического содержания, стали очень серьезными и совершенно точно знали, что необходимо для блага государства. И в том, что внезапно и необъяснимо был закрыт порт. И в том, что были разгромлены и сожжены „возмущенным народом“ все лавочки, торгующие раритетами, — единственные места в королевстве, где можно было купить или взять на время книги и рукописи на всех языках Империи и на древних, ныне мертвых, языках аборигенов Запроливья. И в том, что украшенные города, сверкающая башня астрологической обсерватории, торчала теперь в синем небе черным гнилым зубом, спаленная „случайным пожаром“...

«...У причалов поигрывали ржавыми мясницкими топорами серые штурмовики — поплевывали, нагло и злорадно поглядывая на толпу. На арестованных кораблях группами по пять-шесть человек сидели на корточках ширококостные, меднокожие люди в шурах шерстью наружу и медных колпаках — наемники-варвары, никудышные в рукопашном бою, но страшные вот так, на расстоянии, своими длиннющими духовыми трубками, стреляющими отравленной колючкой. А за лесом мачт, на открытом рейде чернели в мертвом штале длинные боевые галеры королевского флота. Время от времени они выпускали красные огненно-дымные струи, воспламеняющие море, — жгли нефть для устрашения...»

Очень, очень нужно Арканару новое, не курящее и не матерящееся племя. Вот почему 1 июня 2014 года, в Международный день защиты детей, и в России вступил в силу закон, запрещающий курильщикам сплевывать в прямом эфире или в записи, приговаривать по привычке «пшёл в пах» или «носи пелотку без звезды, отдав правления бразды».

Вот все эти ужасы чтобы не заставляли наше славное вертикальное кайло омрачать свое хвойное чело.

А кому захотелось затянуться, воскуривайте фимиам.

08 июня 2014

Ложный пафос, или Что случилось с языком после изъятия из русской азбуки фиты?

Выпадение этой буквы оказалось сродни выпадению зуба, и язык стал сворачивать то вправо, то влево. То «театр», а то «Фукидид».

Провел я несколько прекрасных дней в шведском университетском городе Уппсала на международной конференции специалистов по переводу. Сам я не специалист по переводу: меня пригласили как собирателя ошибок и некоторых других полезных мелочей, которые норовят иной раз ускользнуть от внимания настоящих экспертов. Например, многие иностранцы спрашивают, как понимать произносимое с недовольным видом выражение «это слишком пафосно».

И вот ведь как бывает: пытаешься понять какую-то дурацкую притяжку, а нырять за объяснением приходится черт знает куда.

Навскидку, выражение это значит примерно следующее: «Не надо вот этих вот возвышенных слов: всем все ясно, можно и попроще». Люди, обремененные знанием литературы в объеме школьной программы, скажут короче: «Аркадий, не говори красиво!»

Слово «пафос» иногда пишут через букву «т». Например, название сонаты № 8 Бетховена – «Большая патетическая», а не «пафетическая». По нынешним временам соната эта, конечно, еще и пафосная. Но это уже оценочное суждение. А мы идем дальше.

Почему-то не «симпафия» и «антипафия», а симпатия и антипатия. Знающие люди нам сразу объяснят, откуда эта путаница. Еще до революции спланированная диверсия против русского языка, осуществленная в 1918 году как реформа правописания, удалила из русской письменности несколько букв. В том числе – «фиту» (ϑ), одну из тех букв русской азбуки, которая сразу указывала на греческое или латинское происхождение соответствующего слова. В русской речи, как и в греческой, и звук для этого есть наготове. Но русские им теперь пользуются либо при изучении чужой английской фонетики – как в словах «thick», «thing» или «think», либо для того, чтобы подразнить шепелявого, говоря, например, «thithka» вместо «шишка».

Выпадение буквы оказалось сродни выпадению зуба, и язык стал сворачивать то вправо, то влево. То «театр», а то «Фукидид». «Т» на месте бывшей «Ф» сохранилась, по большей части, в словах серьезных – «патологанатом», «ортопед». А бракоделы-филологи навставляли вместо старой доброй фиты другую греческую букву – «ф», и получилось, например, малограмотное слово «орфография». Черт его знает, что оно может обозначать с этим вашим пореформенным правописанием – может, запись песен Орфея? Но тогда была бы «орфеография». И вот у нас ортодонт, но орфоэпия. Объяснить это школьнику невозможно, только зубрить. Вот только содержательная связь между пафосом и патанатомией улетучилась. Греческий «павос» в «пафос» превратился только в словаре несчастных литературоведов и эстет(ик)ов. А когда говорят о «страстях», о «страданиях», о «боли» и «страхах», о душе, то вот почему-то держатся за твердое «т».

Чего же ты хочешь, вздорный старик? – спросите вы. Ясности, только ясности.

Не можем же мы пользоваться словом, совсем не понимая его значения. Перед иноземцами неудобно. Мы же, напомню, взялись растолковать, что это значит в русском разговоре, когда просят, чтобы было «не слишком пафосно».

Философ Аристотель объяснял своим ученикам, что этому самому «павосу» – как «страданию» – противопоставлена «поззия». Пассивному претерпеванию противостоит безжалостное действие. Это нужно понимать так, что одно дело – быть героем поэмы, но совсем другое – эту поэму писать. Одно дело быть Александром Пушкиным и совсем другое – быть Владимиром Ленским. Одно дело быть Николаем Васильевичем Гоголем и другое дело – быть Аксентием Ивановичем Поприциным.

Герой-страстотерпец может быть изображен своим хозяином, создателем и отцом как герой и слабак, как совсем жалкий человечико. В конце концов беспощадный автор, поэт, деятель пера может даже убить своего героя, заставить того претерпеть худшее – безумие или смерть.

Слишком пафосно, говорите?

Пойдем дальше!

Аристотель объясняет, что все эти претерпевания, страсти (в том числе, и страсти-мордасти), страдания происходят не только в области чувств и переживаний. Мы все не случайно пользуемся греческим словом, словом из старшего на шкале достоинств

языка. Оно там, у греков, в философии Аристотеля, обслуживало еще и логику. Чистый, можно сказать, разум. И обозначало то, для чего в русском языке и слова-то своего до сих пор нету: используем латинское словечко «атрибут». У Аристотеля «без пафоса» не может быть главной категории – «сущности». Как только нечто зачинается и начинает быть, так у него появляются всякие признаки, свойства, болячки. Не успел человек родиться, а уже пуповину перерезали, кое-кому и крайнюю плоть обрезали. И вот кричит новая сущность своим голосом. Страдает. Но и сучит ногами и руками. Действует. Причиняет страдания себе и окружающим. «Через страдание познает мир». Так сказал еще греческий трагик Эсхил. Так переживает свои несчастья Аксентий Иванович Поприщин в «Записках сумасшедшего».

Аристотель, стало быть, и в логике объяснял, отчего жизнь устроена трагически. Как устроена сама трагедия Эсхила, Аристотель рассказывает в «Поэтике». И эти его объяснения оказались на редкость надежными. Они держатся две с половиной тысячи лет. Пафосно? Да, пафосно. Но по-другому нельзя. Не имеет смысла.

Что же случилось с этим словом? Если бы мы спросили писателя и философа, тот объяснил бы нам, что потеря «фиты» в греческом слове пафос привела к утрате понимания. В основе страшных вещей, связывающих нашу мысль с нашим многострадальным телом, лежит одно и то же понятие. Но некоторые его не замечают, и вследствие этой, как бы помягче сказать, несколько патологической, неполной коммуникации, требуют «не грузить излишним пафосом».

Жалующийся, что ему «слишком пафосно», не хочет знать, отказывается претерпевать, хочет неги незнания. Лишь бы не испытать боль и обиду за себя, за свой язык, за свои пенаты, за свое гнездо. Выказывает безотчетное понимание, но сам не знает об этом.

Человеку нужен переводчик с трудного родного языка на тот, что попроще. Но таким людям не нравятся честный перевод.

Так собака кусает руку лекаря, чтобы не делал больно.

На конференции в Уппсале говорили о разных людях, которые переводили, мучились, медленно, перебрав множество слов, пробирались к познанию, к знанию. Вот только достигали цели совсем немногие.

Трудно сказать, почему так совпало, но русским переводчикам в 20-м веке очень не везло. Особенно не везло почему-то перевод-

чиком Эшила. Вот Адриан Пиотровский (1898—1937). Перевод под его именем так и не вышел. А друг его отца, старика Фаддея Францевича Зелинского, поэт-символист Вячеслав Иванов и тоже переводчик Эшила, так и не увидевший своего перевода Эшила изданным, до конца жизни писал слово пафос греческими буквами, поскольку понимал, что лучше оставить это слово без перевода. Не доверял письменной русской речи, особенно пореформенной, всё искал настоящее слово, которое, однако, никак не приходило.

Говорили на конференции в Уппсале и о другом младшем знакомце Иванова, философе и переводчике Густаве Густавовиче Шпете (1879—1937). Незадолго до ареста Шпет успел опубликовать обширный комментарий к «Посмертным запискам Пиквикского клуба» Чарльза Диккенса. Шпет очень трепетно относился к правильности выражения. Поэтому предпочитал писать имя великого английского писателя через одну «к»: в русском языке, уверял он, сама орфоэпия диктует орфографию. Почему это так, философу объяснить не позволили.

Даже и самое малое вмешательство в язык — отмена одной буквы — может, оказывается, причинять страдания взрослым серьезным людям. Казалось бы, одна буква. Ведь это же просто смешно. Любой пафос здесь, товарищи, неуместен.

Так вот, я о переводчиках и их страданиях, их страстях. О переводчиках-страстотерпцах.

Адриана Пиотровского чекисты расстреляли в 1937 году в Ленинграде. Город сейчас переименовали обратно в Санкт-Петербург. Но легче от этого не стало.

Густава Шпета чекисты расстреляли в 1937 году в Томске.

Вячеслав Иванов в эмиграции переписывался в это время то с отцом Адриана Пиотровского Фаддеем Францевичем Зелинским, который жил тогда в Варшаве, то с другими русскими писателями и философами, друзьями Шпета, успевшими бежать из Советской России.

Но уже пошло начинаться в Советской России новое поколение. Молодые зубастые вохровцы вступали в сношения с жопастыми комсомолочками. Поколение пафосных деятелей, созидателей, творцов стремительно шло на смену поколению патологических нытиков и страдальцев.

Внуки этих совокуплявшихся без познания сегодня говорят, что им совершенно все равно, как что пишется, лишь бы не было пафосно. Это, мол, дурной вкус, словоблудие.

Но нет, они, пожалуй, говорят не так. Нужно писать точнее. Честнее. Они говорят, что им совершенно насрать, как пишется слово «пафос». И узнавать что-то новое, другое, им про себя и про свою страну больше не надо. «Всем все ясно и так». И города они будут, конечно, называть по-своему. По старинке, цена аромат старинной портянки. Не ведая, что творят.

Что знание о чужих страданиях — не в коня корм, было, конечно, ясно уже самому Аристотелю, который пережил, хоть и совсем ненадолго, своего ученика Александра Великого.

И Александр Сергеевич Пушкин пережил не очень-то надолго своего героя — Владимира Ленского. Поэт ведь умер от той же болезни «познания через страдание», которой наградил своего героя.

Всего на несколько лет пережил Поприщина и Гоголь.

Это большая мука — говорить на языке, которого не понимаешь. Но люди тут у нас говорят на языке, который и не хотят понимать. А вот уроки языка готовы преподавать кому угодно — без лишних слов: штыком-молодцом, могучим танком, стальной птицей.

Понять безвыходность положения — тоже результат, пусть он нам и не нравится.

22 июня 2014

Новое торжество аббревиатур

Зачем русскому языку нужны сокращения в наше время? Некоторые исследователи думают, что особенно много аббревиатур появляется при смене политических режимов — от более свободного к менее свободному. Русский язык между ВВП и ПТН-ПНХ. Для кого-то из знания этих сокращений складывается понимание истории.

На заре туманной юности отец объяснил мне, что арабское письмо требовало от носителей тюркских языков еще большей фоновой грамотности, чем, скажем, «ять» или «фита» — от носителей русского. Вот, к примеру, напишут «ГГЛ» — и поди разбери, что это: лепешка «гогал», писатель «Гоголь» или поисковик «гугль» (шутка — когда мы это обсуждали, еще даже ксероксов не было)?

Впоследствии оказалось, что такого рода сокращения, непонятные без правильной огласовки, усердно применяются и в тех

языках, которые располагают богатым набором гласных. Например, греки, римляне и славяне всюду пользовались сокращениями. Некоторые – слоговые, буквенные и прочие – в ходу уже не одно тысячелетие.

Объяснений этому несколько: сокращения – аббревиатуры, акронимы – одновременно и экономят пространство для высказывания, и требуют от пользователя неустанно повышать свой, извините за канцеляризм, культурный уровень. Вот читаешь греческое слово 'Ιησους, и всем причастным понятно: Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель. Иногда достаточно просто рыбку нарисовать. Стало быть, от слова к символу, а потом обратно – от символа к слову. Были такие сокращения и раньше. Опять же, понятно, почему. Пергамен – выделанная шкура нерожденного ягненка – вещь дорогая, не напишешься. А на камне выбить хоть одну букву попробуй...

Но зачем нужны сокращения в наше время? Да все для того же – для экономии места и времени, для отлучения непосвященных. Некоторые исследователи языка думают, что особенно много аббревиатур появляется при смене политических режимов от более свободного к менее свободному. И тогда сокращения приобретают свойство имени. Звуки звучат грозно, буквы показывают зубы. ОМОН. БОМЖ. Разве кто-то воспринимает эти слова расчлененно? Они уже давно стали именами собственными. На МКАДе – ад. Замкадыши шипят. Бомжей считают явлением природы и низшей кастой.

Сокращениями-именами всегда была богата традиция татуировок. Сколько их было собрано, сколько понаколото на тела. От средневековых монахов до наших советских зэков.

О советские казенные аббревиатуры! Как много говорило советскому человеку слово СССР, и как по-разному этот человек расшифровывал его в зависимости от социального статуса. Одни – официально: Советский Союз; другие – мечтательно: Смерть Сталина Спасет Россию; третьи – реалистично: Спальня, Столовая, Сортир, Работа. И только из сочетания всех расшифровок складывается правильное историческое понимание словосочетания.

Однажды, в самом начале 1980-х я попал, как лектор общества «Знание», в Магадан. И довелось мне побывать в тамошней общественной бане. Впечатлений хватает до сих пор. Еще далеко было до перестроечных публикаций Данцика Балдаева, в которых расшифрованы десятки зэчьих аббревиатур, а молодые да и не очень

обладатели наколок в Магадане довольно охотно объяснили мне, что имена и географические названия, выколотые у них на груди, бедрах или на руках, означают совсем не то, что я думал.

Например, ЛЮБА оказалось не именем вовсе, а аббревиатурой «любовь юности была ангельской». И еще в магаданской бане я видел удивительную аббревиатуру: ХТПКТ. «Ху[же] Тому, Кто Придумал Тюрьму». Вместо слова «хуже» носитель татуировки произнес другое слово, но оно теперь снова запрещено к употреблению в печати, так что придется нам смириться с его общепонятной демонической природой.

Но мы приблизились, наконец, к нашим веселым временам. Сейчас все стало немного проще. Достаточно поискать в сетевом словаре сокращений русского языка sokr.ru, и мы сразу найдем, что значит аббревиатура ПТНХ, распространенная у интернет-собеседников первого призыва, а в последнее время вдруг оживившаяся.

Тут вот какая штука приключилась. Когда у людей нет времени и пространства для приема и передачи длинных сообщений, им приходится общаться телеграфно. Хотя никакого телеграфа давно уже нет, но все мы отлично понимаем, что ЗПТ – это запятая, а ТЧК – точка. А и т. д. – и так далее, а ЧТД – что и требовалось доказать.

Так становятся узнаваемыми, запоминаемыми и передаваемыми дальше по эстафете времени аббревиатуры. Как общество выбирает их из потока?

Простого ответа тут нет. Например, в позднесоветском бюрократическом обиходе трехбуквенные аббревиатуры начинались с фамилии, а за нею шли имя и отчество. Поэтому, например, Борис Николаевич Ельцин шифровался как ЕБН, что привело к оживлению не вполне удобопроизносимых бранных слов. А Виктор Степанович Черномырдин обозначался в казенной переписке как ЧВС.

Политические фигуры следующего поколения оказались в лучшей компании – писателей-классиков: Лев Толстой у нас, конечно, испокон веку – ЛНТ, Александр Сергеевич Пушкин – АСП, Достоевский – ФМД. И Владимир Жириновский в русском политобиходе легко узнаваем не только как «Жирик», но и как ВВЖ, а Владимир Путин – как ВВП.

Но вот в самое последнее время кокетливый омоним Валового Внутреннего Продукта заменила трехбуквенная аббревиатура ПТН. Удобная штука, видимо, получилась у народа-языкотворца.

В сочетании с другим сокращением – ПНХ – она стала появляться даже на майках-тишортках. В короткой заметке трудно осветить все богатство возможных значений этой аббревиатуры. Интересен, однако, не только факт ее появления, но и побудительный мотив пользователей языка. Несмотря на легко вскрываемое и не совсем милостивое к ПТН отношение говорящих, придаться к этим пользователям довольно трудно: мало ли какое содержание вкладывает в эти буквы именно данный господин? Может быть, «потную понюхай»? Или «пятница понедельника хуже?»

Общество включается в интересную игру с репрессивным законодательством. Как говорит народная мудрость, приспособившаяся к законодательным инициативам Госдумы РФ, на хитрый усест – винторогий херувим. Древние греки недаром почитали слово крылатым существом. Общество даже готово к отдельным недоразумениям. В конце концов, каждому человеку все равно приходится объяснять в первый раз, что такое ПДД или ИНН, ГИБДД или ГАБТ, СССР или РСФСР, колхозник или егэшник. Для кого-то из знания этих сокращений складывается понимание истории.

И если в великий и могучий русский язык вошла аббревиатура ПТН ПНХ, значит, наука должна начать искать этому явлению правдоподобное объяснение. Разумеется, как говорил ЛНТ, ЕБЖ. Превращаться для этого в арабский русский язык все-таки не обязан.

29 июня 2014

Пустострадания либеральных демократов

28.06.2014

Режиссер Никита Михалков назвал мат «одним из великих изощренных изобретений русского народа» и выступил против его запрета в кино.

У латинского языка много прямых наследников, а вот у древнегреческого – только один. А как будет с русским через две тысячи лет после нас?

С одной стороны, этот вопрос, мягко говоря, простодушный. В конце концов, кому какое дело, что будет через две тысячи или даже через тысячу лет после нас? Тем более, что и сейчас русский –

только один из славянских языков. При этом многие считают, что область его распространения как мирового языка сокращается. Представители естественных и точных наук стараются не писать и не печататься по-русски. А с науками общественными совсем кисло: в РФ и за ее пределами расплодилось превеликое множество мыслителей об особом пути России и о неполноценности критиков этого пути.

Политическая изоляция, в которой РФ оказалась после аннексии Крыма и разжигания гражданской войны в Украине, приводит к конфликтам внутри самого русскоязычного сообщества. Сорок лет назад французский философ Ролан Барт описал такой конфликт внутри одного языка как встречу двух сознаний – близкого к Власти, причастного Власти, или Энкратического, и безразличного и даже активно нерасположенного к Власти, предлагающего критическую альтернативу, или Акратического.

Энкратическая позиция требует от тех, кто ее придерживается, «поменьше рассуждать» и «побольше действовать». Акратическая позиция, напротив, предполагает, что достаточным действием является внятное и цельное суждение о происходящем. Поэтому она старается включить или втянуть своих противников в диалог. Как только такой диалог начинается, все слабости сторонников энкратической позиции выходят наружу, и защищаемая ими система разваливается.

В позднем СССР энкратическое большинство советских граждан уступило акратическому меньшинству. Критики советского строя, как тогда казалось, победили. И вот, почти поколение спустя, бывшие советские люди словно опомнились. Вдруг оказалось, в частности, что за право говорить и читать на их довольно странном языке можно (и даже нужно, как считает профессор МГУ А.Дугин) убивать других людей. Таких, которые как бы перешли в чужую веру и которых нужно теперь за это примерно наказать.

В РФ суть внутреннего конфликта пока не очень заметна по двум причинам. Во-первых, формальные рамки – противостояние двух разных, хотя и близкородственных языков – русского и украинского, заслоняют внутренний ужас людей в России, что на их языке никто и нигде больше не станет, выражаясь высокопарным языком, писать законы о жизни.

Энкратическое большинство поудобнее устроилось в клетке собственной исключительности. Энкратическое большинство вникает новым законам о борьбе с тайными и явными врагами.

Лидер либерально-демократической партии В. Жириновский продвигает новые законы о языке. Например, закон, который призван запретить без надобности пользоваться всякими иностранными словами. Идея, между прочим, столь же либеральная, сколь и демократическая: освободить, наконец, русский язык от поганой иностранщины и получить сердечный отклик от большинства простого народа. Вполне в духе российскийского понимания демократии.

Поскольку решать, в каком случае то или иное слово употреблено без надобности, будут тоже российские либерал-демократы, этот закон – вместе с уже действующим, который запрещает употребление чисто русского мата, – может стать опорой для чаемой русской идеи.

Судя по языковым инициативам либерал-демократов, русская идея состоит в культе пустоты. Потому что без мата и иностранных заимствований современному русскому языку просто совсем не на чем будет держаться. Извините за иностранное слово, каркаса не будет. Скелета. Не случайно пощадить русский мат попросил на днях свое начальство и Никита Сергеевич Михалков. Сердце художника чует, что не доведут его родину до добра эти пустострадалцы. Чем бы им полезным заняться, чтобы приостановить опасные пустострадания?

Мы ведь еще не забыли, что письменность наша восходит к греческой. И кое-что из опыта древних греков нет-нет, да оказывается полезным для понимания происходящего на нашей скорбной натуре. Всякий изучающий древнегреческий язык знает имя оратора Лисия.

Язык Лисия, справедливо говорят нам, это – тот образцовый аттический диалект, которого не найти больше ни у кого – даже у Платона и у Аристофана не найти. Правда, не найти у Лисия ни философского богатства Платона, ни фантазийной роскоши Аристофана. Но написаны несколько десятков речей этого оратора на живом и хорошем языке. Создают портреты простых афинских жителей.

При этом особенно любопытна для нас с вами и сама биография Лисия. Его отец был метэком, т.е., по нынешней российской терминологии, гастарбайтером из Сицилии. И хотя Лисий родился в Афинах, афинское гражданство ему не светило. За некоторое время до Пелопоннесской войны, которую можно сравнить с войной за Югославское или Советское наследство, Лисий участвовал в создании общегреческой колонии в Фуриях, в Южной Италии.

Там, однако, он так рьяно защищал права жителей, как сей-

час бы сказали, «на пользование аттическим диалектом», что был выслан из Фурий в Афины вместе с тремястами афинскими колонистами. На приемной родине «аттические страсти» Лисия нашли свое утоление в судебном красноречии, хотя полноправным гражданином Афин он так и не стал.

Если бы Лисий читал Ролана Барта, он признал бы, что сменил энкратическую позицию на акратическую. А начало политического упадка Афин, а затем и всей греческой демократии, совпало с расцветом аттического диалекта греческого языка.

Может быть, так и должно быть, и нам вообще грех жаловаться на нынешних российских пустострадальцев? Может быть, оно и хорошо, и народ просто заждался репрессий, чтобы дать процвести если не русскому языку, то хотя бы российскому государству?

Ведь последовательно энкратическая позиция тоже по-своему прекрасна.

Вот соратник Жириновского по Либерально-демократической партии Андрей Луговой, которого разыскивают судебные органы Великобритании за предполагаемое убийство российско-британского гражданина Литвиненко.

За свой подвиг Луговой уже стяжал двойную награду от Родины: он стал депутатом Госдумы РФ и автором закона о двойном гражданстве. На днях депутат Луговой предложил вернуть родному ведомству – Федеральной службе безопасности – историческое название КГБ. Или сразу НКВД?

Вот мы и вернулись к нашему вопросу – во что хотят превратить наши пустострадальцы русский язык. Они мечтают запретить, конечно, не двойное гражданство, а просто гражданство. Не чужую и грубую публичную речь, а всякую публичную речь.

13 июля 2014

Политический словарь
Валерии Новодворской

12.07.2014 В реанимации умирает Валерия Новодворская.

На протяжении всей своей жизни Валерия Ильинична Новодворская сражалась с властями – сначала с советскими, потом – с постсоветскими.

Боролась Новодворская и с теми людьми, которые любят выступать от имени народа. Она была не просто критиком неправовых режимов, но и оппозиционером – человеком, который готов предложить свою политическую программу и в честной открытой борьбе представить ее другим людям.

А поскольку честно с ней не боролся никто, Новодворская оказалась в крайне невыгодном положении в глазах чад государственных разного пошиба и формата. Это приводило ее в ярость, но истина волновала ее больше удобств и личной свободы. Вот почему некоторые суждения Валерии Ильиничны многим людям, безропотным в жизни, но умным в душе, кажутся преувеличениями.

Главное преступление, совершенное против Новодворской советскими властями и остальным советским народом, это принудительное психиатрическое лечение. За него никто не ответил. Так что нет ничего удивительного в том, что сегодня один здоровый человек приходится на миллионы полоумных.

Преследовали Новодворскую и по мелочи. Например, за оскорбление президента, герба и гимна СССР и РФ. Сами потом спустили в унитаз все три эти сущности, но преследовали и судили только ее.

«Мы зря столько препирались из-за российского герба, – писала Новодворская ровно двадцать лет назад, в 1994 году. – По совести, мы должны были бы изобразить на нем свое затерянное плато и парящего над ним птеродактиля: видимо, символ той благой вести, которую Россия несет человечеству, выглядит именно так (групповой портрет ЛДПР, КПРФ или аграриев-гэкачепистов)».

Аграриев-гэкачепистов давно никто не помнит, но птеродактиль-то наш за эти двадцать лет вырос, окрепи совершает свой полет.

Новодворская сражалась с теми, кого в перестроечное время называли «пофигистами». Придуманное ею в Лефортовской тюрьме слово «апофигей» (независимо и в другом значении введенное и Юрием Поляковым) по-прежнему является необходимым для понимания телодвижений самой (без)деятельной прослойки россиян. «Сегодня почти все убеждения чекистам по фигу, – писала Новодворская 23 года назад. – Но требовать от КГБ, чтобы они не преследовали за убеждения, опасные для существующего строя? Не такие уж они апофигисты!»

Именно Новодворская двадцать лет назад предупреждала, как будут превращаться в носорогов постсоветские российские поли-

тики. «Как кто-нибудь из политиков заявит, что он обеспокоен положением русскоязычных в Балтии, или вопросами безопасности России на ее западной границе, или намерен заняться собирательством русских земель, или хочет защищать интересы России в ближнем зарубежье – все, он уже превратился в носорога». (1993)

Что, мы не видим, как вооруженные герои Эжена Ионеско топчутся по Украине?

Именно Новодворская, задолго до того, как весь мир смог узреть бандитские гоп-компании во главе прихвачиваемых Российской Федерацией соседних регионов – от Абхазии и Южной Осетии до Крыма и «Новороссии», – Новодворская предупредила об угрозе, исходящей от «идейных империалистов и государственников в законе» (1996).

За такое отношение ее, мягко говоря, никогда не любили власти. Но не любил ее и народ, перед которым Валерия Ильинична никогда не лебезила.

«Не пора ли кончать с маскарадом? Россия-страдалица, Россия-жертва. Кого и чего? – спрашивает она. – Своей сущности? Лжесирота, лжебедняга, лжесвятая... За ее небесными блоковскими чертами видны острые зубки вурдалака. Она простирает руки дружбы к горлу очередной бывшей и будущей колонии из рядов СНГ, не позаботившись даже вытереть кровь, оставшуюся от прежних дружеских объятий – 1956 года с Венгрией, 1968 с Чехословакией, 1979 с Афганистаном» (1994).

Новодворская одна из первых услышала фальшь и политическую угрозу в любимом словечке демократов первого призыва – «команда». «В команду лезут, как в спасательную шлюпку после кораблекрушения...» И вот бьет час, когда вместо команды приходят «коммандос» и вышвыривают из лодки ставших чужими – Старовойтову, Шохина, Гайдара, Шапошникова, – описывала Новодворская игры чекистских кукушат в «команде» Ельцина еще двадцать лет назад.

Новодворская едва ли не первой начала употреблять слово «красно-коричневые» и задолго до появления на политической арене РФ Владимира Путина так описала в 1993 году его грядущий электорат:

«По сути дела „коричневые“, или крутые почвенники, сошлись с красными не только на метафизике тысячелетней российской истории, которую мы хотим перечеркнуть. Коричневые поставляют только лидеров – Жириновского, Дугина, Стерлигова. А

у красных есть своя „дикая охота короля Стаха“: обезумевшие люмпены, ветераны тоталитаризма, голодные и рабы. Мы должны знать, что это большинство. С ними окажутся многие объективно порядочные люди: некоторые правозащитники, депутаты Моссовета. Все те, кто хочет и свободы, и справедливости. Значит, они пойдут против свободы». (1993)

Сокращение свободы, однако, не прибавило и справедливости.

Сегодня многие спрашивают, как вышло, что едва ли не большинство российского общества захотело быть карателями украинской свободы. Ответ на этот вопрос Новодворская давала почти четверть века назад. Неприятное тогда слово «люстрация» она объясняла очень просто.

«Мы готовы были простить своим палачам. Но не терпеть их в обществе и в политике на прежних ролях! Лишение дипломов для врачей-садистов, запрет на профессии, люстрация для руководителей КПСС и КГБ, общественный остракизм – если палачество не будет караться хотя бы этим, на земле не останется никого, кроме палачей». (1993)

Ах, эти «преувеличения» неистойвой Новодворской. Да какие там преувеличения – всего-навсего предупреждения.

В 1994 году она писала в еженедельнике «Столица», ныне уничтоженном: «Имперская мутация пожирает даже тех, кто, казалось бы, всегда был нормальным человеком и имел к этому делу иммунитет».

Язык правды, которым Новодворская говорила с людьми своей страны, вообще мало кому нравится. В те времена, когда никакого интернета в России еще не было и не предвиделось, люди вместо чатов и форумов писали из глубинки письма на радио. Несколько мешков таких писем на радио «Свобода» мне довелось разобрать в 1990-х годах. Ненависть к Галине Старовойтовой, Елене Боннэр, Валерии Новодворской поражала. Обида! О как взрывалось это уязвленное чувство крепкого задним умом, но по жизни глупого беспомощного мужчины: нечего им было возразить умным женщинам, представительницам другого исторического вида. Построить свою жизнь по-человечески они не умели, а выругаться, выматериться, харкнуть хотя бы на тетрадный листок, – это да! «России нужен Пиночет и стадион, чтобы посадить этих баб на цепь!» – мечтали эти мужи.

Новодворская была, конечно, либералкой. Но понимала она этот либерализм так: «Каждый русский – воин, каждый русский свобо-

ден, каждый русский – личность, презирающая коллектив, каждый русский – герой, презирающий смерть. А все остальные – русско-язычные». Так она писала в манифесте Демократического Союза «Либерализм – русская национальная идея» в 1994 году. Как бы ни была кому-нибудь чужда эта риторика русскости, уход такой соратницы – большой удар по оппонентам нынешних российских властей.

Единственное, пожалуй, в чем либерализм ей отказывал, – отношение Валерии Ильиничны к эмиграции. «Мы будем бороться за Россию и вместо России. Если понадобится, против нее. Но оставаясь с ней. И пусть она в конце концов нас убьет. Это делает наш брак нерасторжимым. С Россией не заключают брак по расчету, как хотели господа эмигранты. Мы готовы платить жизнью за ночь, проведенную с Россией. Эмигрант – это банкрот». Так писала Новодворская двадцать лет назад.

За последние двадцать лет ее жизни прямые, жесткие и точные описания Новодворской текущей российской политической действительности до такой степени не нравились большинству населения, что оппоненты Новодворской стали считать ее просто безвредной критиканшей. Думаю, что это ошибка.

К сказанному этой бесстрашной женщиной все равно придется еще прислушаться не раз и не два, хоть уста Валерии Ильиничны Новодворской и замкнулись 12 июля 2014 года.

20 июля 2014

Как древние греки узнавали правду

16.07.2014

Депутат ЛДПР Михаил Дегтярев
предлагает заменить триколор на имперский флаг.

Главные русские понятия, описывающие умственную деятельность человека, состоят из слов греческого происхождения. Этого знания достаточно, чтобы иногда переспрашивать у греков, как они узнавали правду.

Познание вообще – понятие временное. Во-первых, оно невозможно без памяти о прошлом. Во-вторых, оно достижимо только для того, кто отличает «до» от «после». Иначе говоря, для познания необходима твердая уверенность, что прошлое – было, и что

познающий помнит о нем что-то важное. Но тут нас – и древних греков! – подстерегает вот какая трудность.

Древние греки считали, что само время возникло из Хаоса не сразу. Сначала, думали они, образовалось пространство между небом и землей, из которого и родилось то, что мы сейчас называем временем. Не успев родиться, это время стало довольно жестоко расправляться со своими собственными порождениями.

Не надо быть знатоком греческой мифологии, чтобы понимать, как это верно и в нашей повседневности. Время словно поедает нас, не оставляя нам ни кусочка нашего собственного прошлого. Да, оно позволяет нам помнить, и у греков была даже особая богиня памяти – Мнемозина, дочери которой – знаменитые Музы – и научили человека разным хитрым мнемоническим приспособлениям – музыкальным инструментам и игре на них, писанию комедий и трагедий, а также исторических сочинений и политических трактатов. Но это все-таки не само прошлое, а только его бледный образ. Мы меняемся безвозвратно и, бывает, забываем то, что, казалось, знали наизуток, испытав на собственной шкуре.

Как же быть? Ведь прошлое – такая удобная вещь для цели познания – установления истины! Неужели все разногласия и всякая вражда начинаются с исчезновения общей картины прошлого? И вот один говорит слово «война» и «разруха», и в его памяти всплывает 1941 или 1950 год. А другой говорит «война» и «разруха», а в его памяти всплывают, например, лихие девяностые. А у третьего 2012 – это еще мир, а 2014 – это уже война. Ведь людям так никогда не договориться об общей истине. Как же быть? Как искать эту истину общими усилиями?

Нам от греков досталось два способа установления истины, с помощью которых мы продолжаем существовать. Один мы называем греческим словом «миф», а другой – греческим словом «логос». Друг без друга они существовать никак не могут. Мифический способ познания нравится большинству людей за его занимательность. Чтобы воспользоваться мифом для установления истины, нужно условиться о вечности, или о том, что где-то на каких-то скрижалях тем или иным образом все ходы уже записаны. Благодаря такой договоренности у греков отлично работал институт оракулов, прорицателей и гадателей. Этот институт несколько тысяч лет держал в страхе даже богов. Собственно говоря, он позволил разоблачить главную тайну верховного божества – Зевса, а именно его несравненную трусость. Зевс не раз

сходился с женщинами – смертными и божественного происхождения. Но иногда оракул вдруг сообщал ему, что от того или иного союза родится мальчик, который займет его трон. И тогда Зевс в страхе либо просто съедал возлюбленную (так вместо сына он родил из собственной головы Афины), либо подсовывал ей в супруги какого-нибудь мужа попроще. От такого союза однажды родился и грозный Ахиллес – герой Троянской войны. А с Троянской войны началась история и всех остальных войн. Началась она, как мы видим, от страха и тщеславия верховного божества, а дальше уже прибавились и другие сопутствующие причины – алчность, похоть, зависть и обида. Рассказывать все эти истории можно бесконечно. Но суть мифа всегда выражается формулой: все это и было предсказано, а познает и поймет это только тот, кто складно и убедительно расскажет, как день за днем и год за годом развивались события, которые произошли только потому, что от них и нельзя было увернуться.

Миф, как мы видим, требует от искателей истины и взаимного доверия, и хорошей памяти, и готовности признать, что время – это только большой круг, похожий на привычные циклы дня, недели, года и целой жизни. То и дело мы пользуемся выражениями вроде «на роду написано».

Этот мифический взгляд на жизнь не означает, что человек готов обманываться. Он означает только, что обычному человеку легче поверить в предначертанное свыше, чем заставить себя размышлять о связи прошлого и настоящего. Греки считали, что только великий герой или царь способен бросить вызов собственной судьбе, даже получив от оракула точное знание о будущем. Таким были царь Эдип, Прометей, Геракл – те самые боги и герои, с именами которых вся Европа и ее культурные наследники от Америки до Австралии связывают большие неприятности, вызванные знанием истины.

Миф и есть длинный-предлинный общий рассказ о том, как все было на самом деле.

Но этого рассказа, считали греки, недостаточно. Если оставить человека наедине с мифом, он всю жизнь будет – и снова греческое слово! – фантазировать. Фантазия прекрасна из-под кисти художника или из-под резца скульптора. Но что делать, когда по образцу всем известных мифов люди начинают не только создавать свои мечтательные миры, но заставляют и других вместе с ними поселиться в этих мирах?

В своем небольшом трактате о памяти и припоминании Аристотель вспоминает безумца Антиферонта, которому всюду мерещились призраки, и тот с этими призраками сражался, требуя и от других принять участие в этой войне.

Почему комплекс Антиферонта оказался так страшно заразен? Да потому что он легко овладевает умами тех, кто мало знает и смутно припоминает то, на что им может указать авторитетный, но злонамеренный человек. Чтобы уберечь людей от подмены истины обманчивой коллективной фантазией, говорит Аристотель, и нужен противовес мифу – логика. Но мифы постигаются людьми между делом, их интересно пересказывать и толковать, а вот правилам логики приходится специально учиться. Вот почему правители, желающие задержаться у власти подольше, так не любят логики и с таким рвением подменяют силлогистику обманчивым, фантасмагорическим непосредственным чувством.

Вот, например, советская жизнь была монотонно-красной. Главный цвет календаря и жизнь в конце 1980-х годов сменился в России трехцветьем нового государственного флага, в свое время позаимствованного у голландцев. А в Украине желто-голубым, а в Армении – оранжевым, а в Эстонии сине-бело-черным. Этот взрыв цветов взывал к памяти немногих, а у большинства должен был породить новые чувства, возродить старые мифы государственности. Попутно, кстати, проник в Россию и радужный флаг движения за равноправие так называемых сексуальных меньшинств. Многим стало понятно, что эта радужность не только сексуальная, но и политическая. За многочисленными национальными мифами и флагами разных стран целый ковер историй.

Эта цветная эмблемка хороша, когда играют в футбол или выбирают флажок страны вместо безликой цифры для набора номера на «скайпе». Но что делать, когда миф нужно создать за несколько часов? Чтобы быстро-быстро показать им в одном знаке всю правду о них и тотчас поднять за собой – уже как верные тебе людей?

Как аристотелевский Антиферонт со своим призраком, наш современник начинает рисовать новые флаги, выдавая их за очень древние, исконные, настоящие. На минувшей неделе мельтешение цветных полос и крестов «Новороссии» заразило, наконец, и самих озабоченных парламентариев. Видимо, завидуя красоте чужих стягов и презирая свой национальный флаг как эмблему

опасной голландской болезни, депутат предложил сменить бело-красно-синий триколор на так называемую «имперку» — тоже трехцветку. Пусть она и помоложе нынешнего триколора, и в ходу в Российской империи была всего несколько лет во второй половине XIX века, все же эту старо-новую трехцветку хочется поскорей использовать — как безошибочное оружие правды о России — стране чистоты и духовности (белый цвет), святости и византийской традиции (золотой), государственной мощи и верности матери-земле (черный).

Иногда люди бывают доведены или сами доходят до такого состояния, что их можно поманить или отогнать цветной тряпкой. Человекобык может быть в обыденной жизни совершенно нормальным человеком. Но пестрая тряпка вдруг его возбуждает. И он начинает быковать. Почему? Потому что она для него — знак смутного припоминания о чем-то, чего он сам помнить не может, это миф, но миф такой близкий, такой дорогой, что даже странно, как это другие его с тобой не хотят разделить. Мир фантазии кажется таким древним, таким незаслуженно забытым. Ты положил на алтарь этого мира десятки или даже сотни людей, которые не подозревали не только о твоём безумии, но и о твоём существовании...

И вот настал день, когда истина открылась тебе в самом страшном своем обличье.

Все эти жертвы — напрасны. И вот других людей нет, а ты с твоим безумием в многополосных нашивках и стягах — весь здесь. Как царь Эдип с выколотыми глазами, как Геракл в своей горячей хламиде. Миф — ты знаешь это — сожжет тебя дотла. Знал бы логику, хотя бы понимал, почему это с тобой случилось, почему истина — это такая боль.

27 июля 2014

Фейк, или Зачем лжи новые наряды?

17.07.2014

Катастрофа Boeing 777 в Донецкой области.
298 погибших, 192 из которых – граждане Нидерландов.

23.07.2014

Мэр голландского города Хилверсум
Питер Броертес призывает депортировать
Марию Путину, которая, по слухам, живет в Нидерландах.

Истину трудно найти, потому что она – неподвижная песчинка в барханах и дюнах лжи. Эту грустную мысль можно выразить и иначе: с точки зрения логики, правдивые высказывания окружены достоверными, достоверные – только правдоподобными, правдоподобные же – недостоверными и неправдоподобными. А все они вместе – уткой лодчонкой подпрыгивают в океане лжи. Уже понимания этой нехитрой – нет, не истины, а правдоподобной констатации чего-то похожего на факт, — довольно, чтобы понять, почему едва ли не каждое поколение носителей языка находит себе новые слова для описания лжи своего времени.

Казалось бы, сколько своих слов: ложь, обман, подделка, подлог, неверность, лукавство, двуличие. Но вот в конце 19-го века появляется слово «фальшь», и в представлении о лжи раскрываются новые нюансы, которые с помощью всех перечисленных и не опишешь. Один фальшивит, другой поет фальцетом, третья готовит фальшивого зайца, четвертый расписывает фальшивый купон, пятый – фальсифицирует документ или событие, объявляя, например, бывшее не бывшим или, наоборот, приписывая действительным событиям злонамеренно выдуманые подробности.

Нам приходится различать в каждой такой лжи две стороны: внутреннюю и внешнюю. Внутренняя сторона лжи – это само событие, а внешняя – рассказ о событии. Бывает так, что события вовсе нет, оно от начала до конца выдуманно в самом высказывании. А бывает так, что событие имело место, и только рассказ о нем – лживый.

Древних греков страшно волновала эта проблема. Какая ложь хуже – злонамеренное искажение известной тебе и другим истины о некоем происшествии или выдумывание происшествия от начала до конца?

Тот, кто считает, что хуже тотальная ложь, говорит, что в ложном истолковании все-таки содержатся хоть какие-то крупинцы правды.

Тот же, кто считает более опасной смесь правды и лжи, иногда говорит, что тотальная ложь – лишь продукт словесного или изобразительного творчества. Нередко, признается он далее, по таким высказываниям, наоборот, можно сделать полезные выводы о состоянии умов или государств и счастливо избежать того, что в пароксизме злости понапридумал лжец. Платон и вовсе считал такую возвышенную в своей одержимости ложь знаком принадлежности к чему-то священному.

Как часто бывает, вместо скучного логического анализа, у греков всегда есть наготове «миф» – некая история, пересказывая которую, даже не сведущий в логике человек может подобраться к правильному ответу на свой вопрос.

Мифология лжи чрезвычайно разнообразна и дарит нам полезный инструмент для распознавания лжи не только бытовой, но и политической.

Вот уже не одно десятилетие не дает мне покоя миф об Иксионе. Этот царь считался, как мы бы сейчас сказали, патологическим лжецом и клятвопреступником. Поэтому верховный олимпийский бог – Зевс – решил примерно наказать Иксиона. Для этого он сначала очистил своего будущего клиента от скверны убийства родственника, а потом подстроил для Иксиона вот какую ловушку. Зевс заметил, что похотливый царь положил глаз на его божественную супругу Геру, и изготовил для Иксиона трехмерную копию богини. Иксион не увидел подвоха, вступил с этой куклой в связь, да так, что та даже забеременела! На каждом углу трубил Иксион, что стал настоящим супругом самой Геры. Зевс и сам уже был не рад, что затеял этот розыгрыш.

Как назвали бы в наши дни куклу, изготовленную Зевсом для Иксиона? Правильно – фейком. Это американское заимствование необходимо рассмотреть со всех сторон, чтобы понять самую природу лжи нашего времени. В отличие от простого обмана, фейк можно потрогать руками. На худой конец, о нем можно послушать авторитетного или заслуживающего доверия человека.

Но и этого мало. Можно объявить фейковой саму реальность. Можно либо совершить нечто, а потом попробовать объявить, что ничего и не было. Либо придумать для реально случившегося фейковое объяснение. А потом сказать, как

это глупо и даже непростительно – привлекать меня, творца фейка, к ответственности за дальнейшие происшествия с ним. «Ну, посудите сами, каким же идиотом надо быть, чтобы принять мои слова за чистую монету. Ведь дураку ясно, что я не мог говорить это вот всерьез, а уж тем более совершить такой ужасный поступок!»

Итак, что же такое этот фейк?

Согласно греческому мифу, любое высказывание при определенных условиях становится материальным фактом. Фейковая Гера родила настоящему Иксиону настоящих кентавров. Диких конелюдей, которых мы с вами, правда, никогда не видели, но которые бесспорно остаются фактом нашего сознания.

Вот и наша эпоха опасно близко подобралась к тем временам, в которых «жили и действовали» Зевс, Гера и Иксион.

Вот журналист телеканала «Вести24» Николай Соколов заявил в прямом эфире 24 июля 2014 года, что во время печально знаменитой демонстрации на Болотной площади в Москве в 2012 году «даже применялись коктейли Молотова». Демонстрация была, и противостояние демонстрантов с полицией было (говорят, правда, подстроенное полицией, но было), вот только «коктейлей Молотова» там не было. Прокуроры и судьи знали и знают это. Но какой-то их местный Зевс поставил задачу – чтобы были. А там посмотрим. Мелочь приклеили к картинке реальности, но эта мелочь добавила годы к приговору.

А вот лидер ЛДПР В. Жириновский, депутат Госдумы РФ, заявил 21 июля в прямом эфире радиокomпании «ВестиФМ», что в салоне сбитого над Донецкой областью малайзийского «Боинга» могли быть трупы, которые можно было купить в моргах Голландии, и творят все эти безобразия США, дабы заманить в ловушку Россию, спровоцировать «нас» на начало третьей мировой войны.

Тут Зевс и Иксион в одном лице. А фейком в его руках оказывается сам российский народ-радиослушатель, в плодородное сознание которого пало тлетворное семя: «В Голландии купили трупы, но даже провокацию толком организовать не смогли – оплакивающих не подогнали в достаточном количестве!» Примерно так высказался российский парламентарий.

— Какая такая ложь?! Я просто высказывал не очень, может быть, достоверное, но законное предположение. Ведь и Зевс не настоящую Геру подsunул Иксиону, а фейковую! Да стебался я, а вовсе не лгал! – мог бы возразить нам парламентарий.

Дело, однако, в том, что этот фейк про трупы уже оплодотворил сознание миллионов людей. И теперь они вынуждены обсуждать не реальные факты, а кентавров, рожденных собственным воображением. Шарахаясь от этих выпрыгивающих из фейковой Геры уродов, люди просто перестают доверять вообще кому бы то ни было. Так из злонамеренной лжи рождается всепоглощающий страх, что фейковое – вообще все вокруг. Что нет ничего прочного, что весь окружающий мир – только быстро сменяющиеся друг друга фейки.

Фейки, говорят нам российские политики и СМИ, и существуют-то только затем, чтобы возбудить в нас гнев, страх, злобу. Тот, кто поддается воздействию этих фейков, ведет себя точно так, как Иксион поддался провокации Зевса.

Получается, что фейк – это, во-первых, ложь видимая и осязаемая. Во-вторых, фейк – это ложь, которую сам ты соглашаешься достраивать до полного тождества с реальностью. Наконец, в-третьих, фейк – это ложь, которая порождает новую ложь, еще более заметную, еще более нелепую и еще более дальнбойную, чем родившие ее фейки.

Восходя от фейковых «трупов, которыми пиндосы набили самолет, вылетевший из Амстердама в Китай», мы неизбежно заглянем на этаж к фейковой Марии Владимировне Путиной, которую никто никогда не видел, но которая, говорят, бежала из своей квартиры в Амстердаме из-за травли, которую ей устроили голландцы, ну вы понимаете, торгующие трупами из моргов. Этой травле М.В.Путину подвергли недруги В.В.Путина – президента Российской Федерации, а по совместительству – тоже фейка, потому что вместо настоящего, по-видимому, выступает какой-то не вполне адекватный двойник.

Безусловно фейковыми являются и порожденные этим фейковым Путиным зенитные установки и их расчеты, которые называют себя «государствами» – ДНР и ЛНР. Страх, который сеют вокруг себя эти загадочные аббревиатуры, парализовал все восточные регионы Украины, а частично – и юго-западные пределы Российской Федерации. Бандиты иногда что-то говорят о «Новороссии» – о фейковом государстве – без границ, без населения, но с ополченцами, которые очень стараются показать, как давно и как глубоко они расстались с химерами человечности. Они говорят на языке ролевых игр, роняя выражения вроде «Славянск пал» или «вы находитесь на территории Донецкой Народной Республики».

Есть только одно чувство, которое, в разной степени проявленности, читается в глазах ваших собеседников в России и в сопредельных странах. Это чувство – страх, что остальной мир может оказаться настоящим, а вот наша жизнь окажется фэйковой, подчиненной фэйковым, не настоящим политикам, каким-то странным чекистам-особистам, которые решили, что смогут сами организовать жизнь в большой и довольно бестолковой России.

Но эти фэйковые правители Эрэфии не справились с задачей. И поэтому их настоящим и пока еще живым подданным так страшно следить за родами новых фэйков.

Зевс создал двойницу Геры для утех похотливого Иксиона, но из ловушки и обмана получилась фабрика страха. Привязанный к пыточному колесу, Иксион напоминает о последствиях своему учителю и другим любителям фэйков.

09 августа 2014

Мандил, или Расовая чистота вместо коммунизма

13.09.2013 Спортсменка и депутат Госдумы Ирина Роднина публикует в твиттере коллаж с Бараком Обамой и бананом. Впоследствии коллаж удален, а Роднина извиняется через пять месяцев.

Одна замечательная коллега спросила своих друзей в фейсбуке, как те теперь понимают «злословие». Дескать, в старое время было все понятно: слово «злословие» – калька с греческого *κακόλογία*, которое употреблялось в двух основных значениях. Первое – оуление достойного человека злым словом. Второе – клевета. Ясное дело, клевета вовсе не обязательно выглядит как хула: здесь важно, что распространяется ложь о человеке. Можно высказаться о человеке и вполне мягко, без всякой брани, но ложь делает злословием и доброе на вид слово.

Между тем, друзья моей коллеги почти единодушно ответили, что под злословием понимают всякую ругань, бранные выпады против властей, сквернословное поношение заметных медийных персонажей, знакомых и не очень.

Что это значит? Вопрос приобрел сейчас особую, можно сказать, небывалую остроту. Чтобы снять ее, расскажу историю из

далекой советской юности. По протекции моих учителей получил я в 70-х годах прошлого века небольшой заказ в одном серьезном издательстве, которое собиралось выпустить «Мифологическую энциклопедию». В первом томе все почти статьи уже были расхvatаны, и молодежи предлагалось начинать с микроскопических послесловий к большим статьям – о том, как сложилась судьба мифологического персонажа в изобразительном искусстве и литературе. Работа эта оплачивалась скупой, но заставляла много читать и разглядывать альбомы с картинками (по заграничным музеям тогда еще не ездили). Постепенно складывался и новый, дополнительный список персонажей, упущенных при составлении первоначального словника. Это была уж совсем муравьиная работа, потому что упущены были, конечно, не Зевс, Сизиф или Артемида, а божества и герои помельче. О некоторых – как, например, о Приапе, божестве производительных сил природы, солидные люди писать не хотели, и такие статьи отдавали нашему брату. Иной раз так зачитаешься, что на статейку в пять строк тратишь целый день. Шли годы, десятки людей трудились над словарем, но то и дело всплывало какое-нибудь новое имя, которое хорошо было бы включить. Как-то попался мне в одном позднеантичном сочинении занятный персонаж по имени Мандил. Заведующий редакцией прочитал черновик с легендой и велел написать 7 строк. Но не тут-то было. Неусыпная цензура наложила на Мандила грозный высочайший запрет. «Что подумает наш советский читатель?!» – возопил цензор. Оказалось, что цензор немедленно связал имя нашего невинного персонажа с русским бранным словом, обозначающим мужской или женский половой орган.

Такие ослышки случаются во всех языках. В стране, где сквернословие не преследуется по закону за оскорбление величия или святотатство, случайное созвучие имени или названия какой-нибудь непристойности тоже может вызвать подобную реакцию. Так, в одном новозеландском университете в конце июля 2014 года попытались уволить преподавателя за использование в учебном процессе невиннейшего слова «омофония» (в России-то дети вон с пятого класса знают, что так – омофонами, или гомофонами, – называют одинаково звучащие слова, не совпадающие по значению). Между тем, ректорат антиподов счел, что это слово обозначает какую-то особенно извращенную форму... защиты гомофобов, за что ни в чем не повинный филолог и поплатился рабочим местом.

Итак, никто никого не злословил. Одному в слове послышалось что-то непристойное, другой – на всякий случай! – испугался неполиткорректного выражения.

Однако, если мы прислушаемся к себе самим и к окружающему нас речевому пространству, то почувствуем, что слышать в словах то, что в них заведомо не содержится, слышать этот страшный эсхрофемизм, стало приметой нашего времени.

Может быть, это вызвано притоком чужих слов и имен? А наш человек – известное дело – просто любит поржать попусту? Как там поется в известной частушке? «Мимо тещино дома я без смеха не хожу...».

Но почему же смешное так охотно соединяется с бранью? И что получается из этого союза, когда человек перестает слышать непотребное?

Между злословием как клеветой и злословием как бранью живет, стало быть, в языке больное внутреннее ухо. Оно и умеет расслышать в случайно залетевшем в голову имени что-то низменное. Семена такого отношения есть, наверняка, в любом языке. Но как быть, когда то, что обозначают сейчас и по-русски красивым французским словом «дискурс», словно встроено в массовую принудительную игру в ассоциации?

Вот не успеет российский телезритель прочитать или услышать имя пресс-секретаря госдепартамента Дж. Псаки, как голову этого зрителя начинают одолевать какие-то внутренние газы, тут как тут и Первый канал – готов вывалить или пролить на своих зрителей готовый вторичный продукт словесных ассоциаций. «Псссаки!» – подмигивают нам эти художники слова.

А со времен госсекретаря США Кондолизы Райс в русском политическом дискурсе расцвел топор расизма. Карикатура на президента Обаму с бананом, которой сначала неловко прославилась депутатка Ирина Роднина, а теперь поделились с миром уже и власти стольного города Москвы, очевидно, не воспринимается больше как не допустимая в сколько-нибудь цивилизованном обществе. Это, говорят нам, только неловкий безвкусный юмор. И если, мол, ты чувствуешь себя задетым, то только потому, что подвергся облучению западного лицемерия. Ибо всякому нормальному человеку должно быть понятно, что такая вот ассоциация – имени Обамы с бананом, а негра – с обезьяной – в порядке вещей. Это, говорят нам, само наше человеческое естество такое. А кто думает иначе, тот просто козел. И лжец.

«Ну ты че, в натуре, басни Крылова не читал? Ишь, какие мы! Как нашего главного мужчину обижать, с голым торсом верхом на лошадке скачущего, так можно. А ихнего черномазого и тронуть не моги!..»

Этот ход мысли нуждается в определенном складе речи. Он существует в определенном социальном и культурном сегменте всегда. Никаких писанных правил выхода за границы этого сегмента не существует. По очень простой причине: чтобы формально обозначить такие границы, пришлось бы беспрестанно воспроизводить эту речь, обучать ей – так, как готовят врачей к встрече с тяжело больными. Но это довольно рискованное мероприятие. Примеров парадоксального укоренения как раз тех представлений, которые законодатель мечтал бы искоренить, слишком много.

В советских анекдотах «негров линчевали» в далекой Америке. А в повседневной практике СССР расизм угнездился в самом «первом в мире государстве рабочих и крестьян». Это только на детских утренниках скандировали «Да будь я и негром преклонных годов, и то – без унынья и лени! – я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин!...» А теперь? Негры, вон, президентами становятся, а внучата бездетного дедушки Ленина – на родном языке говорить разучились.

Топор обиды цветет в самых неожиданных местах.

17 августа 2014

Клячи советского апокалипсиса и понятия-невидимки

Что обозначает само это слово – «совесть» – очень трудно объяснить. Легче, говорят, увидеть человека, у которого нет совести, чем такого, у которого совесть как раз имеется. И все это – в подтверждение слов Сократа: ведь если нет в тебе такой мыслящей субстанции, которая сама предупреждала бы тебя об ошибке, то, стало быть, у тебя нет совести, и ты способен на все. И не потому способен, что наделен какими-то особыми свойствами негодяя, например, или потенциального преступника. А потому способен, что у тебя нет внутренней самозащиты от превращений в любую сторону. Мало того, каждый знает, что охотно рассуждают о

совести и призывают других «иметь совесть» как раз люди совершенно бессовестные. Избыточное присутствие «совести» в разговоре часто служит отличным основанием для прекращения самого этого разговора.

Стало быть, слово «совесть» оказывается интересным примером понятия-невидимки: мы слышим это слово именно тогда, когда понятия, им описываемого, нет на месте. А не говорим о ней, чтобы не спугнуть. Греческий философ Сократ прислушивался к жившему в нем «демонию» — существу, которое вмешивалось в дела Сократа только тогда, когда наш философ собирался совершить какую-нибудь ошибку. Позднейшие ученые знатоки Сократа решили, что «демоний», внутренний божок или чертик, живущий в человеке, это и есть совесть — субстанция довольно неувловимая.

Похожих понятий-невидимок, явно существующих, но не данных нам в речевом опыте, довольно много. Есть такие, что определяют не только недавнее прошлое постсоветских стран и их жителей, но и их довольно смутное настоящее. Одно из таких понятий — бывший советский человек. На чем держится сейчас то, что осталось от распущенного четверть века назад советского государства?

Попробуем увидеть это понятие-невидимку, вспомнив три трагические истории, приключившиеся с нашими соотечественниками за последние несколько лет. И даже не сами истории, а то, что сделали с их фигурантами постсоветские государства и общества.

История первая — убийство датско-швейцарского диспетчера, которое совершил в феврале 2004 года Виталий Калоев, таким образом отомстивший за гибель в авиакатастрофе над Боденским озером в 2002 году своей семьи. История вторая — про азербайджанского офицера Рамиля Сафарова, убившего своего армянского коллегу Гургена Маргаряна во время стажировки в Венгрии в феврале 2004 года.

Наконец, история третья — убийство в ноябре 2006 года в Лондоне Александра Литвиненко, совершенное, по предположению британских спецслужб, при непосредственном соучастии российского агента-бизнесмена Андрея Лугового. Сразу оговорюсь: в отличие от осужденных в Венгрии и в Швейцарии, гражданин Луговой под суд так и не попал: он остается для Скотланд-Ярда всего лишь подозреваемым в убийстве Литвиненко. Но подозрения эти были на удивление щедро оценены и поддержаны в Москве.

Учитывая, возможно, непреодолимые правовые трудности, которые возникли бы у Лугового в британском суде, российский законодатель оказал подозреваемому в дальнейшем непропорциональную политическую поддержку. Бывший предприниматель и агент спецслужб, зачем-то встречавшийся по делам бизнеса со злейшими врагами российских властей в Лондоне, вдруг стал — немедленно после устранения Литвиненко — крупным политиком.

Итак, последствия трех историй совпадают на трех уровнях.

Первый довольно очевиден: «наш человек» убивает на чужбине враждебного нашей стране гражданина. Там, на чужбине, убийцу задерживают, судят и приговаривают к строгому наказанию, соразмерному, впрочем, совершенному преступлению.

Второй уровень — это правовое сознание постсоветских госорганов: они начинают защищать убийцу (или предполагаемого убийцу), применяя не правовые, а политико-административные аргументы, с общим для всех трех случаев моральным подтекстом. Главный аргумент второго уровня гласит: ну да, убийство, конечно, имело место, но при сложившихся обстоятельствах это событие не может и не должно, говорят, истолковываться как убийство. Это — либо «подвиг» во имя родины, либо проявление особо ценного человеческого свойства. И вот это свойство постсоветское государство и общество оценивает выше, чем обычное законопослушание. Перед нами, говорят нам, не обычный человек, а герой, рыцарь, восстанавливающий высшую справедливость. Иначе говоря, человек, почувствовавший себя освобожденным от общественного договора.

Вся загвоздка в том, что аргумент, который мог бы даже служить смягчающим вину обстоятельством при вынесении приговора, с этого момента становится инструментом разрушения остатков (а в нашем случае точнее сказать — зачатков) правового государства. Убийство (или предполагаемое убийство), объявленное актом героизма, наделяет убийцу (или предполагаемого убийцу) новым государственным, политическим статусом. Калоева за убийство швейцарского диспетчера во Владикавказе вместо камеры сажают в кресло заместителя министра, Сафарова в Баку повышают в звании, выплачивают компенсацию за отсидку в будапештской тюрьме и объявляют героем. Андрей Луговой — за официально отрицаемое, но все же признаваемое его соратниками подвигом, убийство «предателя», — стяжал депутатский мандат, а в дальнейшем — роль зачинателя целой линейки репрессивных законов вполне советского пошиба.

Сафаров, Калоев и Луговой, наверное, никогда не видели друг друга, и события, которые привели (или предположительно привели) каждого к его личному несчастью, никак друг с другом не связаны. А вот постсоветским обществом, которое вынесло по всем трем делам свой оправдательный приговор, и двумя с половиной постсоветскими государствами (Азербайджаном, Россией и Республикой Осетией) руководила общая сила, для описания которой Сократ непременно потребовал бы найти подходящие слова. Найди мы эти четыре опорные точки, и станет понятнее не просто логика конкретных событий, но само существо того самого постсоветского человека, которого сейчас пытаются гальванизировать в Восточной Украине.

Первое ключевое слово, которое и употребляли многие, когда говорили о случившемся по горячим следам, — это, конечно, «мечь». Именно она объединяет все три убийства и — в глазах общества — освобождает «мстителя» от обычной ответственности. Таким образом, все три сообщества — части бывшего СССР — следуют, на основании вынесенного вердикта, признать сообществами мести. Всякий говорящий о Советах угрожает своим собеседникам мечью.

Особую окраску этой мстительности придает «злорадство». Высокий статус, подаренный предполагаемым «мстителям» за совершенное ими, должен показать коллективной «другой стороне», что за мстителями стоят целые государства и народы, что частная судьба несчастных членов семей убитых — продолжать испытывать горечь без конца. Хотя «злорадство» можно считать частью комплекса «мести», все же это разные категории: сам мститель, скорее всего, вовсе и не думал о судьбе членов семьи убитого в порядке отмщения. Поэтому «злорадная мстительность» — это концепт, работающий в головах внешних наблюдателей, а вовсе не обязательно у самих преступников или подозреваемых. Этот концепт поддерживают те, кто и возвел мстителей в верши-тели высшей справедливости.

Но есть еще два опорных слова, на которые непременно указал бы нам Сократ, если бы только взялся построить логический квадрат для описания и анализа состояния постсоветского общества. Первое употребил 14 августа 2014 года Глеб Павловский, когда предупреждал, к чему следует приготовиться российскому обществу после возвращения из Восточной Украины «ополченцев»-«стрелковцев»:

«Ополченцы теперь – единственные свободные люди России, и они вернутся за своими правами. Чистой публике, кстати, стоило бы подготовиться к встрече, а не надеяться, что их там то ли украинцы переберют, то ли Путин как-то грохнет и “снимет тему” – нет, не снимет. Они вернутся, и встреча публики с первыми суверенными людьми России, то есть собственно с гражданами, и будет ближайшая сцена политики. Это вам не “суверенитет Донецка”, это – суверенитет бойца с яркими видами на смерть. (...) Возвращения уже начались. (...) Страх очень глубокий, вокруг него построена система власти и ее социалка...»

Итак, третье ключевое слово постсоветских обществ и государств – страх. Страх – богатейший спутник и фон любых социальных перемен. Помимо так называемого «страха неизвестности», который охватывает людей, вырванных из привычных жизненных обстоятельств, есть и страх остаться наедине с более решительным, бесстрашным, презревшим социальные нормы человеком. Не поддержать такого человека, вступить с ним в конфронтацию, оказаться на стороне слабых, страх самому стать жертвой, – вот ключ к массовой поддержке слабым обществом сильных бандитов. Иногда этот страх называют «стокгольмским синдромом», но Сократ такого психиатрического термина знать не мог. Зато он прекрасно понимал, что страх – обоюдоострое оружие, и чем сильнее некто боится сам, тем скорее он готов устрашать других.

Страшно ли заседать в парламенте рядом с предполагаемым убийцей? Думаю, что страшно. Ведь исполнивший свой воинский или спецслужбистский долг один раз, да еще вознагражденный за это государством с неслыханной щедростью – разве он станет медлить, когда и тебя нужно будет пустить в расход? Да ни секунды. Государство зачем-то само объявило человека профессиональным убийцей.

Но мстительности, злорадства и даже страха было бы все же недостаточно для той массовой народной поддержки, какую получило государство при возведении своих убийц-мстителей (или предполагаемых убийц-мстителей) в ранг государственно-политических деятелей нового типа. Четвертым ключевым словом, которое заставляет человека принять разрыв его государства с правом как таковым, является ожидание чуда, которое Сократ определил бы просто как лень.

Лень – субстанция общественной апатии и беспомощности, выросшая из страха. Вернувшись из похода на Донбасс, «стрел-

ковцы» еще, говорят, покажут сытым столичным пингвинам, что такое настоящая свобода и настоящий политический суверенитет. Ведь только они, «стрелковцы» и «ополченцы», являются, согласно этой концепции, поистине свободными людьми, бесповоротно отвернувшимися от бездействующего права – Конституции и прочих смешных законов. Поддержка со стороны руководства РФ поначалу заставляла их действовать «вежливо» и даже временами «стеснительно». Но ведь они – мстители. Прекратить действие выписанной им индульгенции мог бы только новый Общественный договор и Закон. Но кто захочет поверить, что за этой скучной материей только и возможна сколько-нибудь сносная человеческая жизнь – разве ж это не предательство интересов великой державы? Разве это не сдача коварному врагу? Разве не легче просто «построить» беспомощных шпаков?

И – да: разве сам поиск логики не губителен для непосредственного глубокого чувства?

Дьявольской изобретательности мстительного злорадства могла бы помешать страсть творчества и даже искренняя вера в доброго бога-творца – пусть в маленького и невидимого, как «демоний» у Сократа. Но как-то... лень. Да и страшно. А мертвые «неуловимые мстители» пока побеждают живых людей. Страх, злорадство, мстительность и лень – эти четыре дохлые клячи совкового апокалипсиса полезно назвать поименно.

25 августа 2014

Кто дал санкцию на осквернение высоты?

20.08.2014

Звезда на сталинской высоте на
Котельнической набережной в Москве
частично выкрашена в цвета украинского флага.

В середине августа 2014 года немецкий филолог-классик Клаус Бартельс дал в газете «Нойе Цюрхер Цайтунг» замечательное объяснение одного из ключевых слов наших дней.

«А если ты этого не сделаешь, то я попрошу Господа пойти на тебя войною, которая свергнет тебя и сделает добычей диких зверей!» И еще: «А если ты этого не сделаешь, твой труп источат черви, а дом твой сравняется с землей».

Это угрожали не президенту «Третьего Рима» на Москва-реке, — пишет Бартельс, а императору «Рима Второго» на Босфоре и его жестоким префектам, которые собирались подвергнуть пыткам и казни трех невинных воинов. А грозил санкциями не кто иной, как епископ Николай, окормлявший в четвертом веке епархию в Мирах Ликийских (по-нашему, по-новорооссийски, в нашей нынешней турецкой Анталии) и причисленный к лику святых как раз за то, что в безнадежных ситуациях вступался за невинных.

Родственными, говорит Бартельс, слова «санкция» (sanctio) и «святой» (sanctus) делает латинский глагол «санкире» (sancire), который, в зависимости от контекста, означает «освящать», но и «запрещать» нечто как недопустимое под страхом сурового наказания. Поэтому существительное от причастия «освященный», буквально и означает «освящение» или «запрет». Этим словом граждане Рима — первого, того, что на Тибре, — объявляли священным и находящимся под защитой богов заключенный с кем-то союз или закон. У Вергилия Юпитер «освящает» клятвы ударом молнии. Вот почему в римском праве «санкцией» называлась обязательная клаузула, которая придавала закону силу, распространявшуюся даже и на будущее. Ссылаясь на эту формулу закрепления, или освящения, можно было привлекать к ответственности за неуважение к закону и отменять ранее принятые законы, касавшиеся того же предмета. В конечном счете, эта формула закрепления запрещала менять данный закон и в будущем. Правда, уточняет Бартельс, в одном из писем Аттику Цицерон писал, что воспользоваться этой запретительной клаузулой все же никогда не удавалось: «Если какой-то закон отменяют, то вместе с ним отменяют и санкцию, запрещавшую отмену закона».

Таким образом, санкция — вещь двоякая. Как подтверждающая формула — учреждает некий закон и вводит его в действие. Как запрещающая — грозит покарать за его нарушение. Поэтому, говорит Бартельс, на современном политическом языке «санкциями» называют такие разные вещи: Госдума РФ санкционирует аннексию Крыма, а США и ЕС санкционируют запрет поставок жизненно важных для экономики России штук и штукек.

Очень нужен, говорит Бартельс, новый Санта Клаус, который мог бы сегодня прислать наследнику императора Констанция столь же действенную санкцию, что когда-то святой Николай Мирликийский. Но где ж сегодня такого найти? Ведь санкции Николая Мирликийского увенчались полным успехом. Пришед-

ший на смену кровавому Диоклетиану император Констанций освободил неправосудно брошенных в узилище и приговоренных к казни воинов. Более того, Констанций отправил всех троих в Миры Ликийские и велел отблагодарить епископа, послав тому драгоценностей из императорской казны и попросив епископа впредь не обрушивать на его голову такие угрозы, а молиться за процветание императора и империи!

В далеком Цюрихе правильно разглядели нерв нашей третьеримской проблемы. Император на Москва-реке и его вертикальщики, презирая международное право, признают, однако, сакральный характер власти. Только в отличие от императора Констанция и префектов они не боятся ни Святого Николая Чудотворца, ни даже Богоматери. Помните, как тем, кто у нее просил заступничества, «впяяли двушечку»?

В конфликте вокруг аннексии Крыма и разжигания войны в Восточной Украине Запад понимает свои санкции как практическое действие в ответ на нарушение Россией неких моральных и политических границ.

Россия же понимает свои санкции как выражение священной обиды – обиды на тех, кто не признает вневременной высокой святости ее властей. Хотя бы для собственных подданных. Почему-то в последние годы единицей измерения высоты в Эрэфии стал плитус. Стало быть, если ваша святость ростом с плитус, надо этих самых подданных как-то так нагнуть, чтобы они скрылись под плитусом.

Но для понимания смысла санкций важна даже не относительная высота, а порядок действий: сначала власти РФ санкционируют захват чужой территории. Это было «освящение» первой после окончания Второй мировой войны настоящей взрослой аннексии на европейском континенте. Со стороны ЕС и США следуют санкции «запрещения» – непризнание аннексии Крыма и запрет на торговлю с Россией в самых чувствительных областях современных технологий. В ответ на эти санкции власти РФ запрещают своим гражданам «вкусать нечистые плоды», «носить нечистые одежды» супостата. Скоро запретят, говорят, даже рассекать на дешевых иноходцах, в народе также называемых иномарками.

Эти санкции третьего порядка нужно считать «освящением» не только исторического пищевого суверенитета. Как убедительно показал русский историк и археолог Александр Мусин, верхов-

ному правителю Третьего Рима, который принял решение защитить все виды суверенитета – от географического до пищевого, – приходится чувствовать себя и божеством, принимающим жертвоприношение, и жрецом, и жертвенным животным. Граждан к этому готовили заранее, прикрепив «духовными скрепами» к священной отечественной истории.

Почему же внушить гражданам, что те живут в священной, а не в обычной истории, оказалось так просто? Может быть, потому что сакральное легче уживается с невзгодами, потерями и абсурдом? И не на этой ли волне снова прилетело в русскую политическую речь слово «осквернение». Так, молодых людей, предположительно забравшихся на шпиль одной из так называемых сталинских высоток Москвы и раскрасивших ее макушку в цвета флага Украины, обвинили в «осквернении» здания, иначе говоря, в его десакрализации.

В истории России и СССР было несколько волн санкционированного осквернения святынь. Начиная с революций 1905 – 1917 гг., разграбления и осквернения божьих храмов всех конфессий на просторах Российской империи. А разве первые христиане не оскверняли языческих истуканов? Например, отбивали у них носы и фаллосы, а после них уже враги христианской церкви сшибали кресты с куполов. И делалось все это обязательно с санкции текущих властей, потому что без санкции вряд ли бы кто согласился на такое безобразие.

Великий русский поэт Александр Галич написал в конце 1960-х годов прошлого века песню, в которой сопоставил два события – осквернение и разрушение Храма Христа Спасителя в 1934 и снос памятника Сталину где-то на восточной окраине созданной им империи ГУЛАГа в 1956.

*Помню, глуп я был и мал,
Слышал от родителя,
Как родитель мой ломал
Храм Христа-Спасителя.
Басан, басан, басана,
Чёрт гуляет с опером.
Храм – и мне бы – ни хрена.
Опиум как опиум!
А это ж Гений всех времён,
Лучший друг навеки!*

*Все стоим, ревя ревьём,
И вохровцы, и ээки.
Я кайлом по сапогу
Бью, как неприкаянный,
И внезапно сквозь пургу
Слышу голос каменный:
«Был я Вождь вам и Отец,
Сколько мук намелено!
Что ж ты делаешь, подлец?!
Брось кайло немедленно!»
Но тут шарахнули запал,
Применили санкции –
Я упал, и Он упал,
Завалил полстанции...*

Понять, что это за «санкции» такие, тогда, в конце 1960-х, я не мог. Должны были наступить наши новые времена, чтобы стала логически прозрачной эта связь «оскверненной» украинским флагом «сталинской высотки» и той новой сакральной скверны, которую предлагают принять гражданам.

Хотите жить в священной истории, связанные «духовными скрепами» со всеми предками сразу? Тогда получайте Сталина в одном флаконе с ХХС и священными крымскими рубежами.

Или ждите Святого Николая Мирликийского, который грозил санкциями самому императору Констанцию. У знаменитого нидерландского живописца Герарда Давида есть триптих, посвященный деяниям Николая Чудотворца. Желая спасти от проституции трех юных дев, Николай выкупил тех у содержателей и передал в монастырь на послушание. А в другом сюжете триптиха Давида Николай Чудотворец оживляет мальчиков, которых практичные односельчане убили и засолили на случай голода.

Николай Мирликийский был человеком добрым. В России этого заступника детей зовут Дедушкой Морозом. Некоторые верят в него до самой засолки.

27 августа 2014
Почему линяют
политические колера?

14.08.2014

Владимир Жириновский предлагает Путину заменить триколор на имперский флаг, гимн – на «Боже, царя храни», а самого Путина сделать верховным правителем.

В русском языке, говорят, «красный» значит «красивый». И хотя красивое не только и не обязательно красное, нетождественность «красного» и «красивого» имеет вот какие следствия для нынешней Эрэфии.

В 1994 году Лев Аннинский написал об этом так:

«Щелкнул выключатель, погасли пятиконечные звезды, взвились двуглавые орлы. Красные флаги превратились в трехцветные. Эпоха кончилась, ученые приступили к вскрытию».

Двадцать лет спустя оказалось, однако, что пациент жив. Но жив как-то странно. Сбросив с себя шкуру СССР, Российская Федерация ельцинской эпохи оказалась в колористическом капкане. Когда в начале 1990-х я рассматривал флаг страны на хвосте самолетов Аэрофлота, вдруг обнаружил, что белую полосу флага пришлось оттенять серой краской: иначе она сливалась с белизной хвоста. Этот белый цвет, который граничит с фоном, словно напоминает нам о неопределенности внешних границ самой Российской Федерации. В символическую серую полосу с тех пор превратилось несколько пограничных территорий самой РФ и сопредельных государств – от Чечни и Южной Осетии до Донбасса и Восточной Карелии. В сером поле находится в сознании многих жителей Российской Федерации чуть ли не вся историческая Россия. Несовпадение реальных политических границ с этой вот виртуальной серостью и мешает многим людям понять, отчего весь остальной мир не готов считаться с фантазмами многих россиян при формировании политической повестки сегодняшнего дня.

Чужая история кажется минутной и легковесной, а своя – тяжелой и долгой. Прошло всего четверть века от конца страны под красным знаменем, а трудно избавиться от волнения, когда читаешь, например, вот эти стихи Дениса Новикова 1994 года:

*...Когда же это было, Господи?
До Твоего явления нам
на каждах постере и простыне
по всем углам и сторонам.
Еще до бело-сине-красного,
еще в зачетных книжках «уд»,
еще до капитала частного.
— Не ври. Так долго не живут.*

(Денис Новиков, из сборника «Караоке», 1997)

Красный флаг, казалось, слинял в три дня 19-21 августа 1991 года. Казалось, что политическая колористика – триггер мгновенного действия. Как на излете советской власти подбирали для своих стран флаги бывшие республики СССР? Беларусь, Латвия и Грузия пошли по «польскому» пути, переозначив красный цвет – белым. Правда, в Беларуси красивый новый флаг продержался всего четыре года, и республика вернулась к слегка подправленному флагу советской республики. А дальше всех оказались Эстония и Украина – от советского красного стяга не осталось и следа.

При этом в России на восприятие новых политических цветов Украины давило собственное, внутрirosсийское, нестроение. Ни флаги собственных регионов, ни казахстанская или украинская политколористика с самого начала 1990-х годов не воспринимались всерьез. Однако в украинизме «жовто-блакитный», т. е. «желто-голубой», сидело и сидит презрение именно к «незалежности» младшего славянского брата. Только «оранжевый», «померанцевый» колер революции 2004 года показался серьезным, опасным, угрожающим и российскому триколору.

Между тем, была и в России трагикомическая политическая сила, которая приняла украинские политические цвета за свои собственные. Может быть, восприняла невольно, ориентируясь и не на Украину вовсе, а, скорее всего, на похожие цвета партии, которую поначалу пыталась использовать в роли западно-европейского партнера – немецких свободных демократов, или либералов. Речь идет о партии В.Жириновского, которая сначала называлась ЛДП СССР, а потом стала ЛДПР. Желто-голубой герб этой партии сопровождается неустойчивым девизом – то «Свобода. ЛДП. Закон», то «Свобода. Патриотизм. Закон», то «Свобода. Родина. Закон».

Но вот в августе 2014 года колористическое возбуждение российских властей пробило очередную планку абсурда, и людей начали хватать на улице даже и за случайное сочетание цветов украинского флага.

Теперь уже никто не скажет, что сама эта тема – колористическое выражение политики – подменяет-де разговор о необходимых политических изменениях болтовней о тряпках, о расцветке шутовских костюмов. Вместо настоящей политической проблемы, говорят нам, подсовываете какой-то вздор. Лучше б анекдотец про эти цвета рассказали. Этого добра хватает. У армянского радио спрашивают, почему в Киеве любят китайских геев? Удивительно: они ведь и желтые, и голубые! Не надо морщиться и высокомерно думать, что этим – «ниже плинтуса» – уровнем политического сознания можно пренебречь.

И этот хохмаческий мусор, и болтовня опасных политических авантюристов подадут нам если и не ключи, то сигналы для понимания происходящего. Почти два десятилетия назад, внимательно рассмотрев как раз герб ЛДПР, я подумал: «Как странно, почему же карта России на этом гербе, включившая одновременно и Польшу, и Финляндию, и Аляску, и Среднюю Азию, не вызывает протеста ни у вменяемых сограждан, ни у других соседей РФ – не только бывших советских республик?» Потом, уже, в конце 1999 года опубликовав эти соображения, услышал от коллег из бывших колоний империи, что, мол, кто ж обращает внимание на маргиналов-авантюристов. «Нет, – возразят мне, – вы следите за речами Ельцина и его соратников – настоящих политических деятелей!»

Но тут вот ведь какое удивительное дело: и Ельцин, и после него Путин то и дело меняли свои политические предпочтения и планы – от гимна и флага до ключевых политических дат советской и постсоветской истории. И только Жириновский стоял, «как утес», пока вдруг в конце августа 2014 не предложил отказаться от неудачного текущего российского триколора. Желто-синий герб ЛДПР не мешает одному из лидеров общественного мнения россиян радеть за старо-новый, тоже вынутый с исторического склада, стяг. Близкий так называемому «георгиевскому» триколору черной полосой, этот вновь предлагаемый флаг заставляет нас обратиться к цветовой стихии русской поэзии. Напечатанный в 1904 году сборник стихотворений Андрея Белого назывался «Золото в лазури».

*«Зовет за собою
старик аргонавт,
взывает
трубой
золотую:
«За солнцем, за солнцем, свободу любя,
умчимся в эфир
голубой!..»*

Кто-то назовет эту эстетику «элдэпээровской» и с негодованием отметет ее связь с нынешним украинским национально-освободительным движением. Кто-то, наоборот, пренебрежет поэтическими слабостями книги и станет читать дальше. И совсем скоро наткнется вот на какое стихотворение Андрея Белого:

*Был праздник: из мглы
неслись крики пьяниц,
Домов огибая углы,
бесшумно скользил оборванец.
Зловещий и черный,
таская короткую лесенку,
забегал фонарищик проворный,
мурлыча веселую песенку.
Багрец золотых вечеров
закрыли фабричные трубы
да пепельно-черных дымов
застывшие клубы.*

Почему мы узнали цвета «георгиевской ленточки», которую злые языки называют «колорадкой»? Да потому что нас научили так распознавать цвета, чтобы сразу почувствовать удар в лицо поэтической плетью – политической кистью.

Андрей Белый написал это стихотворение, которое, кстати, называется «Окраина города», в 1904 году. Девяносто лет спустя, в 1994, русские герольдмейстеры принялись обсуждать, какие же цвета лягут в основу новой военной колористической символики РФ. Вот выписка из газеты «Сегодня» от 17 марта 1994 года:

«Специалисты считают, что для перехода от одной военной символики к другой необходимы три поколения. Скорее всего, основными цветами в символике станут не белый, красный и синий,

а черный, оранжевый и белый (серебристый) – исконные цвета российской армии. Как известно, своего государственного флага у дореволюционной России не было – был штандарт императора. Во время первой мировой войны Николай Второй пытался объединить считавшийся гражданским бело-сине-красный флаг с императорским знаменем. На трехцветном флаге появился черный двуглавый орел на золотом фоне – символ единства государя с народом. Сочетание черного, оранжевого и белого цветов было широко распространено до революции: помимо кокард на головных уборах, орденских лент, отличительных знаков гвардии, они встречались на пограничных столбах, будках постовых, шлагбаумах». (Леонид Костров. У геральдики свои уставы // Сегодня 17.03.1994).

Итак, спустя еще двадцать лет, в конце августа 2014, сменить действующий российский триколор на символику шлагбаума и будки городского предлагает лидер желто-синих из ЛДПР. Смеяться над колористической истерикой жириновцев нельзя – ее нужно понять.

Уж насколько красив был красный флаг – как купание красного коня у Петрова-Водкина. Но и он полинял от злоупотреблений. Стал бурым. Красно-коричневым – цветом нового «зюганата». Ему на смену притащили было цвета орденской георгиевской ленточки. Но обесценили в пыль – как бумажный серпантин на детской елке. Спровоцировали обидную «колорадку».

*...Багрец золотых вечеров
закрыли фабричные трубы
да пепельно-черных дымов
застывшие клубы.*

Так Андрей Белый истолковал цвета первой русской революции 1905 года. А впереди маячила красная эпоха. Конец этой прекрасной эпохи, однако, затянулся и продолжает разделять людей. Одни нашли свои старо-новые национальные цвета, а другие – пока нет. Мечутся от черного до белого и обратно, не могут найти ничего подходящего: всю бы радугу взяли, да гомофобия не позволяет! Триколор нынешний треклятый слишком уж европейский, а мы ведь не Европа! Что ж, так и побираться по чужим историческим задворкам? И ведь никто не виноват в этой колористической неудаче. Разве что те, кому досталось желтое и голубое. Через пять лет после «Золота в лазури», в 1909 году,

Андрей Белый выпустил новый поэтический сборник. Он назывался «Пепел». А серых флагов, кажется, не бывает.

31 августа 2014

Метропропаганда: «Любовь к родине начинается с семьи»

14.08.2014

Украинские войска берут в плен 10 российских десантников.

130 лет тому назад, осенью 1884 года, в Цюрихе вышла книга Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Энгельс написал ее очень быстро, потому что заготовкой служил подробнейший конспект книги американского антрополога Льюиса Моргана «Древнее общество, или Исследование движения человечества от дикости через варварство к цивилизации». Этот конспект составил незадолго до своей смерти Карл Маркс. Книгу вскоре перевели на русский язык, а после Октябрьской революции 1917 года сочинение Энгельса стало одним из немногих, безусловно, обязательных для всех советских студентов произведений марксизма. В годы упадка СССР и перестройки многие решили, что виноваты в этом отчасти и так называемые классики марксизма, поэтому, особенно на закате советского века, прорабатывали книгу Энгельса-Маркса-Моргана из рук вон плохо. Теперь видно, что это была роковая ошибка.

Среди прочего, в книге очень хорошо показано, что, во-первых, семья намного старше государства, а во-вторых, что процесс развития общества нужно понимать как симметричный процессу его возможного разложения. На практике это означает, что при несовершенстве или отмирании более молодых и высоких форм общественной жизни опорой людей становятся те самые базовые ячейки человеческого общества, главной из которых оказывается семья.

Над эскалаторами московского метро в начале 21-го века несколько лет провисели плакаты с приписанным Фрэнсису Бэкону афоризмом: «Любовь к родине начинается с семьи». Поломав голову над замыслом рекламщиков, я сдался. И вот только вчера понял, что должны были иметь в виду люди, вывесившие плакат.

Дело в том, что я несколько раз внимательно прослушал и просмотрел взятое 29 августа 2014 году в Киеве телеканалом «Дождь» интервью у российских десантников, задержанных в ходе столкновений в Украине. Потом, неизбежно, прочитал и десятки комментариев таких же, как и я, зрителей. И с каждым новым комментарием все лучше понимал, почему главные слова, произнесенные солдатами и офицерами российской гвардейской части, были – «мама» и «папа».

И слезы навернулись на мои глаза, когда я вчитался в гневные, издевательские реплики. Некоторые комментаторы презрительно обзывали молодых мужчин «хлюпиками», «трусам», «маменькиными сынками».

Черт побери, подумал я! Ведь перед нами – такое твердое подтверждение старой и даже во многом, но далеко не во всем, устаревшей теории Энгельса-Маркса-Моргана. Суть этой теории в том и состоит, что путь от первобытного общества, главной ячейкой которого была тоже своеобразная и довольно обширная семья, к современному государству ведет через некоторые обязательные ступени. Такие, как собственность и общественные классы, империи и нации, государства – и... Вот тут – внимание! По мнению Маркса и Энгельса, на которое молились три поколения советских людей, после отмирания классов эксплуататоров и эксплуатируемых отомрет и необходимость в государстве. Само общество, мечталось марксистам, научится управлять собой без насилия, одной только силою разума. Сохранится, полагали Маркс и Энгельс, по всей вероятности, только одна базовая общественная ячейка – семья. Ценности совершенной и человеческой семьи, думали основатели научного коммунизма, и станут основой ценностей будущего бесклассового общества. А вот не будет этих ценностей, не будет и совершенного общества.

И все было бы хорошо, если бы на пути теоретиков не встал двадцатый век. Его поправки были ужасны. При попытке построить социализм в России на основе чуть-чуть подправленных марксистских идей возникло новое монструозное государство. Его создатели обещали царство разума, а сами воспроизвели довольно шаткую империю. Обещали бесклассовое общество, а организовали общество с «новым» правящим классом. Но и в Европе было не лучше. При попытке построить национал-социализм по германской модели реализовалась такая людоедская программа, разрушить которую удалось всего лишь на несколько десятиле-

тий, но она – как вирус – возвращается все снова и снова – то в Руанде, то на Балканах, то на обломках СССР.

С грехом пополам нацизм продержался всего 12 лет. Советский Союз умер четверть века назад. Но не до конца разложившийся труп принялись гальванизировать. Осталась только одна человеческая сила, которая могла бы помочь людям расстаться с выпадающим из шкафа бериевско-андроповским скелетом. Эта сила – семья. Вот почему по семье и бьют гальванизаторы совка.

Оказывается, начинать разборку ступеней цивилизованного государства можно и с конца.

Убить семью – значит заставить вдову отказаться от скорби по мужу-офицеру, как это делают известно-неизвестные начальники в Пскове.

Убить семью – значит заставить родителей отказаться от своих погибших детей, снять имена с могильных крестов.

Один лингвист, проанализировав года два назад словарный запас самого популярного до недавнего времени интернет-издания России – Ленты.Ру, – установил, что главным ключевым словом последних 10-12 лет в РФ является «спецоперация».

И – да! Начальство предлагает россиянам действовать не в интересах семьи, детей, близких, а в интересах спецоперации. И сейчас, когда вся страна во главе с президентом осуществляет ловкую спецоперацию по превращению Украины в Новороссию, не время размазывать сопли.

Государство-спецоперация идет полным ходом. Большинству людей достаточно просто показать кулак. Самых умных бьют по голове – как Льва Шлосберга. Чтобы не отвечивали, чтобы не мешали развитию успеха. Да и слово «семья» чекисты понимают, кажется, по-своему. У них там и клички соответствующие – «Моль», «Гангрена», «Шайтан».

Вот почему так важны слова спасенных в Украине российских солдат: «Мама, папа, у меня все в порядке!»

А любовь к родине начинается с семьи! Да, Фрэнсис Бэкон, даже если ты этого не говорил, это – истина.

22 сентября 2014

Речь в защиту женщин

Мизогиния есть не просто разновидность мизантропии. Мизогиния родилась еще тогда, когда женщин не было в помине. В первоначальном мифе о разделении Хаоса на мужское и женское начала последнему уже приданы черты и вечно страдающей производительной натуры, и жестокосердной предательницы. Заставить сына Крона оскопить мужа и отца — значит приготовить читателя «Теогонии» к худшему из возможных сценариев общественно-политической жизни.

Женские персонажи греческого мифа беспрерывно демонстрируют способность выйти за грань человеческого для того, чтобы нанести самый коварный удар. От Клитемнестры, убившей Агамемнона, до похотливой матроны, чуть не заездившей до смерти неосторожного Луция у Апулея, — женщины опасны либо тем, что не останавливаются ни перед какой преградой ради утоления мести, либо тем, что не в состоянии скрыть и обуздать самую низменную страсть.

В иных странах стали работать над самими языковыми формами. В Германии для всех профессий и социальных статусов ввели термины женского рода. Недавно появилась *Bundeskanzlerin*, «канцлерина» (или «канцлерка»). Адекватного эквивалента в других языках ей еще не приискали. Ха-ха, эта политическая корректность — такая гадость, такая гадость. А уж введение законов, требующих присутствия не менее половины женщин в составе советов директоров компаний, скажем, в Норвегии или в Финляндии, на мужланском Востоке и вовсе сопровождается презрительной усмешкой.

Язык традиции и традиция языка мешают даже постановке вопроса. Требование убрать дискриминацию, перестать различать эти два соседствующих, как теперь говорят, кластера рода человеческого? Возмутительное вольнодумство.

Мировым прорывом для развитых обществ стало практикуемое там принципиальное неразличение форм сексуальности. Кажется, стартовав с этой точки, двигаясь от признания прав так называемых сексуальных меньшинств, добраться до гендерного равенства будет легче.

Пока получается плохо. Мужчина, выступающий за гендерное равноправие, и вовсе воспринимается как кокетка, токующий в

видах привлечения внимания благодарных самок. Мизогиния в обществе усугубляется марциальной эстетикой агрессии, бесчисленными ЧОПами, где каждый мышинный жеребчик щеголяет в камуфляжной форме и с фаллоимитатором по политическому сезону — автоматом Калашникова.

Поможет ли полноценная и последовательная мизандрия преодолеть мизогинию? Конечно, нет. И все-таки политическое сдерживание мужланского ожлобления необходимо. В Москве, самой азиатской из европейских столиц, можно начать хотя бы с рукопожатий: в смешанных компаниях здесь не принято подавать руку женщинам. Как женщины это терпят, не понимаю, не знаю. Но этот омерзительный узус процветает.

Для его преодоления придется забраться туда же, где Тиресий убивал своих спаривающихся змей. Теперь даже змеи под охраной общества защиты природы. А женщины — все еще люди второго сорта. Плебейм в царстве патрициев, им даровано единственное позитивное право — оплакивать своих сыновей.

29 сентября 2014

Почему так беспощаден Ленинопад?

28.09.2014 Свален и разрушен памятник Ленину в Харькове.

В Киеве в конце 2013 года пал Ленин, изготовленный из полудрагоценного камня. В Харькове — первой столице Советской Украины — в последнее воскресенье сентября 2014 года люди уронили на землю бронзовую фигуру вождя.

До сих пор я слышал четыре версии толкования этого события. Одни называют его актом вандализма: статуя, бесспорно, была памятником советской культуры. Другие называют это событие освободительным вздохом и окончательным расставанием с «совком». Третьи утверждают, что снос Ленина — спланированная акция, которая должна, мол, отвлечь внимание от реальных проблем общества на символическую жестикуляцию. Так, говорят третьи, и в Российской Федерации, и даже в бывшем Советском Союзе, чекисты в 1991 году отвлекли толпу от логической цели августовской революции: вместо штурма здания КГБ на Лубянке толпа польстилась на памятник Железному Феликсу. Освещение обеспечивали с софитов,

установленных на крыше здания КГБ. Наконец, четвертые говорят, что не происходит ничего особенного, что весь этот Ленинопад приобретет смысл только тогда, когда все постсоветское пространство достигнет консенсуса относительно общей истории входивших в него в XX веке стран. Как есть общая история у народа, жившего по разные стороны от Берлинской стены.

У всех этих версий есть сторонники и, следовательно, каждая содержит хотя бы крупицу истины. Разумеется, и Бастилия была памятником архитектуры, как, например, и бассейн «Москва», на месте которого сейчас размещен, говорят, банкетный зал Храма Христа-Спасителя. Сохранение памятников архитектуры редко стоит на первом месте в списке общественных приоритетов. Да, переозначить здание – можно. В конце концов, и логово страха на Лубянке принадлежало когда-то Страховому обществу «Россия», и путь назад открыт. Другое дело – памятник человеку.

Граждане Украины, свергнувшие режим Виктора Януковича, сопровождали революцию сносом киевского Ленина. В провинциальных городах Украины граждане то колебались, то брали пример с киевлян. И вот дело дошло до той части Украины, в которой говорят преимущественно по-русски и где, по господствующему в Российской Федерации мнению, общественные настроения по-прежнему чуть более советские, чем в Украине Западной. Примерно такие настроения, которые позволили только ленинградцам переименовать свой город в Петербург, а вот жителям области велели сохранить советское название «Ленинградской». Это – те же настроения, которыми руководствовались российские власти, когда вернули несколько дней назад имя Феликса Дзержинского элитному подразделению ФСБ.

Казалось бы, крошечный сдвиг назад, к совку.

Но именно его почувствовали в Харькове.

Ленин в мавзолее, Ленин на Октябрьской площади в Москве – это больше, чем исторический памятник. Это больше чем стертый политический символ. Это – живой символ той политической идеологии, без которой невозможно и мечтать о реконструкции СССР под какой угодно маской – Евразийского Союза или Межпланетного Русского Мира.

При всей своей ненависти к Российской Империи и к великодержавному шовинизму, Ленин восстановил именно империю. Не хотел восстанавливать, но – восстановил. Потому что, как

Ельцин – Путина, оставил в наследство своим подданным – Сталина. Советский Союз не случайно назывался на языке американских и британских политиков просто «Россией». После смерти Ленина в 1924 году (а Дзержинского в 1926) вся политическая программа Сталина-Брежнева-Андропова проводилась под ленинскими и чекистскими знаменами. И на этих знаменах было, в сухом остатке, всего две идеи: абсолютной беспощадности к врагам (партии, революции, народа) и абсолютного господства государства над частным человеком.

Обе идеи, воплощенные в десятках лозунгов и тысячах произведений искусства – архитектуры, живописи, музыки, литературы – впились и впитались в мозги всех советских и многих молодых постсоветских людей.

Поэтому жалобы на вандализм, проявленный-де по отношению к бронзовому харьковскому Лукичу, и смешны, и глупы, и даже самоубийственны. Ленинопад – это явление природы воспрянувшего человека. Беспощадной, как листопад.

Но листопад – исторический. Московский студент-журналист, побывавший несколько недель на Майдане и привезший мне в качестве языческого сувенира осколок памятника, оказывается, не услышал в слове Ленинопад игры слов: с 1936 по 1991 год Ленинабадом назывался древний Худжанд, который воины Александра Македонского за две тысячи лет до того нарекли Александрией Края Света.

5 октября 2014

Шокировать: потрясать, восхищать или ставить в неудобное положение?

03.10.2014 Спикер Госдумы Сергей Нарышкин выступает на Парламентской ассамблее ОБСЕ, где сообщает о массовых захоронениях под Донецком, что «имеет признаки геноцида».

Сейчас модны короткие резкие слова. Не только относительно новые вроде «рэп», «хит», «офф», но и вполне старые, давным-давно намытые в языке заморским прибоем.

Шок, поп, кайф.

И даже появились слова и выражения, которые я бы сравнил со знаменитой «землянкой в три наката»: у них, этих слов, хоть и был когда-то тот же облик, что сегодня, но недавно поверх старого значения «накатили» еще один слой бревен и земли, так что прежнее значение вроде бы и осталось, но о нем принято не вспоминать. Сейчас я поясню это на примере как раз вот существительного «шок» и глагола «шокировать».

Ясное дело, «шоков» великое множество. От болевого или анафилактического шока можно умереть, можно – лишиться рассудка, или, как еще говорят, свихнуться, или сойти с ума. В последнее время, однако, участились случаи, когда как о шоке говорят и просто о каком-то необыкновенном, в том числе – вполне благоприятном для говорящего, случае.

А вот глагол «шокировать» употреблялся в середине 20-го века не столько в буквальном этимологическом значении «потрясать», сколько в довольно мещанском и отчасти агномическом значении «ставить в неудобное положение». Например, шокированной могла чувствовать себя девушка, пригласившая юношу в оперу, куда тот явился бы в джинсах и свитере. Шокировать в старые времена можно было профессора, в обращении к которому студент забывал употребить слово «профессор». Сейчас многие учатся быть шокированными в этом специальном смысле слова, но получается это плохо, потому что тем временем слово «шокировать» узурпировали российские масс-медиа. Что они с этим словом делают? Они используют его в старом значении «потрясать» или «быть потрясенным».

То и дело мы слышим, что, например, «королева Великобритании шокирована казнью британского журналиста». Шокирована (по-русски) королева, возможно, бывает, когда нарушают правила этикета. А о реакции на казнь нужно было бы написать: «Казнь журналиста была ударом для королевской семьи, сказала Елизавета Вторая». Или даже проще: «Королева и ее семья потрясены бесчеловечным убийством журналиста».

Подумаешь, скажут нам, просто слово из маргинального и мещанского разговорного языка перенеслось в наше время в язык масс-медиа.

Здесь эти самые масс-медиа подстерегают трудности особого рода. Известно, как сложно в простом пересказе подобрать к тому, о чем там на самом деле говорили, например, дипломаты. Вот, скажем, выражение «конструктивные переговоры»

вовсе не обязательно означает готовности сторон немедленно выстроить необходимые общие «конструкции». Напротив, его понимают в том смысле, что переговоры состоялись, и это хорошо, но разногласия столь велики, что единственным положительным событием является только сам факт участия сторон в переговорах.

Эта международная политическая корректность через пень-колоду существовала на протяжении нескольких десятилетий – до начала того, что люди не очень искушенные в дипломатических тонкостях назвали бы разорением и разграблением Украины со стороны РФ, а на международном дипломатическом языке называется «вмешательством России в дела Украины».

Еще совсем недавно нынешние противники РФ на международной арене – демократический Запад, страны НАТО и ЕС, Канада и США – были партнерами и друзьями. Их пока не называют в официальных СМИ «врагами». Сами эти страны, начиная с весны 2014 года, объявили российскую аннексию Крыма не действительной, а последовавшую за этой аннексией вооруженную агрессию на востоке Украины объявили политикой дестабилизации и даже нарушением глобальных договоренностей, которые были достигнуты за двадцать лет до роспуска СССР. Язык этих обвинений, как и последовавших за ними санкций, выдержан в подчеркнуто сухом юридическом ключе. Собственно, на дипломатическом языке все события последнего года на востоке Украины называются уже, по большей части, открыто и ясно. Без этой ясности было бы невозможно добиться консенсуса, или общего согласия столь не похожих друг на друга стран.

Поскольку в России многим, включая государственную власть, именно такая сдержанность кажется проявлением слабости, на политические оценки Запада в РФ предпочли не обращать внимания.

Запад наращивает требования к политической корректности, все меньше говоря о российской политике словами и все больше подавляя экономику РФ на деле, а РФ, наоборот, все дальше уходит от столь ненавидимой в России политической корректности, так что даже МИД РФ строит свои пресс-релизы на недипломатичной смеси жаргона и морализаторских сентенций. Европейцев обвиняют в том, что те «вбрасывают несуразные обвинения» против России, в то время как украинская сторона ведет себя «аморально и бесчеловечно».

Друг другу оказались противопоставлены, таким образом, два медийных и политических словаря – преимущественно правовой со стороны Запада и преимущественно моральный со стороны РФ. Вы обвиняете нас в аннексии и агрессии? А сами утратили последние приличия.

Слабость морального словаря очевидна: утрата кем-либо приличий, нарушение этикета сами по себе в России не котируются, поэтому ни мобилизующего внутривнутриполитического эффекта, ни воздействия на (бывших) партнеров они иметь не могут. Привыкшие к публичному хамству своих политиков россияне просто не понимают, о чем идет речь. В этих условиях на свет и извлекли в начале октября глобальное политическое обвинение Украины в проведении «геноцида» русскоязычного населения Донбасса. Именно об этом заявил Сергей Нарышкин на встрече парламентской ассамблеи Совета Европы 3 октября.

Одно это слово – «геноцид», – вкупе со все более массивной антиукраинской пропагандой на внутривнутрироссийском медийном рынке, может оказаться предупреждением соседнему государству и остальному миру примерно вот какого содержания:

«Да, мы, возможно, перегнули палку и просчитались в своей политике в отношении Украины. Но теперь, когда из-за ваших санкций начинает разрушаться вся величавая конструкция благополучия, только что выстроенная и превосходящая самые невероятные мечты нашего детства, мы, если и уйдем, лишившись всего, то только вместе с вами, дорогие вчерашние партнеры».

В последнее время – сначала эвфемизмом «утратил чувство реальности», а потом – и открыто – руководство Российской Федерации обвиняют то в «иррациональной», а то и прямо в «безумной» внешней политике. Некоторые говорят, что, мол, это безумие симулируемое, не настоящее. Что на самом деле, мол, за ним стоит какой-то расчет. Мы просто пока не знаем, какой. Но вот-вот узнаем. Мы и в самом деле узнали за последний год так много нового о себе и о других, что, конечно, не удивимся, когда заговорит ракетная установка по кличке «геноцид», которую выкатили на сцену в антракте.

25 октября 2014

В защиту доллара

Поздним летом 2014 года мы с тещей (родилась в 1925) вспоминали за обедом прошлое. Мне даже взгрустнулось. Какой же я старый! Хорошо помню, например, как услышал по «Голосу Америки», что унция золота резко подорожала: вчера стоила 35 долларов, а сегодня уже 37. Сорок пять лет спустя больше тысячи долларов стоит, небось, эта самая унция. Какие деньги не дешевеют?

Но тут теща рассказала историю. В том же 1971 году тесть привез со своей родины, из Черновцов, «Немецко-русский словарь» Павловского, которым не пользовались аж с довоенных времен.

Тут из Павловского возьми и выпади четыре доллара!

«Жаль, — говорит теща, — доллары уже старые, ничего на них и не купишь». Но невыездной тесть отнес эти четыре бумажки выездному приятелю-дипломату, который взял их с собой в очередную поездку и привез назад не то две кофточки, не то несколько мотков модного тогда мохера. Для мамы и для дочки — моей будущей жены.

Бонистическая ценность четырех довоенных долларов была и в 1971 году выше их прямой покупательной способности. Но дело все-таки не в этом. Доллар любого года выпуска — это все тот же доллар, и за него можно было купить соответствующую долю мирового богатства. На уроках марксизма в СССР учили, что всеобщим товарным эквивалентом являлись деньги. Но оказалось, что нас обманывали. Не деньги вообще, а доллары.

До конца 1970-х годов в Москве еще переспрашивали, узнавши цену, в которую трудно было поверить: «Сколько? Старыми? Новыми?» Имели в виду реформу 1961 года, когда рубль в очередной раз обесценился. Сколько их с тех пор было, этих денежных реформ, и не в одном СССР, а по всему миру. Советский человек, у которого в руках оказывались эти самые доллары, делался «валютчиком». Советские же фарцовщики недаром называли все остальные мировые валюты обидным словом «география».

Может, это потому, что у американцев в союзниках — авианосцы и сотни тысяч пехотинцев с двадцатилетним опытом войны в горно-пустынных условиях? Или потому, что они в кока-колу напихали особые вещества, дабы сделать весь мир зависимым от этого напитка?

А если все как раз наоборот? И что-то такое коварно-макроэкономическое сидит в самом этом символе супостата? И тем самым в нашем русском слове «доллАр», в «зеленых», в «баксах» сидит какой-то такой большой закон, по которому существует весь остальной мир? Вам может не нравиться ни этот мир, ни этот закон. Но для начала создайте валюту, купюрами в которой смогут расплатиться ваши правнуки.

В день рождения Барака Обамы, 4 августа 2014 года, группа московских студентов устроила лазерное шоу. Напротив посольства США в Москве засветилась карикатура, представившая президента сверхдержавы в шутовском колпаке да еще с бананом. Как следовало из горделивых комментариев в социальных сетях, оскорбленные представители «белой расы» и «древней духовности» указали «черной пиндосской обезьяне», хто она есть и почем фунт лиха.

Но пришла осень, и телевизор пересказывает старинный советский анекдот о соотношении валют: фунт рублей стоит доллар. На исторической пресс-конференции в Милане, где Путин, лидер Северной Евразии, предложил слушателям загадку про дедушку и бабушку, было сказано и вот что: «Пока это только разговоры. Были случаи, когда падение цен на нефть было глубже». А потом оптимистично предположил: «Будем использовать наши резервы, в том числе фонды... Все равно мировая экономика будет расти и потребность в энергоресурсах увеличиваться».

Думаю, у всех отлегло. Все-таки слово «доллар» в России не отменили. Оно по-прежнему нужно для описания отношений между людьми и даже целыми народами. Сложное производное свободы, риска и доверия — с одной стороны, а закона и ответственности — с другой. Вот правительство иностранной державы, даже рискнув утратить международное доверие и подвергнув все свое население риску дефолта, этим тоже поддерживает главную денежную единицу современности.

Можно сколько угодно не любить Америку. Но становиться врагом Америки только потому, что ты не понимаешь экономического устройства современного мира? После почти четверти века прямохождения?

2 ноября 2014

Нелайк, или Неполная коммуникация

Язык коварен, но не злонамерен. Сокращения, особенно иностранные, кажутся вечными и нерушимыми.

Например, несколько лет назад в русском сетевом обиходе довольно прочно обосновалось известное латинское сокращение R.I.P. – *requiescat in pace*. Понятное дело, оно очень удобно, когда, например, в фейсбуке, т.е. как бы попав на своем диване в дьюти-фри зону международного аэропорта, переходишь и на международный формат общения. Вот помер кто-то. «Лайк» не поставишь, писать какие-то прочувствованные слова не совсем уместно, потому что ты и френда-то особо не знаешь, который сообщение разместил, а уж почившего – тем более. Ну что тут скажешь? Вот и приходит на помощь старая добрая латынь.

Но эта вера в прочность латинских сокращений тоже ведь ни на чем не основана.

Блуждая по городу Риму, читая, как выразился бы иной газетчик, «каменную летопись» «вечного города», то и дело натыкаешься на сокращения, которые хитрые римляне используют вот уже третье тысячелетие, меняя при этом не буквы, а только их расшифровку. В те времена, когда римляне поклонялись душам умерших – манам, они высекали на камне три буквы D.O.M., и каждый римлянин понимал, что это значит «всем богам-манам». Пройдет столетие-другое, и на надгробиях теперь уже христиан в далеком не первом поколении останутся все те же буквы, но вчитывать в них будут совсем другую расшифровку: «Богу Наилучшему и Величайшему».

С одной стороны – экономия средств и действий, а с другой – загадка: как и когда люди уславливались, что, например, с завтрашнего дня латинские буквы S и S будут обозначать не старого божка плодородия Сильвана, а совсем других святых?

Одной экономией средств тут дело не объяснишь. Сколько их, латинских надписей города Рима, в которых имена пап обозначены сокращением P.M.! Величайший понтифик, главный священнослужитель города, или, по букве написанного, то же обозначение, какое использовали для зрителя религиозных культов римляне за столетия до принятия христианства.

Оказывается, совсем не обязательно каждую новую сущность обозначать новым словом. Во избежание неполной коммуникации между современниками некоторые просто переозначивают уже имевшиеся в обиходе слова. И не какие-нибудь, а самые, можно сказать, ключевые.

Что из этого следует для понимания вещей в мире? Пожалуй, только одно: можно считать разрешенным старинный спор, при-рода подарила людям слова и язык для именованя вещей, или это сами люди договариваются об их значении. Все-таки, договариваются – люди. Они наполняют слова и сокращения тем смыслом, который готовы разделить с другими. Иногда делая это не слишком добросовестно.

Например, итальянские фашисты после прихода к власти в 1922 году каждый год своего режима отмечали порядковым номером и двухбуквенным сокращением e.f. – ega fascista. Как бы тошно кому-то ни было, эти буквы никто не стирает. Их и подобрали так, чтобы они плавно вошли в традиционные расшифровки, например, вот в такую: erigi fecit – воздвиг... Продержалась эта эпоха совсем недолго. На фоне двух тысячелетий древнеримского государства – ее как будто и вовсе не было. Но и она попала не только в словарь сокращений. Какой бы короткой ни была эта эра, и она стала частью истории, и забыть о ней теперь никак невозможно. Да никто и не даст: своих печальных слов и букв никто теперь с камней не стирает.

С последних чисел октября 2014 мыбродим со студентами Высшей Школы Экономики по Риму. На майках университета красуется английская аббревиатура HSE – Higher School of Economics. Ну и что, что римляне понимают ее совсем иначе – Hic Sepultus Est – «здесь погребен»? Конечно, все там будем. Но из старых букв мы составляем новые слова!

23 ноября 2014

Не думайте на чужом языке

Когда подолгу живешь в чужой стране, можешь вдруг поймать себя на мысли, что вот уже и думать начал на чужом языке. Это понимание не зависит от уровня так называемого владения языком. Говорю «так называемого», потому что не человек вла-

деет языком, а язык владеет человеком, человеческим сознанием. Иначе говоря, ты думаешь постольку, поскольку у тебя есть инструмент – язык.

Вот почему мысль, сложившаяся на более богатом, лично для тебя более богатом и разнообразном языке, будет и понятнее и основательнее, чем плохо переваренная мысль на языке чужом. Такая мысль может быть интересной, только когда удастся перепрыгнуть через плоские учебные или вульгарные клише повседневности к неожиданной метафоре.

От людей, живущих в чужой стране, иногда получаешь как бы нарочно упрощенные, неожиданно примитивные формулы жизни в этой новой стране. Ага, соображаешь, это он начал думать на чужом языке: мысль его хромает, логические связи подменены заготовленными образами из подворотни или самой убогой местной газетенки.

Несколько таких, начавших думать на скукоженном русском, американцев я встречал в России: некоторые из них даже уже побаиваются возвращаться в Штаты, потому что привыкли к безалаберности и к чем-то сладким для них разнузданности и развязности.

А сколько выходцев из бывшего СССР, начавших думать на своем как бы немецком или как бы английском, с помощью которого им теперь сподручнее выказывать ненависть к иностранцам и инородцам, расизм, сексизм, — весь набор таких представлений низов немецкого или американского общества, каких устыдились бы, останься они наедине с языком, на котором способны высказать более сложную мысль или более тонкое чувство.

Однако же, на чужой язык можно перейти, и никуда не выезжая из страны. Вот, например, дипломатический этикет. Штука страшно консервативная. И, в общем, понятно, почему. Как говорят в Азии, пусть у тебя в голове пылает огонь, из ноздрей не должен идти дым. Что такое язык дипломата? Сдержанность, тройной заслон вежливости. Дипломат – принцесса на горошине, он слышит сообщение, не существующее на обыденном языке. Перенимая этот чужой для него язык, начиная думать так, как его окружение, дипломат рискует не справиться и наговорить лишнего.

Могут возразить, что, мол, бывают в жизни страны и человека моменты, когда и нужно быть искренним, предельно откровенным. Надоело, дескать, скрывать накопившиеся обиды. Настало время откровенно сказать нашим вчерашним учителям, а ныне опять

супостатам, лицемерам и политкорректным «акулам капитала», что «у советских собственная гордость», что мы и сами с усами.

И это было бы правдой, если бы для откровенного разговора, для искренности в дипломатии можно было бы продолжать говорить на своем языке. Если же откровенность и искренность требуют от дипломата, политика или философа заговорить на языке уголовного авторитета или чекистского надзирателя, значит, что-то не то с самой откровенностью.

Язык ведь нужен не только для того, чтобы откровенничать, но и для того, чтобы хранить сокровенное. Например, лица духовного звания говорят преимущественно языком возвышенным. И не только когда проповедают в своем кругу, в своей среде. Потому что их вера – это сокровенное знание, не предназначенное для выбалтывания всуе. Вот почему лицо духовного звания, переходящее на язык социологии и демографии, государственного строительства и методов сегрегации населения, и думать начинает на чужом языке.

Как сказал бы главный дипломат России, а вдруг тогда и вере твоей – какж?! Тебя на духовное окормление паствы поставили, дядя, а ты гео- и биополитикой занялся, науськиваешь людей не на духовный, а на новый воинский подвиг в гражданской междуусобице.

Конечно, каждый имеет право на чистосердечное высказывание, на искренность и откровенность. Даже чекист в рясе. Но как раз для вас, дяденьки, Василий Васильевич Розанов в «Опавших листьях» важные слова сказал.

«„Чистосердечныйкабак“ остается все-таки кабаком. Неспору – он не язвителен; не спорю, в нем есть что-то привлекательное, „прощаемое“. Однако ведь дело-то в том, что он все-таки кабак. Поэтому русская ссылка, что у нас „все так откровенно“, нисколько не свидетельствует о золотых россыпях нашего духа и жизни. Ну-ка сложим: *praesens* кабак, *perfectum* кабак, *futurum* кабак: получим все-таки один кабак, в котором задохнешься». (При размышлении о Ц-ве, сказавшем, что наше духовенство каково есть, таковым и показывает себя, – что меня поразило и привлекло)».

Вот и мы живем в предельно (или, может быть, лучше сказать «беспредельно») откровенные времена. И это было бы терпимо, если бы каждый продолжал говорить и думать на своем языке. Когда в пароксизме откровенности глава государства публично переходит на язык шпаны, министр иностранных дел на встрече

без галстуков со своими экспертами переходит на язык воров, а главный священнослужитель — на язык полководца, это значит только, что сам предмет откровения, знакомый нам розановский кабак, — с гнильцой.

Могут спросить, а что, было бы лучше, чтобы эти люди скрывали свои истинные намерения за привычной политкорректной либеральной риторикой? Отвечу — да, было бы лучше. И вот почему. Слушающие этих господ холопы все-таки могли бы продолжать думать, что страной, что ими всеми правят люди посложнее. Что у господ в голове есть нечто более интересное, значительное и привлекательное, чем розановский «кабак».

А вот переходя на язык низов, правители с жидкой легитимностью и сильно подмоченной репутацией никаких иллюзий так называемому простому человеку не оставляют. Сами всем объясняют на доступном языке, что не только главные соседи и вчерашние еще союзники — не только страны «семерки», но и страны «двадцатки», включая и саму РФ, — считают ныне правящий режим — «обиженным».

Что для защиты от обиды у людей осталось только два пути — идти дальше с обиженными или все-таки найти способ выбрать вместо них кого-то более вменяемого. Кого-то, кого было бы за что уважать и кого либо в самом деле уважали бы, либо хотя бы делали вид, что уважают. И не в рамках «смены режима»: у нас «режимы» Конституцией запрещены, а в рамках конституционного демократического процесса выборов из достойных кандидатов каких-то других.

Чья способность управлять государством будет, для начала, поверяться способностью думать на своем языке.

Конечно, так бывает не всегда. Есть и грандиозные исключения. Например, великий чешско-немецко-австрийско-еврейский писатель XX века Франц Кафка, по свидетельству современников, близких и особенно новейших исследователей, не владел ни одним языком в той мере, в какой это требовалось бы для того, чтобы стать «крупным писателем» вроде Томаса Манна, Карела Чапека или Шолом Алейхема, — ни чешским, ни немецким, ни идишем.

Не исключено, что необыкновенное мастерство писателя Франц Кафка и приобрел от противного: он воспользовался чрезмерной простотой своего немецкого языка как строительным материалом для создания необыкновенно прочного и тонкого

инструмента для погружения в раненую, уязвленную и собственными страхами, и общественным пренебрежением человеческую психею. Превратил внешнюю слабость в огромную внутреннюю силу.

Но, во-первых, таких людей очень мало, а во-вторых, и слава богу, что они все наперечет. Представьте себе общественную жизнь в окружении множества энергичных людей, реализующих все фантазии героев «Превращения» или «Исправительной колонии».

Впрочем, и я помню великую эпиграмму на советских вождей, которую перевел с революционного на русский Вагрич Бахчанян: «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью». Советский Союз ушел, а наши «кафки» – вроде пока остались.

14 декабря 2014

Здравствуй, жопа, Новый год!

11.12.2014   Руководитель департамента культуры Москвы
Сергей Капков на Урбанфоруме призывает
«поднять жопу и идти работать».

У каждого поколения есть свои неведомо откуда взявшиеся речения, которые были подхвачены в твоей компании, когда тебе лет эдак 13–14. Если и не до конца дней, то уж во всяком случае до конца твердой памяти, эти речения остаются с тобой и с тем неизбежно сужающимся кругом людей, которые такими вот мемами и опознаются.

А в моей юности слово «жопа» на письме встречалось крайне редко. Известно, например, что оно бывало в 1960-х даже в журнале «Новый мир» — им разрешали пользоваться Валентину Катаеву. А вот другим — нет. И в журнале «Юность», адресованном, как видно из названия, так называемой молодежи Страны Советов, «жопа» замечена не была. Но могу и ошибаться.

А вот что помню безошибочно, так это первый случай, когда я увидел выражение «здравствуй, жопа, Новый год!» на письме. Встречали 1967 — год 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции (тогда писали именно так, и за повышение в словах социалистической и революции снижали балл). Родители, посмеиваясь над моими пубертатными выходками, подарили мне

несколько томов тогда еще не остродефицитных «Литпамятников» и настоящую «Почетную грамоту», где обычные формулы советского времени были юмористически переименованы: «выдающиеся достижения в труде» превратились в «посредственное постижение наук», ну и тому подобные обидные, но справедливые шуточки. А кто-то из друзей подарил открытку, на которой из казенной надписи «С Новым годом!», напыленной хрустящим и искрящимся белым порошком, была, можно сказать, сфальсифицирована эта самая фраза. Открытка эта впоследствии использовалась как закладка для книги Светония «Жизнь двенадцати цезарей», переведенной М. Л. Гаспаровым. И поскольку год — 1967 — красовался на открытке вместе с известной формулой, позднейшие историки языка могут быть вполне уверены, что и мем этот возник никак не позднее конца 1966 года. Британцы тогда отмечали 900 лет битвы при Гастингсе, и негашеная, но без уголка и нескольких зубчиков, почтовая марка в честь этого события тоже была приклеена на этот ныне завалившийся куда-то артефакт.

Много лет спустя довелось мне познакомиться с великим музыкантом, додекафонистом и учеником Веберна и Берга Филипом Моисеевичем Гершковичем. Русский язык у него был не родной, но овладел он им виртуозно, особенно хорошо умел Гершкович поставить советизмы в правильный интеллектуальный контекст. В середине 1960-х в моду в СССР входили джинсы, американские джинсы. Как могли, советские власти этой моде сопротивлялись, даже выпустили свои штаны, которые, правда, по обычному чекистскому идиотизму, назвали «техасами». Вроде как в Америке, но свои. Правда, все равно «техасы», а не «донбассы», т. е. и об Америке забыть не дают. Но было одно, главное «но». У этих техас или техасов был общий недостаток советских брюк типа «штаны». Они... Нет, не буду пиарить совок. Скажу сразу, как Филип Гершкович выразил суть дела. «Джинсы, — говорил, а потом и писал он, — реабилитировали жопу». Эти золотые слова не менее важны для понимания того, как Америка помогала раскрепощать советского человека в 1960-е годы. Америка, она — такая разная, такая коварная. «Небеспроблемная страна»? Ох небеспроблемная, ох небеспроблемная...

Тогда, в 1960-х, и потом, в конце 1980-х, многие люди думали: вынам реабилитируйте хотя бы жопу, а голову мысами себе реабилитируем. Иначе говоря, вернем ей не только способность рассу-

ждать, производить собственные мысли, но и заставим считаться с этими мыслями других. Тогда, в 1960-х, это не получилось. Слово реабилитация было надолго захвачено послесталинскими чекистами, которые раздавали вдовам «справки о реабилитации» — кого? Своих преступно истребленных, расстрелянных и замученных сограждан. Нет, были, конечно, и такие, кто все-таки вышел и был реабилитирован не посмертно, а живьем. Но вся их реабилитация состояла только в том, что их пообещали больше не брать за жопу просто так. И, конечно, сразу обманули. Как говорят в современной России, кинули.

Вот почему, я думаю, и возникла наша странная при- сказка. Ведь какие вообще значения имеет это слово в повседневном обиходе? Да множество. Загинайте пальцб: это и неловкий и нетактичный человек; и сам анатомический усест всякого человека, его афедрон, нуждающийся в прикрытии от чужих глаз и действий; это — неудачное местоположение, урочище, куда говорящие попали против воли или просто по неосторожности. Наконец, это просто описание большого тупика, в который ты попал, хоть, может быть, и надеялся, и даже твердо верил, что никогда не попадешь.

«...А вот случись оно с тобой, вот тебе и пожалуйста», — тоже приговаривала полвека назад молодежь Страны Советов. Конечно, пытливые граждане и в пору запрета на массовое применение слов, описывающих телесный низ, старались постичь его значение. Некоторые шли при этом так далеко, что проваливались в седую несговорчивую древность. Утверждали, например, что странное пожелание возникло в результате ошибочного написания слова «год» в латинском приветствии *felix sit annus novus*. Мол, вместо счастливого года получалась счастливая жопа. Стремление к истине, однако, вовсе не обязательно ведет к обретению истины. И когда в середине 1990-х люди в России решили, что лучше уж эта жопа, чем неизвестность, они начали готовить и нынешнее свое не новогоднее предновогоднее настроение.

Но вернемся к жопе. Даже Пушкин не стеснялся вставлять это слово в стихотворную строчку, для всех же остальных его соотечественников оно так и осталось цензурным пограничным столбом между тем, что говорить и писать можно, и тем, что не только записывать, но и произносить культурному человеку не полагается.

Что годом жопыв в этом вот, весьма печальном, значении уже стал уходящий 2014, трудно сомневаться. Новогодний девиз, полвека сопровождающий нашу страну во всех ее политических изводах и ипостасях, еще и не вполне понятен: убрал или переставил запятые — и уже не ясно, кто тут адресат и с чем его поздравляют.

До конца текущего года остается совсем мало дней. Не знаю, как там в других городах, но в городе Москве мне пока не довелось встретиться ни с одним человеком, который предвкушал бы новогодний праздник. И без того неулыбчивый, наш порт пяти морей набычился, напрягся в смутном ожидании. Каждый — не только министр культуры правительства Москвы, подаривший нам тему для разговора, — прекрасно понимает меру своей личной ответственности за постигшую страну жопу — от мелких жополизов до главных головожопых.

Людам пытаются внушить нехитрую мысль, что жопа, мол, общая. Да, у слова в этом значении «большой общей неудачи, свалившейся нам на головы», есть только один недостаток: оно позволяет думать, что события происходят как бы без участия рук, ног и головы. Но это не так. Извинения не принимаются.

21 декабря 2014

Куба, или Воспитание чувств

17.12.2014

Барак Обама и Рауль Кастро объявляют о нормализации отношений между США и Кубой.

Есть географические названия, которые участвуют в разговоре примерно так, как чиркнувшая спичка в опасно сухом лесу. Сталинград, Бородино. С ними все ясно. А вот Брест-Литовск? Если спичка поджигает далекий лес Первой мировой, то загорается Брестский мир, а если Второй мировой? Тогда — Брестская крепость. Но есть и понятия попроще.

С Кубы, кажется, легче начать: все-таки это чужая страна, и общая массовая память о ней — только советская. И только у того поколения, которое помнит «барбудос», молодого Фиделя, Фиделя с Хрущевым, злобные песни-карикатуры «Куба, отдай наш хлеб! Куба, возьми свой сахар!» Наконец, в девяностые годы прошлого века случилось полное забвение «Коммунизма У Бере-

гов Америки»... Еще бы! «Новые русские» стали капиталистами, буржуа, олигархами, забрезжило исполнение американской мечты. Полновесный бакс залил глаза. Какой, к черту, социализм! Какие такие развивающиеся страны? Но медленно-медленно, с начала нулевых, вдруг выяснилось, что Куба все-таки немножко своя. Не потому что социализм, не потому что «бедная, но верная историческая подруга». А потому что начал подниматься анти-американизм. Потому что руководству РФ понадобилось найти точку, откуда можно было бы, кто его знает, и снова ущипнуть супостата. Колумбийские повстанцы, которым перевозил оружие Виктор Бут, венесуэльские братья по нефтяной судьбе, никарагуанские партнеры по мировой революции 1970-х гг. – центрально-американские воспоминания о тех годах заиграли в унисон с эмоциями обиженной Америкой Эрэфии.

Ответ грянул с самой неожиданной стороны. Можно подумать, что кубинцы и их северные соседи дождались последнего момента, когда музейный автомобильный парк Острова может быть в целостности и сохранности передан бывшим кровавым собакам империализма. Говорят, вырученных за эти машины денег хватит на реконструкцию народного хозяйства Кубы, тем более, что долг этой страны был списан по указу президента РФ чуть ли не накануне публичного объявления о братании Вашингтона и Гаваны.

Куба перестала быть нашей, российско-советской Кубой, которой она была 50 лет. Вместо этого она стала чем-то вроде... Крыма. Но только не аннексированного «вежливыми людьми», а другого.

Того Крыма, который, с точки зрения западного сообщества, по-прежнему является частью Украины. Именно на этот «Крым – регион, входящий в состав Украины», распространяются новые санкции нашего воспитателя – Соединенных Штатов Америки.

Пусть сейчас этот Крым – виртуальный. Но ведь и российский Крым не совсем реальность. Для большинства из тех россиян, кто еще два года назад мог провести там отпуск, Крым стал сейчас если и не настоящей заграницей, то опасной зоной. А Куба? В глазах западного мира Куба превращается из полузабытого сателлита России в точку роста проамериканских настроений, возможно, даже – в будущего союзника США. Конечно, мы еще не знаем, не закончится ли демократизация острова чем-то похожим на события в бывшем СССР или Югославии: слишком многим захочется привлечь к ответственности режим братьев Кастро. Тут вся надежда кубинцев опять-таки – на американцев, которые

в случае чего приструнят радикальных беженцев: в конце концов, не в общих ли интересах создание из острова нищеты полуострова американской мечты? Такой же, как и у российских нуворишей 1990-х годов. А воспитанных чувств, или сентиментального образования, кубинцам не занимать.

Что же означает русско-советское слово Куба для чувств грубых, невоспитанных? Это, как любит говорить глава правительства РФ, «совсем другая история». На наших глазах эта история сдвинулась с мертвой точки. Поплыла в сторону Соединенных Штатов Америки. Будет оттуда показывать пример одному еще недавно в меру процветавшему полуострову, который в русско-советской истории политических эмоций сыграл такую злую шутку с Российской Федерацией.

Герой сатирического романа Ильфа и Петрова Шура Балаганов, у которого в кармане лежали 300 тысяч рублей, «машинально» украл у гражданки в трамвае кошелек, в котором лежал рупь с мелочью. Руководство Российской Федерации, этот коллективный Шура Балаганов нашей постсоветской эпохи, так же машинально хапнуло у соседки по истории и географии небольшой полуостров. Не просто у соседки, признается сам Балаганов, а у ближайшей родственницы. У страны-колыбели своей церкви, у матери своей цивилизации.

И ведь все это только последствия невоспитанных чувств: не получившие образования эмоции затмили разум. Российские граждане, очевидно, запутались в собственных чувствах: вполне естественное отвращение к агрессору и насильнику эмоционально неграмотный отказывается испытывать к своим. Вот почему россияне машинально приняли массовое отвращение к себе за подъем патриотизма и чувства национального единства. Так бывает. Коллективные помрачения рассудка – хорошо описанный феномен. От него никто не застрахован. Тут нечего злорадствовать. Тут надо помогать всем миром. А вот воспитывать чувства бранью или голый военной силой на европейском ТВД несовременно.

Недостаточно, а главное – совершенно бесполезно, да и по-человечески нехорошо, то и дело называть кого-то «хамлом» или «лжецом». Даже если сам себя этот кто-то и вовсе воображает таежным жителем – медведем-шатуном или тигром-хулиганом.

Вот почему, слушая речи президента США Барака Обамы, я понимаю его кубинскую политику как воспитание чувств, сентиментальное образование и наших леопардов, и заокеанских ястре-

бов. Начнется ли с переосмысления имени «Куба» переосмысление имени «Крым», и, если да, то когда? Как мы знаем, значение даже ключевых слов часто меняется на протяжении жизни одного поколения.

29 декабря 2014

Импортозамещение: петушиное слово России

Язык, на котором мы слушаем и говорим, читаем и пишем, кричим и молчим, каждый год дарит нам новое знание о себе и других. Или просто напоминает о том, что мы и так уже знаем. Но напоминает с некоторым треском.

В конкурсе на звание самой безумной идеи 2014 года третье место уверенно держит «импортозамещение».

Импортозамещения Россия не знала никогда. Со времен приглашения варягов, а уж тем более с присвоения их имени стране и народу, Русь всегда управлялась чужаками. Или людьми, по самому своему бэкграунду, по существу своих интересов и ценностей бесконечно далекими от большинства народов, населявших эту многострадальную землю.

Конечно, мне могут возразить, что в царстве духа людьми всегда верховодит импорт, или, иначе говоря, своевременный ввоз чужих мыслей, продуктов, слов и услуг.

Здесь нет ничегошеньки обидного. Это – просто закон природы. Почему он такой, уже совсем другой вопрос.

Мудрая Русь – да, заимствовала через посредников свою азбуку у греков и евреев. А вот, например, логику, грамматику и риторiku – у римлян и немцев, французов и поляков. Литературные жанры – у итальянцев, французов, англичан. И постольку, поскольку это было так, все начинало работать.

Можно сказать даже больше – и само искусство, и саму науку осваивать импорт русские люди заполучили у разнообразных чужаков. А уж госуправление – да черт знает у кого. После варягов были византийцы на известном сквозняке из варяг в греки, татаро-монголы со своим игом, ну и уж конечно, такие пестрые немцы-голландцы – от императрицы Екатерины до Карла Маркса и его разноплеменного Изма.

Обидно, правда? Что точно так же было у всех, россиян почему-то не утешает.

А вот разговорами об импортозамещении (этом стыдливом эвфемизме превращенного в половую тряпку «патриотизма») можно увлечь разве что законченного простодыру, готового поверить, что на горе всем буржуям мы смастерим вечный двигатель на основе сквозняков. Ну, или хотя бы фейк для устрашения сварганим. Вот оно, второе сумасшедшее слово 2014 года. В речь оно пришло чуть раньше, конечно.

Этот вот прикольный фейковый парламент выбрали два года назад. Горстку недовольных фейковыми выборами быстро стерли в порошок. Остальные притихли. За два года фейковый орган обрел плоть и приступил к интересным операциям по обесмыслению русского языка.

Тем временем к фейковому парламенту присоединился и не менее фейковый гарант Конституции.

Мощному импортозамещению очень мешает юркая импортная штука под названием «логика». Она заставляет избегать таких непримиримых противоречий в языке, которые выдают в человеке либо неспособность мыслить, либо злонамеренность.

Представим себе, что некий царь много лет подряд убеждает своих подданных, что ни за что не потерпит нарушения целостности своего царства. Внезапно. Наступает момент искушения. Царь видит, что мог бы почти безнаказанно и даже без кровопролития завладеть изрядным куском чужой земли.

Царь думает, что нарушение целостности – это ведь только территориальные потери. Между тем, импортная штука логика требует признать очевидное: нарушить целостность можно в обе стороны, причем присвоение нарушает эту самую целостность даже в большей степени, потому что ведь заодно нарушает и целостность отношений с остальным миром.

Так царь, клятвенно обещавший быть хранителем целостности, становится не только вором и клятвопреступником, но и главной угрозой для собственной страны: а как иначе, если все соседи начинают видеть в тебе угрозу?

Фейк отличается от простого обмана тем, что начинает самостоятельное существование. Это не подпоручик Киж, которого, в отличие от подпоручиков Стивена, Рыбина и Азанчеева, никогда и не было в природе. Нет, это самое настоящее живое лицо. Правда, действует это лицо как бы инкогнито. Посылает

к своим границам вооруженные отряды из мужчин и тут же, но уже от своего имени, пишет в своей свежей военной доктрине, что присутствие таких вооруженных отрядов у границ РФ является угрозой безопасности РФ.

Называет источником угрозы своему царству «создание условий для применения военной силы», но тут же сам зачем-то эти самые условия создает.

Требует «расширения круга государств-партнеров» и тут же, одним движением, отталкивает от своей страны десятки государств-партнеров. Отталкивает скопом всех вчерашних союзников, не выиграв этой своей политикой ни одного нового друга.

«Импортозамещение» логики, как видно, перестало работать вовсе: им – порты, нам – замещение. Но как импорто-ни-замещай, есть железная логика в том, что именно чекисты, прошляпившие исчезновение своего СССР, сейчас так упорно бьются за его возрождение в умах: сами фейковые, стерегущие сумасшедшие слова России и не могут не возводить фейк второго порядка. Вот почему таким невероятным казался на протяжении всего уходящего 2014 года каждый шаг этих людей, каждый законопроект, каждое новое слово: они все еще стараются остановить агонию СССР.

Как только его ни расшифровывали! От шуточного Спальня, Столовая, Сортир, Работа до мечтательного Смерть Сталина Спасет Россию.

Но и установив, и совершенно точно, Самое Сумасшедшее Слово России, найдем ли мы петушиное слово-противоядие? Нет такого слова. С Говым нодом, граждане.

Матрица нагибалова

*зажег любви уродец а-
гонёк в груди артиста!
пожарный инв. находится
в кабине машиниста.*

Прошло всего три дня нового года, а Федеральный закон №97-ФЗ от 5 мая 2014 года «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и другие законодательные акты РФ», дал первые всходы.

Изменения, упорядочивающие «обмен информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» в рамках «Закона о блогерах», свелись к тому, что все пользователи с аудиторией в 3000 человек в день должны зарегистрироваться в Роскомнадзоре в качестве СМИ.

Это автоматически означает еще и вот что: крупная международная компания, открывшая миллионам своих клиентов форумы для обсуждения, критики и тестирования продукции, легко превращается в целую агломерацию средств массовой информации.

Вот, к примеру, компания Интел. На форуме этого капиталистического концерна до 1 января 2015 года русские люди работчики и те, кто считал русский своим первым или вторым родным языком, могли преспокойно обсуждать на этом языке – одном из пяти официальных языков ООН – все тонкости и трудности применения продукции фирмы Интел на фоне глобального развития компьютерной техники.

Подобно любому автомобильному гиганту Японии, Европы или США, фирма Интел превосходит по профессиональному статусу всю компьютерную индустрию России. Как у нас любят приговаривать, «вместе взятую». Это не повод для злорадства. Это только констатация факта.

Из этого факта можно сделать несколько выводов.

Можно спорить, как поступить умнее, чтобы попытаться не сильно отставать, идя в чужом, но достойном кильватере. На своем языке.

Но можно выбрать и самый тупой путь. Им, собственно, и пошли стоящие на страже собственного безумия. Не слишком ли жирно будет, подумали они, фирме Интел или любой другой выкачивать из слишком умных россиян ценную информацию.

Подумайте сами, граждане: поманив простого советского человека своей чудо-техникой или даже только начинкой для чудо-техники, воротилы супостатского бизнеса заставляют этого нашего простого человека день и ночь делиться черт знает с кем плодами своих наблюдений, своими знаниями, своими сведениями!

Мало того, простой советский человек и пользователь импортного оборудования вот уже не первое десятилетие принужден переводить на наш великий язык – язык Ломоносова, Пушкина и Солженицына – какую-то американскую галиматью. Какую-то генетику и кибернетику, из которой ловкие американцы обязательно смастерят какое-нибудь лего, пока мы так и будем делать торшеры из лыжных палок и пустых бутылок.

Миллионы россиян не только отдали богатым иностранцам свои личные данные, впрочем, в обмен на весьма совершенную технику всяких тошиб и айпадов. Они поневоле оказались носителями чуждого нам знания, чуждых ценностей. Они приступили, говорят, к порче родного языка. По существу, стали на путь предательства высших национальных интересов.

Даже каждодневный фактический шпионаж – в форме передачи иностранной компании своих знаний – меркнет на этом страшном фоне. Одно дело просто бескорыстно помогать разработчикам компании-супостата или цинично клеветать на ответственного производителя. Совсем другое – разгласить настоящую военную тайну.

Например, в последние годы СССР ходил такой анекдот: автора самиздатского памфлета «Брежнев – старый маразматик и наркоман» привлекли к ответственности не за клевету на генсека КПСС, а за выдачу врагу главной военной тайны.

Сколько современный россиянин может выдать таких военных тайн об умственном и психическом здоровье руководства страны, страшно даже подумать.

Вот почему мудрое руководство России, принявшее закон о защите общества от информации, поступило по-своему логично, заставив граждан, попавших на форумы концерна Интел, перейти с русского на английский язык. Причем сделано это руками самих супостатов: деньги-то зарабатывать надо!

Да, российских пользователей форума концерна Интел станет меньше. Но это же проблема не России, а только самого несчастного концерна. Итак, на своей странице для русскоязычных пользователей концерн Интел разместил такое объявление:

«С 1 января 2015 года в связи с «Законом о блогерах» введены следующие изменения на русскоязычном сайте Intel® Developer Zone:

Отключена возможность публикации блогов на русском языке

Отключен русскоязычный форум

Отключена возможность комментирования существующего русскоязычного контента

Эти изменения не затрагивают англоязычный ресурс: вы можете публиковать статьи и блоги, общаться со специалистами Intel в форуме на английском языке».

До сих пор правильные тиранические режимы преследовали носителей чужих языков и ценностей. Не знаю, пожалуй, ни одного случая, когда власти какой-либо страны сознательно лишали своих граждан не только права, но самой возможности развивать собственный родной язык в пользу уже и без них достаточно развитого и влиятельного языка соседа.

Нет, ну конечно, люди с родным русским будут по-прежнему ездить на хакатоны, будут общаться на смешном жаргоне программистов (или программеров?), не заморачиваясь поиском собственных слов, конструкций, синтаксиса, философии того языка, которым должны быть написаны законы о жизни.

А разработчики? Разумеется, они должны как можно лучше знать английский – язык современной науки и техники. Но полный переход на английский будет означать то, что давно известно русским пользователям фейсбука. Компания Цукерберга ведь уже приучила русских по всему миру к веселому бреду ошибок. Русифицированный фейсбучный интерфейс – это почти изящная пародия на русский, к которой миллионы людей просто привыкли. Поглядите на «ваша фото», пока вам не успела подмигнуть «Дария Смирновая», и попробуйте честно ответить на вопрос, какого черта русифицировать интерфейс, если результатом будет этот вот набор словесных инструментов для антропоморфной креветки?

Россия в этом отношении не одинока. Например, один из самых известных в мире журналов по физике – выходящие в Германии «Annalen der Physik», – вот уже несколько лет печатает статьи только по-английски, а родные немецкие – ни в какую!

Правда, специального закона, который ускорял бы эдакое сужение области применения немецкого языка, в Германии все-таки нет.

А вот в России такой закон появился. Как часть законодательства об ограничении свободы слова. Когда законы пишут и обсуждают человеческие существа, не владеющие родным языком в объеме, необходимом хотя бы для краткой достоверной самооценки, русификация программ попросту не нужна.

18 января 2015

Уголок оскорбленных чувств

Некоторые считают, что сейчас наступила эпоха религиозного возрождения. Куда ни кинешь взгляд, обязательно упруешься в истинно верующего. Говорят, это отрадно. Вот раньше только немногие избранные рассуждали о боге и других мистических, т.е. таинственно скрытых от остального мира, сущностях. А теперь о святом рассуждает буквально каждая собака. И даже не о святом, а о святотатцах – о таких людях, которые над святым глумятся.

После «перестройки» в СССР вдруг выяснилось, что людям в Советском Союзе плохо жилось, потому что в свое время, начиная с 1917-го, людей за веру преследовали, и вот те выросли злыми и бездуховными.

Как всегда бывает, в этом суждении немало верного: что хорошего в преследовании кого-то за его веру? Ничуть не больше, чем в преследовании неверующего за его неверие. Ошибка, стало быть, состоит только в одном. Совершенно неважно, за что преследуют. Неприемлемо само преследование человека человеком на почве принадлежности к религиозному сообществу.

Лет двадцать назад был у меня такой случай. Дело было в городе на севере Германии, где я тогда работал. В те годы в еврейские общины хлынули переселенцы из бывшего СССР – так называемые «контингентные беженцы». Это сейчас второе, а местами уже и первое поколение тогдашних иммигрантов бойко объясняется по-немецки, а некоторые даже стали немецкими писателями и германскими общественными деятелями. Но тогда, в начале 1990-х, до этого было еще далеко, и в общинах были рады, когда находился кто-то, кто готов был помочь новоприбывшим объясниться со старожилками. Разумеется, и мой интерес соблюдался в полной мере: где еще соберешь такой материал по «межкультурной коммуникации»?

Синагога, как известно, занимается среди прочего и делами глубоко практическими. Например, ремонтом, детским садом, организацией взаимопомощи. В том числе правовой. В том числе и в делах, которые при всем желании не назовешь кошерными. Обсуждался как раз подобный случай: уважаемый член общины, предприниматель и выходец из высококультурной Голландии, немного смошенничал, и даже многоопытный адвокат, дополнительно нанятый по такому случаю, не смог помочь. Переводить всю эту историю было тягостно, но интересно. Никто не ожидал никаких вопросов и выступлений. И вдруг поднимается женщина лет 50-ти, в старомодной советской прическе, и, обращаясь ко мне, произносит: «Переводите!» Затем, повернувшись вполоборота к залу, она начала:

– Товарищи! Я на этом собрании впервые.

– Genossen, – перевожу я... Советская половина присутствовавших немного заволновалась.

– Я приехала из Днепропетровска. И не могу не сказать, что, на мой взгляд, здесь утрачены последние христианские ценности!

Когда я перевел последнюю фразу, поднялся такой неопишувемый гвалт, что даже человек, не знавший происхождения слова «гвалт» из немецко-идишского слова *gewalt*, запомнил бы этот лингвистический факт на всю жизнь. Бедная еврейская женщина из Советской Украины сначала не могла понять, что она такого сказала. Но кто-то из «старослужащих» объяснил ей, что она попала в то единственное (если не считать мечети) на всю округу место, где выражение «христианские ценности» трудно признать удачным.

Как мог, я пытался объяснить высказывание днепропетровской гражданки, для которой выражение «христианские ценности» никакого религиозного содержания не имеет, а сюда она приехала – как в рай, и тут вдруг оказывается, что рядом – далеко не ангелы... Это ж, говорю, чистый Лессинг:

*Но будьте снисходительны, не троньте
Ее мечты, которую способны
Понять и христианин, и еврей,
И мусульманин, – сладостной мечты!
(пер. В.Лихачева)*

Только два старика, оценившие цимес момента, в разгар скандала смеялись до слез. Особенно им были смешны мои попытки

успокоить самых рьяных борцов с затесавшейся в ряды «иудеев» коварной «христианкой» ссылками на «Натана Мудрого».

Послушник у Лессинга восхваляет мудреца:

Ей-богу же, Натан, вы христианин!

Такого христианина донныне

И не было.

Натан

И благо нам! В чем я

Кажусь вам христианином, в том самом

Вы мне евреем кажетесь! Но слишком

Расчувствовались мы...

Чуть не помер от смеха и я, когда рассвирепевшая соотечественница прошипела мне в ухо: «Зачем вы переводите то, что я говорю?! Вы должны переводить только то, что я хочу сказать!»

Прошли годы и даже десятилетия. Религиозной определенности в мире становится все больше, но ценности, заявленные во времена Лессинга, времена, называемые еще и эпохой Просвещения, остаются достижением европейской цивилизации – не религиозной в своей основе, а светской. Натан Мудрый по-прежнему прав:

Народ мой презирайте как угодно.

Ни ваш народ, ни мой не нами избран.

Мы – не народы наши. Что – народ?

При чем он здесь? Еврей и христианин -

Не люди ли сперва, а уж потом

Еврей и христианин? Ах, когда бы

Мне удалось найти в вас человека,

Хоть одного найти еще, который

Довольствовался б тем, что человеком

Зовется он!

Есть, конечно, и совсем другие люди. Которым кажется, что их лояльность к новому государству должна найти религиозное выражение. Эта штука называется греческими словами «неофитство» и «прозелитизм».

Парадокс в том, что невозможно стать мировой религией, не занимаясь активным прозелитизмом. С другой стороны, в наци-

ональных религиозных традициях, в душах исконных носителей мировых религий сидит червяк племенной исключительности, который как раз человека в неофите и не видит. Арабы часто презирают всех неарабоязычных мусульман, а русская поговорка «волк кормленный, табак моченый, жид крещеный», можно сказать, хвалит сама себя. Стоит чуть-чуть почесать «истинно верующего», и понимаешь, что лучше б не чесал.

Откуда идет эта ошибка с так называемыми «религиозными ценностями»? От неуверенности в себе. Человеку кажется, что лично его права уважены быть не могут. А вот компактное множество, которое включит и растворит его в себе, как раз идеальный защитный кокон. Вот почему слабые сбившиеся в кучку люди и требуют для своих общин коллективных прав. В том числе – права всей группой обижаться на кого угодно: за кособокий взгляд, за карикатуру, за старое или новое обозначение очередного пророка или подшучивание над первым учителем хождения по воде аки по суку.

Вот почему мракобесы даже враждующих религиозных конфессий и деноминаций всегда находят общий язык в борьбе со святотатцами, особенно с такими, кто вовсе не хотел бы выбирать из мировых религий какое-нибудь «меньшее зло». Эти святые люди – как дети: все прекрасны и не обидчивы. Когда спят.

8 февраля 2015

Фантасмагория, или Как толкование слова привело к мировой войне?

21.02.2015

Митинг проправительственной организации «Антимайдан» в Москве.

Мне не известен ни один другой язык, на котором можно было бы с помощью самой гнусной блатфемии выразить приязнь и тепло по отношению к сотоварищу по роду человеческого. То и дело слышишь: «И в страшном сне не мог себе такого представить!» Как будто в ответ на это высказывание увидел я страшный сон.

Дело в моем сне слушается в международном суде. Но не в Гааге: город, говорят, полуразрушен, и выездное заседание про-

водят где-то еще, может быть, даже в России. Меня допрашивают в качестве свидетеля защиты бывшего президента РФ Путина В.В.

— Вы утверждали, — спрашивает обвинитель, — что президент России был намерен атаковать Украину, угрожая другим странам ядерным оружием. Какой информацией вы располагали?

— Я не располагал никакой информацией, а исходил из анализа речевых ошибок обвиняемого, которые участились во время нападения на Украину.

— Что это за ошибки?

— Ошибка первая: обвиняемый употреблял название своей страны — слово «Россия» — в двух конфликтных значениях. Первое: «Территория бывшего СССР и Российской империи». Второе: «Страна, которой я управляю».

— Ну и что из этого следует?

— Обвиняемый на протяжении жизни целого поколения внушал себе самому и своим подданным обиду на весь остальной мир за непризнание величия «русского мира» в прежних границах Российской империи и Советского Союза.

— Этой обиды не было в момент роспуска СССР?

— Нет, тогда людей волновали экономические проблемы, и к чувству политической свободы быстро привыкли.

— А какая вторая ошибка Путина?

— Последний президент РФ внушил своим подданным и многим жителям других государств неисполнимую мечту воссоединить оба понимания «России» — и как наличной РФ, и как бывшего СССР.

— А как, по-вашему, понимали слово «Россия» в остальном мире? И когда это понимание стало угрозой для действовавшего миропорядка?

— Остальной мир не особенно интересовался ни значением слова «Россия» (а слово «Россия» и употребляли в значении «бывший СССР»), ни тем, что происходило в головах у бывших советских граждан.

— Т.е. и Запад виноват, что все-таки понимал под Россией бывший СССР?

— Да, конечно: нельзя подразумевать за Российской Федерацией особые права на весь постсоветский мир и одновременно уважать права и достоинство других государств, возникших на руинах этого мира.

— И когда, по-вашему, эта семантическая неувязка стала политической и военной угрозой?

— Угрозой для действовавшего миропорядка стали появление в политическом лексиконе В.В.Путина и его окружения выражений «Русский мир» и «Новороссия», а также аннексия территорий бывших областей СССР и Российской империи — Абхазии и Южной Осетии в 2008, Крыма и нескольких районов Донбасса в 2014 гг. Заявление В.В.Путина, что пословица «на миру и смерть красна» — это его политический девиз, завершило формирование идейной основы для атаки на остальной мир — даже ценой гибели всех его подданных и всего остального населения Земли.

— Почему, по вашему мнению, большинство населения Российской Федерации не воспротивилось этой пропаганде войны на уничтожение?

— По той же причине, по какой в 1939-1945 гг. и население Германии не сопротивлялось национал-социалистическому режиму. Немцы до последнего сражались с теми, кто нес освобождение немецкому народу от идеологии возрождения «Великой Германии»: массовая пропаганда была сильнее индивидуального рассудка.

— Какую роль сыграла в развязывании конфликта профессия последнего президента Российской Федерации?

— Вы имеете в виду его профессию секретного сотрудника?

— Да, его многолетнюю работу в качестве агента КГБ.

— По-видимому, это сыграло определенную роль: В.Путину удалось подавить слабое стремление граждан быть похожими на остальной мир. Он воспользовался всеобщей политической апатией для успешных нелегальных операций. Это обеспечило Путину поддержку низов российского общества — постоянно растущего, хотя и поражаемого в правах слоя населения.

— Почему развязыванию мировой войны предшествовало нападение именно на Украину?

— Потому что руководство Российской Федерации не могло согласиться с существованием рядом с их единственной и неделимой страной еще и «другой России». Сонаследница СССР и Российской империи с русским в качестве наиболее распространенного языка, Украина также ошибалась, когда подчеркивала, что она никакая не Россия.

— Верно ли я вас понимаю, что В.В.Путин воспользовался последним обстоятельством для ликвидации украинского госу-

дарства как такового путем разжигания в Украине гражданской войны?

— Да, но эта гражданская война распространилась и на Россию: на стороне украинского государства сражались и те, кто говорил по-русски, и те, кто говорил по-украински, на стороне сепаратистов и России — только те, кто говорил по-русски.

— Теперь, когда бывшая Российская империя и бывший Советский Союз раздроблены на несколько государств, возможно ли установление добрососедских отношений между различными центрами бывшего «русского мира»?

— На протяжении тысячелетней истории менялись не только границы «русского мира». Постоянно двигались по карте и его центры. Киевская Русь с центром понятно где, Золотая Орда с центром в Сарае, Московское царство, два столетия Петербургской Российской империи, три четверти века Советской России с центром в Москве, наконец, ее угасание и политическое саморазрушение.

— Каковы, по-вашему, перспективы русского языка как языка посредника на бывшем пространстве СССР и Российской Федерации? Может ли сам русский язык быть источником напряженности в будущем?

— Источником напряженности может быть любой язык. Несмотря на дискредитацию русского в качестве языка-посредника и тяжелые для российских СМИ последствия грязной войны с Украиной и остальным миром, некоторые качества этого языка могут способствовать взаимопониманию людей. Особенно это касается большинства русскоговорящих граждан, не владеющих больше никаким другим языком. В годы самой разнузданной военной пропаганды, сеяния ненависти к некогда братским славянским народам — полякам, украинцам и другим, многие русские научились пользоваться своим самым низменным, богохульным и грубо сексистским жаргоном как языком ласки и дружбы. Мне не известен ни один другой язык, на котором можно было бы с помощью самой гнуснойblasфемии выразить приязнь и тепло по отношению к сотоварищу по роду человеческого. Думаю, этим особым качеством русского языка смогут воспользоваться и те десятки тысяч групп преодоления посттравматического синдрома, которые образованы в регионах бывшей РФ в рамках преодоления наследия путинизма.

— Спасибо. Больше вопросов к свидетелю не имею.

Тут я проснулся. Что-то бубнила не выключенная радиоточка.

22 марта 2015

Иммануил Кант и крымская весна

21.02.2015   Появляется надпись «Кант – лох» на стене домика в Калининграде, где жил философ.

Несколько дней назад у меня спросили, как долго продержатся в русском языке официальные речевки, связанные с Крымом: «затокрымнаш», «русская весна», «возвращение Крыма на Родину» и прочее. Не очень долго, думаю, продержатся. А главное – все такие более или менее лживые обороты, умирая, надолго отравляют сознание людей, которые за них схватились.

Вернув Крым в Советский Союз, предположительно существующий в головах российского руководства и нескольких десятков миллионов окормляемых этим руководством людей, граждане вынуждены все-таки начать разбираться с собственным прошлым.

Неожиданная помощь пришла из другого относительно недавно присоединенного к Советскому Союзу анклава – из, так сказать, нашего Северного Крыма – Калининградской области.

В отличие от Крымского полуострова, захват которого президентом РФ В. Путиным цивилизованный мир считает нарушением международного права, суверенитет Российской Федерации над Калининградской областью никем не оспаривается. Исчезновение Восточной Пруссии стало одним из результатов Второй мировой войны. И Калининградская область – это тоже результат Второй мировой войны.

В 1991 году первый президент независимой РСФСР Борис Ельцин сказал, обратившись к руководителям национальных автономий России: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить!» Вот все и проглотили: в Карелии смогли проглотить немножко, в Калмыкии – чуть больше, в Чечне проглотили все. Даже и столицу России покусывают, у Кремлевской стены постреливают.

А вот Калининградская область, хоть и не является национально-культурной автономией, немножко подавилась своим историческим прошлым. К западу и востоку от этого российского анклава, откуда после войны тоже изгнали местное население, – в Польше и Литве – мало-помалу возрождается цивилизованная жизнь. На Куршской косе – в той части Восточной Пруссии, которая отошла к Литве, есть, например,

городок Нида (бывший Нидден), где имеется дом-музей немецкого писателя Томаса Манна. Этот антифашист, бежавший впоследствии из нацистской Германии, жил в Ниддене в самом начале 1930-х годов, и музей его открылся в глуховатые советские годы. Почему-то в российских соцсетях на демотиваторах то и дело встречается противопоставление дома Канта вилле начальника РЖД и тоже, по совместительству, философа — Владимира Якунина.

Сравнение не вполне удачное: Якунин, слава Аллаху, жив и сам может позаботиться о своем скромном обиталище, а Кант, как и Томас Манн, давно умерли. Важно, кто и как позаботился о местах их временного пребывания на этой земле.

Канту не повезло быть когдатощим населником Калининградской области, как не повезло и самой этой части Восточной Пруссии. Почему немецкое прошлое этой земли не удалось освоить в советское время? Ведь, казалось бы, даже Иммануил Кант как подданный российской короны мог бы изучаться в курсе истории философии народов СССР, поскольку никогда не покидал территории СССР. Вот и встретился бы с соплеменниками, переселившимися в глубины России аж в 18-м веке. Загвоздка в том, что их потомков, немцев, депортированных из Поволжья в Казахстан в начале Второй мировой войны, никак нельзя было туда переселить. Короткое замыкание бы получилось. Вроде как признание чужого исторического прошлого.

После 1945-го и там, в бывшем Кенигсберге и окрестностях, вымарали все немецкие названия. Куда круче обошлись, чем в Крыму — с татарскими или с настоящими греческими. Бахчисарай, например, пришлось оставить — из-за Пушкина. А крымско-татарский Карасубазар или греческий Капсихор замазали новыми и по-своему содержательными именами.

А в Калининградской области философа-неудачника Канта переселили в село Веселовка. Надо сказать, что и немцы в 1938 году переименовали село с подозрительным названием Юдшен в Кантгаузен, по-русски говоря «домик Канта», но название продержалось всего восемь лет, и вот уже семь десятилетий оно у нас — Веселовка.

К слову сказать, примерно в это же время, в 1948 году, переименовали в Веселовку и крымско-татарскую деревню Отар в степном Крыму. Так он до сих пор и называется Веселовкой, этот самый Отар.

Но вернемся к Канту. Домик, в котором Кант жил в качестве *studiosus philosophiae* и домашнего учителя с 1747 по 1750 годы, принадлежал лицам духовного звания. Местность эта в первые годы 18-го века была опустошена чумой. В обезлюдевший Юдшен пригласили переселенцев из далекой Швейцарии, да еще и франкоязычной. Жизнь общины протекала на двух языках — языком богослужений был чуть ли не до начала 19 в. французский, языком образования — латынь, с немногочисленными остававшимися местными жителями швейцарцы-колонисты говорили по-немецки. Кант был домашним учителем и преподавал на латыни.

Городок развивался и рос. В середине 19-го века через Юдшен провели железную дорогу, которая соединила Кенигсберг с городком Эйдткунен на границе с Литвой. Ныне этот Эйдткунен называется Чернышевское.

Но Кант расцвета городка не дождался. В 1750 году он переехал ближе к Калининграду, в Николаевку (она тогда называлась по-прусски Капустигалль, или *Waldburg-Capustigall*), и уже оттуда, благодаря новым связям и знакомствам, ему удалось пробиться в профессуры. Поскольку во время Семилетней войны на места эти распространялся суверенитет российской короны, Кант обращался с соответствующими прошениями к императрице Елизавете. Здесь, собственно, и пряталась возможность поместить отца немецкой классической философии в курс «Истории философии народов СССР». И дело было бы в шляпе.

Если бы только Кант не был лохом. Если бы он не был идеалистом и пацифистом.

Ведь чего, спрашивается, добился этот, с позволения сказать, «философ»?

Даже сохранившееся жилище из красного кирпича, пережившее и Первую, и Вторую мировую, выстоявшее и в позднесоветское время, духу философа отстоять не удалось.

Не справился Кант с задачей, которую когда-то поставил перед собой. Не разглядел чужого звездного неба над головой. Не познал и нашего местного нравственного закона.

Правда, наши безымянные пользователи, бродяги Северного Крыма, написав свой вердикт — «Кант — лох», все-таки добавили важные пиктографические комменты: сердечко и цветок. На языке современных граффитчиков это знаки любви и толерантности.

Пруссы и швейцарцы, немцы и литовцы — кто только ни жил в этих краях. Сегодня советский череп смеется по-русски — и над Кантом, и над всеми своими согражданами.

5 апреля 2015

Ислам, шум-гам, вигвам

Предложить людям быть свободными и практиковать сложность, конечно, можно. Но автор такого предложения рискует: вдруг ему скажут «спасибо» и просто разбегутся?

Вот почему люди, захватившие власть в стране, таких предложений обычно не делают. Наоборот, они начинают всячески предохраняться от рисков. Как получается, что в этот самый момент они забывают всю историю человечества, которую проходили в школе, я не знаю. Но факт остается фактом: цензура, это глупейшее изобретение человечества, — первое, за что хватаются властители, которые приступили, как им кажется, к вечному правлению.

Люди моего поколения большую часть жизни прожили в советской вечности. Цензура в ней играла первостепенную роль. Ясное дело, десятки, сотни имен не допускались на страницы книг, газет и журналов. Писатели отвечали на это эзоповым языком. Читатели страшно радовались, когда цензор дремал, и им удавалось перемигнуться с писателем. Массы людей вместо того, чтобы вслух обсуждать проблемы своего общества и государство, травили жизнь на игру с чужим маразмом.

Нормальных людей все это не устраивало. Так появился самиздат. Страх перед самиздатом был у советских властей совершенно иррациональный. Ведь если ты признаешь угрозу твоему режиму в рукописных или машинописных листках, которыми обмениваются всего-навсего десятки людей, то ты и в грош не ставишь ни подконтрольные тебе миллионы сограждан, ни собственные мысли.

Мысль цензора парализована страхом собственной неполноценности. А страх усугубляет ошибки. Цензор превращается в шута горохового. В связи с наступающей весной хочется привести примеры повеселей. Одна история случилась с моим отцом. Для серии «Библиотека поэта» отец готовил собрание стихотворений азербайджанского поэта Сабира — сатирика, который имел счастье умереть до советской власти, в 1911 году, и широко издавался

в СССР как демократ и беспощадный, но талантливый критик всякого религиозного мракобесия. Тем временем шел 1979 год. В Иране прогнали шаха, и власть взял аятолла Хомейни. Бывшему другу Америки надо было срочно предложить нашу, советскую дружбу. Цензоры всех издательств получают указание убрать критику ислама. Из Ленинграда приходит распоряжение «смягчить». Вот тут у Сабира «Ислам идет!» – это никуда не годится. Давайте напишем «Шум-гам идет!» Кому надо – догадается, а то Иран оскорбится. Иран, правда, оскорбился совсем другим – вторжением советских войск в Афганистан. Но перетягивание каната с беднягой Сабиром тянулось до 1983 года, и книга вышла с цензурными искажениями. Но они не помогли ни-ко-му.

Цензурное око смотрело вглубь истории. Плутарх писал свои сравнительные жизнеописания почти две тысячи лет назад. Описывая авантюриста и красавчика Алкивиада, Плутарх пишет, что, когда Алкивиад был юношей, «ради него жены бросали мужей, а мужья жен». Прочитывать эту изящную фразу мне не позволили – оставили только жен, бросающих мужей. Ссылка на то, что эта фраза напечатана в советском издании Плутарха, не работала: «То Плутарх – для специалистов, а то – советский автор, который должен думать, что можно цитировать, а что нельзя».

Маразм был очень популярным советским философским термином в начале холодной войны. Ловкие люди пользовались им, чтобы хоть как-то знакомить своих студентов с современной западной философской литературой. В 1947 году Бернард Быховский прочитал лекцию «Маразм современной буржуазной философии (о семантическом идеализме)». Но и цензура не дремала. Знаем мы, для виду говорят «маразм», а сами «протаскивают».

О содержании одного из номеров журнала «Вопросы философии» за 1948 год цензура направила донос восходившей звезде советской идеологии М.А. Суслову: «Товарищ Шишкин в статье о маразме англо-американской морали старательно воспроизводит многочисленные высказывания буржуазных ученых и писателей по вопросам морали и этики, но не дает глубокого классового анализа существа этих высказываний, не показывает маразм и разложение современной буржуазной этики».

Этот вопль – «так где же маразм?!» – прямиком выбрасывает нас в сумеречное сознание прокурорских работников, которые возбуждают уголовное дело против магазина оловянных солдатиков.

Если кто не знает, СССР и его союзники одержали славную победу над нацистской Германией. Было такое государство. У него была мощная армия. Танки-тигры, автоматы-шмайсеры. Самолеты были. С детства помню эти названия. Мессершмит, фокке-вульф. И вот наступили такие времена, когда мальчишки могут изучать Великую Отечественную войну в игре. Купить солдатиков воюющих сторон, нарисовать карту, разыгрывать баталии. Черт побери, именно так в 19-м — начале 20-го века играли в солдатики повсюду в Европе и в России. Вот — армии Наполеона, вот — армии австрийцев, вот — немцев, а вот и русская армия. Флаги, знаки, штыки, барабаны. А как играть-то? С кем воевали? Была ли она, эта война?

Ну, у цензуры всегда наготове аргумент: а ну как детям понравится свастика? весь этот культовый нацистский антураж?

Дяденьки, скажу вам шепотом, на ушко: весь этот культовый нацистский антураж нравится вам самим. Перенос культовой цензурной практики на детскую игру, на игрушечные бюсты нацистских бонз и повязки со свастикой на игрушечных эсэсовцах, — это и есть практика, оказывается, не до конца побежденного фашизма в чистом виде.

В предзакатном СССР были литературно-общественные семьи, старшие члены которых оставались в обойме главных писателей Страны Советов, а младшие — уже нет. Так, Корней Чуковский был официальным советским писателем, а его дочь — Лидия Корнеевна — преследовалась и за собственную литературную деятельность, и за открытую поддержку, которую оказывала, например, Солженицыну. Никакой возможности увидеть ее имя у советского читателя тогда не было.

Но это только так казалось. Потому что цензура-дура. Чуть ли не в каждом советском доме была сказка в стихах, которую мы читали в детстве сами, а потом давали читать детям. Хитрый Корней Чуковский приделал к стихотворению всего две собственные строчки. Но ради этих двух строк мы покупали эту книгу, чтобы прочитать вот что:

*Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю.
Придет серенький волчок,
Он ухватит за бочок.
Он ухватит за бочок*

*И потащит во лесок,
Под ракитовый кусток.
К нам волчок не ходи,
Нашу Лиду не буди.*

Лидию Корнеевну Чуковскую, автора «Софьи Петровны» и Эккермана Анны Ахматовой, великую женщину русской литературы 20-го века, упустили церберы-цензоры. Тотальный запрет на публикации в СССР продержался для нее с 1974, когда ее исключили из Союза писателей, до конца 1980-х.

Почему же эта «маленькая», слабая, полуслепая Лида победила больших, сильных мордovorотов-цензоров, всю эту, так уж и быть, вовсе не всегда тупую чекистскую свору?

Потому что она знала страх, но все-таки не боялась, преодолела его. А цензоры живут в вечном страхе, хоть, может быть, и не всегда понимают это. Они отвечают за полную безопасность режима. Купируют все риски. Блокируют все попытки других сказать и показать то, что было и есть. А все напрасно. Обидно, правда? А не надо быть пельменем голландским.

19 апреля 2015

Все оттенки черного, серого и красного

14.04.2015   Лекция Игоря Стрелкова в РАНХиГС.

В далекие 1970-1980-е годы в «Литературной газете» – тогдашнем очаге советского либерализма – время от времени появлялись статьи с таким мощным разоблачительным потенциалом, что общество с ним справиться никак не могло.

Одна такая статья называлась «Кто убил Гая Цезаря?» В ней рассказывалась история убийства сенбернара, убийства, конечной целью которого было изготовление шапок-ушанок. Газета, очевидно, рассчитывала на общественный резонанс, даже на очистительный приступ собако- и, как следствие, человеколюбия. Но резонанс оказался совсем не тот.

Несколько месяцев спустя после публикации статьи довелось мне попасть в город Чебоксары – с лекциями по линии общества «Знание». Контора эта хорошо обходилась со своими лекторами.

На два или три бесплатных или крайне скупо оплачиваемых выступления приходилась одна действительно гонорарная лекция. Но тут была типично советская заковыка: обычно гонорар этот выплачивался натурой, или той продукцией, которую производили там, где выступал лектор.

В Чебоксарах я читал лекцию о Дионисийском культе в крупном универмаге, заняв этой, прямо скажем, не самой животрепещущей для трудящихся темой время, отпущенное на обеденный перерыв. Мне было известно, что эта лекция – платная, но по ходу дела я как-то позабыл об этом, и вспомнил только после лекции, когда ко мне подошла взволнованная директриса и вручила аккуратно и довольно туго перевязанный нарядными подарочными лентами сверток, который я тут же спрятал в свой весьма вместительный портфель, порадовавшись, что гонорар мой совсем не тяжелый.

Только в пустом купе я решил без свидетелей глянуть на свой улов. Из свертка выпрыгнуло что-то живое! Это освободилась от оков большая собачья ушанка. Поскорее, пока не вошли попутчики, я засунул шапку обратно в портфель. Соседями же моими оказалась добропорядочная чета из города Канаш. Всю ночь я слушал жалобы жены мужу на непереносимый запах псины, к которому сам я успел привыкнуть, ибо знал, что это – моя шапка. Но по приезде в Москву сдал подарок в комиссионный магазин. Там на запах внимания не обратили, а уже через несколько дней я пришел и за деньгами: чья-то убитая собака обеспечила меня, невольного соучастника, аж месячной зарплатой.

Значит ли это, что собак резали читатели «Литгазеты»? Конечно, нет. Газета ведь только сообщила об этом явлении.

Но сообщила не как о факте, а с морализаторским надрывом. Между тем, задача СМИ – не поддаваться на эмоции. Сообщать о происходящем. Но вот – кому сообщать?

Слабаки и шпаки часто высказываются в таком смысле, что, мол, не годится правительствам некоторых стран политически вознаграждать своих сограждан-убийц (или подозреваемых в убийстве – с целью укрыть их от правосудия). Слабак опасается, что человек, совершивший безнаказанное убийство, вероятнее всего, с большей легкостью может совершить следующее. А главное опасение такого слабака – выводы, которые сделают из подобных назначений люди молодые, только-только вступающие в общественную жизнь.

14 апреля 2015 года в одном учебном заведении Москвы по приглашению декана выступил некий отставной военный по фамилии не то Гиркин, не то Стрелков, совершивший – по собственным признаниям и по сведениям СМИ – многочисленные преступления на территории сопредельного государства.

Человек-декан тоже проводит спецоперацию: зазывает в актовЫй зал не вообще студентов, а отобранных, готовых еще раз послушать рассуждения предполагаемого преступника о «геополитике» и прочих премудростях, которыми этот самый Стрелков-Гиркин сначала обосновывал для себя, а теперь оправдывает перед другими развязанный им лично разбой на территории сопредельного государства.

Россия – государство большое и многоукладное. Многоукладно и российское право. В одних углах Конституция и остальное законодательство РФ действует, в других – как бы лежит под паром, в третьих – давно уступило под натиском Дикого Поля. Популярное в российском обществе название «Пятьдесят оттенков серого» стало девизом последних трех лет и дает ключ к пониманию происходящего.

Когда газета рассказывает всем, что некие негодяи убивают мохнатых собак, чтобы наделать из шкуры шапок, читатели ворочаются по ночам по разным причинам. Одни волнуются за своих питомцев, другие прикидывают, как бы и им открыть свой маленький бизнес. Но между ними – «пятьдесят оттенков» бессердечия, жестокости, жадности и страха.

Когда газеты пишут о возвращении в Россию головореза из несостоявшейся даже в его сумеречном сознании «Новороссии», читатели тоже ворочаются по ночам по разным причинам.

Одни опасаются за жизнь и здоровье нормальных людей, другие мечтают, чтобы таких гиркиных-стрелковых развелось побольше. Ведь так еще мало людей, думают эти деканы, убили в России из-за чьих-то бредней. Ведь не было еще ни первой мировой, ни гражданской, ни второй мировой, ни афганской, ни чеченской войн, думает декан. А если они и были, то самому декану, видно, скучно без повторения. Пока еще между ностальгией по ушедшей советско-чекистской молодости и мечтой о расширении сегодняшней кровавой агрессии РФ против Украины – «пятьдесят оттенков» безмозглости и подлости.

Одних в этой многоукладной Российской Федерации щедро вознаграждают за кровопролитие или даже предполагаемое кровопролитие, за самосуд.

Других сажают в тюрьму за то, что попались под руку проходящему мимо полицейскому.

Между наградой одним и карой другим – все оттенки черного. Не знаю, почему некоторым людям нравится распространять моду на спецоперации, на нераскрытые и безнаказанные убийства. Разумеется, есть что-то захватывающее в самом быстродействии перехода от рассуждений о «геополитике» к убийствам политических оппонентов, к забрасыванию в соседнюю страну головорезов-диверсантов, которые по возвращении на родину с даже плохо выполненного задания приступают к просвещению студенческой молодежи.

Правда, они пока не рассказывают публично, как убивали и пытали сами. Но зато делятся мнением о великом заговоре Америки против России.

«Лекция писалась на коленке и не претендует на научность», – признается Гиркин-Стрелков. Однако основана она, по его словам, только на беспримесных «фактах».

Фактами этот мужчина в белой рубашке и красном галстуке называет такие скучные вещи: «очевидное загнивание англо-саксонской цивилизации» и попытки этого полумертвого бывшего гиганта утащить с собой в небытие и нашу переживающую сладостное возрождение страну.

Конечно, спроси его об этом, и наш воин, реконструктор-конструктор, возбудитель новой братоубийственной войны, непременно расскажет. Любимые его словечки, которые важно сохранить для потомства, это – «живое общение», желание поговорить «вживую». Когда ни теория не мешает, ни знания не нужны.

И все же доказательства правоты нашего рыцаря имеются. Их два.

Первое: сам признавшийся в совершенных убийствах, в том числе – в уничтожении малайзийского Боинга, который, правда, принял за транспортный АН-26, Гиркин-Стрелков так и не привлечен пока к ответственности.

Второе: благодаря выступлению перед студентами РАНХиГС, МГУ и МГИМО, которое модерировал аж целый декан или завкафедрой политологии политического управления, Гиркин-Стрелков плавно переходит из головорезов в публицисты.

В принципе, традиция эта – старая. Например, бывший киллер-интеллектуал НКВД И.Р. Григулевич, организовавший первое неудачное покушение на Льва Троцкого и предлагавший Ста-

лину убить Тито, был брошен на академическую работу. Говорят, у Григулевича было больше оттенков серого. Да и серого вещества хватало, чтобы сексотскую деятельность свою не афишировать. И если бы не воспоминания другого чекиста-убийцы – Судоплатова, о славном прошлом Григулевича, может, и не узнали бы.

Сейчас-то времена посвободнее. И российское академическое сообщество уже побаивается, но еще может называть вещи своими именами. Ведь к геополитическому стаду, собранному для встречи с Гиркиным-Стрелковым в московском вузе, этот певец «Новороссии» пришел только за шкурой. На чужой земле, где он резал других, его ждут совсем другие собеседники.

Да и мода на геополитических баранов пройдет. Как прошла мода на собачьи ушанки.

3 мая 2015

С полей доносится косплей

Косплей не только поглотил в массовом сознании мелкие культы двойников Элвиса Пресли или Дракулы, но и клонировал целые армии. Не только Ленин и Сталин на Красной площади, но и толпы реконструкторов великих сражений были клонированы дивным косплеем.

Сколько себя помню, заводил картотеки. Каталожные ящики все бывали разной длины, а вот сами карточки – калиброванные, с дыркой внизу по центру для нанизывания на шпильку.

Был у меня каталожный ящик, подаренный коллегой из одного московского издательства, которое как раз начали, как тогда говорили, приватизировать. Ящик был добротный, и впоследствии его тоже украли из кладовки в подвале моего дома, где пережидал ремонт. На ящике было написано «Вещи Мнемозины», а на каждой карточке – маленькая история забытых слов, описывающих изделия, назначение которых перестало быть понятным. Обычно тогда, в конце 1970-х, такие старые новые слова попадались человеку при чтении литературы. Вот, например, один из персонажей Тургенева рассказывает о беседе со старым боевым генералом, который жаловался, что «отбил себе курпей». Что это за курпей такой, недоумевает герой Тургенева. Вроде бы это какой-то шишак или меховой бунчук, как же это мог отбить себе генерал. Или вот еще какое слово там было – астрагал – название косточки, которая ока-

залась уязвимым местом сразу нескольких персонажей греческой мифологии: так греки называли то, что мы знаем, как «Ахиллесову пятку», и то, что мы называем седьмым позвонком.

Когда картотеку украли, я очень горевал, ведь на ее составление, — пусть это была и попутная работа, — ушло несколько лет. Однако техника забрасывания карточек в каталог не меняется: удивительное пересечение названия одной из костей скелета и обозначения нескольких событий из древнегреческой мифологии показало, что некоторые вещи, которые кажутся никак не связанными, на самом-то деле образуют поплавки над сетью. Вот почему, услышав иной раз непонятное слово, неведомо зачем попавшее в наш язык, можно получить ответ на какой-нибудь другой, более серьезный вопрос.

От бывшей студентки — уроженки сибирского Томска — я впервые услышал новое русское слово «косплей» спустя несколько лет после того, как отгремели споры о его происхождении и относительной (не)нужности. Но мы живем в такие времена, когда некоторые слова не исчезают только потому, что ими пользуются всего-навсего десятки людей. А косплей, как писали в советских газетах, получил прописку в речевом обиходе сотен тысяч россиян.

О том, как эта аббревиатура с буквальным значением «костюмированная игра» обаяла любителей японских аниме и манги, уже написаны книги. От Википедии до Абсурдопедии — кто только ни писал об этих странных современных людях, уже и о подростковой молодежи, а теперь и о вполне взрослых людях, а местами и о стариках, которые вдруг на наших глазах стали воплощением кукол, мультфильмов и комиксов собственного детства, ожившими персонажами исторических фотоальбомов и фантастических сериалов. В Японии это началось примерно тогда, когда в бывшем СССР началась перестройка, в конце 1980-х годов. Советские люди шли к простому и ясному светлому демократическому будущему, в то время как разочарованные чересчур механизированной реальностью молодые японцы захотели переодеться в фантастические или, наоборот, очень точно воспроизведенные древние наряды своих предков и — новомодных героев, вспорхнувших из-под пера магов, которых называют графическими дизайнерами.

Японская мода распространилась по свету. Она сходилась с другими модами и оплодотворяла их. Субкультура косплея про-

никла и в Россию. Но фестивалями аниме и манги дело не ограничилось. Одно из свойств эстетики косплея — внимание к детали, к вещи, к антуражу. Другое свойство — безразличие к тому, а кто он вообще, твой персонаж — черт или ангел, бессловесная кукла или вампир. Косплей не только поглотил в массовом сознании мелкие культы двойников Элвиса Пресли или Дракулы, но и клонировал целые армии. Не только Ленин и Сталин на Красной площади, но и толпы реконструкторов великих сражений были клонированы дивным косплеем.

Параллельная жизнь, в которой воображаемое прошлое и воображаемое будущее на полном ходу сталкиваются в настоящем и сплющивают его.

Косплей — дело дорогое. Представьте себе, например, байкеров, которые рвутся на Берлин, желая повторить подвиг нескольких советских армий. Или родителей детсадовцев, для которых в преддверии Праздника Великой Победы шьют солдатскую форму времен Второй мировой войны.

Или предпринимателей, все доходы которых вложены в дорогую иномарку в России и так называемый отдых за границей. Машина снабжена желто-черной косплей-ленточкой, за рубеж он вывозит ельцинский республиканский триколор, а представляет фантастическую Империю Обеих Евразий.

В Японии, понятное дело, в центре военного косплея — самурайский меч. Не иначе и на Руси. Глава Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Валентина Матвиенко сшила себе косплейский костюмчик цвета хаки и собрала на косплей-утренник глав бывших советских городов-героев и вручила всем золотые мечи. Размером с натуральный меч. Из позолоченной стали.

Абсурдопедия не слишком далека от истины, когда пишет: «В разговорном русском языке слово «косплеить» сократилось до «косить». Косплей настолько полюбился русским людям, что они стали косить не только под персонажей онемэ, но и под лодырей, больных и даже под предметы быта (чайники, валенки)». Шутка, конечно.

Не знаю, как с предметами быта, но иногда косплей приводит к полному разрушению быта в регионе проведения соответствующего фестиваля.

Так, косплей-мастера по игре в «Новороссию», гиркины, бородаи, захарченки, нарядившись в униформу не всегда понятных

родов войск и воинских частей, под флагами не существующего ныне и никогда не существовавшего прежде косплей-государства, ухитрились уничтожить мирную жизнь в довольно депрессивном регионе Украины.

Чтобы поддержать товарищей, косплей-аниматоры высокой политики прикинулись ветеранами-реконструкторами, заставив полстраны нацепить на себя хотя бы банты или желто-черные шарфики. Никакого практического содержания, кроме весьма вероятной угрозы перебранки между людьми вследствие неполного понимания всей этой символики, у косплея нет. Он — только игра. Сколько бы времени человек, нарядившийся товарищем Сталиным, ни провел на тусовке с себе подобными, он не проживет жизнь своего персонажа и вряд ли станет свидетелем чудесного наступления большого террора или парада победы.

«В результате отравления аниме, — объясняет нам Абсурдопедия, — набор ролей резко меняется: человек, считавший себя адвокатом, алкоголиком или водителем троллейбуса, начинает считать себя самураем, дикобразом, даосским монахом или девочкой-волшебницей».

Постепенно в косплей может превратиться даже политическая экономия довольно большой страны. Например, в России у слова «косплей» есть политический синоним — «вежливые люди», есть и экономический — «импортозамещение». Гражданам предлагают наряжаться в их собственные костюмы советского прошлого и вернуть себе органолептическое ощущение от советской гастрономии. Это — очень дорогой антураж. Для эдакого косплея российскому государству пришлось отказаться от импорта, на первый взгляд, мелочей вроде французских сыров или вин. В ходе игры, однако, большинство играющих уверовало, что продовольственное эмбарго — инициатива супостата, злого Запада, а вовсе не заигравшихся в ролевую игру руководителей Российской Федерации.

Получается, что русскому языку очень даже пригодилось слово косплей. Из далекой середины нулевых оно объясняет нам игровую подоплеку происходящих событий. Вы спросите, как же остановить эту игру? Не знаю. Для этого надо сначала найти слово. У меня в картотеке такого пока нет.

24 мая 2015

Сверхновый русский язык уходит от погони

19.05.2015

Владимир Путин на заседании совета по
межнациональным отношениям и русскому языку.

В Кремле, там, где, говорят, сосредоточена государственная власть Российской Федерации, принято очередное мудрое решение – создать для языка, имеющего хождение в Кремле на правах государственного, особые, новые условия.

Для начала на важном совещании в присутствии самого главы государства принято правильное решение о выводе этого языка в системе образования из предметной области «филология». Это надо было сделать давным-давно. Еще в 1928 году Осип Мандельштам писал: «Чем была матушка филология и чем стала... Была вся кровь, вся непримиримость, а стала псякрев, стала всетерпимость...»

Слова великого поэта в переводе на государственный язык РФ звучат так: «Государство должно постоянно повышать качество обучения наших детей русскому языку независимо от их места жительства и специализации школы. И в этой связи не могу не согласиться с теми специалистами, с филологами, учителями, общественными деятелями, которые считают, что необходимо выделить русский язык и литературу в самостоятельную предметную область в системе общего образования».

Все понимают, что с русским языком что-то не так. Вроде и филологические науки есть, несколько институтов старательно изучают его. Заграница изучает. Госдума в последние годы взялась за русский язык. А народ-богоносец от всего этого величия отворачивается.

*Мало и бедно пиша,
лепит ошибок до шиша.*

В устной речи не может не допустить погрешностей против высокой духовности. По-прежнему, как в старые времена, любит сквернословничать в бога-душу-мать, а кого норовит и недалеко послать.

Мало того! Какие-то неизвестные богохульники посягнули на азбуку нашу святую, чтобы нечистые свои матерные слова сокращенно изображать: то к букве П хвостик от Ц пририсуют, то к

букве Б нашей богатырской тремы от буквы Ё приколотят, а то сведут воедино и вовсе Х, У да Й. И всей этой гадостью заполняют эти ваши интернету.

Сколько лет, сколько десятилетий ограждали олухи-филолухи наш богоспасаемый народ от этой напасти. Власти – советские еще! – аж три поколения помогали в этом богоугодном деле. Но что-то не задалось. Не получилось. Почему не задалось дело «сбережения» и «сохранения»?

Многие спрашивают, да не супостат ли запустил «программу» какую зловредную. Мало им было, гадам, Советский Союз распустить, так еще и на русский язык порчу напустили.

Поднизом, стало быть, сквернословия матерного набуровили, сверху американизмами своих дискурсов ученых надымили, а нам оставили одну полоску, да и ту – несжатую. Курицу выпустить негде, как говорил товарищ Сталин.

Руководство заволновалось: даже взятое им под опеку население с помощью этого привычного и, главное, почти всегда бывшего бесплатным средства – языка – не удастся ни собственным населением управлять, ни, тем более, остальной мир убедить в святости и чистоте наших помыслов, целей и задач.

Дело серьезное: малограмотным населением, догадывается начальство, управлять, видать, не получится. Тут еще такая закавыка: на заре Советской власти, в молодые годы чекистской бабушки нынешних российских руководителей, большинство неграмотного населения бывшей империи получало грамотность в одном флаконе с новой политической доктриной. Как к ней ни относиться, но у тогдашней грамотности номинальная цель была просветительская. Даже Академию наук тогдашняя власть себе решила до конца не подчинять. Понимали: есть нечто такое, что властям неподвластно.

Обломал товарищ Сталин зубки о вопросы языкознания. Филологов загубил немерено, филологию ввел в то самое состояние, о котором Мандельштам говорил. Но язык на его мозгобойство окаянное и ответил.

Не только с великими писателями, которых в России никто и не прочитал – ни с Шаламовым, ни с Солженицыным не справилось умственно и душевно покалеченное племя советских людей. Даже и подохнув, Сталин на три поколения вперед отравил язык своих последышей. Язык ответил небрежением. Почему же ему не поможет сбережение?

«Для каждого народа вопрос сохранения родного языка – это вопрос сохранения идентичности, самобытности и традиций», – написал какой-то умник в речуге для президента РФ. А тот и озвучил. Не-е-ет, господин президент. Для каждого народа это как раз не вопрос. Народ не задается вопросами «сохранения идентичности, самобытности и традиций». Народ примеривается к завтрашнему дню, смотрит, что ему пригодится, а что нет. И если пригождается почему-то матерок, стало быть, матерком и будет выражаться. И английские слова будет предпочитать русским, когда надо будет. Хоть кол ему на голове теши.

Но и не сказать, что слова «идентичность», «самобытность» и «традиции», как теперь говорят, ни о чем. Этот набор слов очень точно выдает опасение говорящего, что при нынешнем состоянии общественной грамотности нынешним российским властям никак не удастся сохранить свою «идентичность», «самобытность» и «традиции».

Иначе говоря, никак не получится зарезервировать за собой власть надолго. Отсюда и разговор о «сбережении языка».

Потому что Советский Союз развалился в тот самый момент, когда, несмотря на все тогдашние усилия по «сбережению» русского языка как языка «межнационального общения» (была такая формула в дышавшем на ладан совке), у людей, населявших этот союз, общего языка как раз и не стало.

Вернее сказать, та его казенная, деревянная версия, на которую и сейчас намерены перевести население в Российской Федерации, перестала восприниматься людьми как этот самый общий язык «идентичности», «самобытности» и прочей довольно лживой хрени, предлагаемой «народу» в качестве «скрепок и кнопок».

Все в СССР оказалось проще: врать надо было меньше. А людям разрешать, наоборот, больше. Не справились с задачей носители русского деревянного языка как государственного.

Особенно, до слез, смешно, когда чекисты и причекищенные ученые и сейчас начинают употреблять выражение «предметная область».

Да, границы «предметных областей» в науке то и дело меняют очертания. Но расширение этих границ обеспечивается только успехами той или иной предметной области. Например, успехи в области нейрофизиологии и психологии позволили развить науку нейролингвистику. А успехи в области социальных и политических наук дали бы много и науке социоллингвистике. Только наука

ведь занимается сущим, а не должным. Тем, что есть, а не тем, что хочется начальству. Изуродовав политическую систему, задушив демократические институты, трудно остаться один на один с языком нравственно покалеченных несвободных людей. Трудно оставаться грамотным народу, оболваненному пропагандой.

Не знаю, нужно ли властям опасаться, что, стоит только русским людям стать грамотнее, оставаясь в предметной области международной науки филологии, и они начнут разбираться в алогизме и лживости собственного политического руководства. Разбираться, может, и не начнут, но вот только сбегут от этого руководства при первой возможности. Как это уже сделали в девяностые и нулевые годы миллионы математиков, естественников и прочих «засекреченных ракетчиков».

А население, которому вполне грамотная банда пропагандистов впаривает, например, ненависть к самому близкородственному языку и к его носителям – украинцам, никогда не овладеет литературным русским языком: он ему просто не нужен. Как говорил Виктор Шкловский, нельзя объяснить аромат дыни человеку, который всю жизнь жевал шnurки.

«Российская Конституция гарантирует право всех народов на сохранение родного языка и создание условий для его изучения. Республики вправе устанавливать свои государственные языки и использовать их в работе органов госвласти и местного самоуправления», – заявил президент и в качестве примера привел Крым, где «действует три равноправных языка – русский, украинский и крымско-татарский». Надо же, в составе Украины на 600 русских школ в Крыму было всего несколько украинских. А вот в Российской Федерации, где украинцев проживает несколько десятков миллионов, как там с школами на украинском языке?

Получилась прямо-таки проговорка по Фрейду. Конституция России, главный политический документ, написанный на русском языке, категорически запрещает нападать на соседние страны и захватывать чужую территорию, на каких бы языках там ни говорили. Вот почему на свободном русском языке не стоит создавать тексты, которые, например, оправдывали бы нападение на Украину и разграбление этой страны, как и любой другой, входила та в состав СССР или нет.

Чем больше на вашем языке производится безнаказанной лжи, тем меньше шансов, что его захотят использовать, учить и любить. Не другие, нет – вы сами, граждане. С кого нет спроса,

от того и толку нету. А сверхновый русский уходит от погони неведомыми тропами.

7 июня 2015

Русский язык литовского разлива

02.06.2015

Фотопроект Беаты Тышкевич-Хасановой и Неринги Рякашюте «Они выиграли в лотерею».

Сейчас о русском языке в бывших колониях Российской империи и СССР говорить стало трудно. Если под довольно тухлым предложением защиты «русского мира» у Российской Федерации получилось оттяпать столько чужой земли у ближайшей союзницы – Украины, то что же Россия может учудить в других, куда менее населенных соседних странах?

Правда, Литва, говорят, лучше всего защищена от угрозы российского вторжения как раз тем, что доля русскоязычных здесь намного ниже, чем в Латвии или Эстонии. Кроме того, сегодняшняя повседневная житейская практика людей в многонациональной Литве так тесно переплетена с большими историческими эпохами и такими людскими потерями, что сама мысль о повторении в какой бы то ни было форме вооруженного противостояния кого бы то ни было с кем бы то ни было выводится за скобки любых дискуссий.

Но война в Украине вызвала в Вильнюсе, как выражались советские официальные лица, крайне нервную реакцию. Несмотря на членство в НАТО и на право воспользоваться помощью альянса в случае такой агрессии. Все-таки старый советский начальник, недавно сбросивший не только маску, но и одежду цивилизованного соседа, не мог не смутить европейское спокойствие. Президент Литвы обвинила большого соседа в «государственном терроризме», а потом в Вильнюсе приняли закон, вернувший воинскую повинность, пусть и в смягченной форме.

Всего этого, может быть, никто и не заметил бы – в силу привычки игнорировать слова и действия таких маленьких, таких геополитически незначительных стран, как Литва, когда дело идет о споре больших панов. На их, панов, больших и распространенных языках.

И все-таки к некоторым ключевым русским политическим словам, рожденным в пространстве бывшего Союза ССР, но не в

самой Российской Федерации, хочется прислушаться. Вернее так: нужно прислушаться. Литовский Сейм ведь не просто так публикует все свои материалы еще и на русском языке. Используя его как язык межнационального общения.

Но в демократическом обществе бывает так, что слова все правильные. И все-таки чего-то не хватает. Уточнения, которое позволяет не попасть в тень врага. В нашем случае это значит не начать говорить на том варианте русского языка, которым пользуется нынешнее руководство Российской Федерации.

На этот раз такое уточняющее слово произнесли сначала по-литовски, а потом перевели на русский две художницы: актриса и популярная в Литве телеведущая Беата Тышкевич-Хасанова и фотограф Неринга Рякашуте. После принятия Литовским Сеймом огромным большинством голосов закона о восстановлении всеобщей воинской повинности Беата Тышкевич-Хасанова вспомнила, видимо, 33 параграф еще одной конституции, опубликованной в Вильнюсе на двух десятках языков в вольном районе под названием Ужупис. И этот параграф гласит: «Каждый имеет право плакать». Полтора десятка молодых мужчин города Вильнюса оделись в солдатскую форму, чтобы попозировать со слезами на глазах. Плачущие солдаты, да. А что делать, если эмоции толкнули парламентариев в тень врага?

С двух сторон схватились за совковые лопаты и литовские записные патриоты, которые усмотрели в фотосессии плачущих призывников «предательство национальных интересов», и российские перцы-имперцы: «Гляди-ка, литовцы признали, что их солдаты умеют только плакать!»

Вся мифология бесслезного солдатского мужества всплыла в этом разговоре. Ну, благодаря «скупой мужской слезе», не совсем бесслезного, а просто якобы неслезливого. Природа человека такова, что слезы проливают все – больше в раннем детстве и в старости, но – все. Мальчикам и солдатам, говорят, плакать не полагается. Маяковский, помнится, писал, что совсем не умеют плакать большевики. Что, мол, если бы выставить в музее плачущего большевика, то в музее собралась бы толпа. Но я сейчас не о задолбавшем краснобайстве о «душащих слезах», которые тонут в мужестве.

Моя речь – только толкование художественного жеста, автором которого стала актриса и философ.

Почему плачущие солдаты Беаты Тышкевич так всколыхнули и тупых, и глумливых остроумцев по обе стороны границы?

После двух мировых войн, которые велись из символических и идеологических соображений, начинать третью? Особенно это касается Российской Федерации, где вместо оплакивания жертв давно практикуется восхваление героев, а еще чаще – самовосхваление тех, кто затесался среди портретов павших героев. В бога или в загробную жизнь эти субъекты не верят, поэтому юзают своих погибших как хотят.

Этой публике чужой плачущий солдат – счастье. А своих плачущих солдат не бывает. Не бывает у них и родственников, и сослуживцев – всем заткнули рты и прижгли слезные железы.

Натиск на человеческую природу идет нешуточный. Что украинские националисты, избившие участников гей-парада в Киеве 6 июня 2015 года, что их российские или белорусские братья-геееды, – эти прямо пишут в соцсетях: «Ну да. Мужикам следует плакать и долбицца в задницу а не воевать»...

Не случайно, что и вызверивать российское общество российские СМИ и парламентарии приступили со стороны так называемой сексуальной ориентации. Мальчикам, говорят нам миловитовы-мизулины, положено драться и брать силой девчонок. Девчонкам, говорят нам жириновские, положено рожать и пеленать детей в героические портянки.

Если все-таки в этой картине мира есть место слезам, то это слезы вдов и матерей. Но это было давно, мы таких не знаем.

Отчего же не задевают плачущие солдаты Беаты Тышкевич-Хасановой тех в России, кто должен был бы задуматься?

Будет ли осознано и нами, москалями, что возникла острая человеческая нехватка тех, кто должен был бы плакать по своим солдатам, тех, кто должен был бы оплакивать каждую напрасную жертву, тех, кто должен был бы объявить не минуту, а час, день, год молчания по каждому напрасно убитому в Восточной Украине, но не сделал этого?

Боюсь, что пока нет. Насквозь лживый, но такой ми-ми-ми-мый фильм предперестроечной эпохи назывался «Москва слезам не верит» – по в высшей степени мерзкой, хоть и мутной, но довольно правдивой пословице. В фильме выведена героиня труда, своими руками сделавшая себя депутатом и директором завода; был у нее муж – работник телевидения, который так и

остался плаксивым журналюгой на подхвате. Из этой помеси голливудской эстетики и советской этики вырос и нынешний заворот мозгов у целого поколения людей с отключенной эмпатией. Которые уверены, что «Москва бьет с носка», и что это правильно, и что это дело девчонок и слабаков – плакать по убиенным.

Нужно сказать, что здесь, в Вильнюсе, некоторые тоже так думают. Думают, например, что людям, говорящим по-русски, бесполезно объяснять и свое, и чужое горе. Например, в Вильнюсском музее толерантности, где персонал в летах отлично говорит по-русски, а сотрудники помоложе торопятся перейти на английский, мне не удалось найти ни одной подписи под экспонатами на русском языке. Только по-литовски и по-польски. Редко – еще и по-английски. «Да, – говорит одна из смотрительниц, – у нас книга благодарностей – вся в просьбах написать объяснения и по-русски...»

А вот о продаже недвижимости самым крупным кеглем все еще набирают объявления на русском языке. По-русски говорят с прохожими и люки на дорогах и тротуарах – подземная связь по-прежнему диктуется недавней историей.

21 июня 2015

Ксенонимы, или Пряный посол лицемера

Как не переводятся борцы с ошибками, так нет износу и тем, кто ищет в ошибках собственные закономерности. Эти закономерности не обязательно лингвистические, но обязательно – психологические.

И вот вам доказательство, проистекающее из некоторой вредности самой человеческой природы. Не знаю, как это лучше назвать. Поиск правильного нового слова может показаться кому-нибудь подозрительным. Мало тебе словаря, дурачина! Поди почитай: не то что каждый день, каждый час твоей жизни на тебя будет вываливаться новое слово с таким букетом значений, что сдохнешь, надыхавшись.

Вот, например, подполз к активному военно-политическому языку таинственный русско-греческий двутавр – технический термин для обозначения формы балки. В других языках он заменен куда более примитивными обозначениями. Чаше всего говорят о

форме прописной латинской буквы I, изображающей нашу балку в разрезе. Но вот буквально в конце мая 2015 года оказалось, что форму двутавра имели поражающие элементы ракеты «Бук», которой был сбит малайзийский самолет над театром военных действий на востоке Донбасса.

Этот сугубо технический термин вырвался из уст одного из специалистов, чуть ли не самого посвященного в скорбные дела ракетостроения и амуниции. Слово это возымело, судя по реакции некоторых моих знакомых, прямо-таки волшебное действие. «Ну, раз был замешан двутавр, то все ясно! Двутавр меняет дело! Наконец-то прозвучало слово, которого ждали...»

Но живой язык устроен иначе, и мы, его так называемые носители, живем в, можно сказать, фатальной неполноте коммуникации. Не только с собой, но и с прошлым, и с настоящим, и с будущим.

Вот почему человеку свойственно восполнять эту неполноту. Иначе говоря, заниматься приращением нового знания. Чем люди отличаются от пчел и муравьев? Тем, что пчелы и муравьи всегда говорят одно и то же. А люди говорят новые вещи, даже сложенные из старых слов и знаков. Потому что способны, в отличие от вечных спутников человечества – насекомых, наделять старые слова новыми небывалыми значениями.

Вот почему даже самая сообразительная пчела, имея богатый набор знаков, не имеет языка. Но даже самый недалекий человек, знающий меньше знаков, чем иной муравей, все же имеет язык, с помощью которого может сказать миру что-то новое, свое, чего до него никто никогда не говорил.

А поскольку новое создается из перекомпоновки старого, то иной раз все словари бессильны. Очень часто новое рождается из соседства далековатых друг от друга языков. Например, при встрече еврейского, немецкого и славянских языков родилось чудо идиша. Из каких слов состоит лексикон этого языка, формально считающегося диалектом немецкого?

Он состоит не из слов, а из атмосферы между словами. Вот вам старый русский анекдот. Возвращается из Одессы в местечко выпускник ешивы Коган, впервые покидавший черту оседлости и услышавший, как говорят по-русски в большом русском городе. Всем интересно, что понял мудрый местечковый юноша о языке крупного университетского города.

– А ферюкте шпрахе ис а русише шпрахе! – начал он. «Русский язык – совершенно безумный».

— *Вос же штейст ду?* — говорят застывшему в позе изумления юноше. Говори! И вот он говорит.

— *А баум ис акаце.* Т.е., дерево — это акация, но одесская акация в исполнении Когана звучит как кошка — а каце, отсюда следующее звено в его доказательной цепи:

— *А каце ис а кошка!* (буквально: кошка — это окно!)

— *Акошка ис а фенстер* (буквально: окно — это лучший, изящнейший!), поэтому —

— *А фенстер ис а лучче...* (буквально: лучший, фейнстер, — тот, кто отправляет не всем известные сексуальные практики вроде минета или куннилингуса).

Цепочка тянется дальше и выдает, возможно, тайный источник знаний нашего Когана о русском языке.

— *А лучче ис а Настя.*

— *А Настя ис а шикса* (Настя — совсем не еврейская девушка).

— *А ненастя ис а унветтер* (А вот не Настя — это непогода).

Понятное дело, смешное рождается здесь из столкновения русского и немецкого языков на полпути следования каждого к идишу. Иностранное слово, которое залетело в твой язык в странной, смешной, вызывающей форме, называется ксенонимом. Слово-чужак, которое освоилось в твоём языке. Слово, которое пустило в нем корни.

И хотя любой язык состоит из ксенонимов, как мел из кальция, на узнавании таких слов построен эксцесс, языковая шутка. А когда человек говорит по-русски с акцентом, он легко превращает в ксеноним хорошо знакомое слово.

Но когда начинаешь показывать устройство такой шутки на конкретном примере, на самой такой шутке, обыгрывающей акцент или непонятливость, многим культурным людям это поперек шерсти.

Со мной как раз на днях такое случилось. В одной из таких шуток — бородатой, советского еще пошиба, — обыгрывается акцент. Изучающий русский язык дипломат сообщает, что за время пребывания в России познакомился с тремя значениями слова «посол» — «пряный посол», когда говорят о селедке, «чрезвычайный и полномочный посол», когда говорят о начальстве, и «посол в зопу», когда говорят о простом человеке.

Объяснить устройство такого анекдота иностранцу не так уж просто. Но почему же так уязвлены в лучших чувствах и некоторые носители языка?

Например, многие так называемые образованные люди в России не возмущаются вслух, когда их прекрасным языком злоупотребляют высокопоставленные лжецы и негодяи. Молча страдают носители языка.

Слезы великой миссии омывают их невинные души. А вот когда простой человек использует в речи сквернословие, они повышают голос, вспоминают о моральной чистоте и духовности. Бандита, которого он боится, такой посол доброй воли оправдывает высшими государственными интересами. А тот, кого наш пурист не боится, тот, известное дело, покушается на святыни, и ему-то уж точно надобно указать на священные для всякого человека нормы.

Зачем «выражаться», спрашивают они, если можно было бы оставаться в рамках прекрасного и возвышенного? Разве сквернословие не оскверняет человека и общество, разве пошлость не опошляет личность самим фактом упоминания ее? В головах таких людей происходит что-то похожее на короткое замыкание.

Почему одни видят в таких шутках источник смеха, пусть горьковато-солонятого, а другие – источник только горечи и тем самым оправдание морализаторства?

Как пел Высоцкий, «а ответ ужасно прост, и ответ – единственный».

Снявши голову, по волосам не плачут. Ты разрешил врать на твоём языке тому, кому подчинился, получай же и ответ.

Никто не обязан ни любить твой язык, ни говорить на нем так, как тебе любезно. Заслужи уважение. Не сумел – молчи, как и привык.

28 июня 2015

Продукты питания для продуктов природы

Уж сколько раз твердили миру, что лезть вредно. Но мир не прислушивается. Нет ничего приятнее похвалы. Не грубой, а тонкой. Лстить надо, говорят, незаметно. В глубине души сам понимаешь, что хвалить тебя не за что, но как же приятно, когда все-таки похвалят. Да хотя бы за долготерпение. Тоже ведь какое-никакое достоинство, разве нет?

Обидно только, что в сам язык встроено противольственное устройство. Просто действовать оно начинает не сразу. И вот человек наелся словами, которые ему нравились. А потом вдруг узнает, что слова эти на самом деле не могут иметь того значения, в котором он их употреблял. Ел, насыщался. И вот — не в коня корм. Слова оказались несъедобными. Каково это — питаться несъедобным? И почему люди на это соглашаются?

В конце 1980-х годов, когда советская плановая экономика начала издыхать, для дальнейшего повышения ее всемерного улучшения власти разрешили кооперативы. Это все звучало довольно странно для коммунистической идеологии и социалистического народного хозяйства. Потому что ведь, по идее, все и так должно было быть «кооперативным». А тут слово «кооператив» использовалось в прямо противоположном значении — как прикрытие «частного», «капиталистического» производства.

И было у слова «кооператив», конечно, дополнительное значение. В этом значении его использовали бабки на скамейках у подъезда. Назвать кого-то «кооператором» означало более или менее признать, что некто примкнул к «мафии».

Проблема позднего советского словоупотребления состояла в том, что не все слова использовались, так сказать, с изнанки. К политическому фокусничеству, казалось бы, люди уже приспособились. «Мы стоим за дело мира!» пел Александр Галич — и тут же пояснял: «Мы готовимся к войне!» Иногда это бывало смешно.

Кооператив — это же почти колхоз, правда? Но в колхозе бесштаннные рабы, а кооператоры носили деньги в карманах широких штанов рулонами и пачками, перехваченными импортной гуттаперчей.

Кооператоры начали, как тогда выражались, «кормить народ». Дорого, но — едой. Даже появились продовольственные магазины и столовые под вызывающе простой вывеской «Еда». Потому что советское слово для еды было совсем другое. Магазины назывались как? «Продукты». А продавали в них что? «Продукты питания». Слово «продукты питания» должно было бы иметь в естественном языке совсем другое значение — прямо противоположное тому, в котором мы привыкли его употреблять. Никто ведь не назовет, например, дрова «продуктом горения». Каждый дурак понимает, что продуктом горения дров является зола. А вот с едой проделать этот фокус удалось. Пришло это слово в русский советский казенный язык как неудачная калька с немецкого,

и просто пообтрепалось, сократившись из «продуктов для питания» в «продукты питания» или, реже, «пищевые продукты». Но почему-то же отвергли безымянные чиновники раннего советского времени, например, простое слово «съестное». Почему? Слишком просто, бескрыло и буднично.

Казенное слово должно надувать простое понятие важностью, отсюда потребность в гендиадисе: одно простое слово всенепременно должно для пушей важности раздвоиться.

Не еда, а продукты питания.

Не делает, а осуществляет деятельность.

Не ломается, а выходит из строя.

Не чинит, а производит ремонт.

Не руководит, а осуществляет руководство.

Не работает, а проводит работу по.

Не решает, а принимает решение.

Не ошибается, а допускает ошибки.

Не улучшает, а предпринимает меры (шаги) по дальнейшему улучшению.

Не армия, а ограниченный контингент.

Не вторгается, а вводит войска по просьбе законного правительства.

Не оккупация, а братство по оружию.

Не воюет, а принуждает к миру.

В результате, по старой советской хохме, дорога, по которой должна была шествовать наша мысль, «раздвояется». Одной ногое хочется идти направо, другой — налево, что-то мешает этому танцору двигаться дальше. Но он не может понять, что же мешает.

Последствия пребывания всех этих «продуктов питания» в головах советских и бывших советских людей весьма и весьма печальны.

Когда вместо «начальник ошибся» говорят «в ходе осуществления народнохозяйственных мероприятий были допущены отдельные отклонения от первоначально принятого плана», мир вовсе перестает быть познаваемым. А в дыму непознаваемости люди утрачивают способность простыми и всем понятными словами обмениваться знаниями о происходящем. Поколение, «обученное этой химии — обращению со стихиями», постепенно уходит, принуждая потомков переходить на какую-то другую сигнальную систему.

Пока еще осталось сколько-то времени до окончательной утраты населением Российской Федерации способности рассуждать логически, есть смысл вспомнить, для кого, собственно говоря, эти самые продукты питания были придуманы.

Конечно же, для продуктов природы!

Великий русский писатель Николай Семенович Лесков написал свой очерк под этим самым названием — «Продукт природы» — в 1893 году. Подтолкнуло его к этому, как явствует из эпиграфа, чтение шотландского философа и социолога Томаса Карлайла, которого интересовало соотношение так называемых народных масс с так называемыми вождями или героями. Именно слова Карлайла о народной массе как о самом замечательном «продукте природы» стали для Лескова ключом к таинственной народной душе.

В самом кратком изложении действие «Продукта природы» сводится к следующему. Идя навстречу пожеланиям правительства, которое мечтало заселить пустующие земли, дабы получать от них доход, хозяева отбирали часть рабов из своих владений, сбивали их в партии и везли на новое место.

«Один раз из нашего городишка было отправлено на подводах, кажется, около двухсот душ, и многие из выведенных мужиков вскоре же прибежали назад стали прятаться в пустых овинах и в конопляниках. Когда их ловили — они рассказывали, что „ушли от вши и от вредных вод“. Их отсылали в стан и секли. Кроме отбегателей, многие в дороге заболели: их некоторое время тащили на подводах, а потом „оставляли“ где попало; худые заморенные клячи в обозах падали, сбруя рвалась, колеса ломались, и вообще было много несчастья. Второй раз вывод людей из наших мест был еще неудачнее: между ними начался страшный „гнетучий понос“, или „жилень животами“, — заболевших пришлось держать по дороге на квартирах и в землянках целую зиму. Половина людей перемерла, и убытки были большие, а потому в третий раз, о котором я буду рассказывать, придумали отправить партию на судах, или, как тогда говорили, на „стругах“, по Оке и Волге».

Бессмысленность и вредность самой этой политики Лесков даже не затрагивает. Писатель обсуждает попутные страдания этого до поры до времени не бунтующего продукта природы. Лесков удивляется самому «продукту» и, в общем, отказывается его понимать. Дядя героя рассказа, организовавший переселение этих рабов, «рассуждал, что русский мужик — самый выносли-

вый продукт природы, что он не избалован и путина его не может замучить.

— Пусть только было бы чем ему напихать брюхо, чтобы в пустом брюхе не щелкало, а то он тысячи верст отмахает, как котильон протанцует».

Если кто не помнит, котильон — это танец, который объявляют в конце бала и во время которого видны не только верхние, но и нижние юбки дам, откуда и название.

Так вот единственное, что мешает этот котильон протанцевать — крайняя завшивленность, гигиеническая запущенность несчастных переселенцев. Диск-жокеи в старой Европе и в царской России назывались кавалер-кондукторами. А теперь представьте себе, что кавалер-кондуктор хочет дать сигнал к танцу, а танцоры — чешутся. Вши заели. И бани нет. Юбки, фраки, панталоны мешают танцорам чесаться. И вот добрый кавалер-кондуктор решает отпустить людей в баню. Но вместо того, чтобы отправиться в баню, «продукт природы» со всеми своими вшами отправляется домой, в родную деревню, где его снова поймают и высекут кавалер-кондукторы пожестче.

Распушенность и запущенность продукта природы — все равно, завшивленность тела, как у крестьян 19-го века, или алогическое дикарство духа, как у российских телезрителей века 21-го, — это неперемное условие, при котором кавалер-кондуктор безнаказанно присваивает себе право распределять среди продуктов природы продукты питания. А до тех пор, пока продукты природы не оспаривают права кавалер-кондукторов на распределение продуктов питания, кавалер-кондукторы могут делать со своим народом все что угодно. Хотят — заставят котильон станцевать, хотят — на войну пошлют.

5 июля 2015

Лексикограф в Аду

В московском издательстве «Три квадрата» вышел словарь 2014 года. «Словарь перемен» составила писательница Марина Вишневецкая.

Составленный Мариной Вишневецкой словарь.

Нет, не так.

Публикуемый Мариной Вишневецкой дневник...

Нет, тоже не так.

В расставленную Мариной Вишневецкой в интернете и вокруг него снасть попал живой русский речевой продукт, который многим покажется слишком уж гротескным, вызывающим, или даже, говоря на языке современных дискуссий, русофобским.

И все-таки снова не так.

Марина Вишневецкая, модератор фейсбучного сообщества, швырявшего туда — кто ложкой, кто лопатой — новые слова, выражения, словечки, хохмы 2014 года, не стала мешать поймаемым в сеть словам и дала тому, на что в действительности ушел год, прозвучать и пробежать перед глазами рапидом — за несколько часов.

Получился театр одного актера — разговор русского человека с самим собой. Но не русского Марка Аврелия, а русского Лукия, который рассказывает, как он по ошибке превратился в ишака, да так и не смог пока вернуться в прежний, человеческий облик.

За последние несколько десятилетий вышло множество словарей различных типов — от собрания архаизмов, вроде «Русского словаря языкового расширения», которым А. И. Солженицын мечтал дать толчок речевому сознанию современников, до словарей сквернословия, вырванных из контекста «живого великорусского языка» и заламинированных-запластинированных, словно мертвецы Гюнтера фон Хагенса, или словарей цитат, всякий раз напоминающих, что выражение «улица корчится, безъязыкая», во-первых, принадлежит В. В. Маяковскому, а во-вторых, давно уже не соответствует действительности.

«Улица корчится», да, но языкаястая, клыкаястая, зубастая и — пластилирующая себя самое, т. е. не готовая забыть и выплюнуть ни одного изгиба, ни одной новой запечатленной в сетевом обиходе харкотины.

А из-за угла выглядывают озадаченные любовники языковой улицы — лингвисты, которые ставят диагноз уличному, сетевому человеку. Покажите язык: да он весь в словах ненависти. Зачем вы так перекручиваете это слово?

Лингвисты понимают, что у всей этой новизны колоссальная историческая память. Но и опасаются: ведь если это так, то переживаемое сегодня — это, возможно, историческая ось, за которой наступят времена, откуда уже никому нельзя будет — нет, не вернуться, конечно, ведь вернуться во времени никуда нельзя, —

а просто понять то, что писали и говорили всего 40–50 лет назад. Из нового речевого опыта все более непонятным становится опыт старый.

В центре русского общественно-политического словаря последних двух лет — русско-украинский, российско-украинский, советско-украино-российский конфликт, который в СМИ разных стран называют то «кризисом в/на/вна Украине», то «последствиями аннексии Российской Федерацией Крыма», то «агрессией России против Украины», то «русско-украинской войной», то... можно составить довольно длинный список обозначений, за каждым из которых возможна и своя политическая лексикография.

Но Марина Вишневецкая не политический лексикограф, и она впустила в свою книгу разных наблюдателей языка — от лингвистов и лингвоконфликтологов, Ирины Левонтиной или Максима Кронгауза, до художников, находящихся хлесткие словесные формулы эпохи, вроде Дмитрия Врубеля, автора знаменитого поцелуя Брежнева и Хоннекера на бетоне Берлинской стены, который (Врубель, а не поцелуй) дал такую емкую характеристику «Русского мира»: «Это не Россия встаёт с колен. Это СССР вылезает из гроба».

Жадность, с какой Марина Вишневецкая не столько наблюдает, сколько проговаривает на разные голоса продукцию распоясавшихся носителей, и понятна, и, временами, заставляет читателя думать о некоторой перегрузке, о пережиге пластических упражнений, об испускании маловысокохудожественных испражнений, о порождении речевых уродцев, быстро разбегающихся по соцсетям и собираемых в неразлагаемых отстойниках, сетевых хранилищах, а то и поразительных инкубаторах химер, вроде «Луркоморья» и составляемых самими пользователями словариков сетевых жаргонов.

Время, в которое Марина Вишневецкая издает свой словарь, для судеб посюветской России — трагическое. Можно как угодно, в зависимости от гражданского темперамента и политической квалификации говорящего, называть то, что происходит в пограничье Российской Федерации и Украины, но в отношениях русского и украинского языков, а также в отношениях внутри русскоязычных сообществ РФ и Украины, произошли пока трудно обозримые изменения. Дело идет не только о так называемых этнофолизмах — речениях, так или иначе унижающих, диффамирующих и дисквалифицирующих носителей близкородственного языка. Сама

среда, пресловутый дискурс, в котором живет общественность наиболее близких другу друг стран-наследниц СССР, подчинен саморазвивающейся логике конфликта.

Алексей и Елена Шмелевы, Ирина Левонтина, Максим Кронгауз в нескольких интервью, включенных в книгу, то и дело терпеливо объясняют, как называется то, что происходит с русским языковым сообществом. Но в календаре лингво-историодраматурга, каковым выступает Марина Вишневецкая, господствует не спокойное «разъяснялово», как это с недавних пор называется по-русски, а бешеное размножение речевых химер и кентавров, ехидн и минотавров, всякого «Мегажирья», в которое превращается невинное Межигорье с Януковичем и его страусами, «крымирвали» вместо «кремировали» и десятков, если не сотен других подобных продуктов словообразования, за которыми теперь так легко следить технологически, но которые так трудно перечислять психологически вместе с политическим дневником 2014 года.

Мы находимся в самом глазу урагана, в его, на первый взгляд, такой тихой точке, куда, однако, очень скоро, возможно, и засосет всех одновременно и мега-разговорчивых, и — таких молчаливых россиян. Вот почему особенно интересны словники хитов политического дискурса, который дает, например, живущая в Киеве русская журналистка Ксения Туркова. Марина Вишневецкая щедро встраивает в свой словарь чужие лексические собрания (например, словарь украинской революции Елены Рыковцевой), не распатронивая их, а — большими кусками. Они одаривают читателя редкостной возможностью стать третьим или четвертым в диалоге, который ведут из Киева Ксения Туркова, из Волгограда Иван Курилла, из Москвы — многие, в том числе и автор этих строк.

В этом диалоге есть что-то от психоделики — слишком уж, перефразируя слова Ленина о Сталине, «острые» блюда» приготовила нашему поколению эта языковая эпоха. Пока они больше вегетарианские, кухня нового официоза и народные полевые «новорусские» кухни в окрестностях театра военных действий. Но динамика речевой агрессии, недоверия к собеседникам, угроз и оскорблений была бы совершенно невыносимой, если бы составительница словаря не снабдила его хронологической таблицей основных политических событий 2014 года.

Марину Вишневецкую можно обвинить только в одном: она не дает читателю опомниться от творческого угара своих соотечественников. Иной раз думаешь, что и она сама, а не только сете-

вики и журналюги, хипстеры и крымнашисты, подседа на штуку, о которой спрашивают людишки, называемые кремлеботами и кремлевскими троллями. Эти люди без лица думают, что «знатно троллят» блогеров-пацифистов, всяких «либерастов», «пиндосских подстилок» и прочих «иностранных агентов», жалких слуг мировой закулисы, действующих за «печеньки госдепа» или иные грантоподобные подачки. Правда, тролли, в отличие от тех, кого они поносят, все под маской. Коллективная инкогнида ссыклива. В силу крайней бедности жанрового репертуара своих анонимок они вынуждены высасывать из пальца все новые и новые словечки, запуская те в сеть, и без того уже кишашую похожими уродцами. По слухам, именно так поступали чекисты, когда готовили свержение Н. С. Хрущева, вбрасывая через интеллигентское сообщество невзыскательные частушки, которые едва ли могли возникнуть спонтанно, но зато прекрасно укладывались в официальную линию — темный и бессмысленный лысый трикстер с фаллом-кукурузиной должен уступить место герою-фронтовику. Как и на закате хрущевской оттепели, людей, ведущих арьергардные бои с цензурой, эта вот порода, «крапивное семя», как говорил классик, обычно спрашивает: «Какую траву они курят? Хочу такую же!»

Подсаженные государством и собственным образом жизни «на иглу», обвиняют в своем грешке других — за их (нашу) зависимость от всей этой дикой, нелепой, уродской, но и прекрасной в своем богатстве, тупой, но такой прямой в своей тупости — зависимость от прямой реальности современного русского сетевого языка.

Завидую человеку, который сможет систематизировать собранный Мариной Вишневецкой материал без того, чтобы сказать: «Общество не хочет признавать себя таким, какое оно есть, и вместо переделки своего мира предлагает себе самому и своим наблюдателям круто, резко, болезненно обтрепать языковую ткань, сделать трагическое повествование трагикомическим и просто фарсовым.

Объявить сущее — фантазмагорией, а желанное, чаемое — настоящей реальностью».

Понимать, кто же носитель этого языка, кого показала книга, сложенная Мариной Вишневецкой, предстоит — кому? Не уверен, что тому, кто владеет этим языком как родным. Вся надежда только на тех, кому этот язык — чужой.

19 июля 2015

Невольные проговорки чекистов

В годовщину гибели над небом Донбасса малайзийского самолета МН17 мировые телеканалы показали молебен на месте катастрофы. Там же установлена и плита в память, как сообщает надпись на камне, «298 невинных жертв гражданской войны на Украине». Разбор этой надписи должен войти в учебники русской политической риторики XXI века. Чтобы этот разбор был полнее, не забудем и двух других сообщений этих дней.

Одним отличилось информационное агентство РИА Новости, которое провело онлайн-викторину среди своих читателей. Предлагалось выбрать из нескольких предложенных «правильный ответ» на простые вопросы о гибели самолета — как если бы речь шла о замужестве кинозвезды. Текст викторины с сайта РИА Новости быстро убрали, но он остался в скриншотах и будет доступен впредь: что написано виртуальным пером, не вырубишь и атомным топором.

Второй текст, также вошедший в сюжеты международных выпусков теленовостей, — был бумажной самоделкой в руках женщины, стоявшей под знаменами так называемой Донецкой Народной Республики. Весь текст плаката состоял, собственно говоря, из цифр — в том числе такой: четыре с лишним тысячи жителей Донбасса погибли в ходе той самой «гражданской войны», памяти «298 невинных жертв» которой был посвящен молебен.

Не знаю, чем руководствовались режиссеры передач, например, BBC и Deutsche Welle, когда показывали этот сюжет 17 июля 2015 года, и увидели ли они в нем конфликт между разными политиками памяти. Как всегда бывает в телевизоре, картинка сообщила зрителю больше сведений, чем скороговорка комментаторов.

Чтобы понять, что же сообщила картинка на этот раз, попробуем восстановить один из многих предполагаемых разговоров с места события. Назовем женщину с плакатом «тетей Вале́й». И представим себе, что об этой картинке нас будут спрашивать не умудренные теорией заговора телезрители, а, скажем, наивный подросток, которому нужны ясные ответы на простые вопросы — без подтекста, без пропагандистской вуали, без игры.

И первый вопрос подростка будет примерно такой: «Зачем тетя Валя пришла на молебен в память жертв рейса МН17 со своими словами и совсем с другими цифрами?»

— Понимаешь, — скажем мы ребенку, — тетя Валя обижена, что весь этот молебен в память о невинных пассажирах, и установка камня на месте гибели иностранного самолета, и съехавшиеся православные священники, и начальники, и корреспонденты, — что все это организовано в память о сравнительно немногих погибших иностранцах, отчего же не помянуть и своих, тысячами погибших в... в этой войне.

— В гражданской войне? Но ведь у нас никто не говорит о «гражданской войне». Разве мы не хотим, как Крым, просто отделиться от Украины и присоединиться к России?

— Понимаешь, все не совсем так. Мы еще не знаем, как будут официально называть то, что происходит в Донбассе сейчас.

— А разве слова «гражданская война» не означают, что мы — «донецкие» — хотим победить «киевских» и захватить власть во всем украинском государстве?

— В общем-то, конечно, да, но громко говорить сейчас об этом не стоит, потому что у России и без того трудное положение после присоединения Крыма, и оно еще ухудшилось после того, как наши по ошибке сбили этот чертов МН17...

— Как это «по ошибке»?

— Понимаешь, хотели сбить военно-транспортный самолет проклятых укров с подкреплением, а попали, просто по неосторожности, в чужой трансконтинентальный авиалайнер. Да и официальный вывод международной комиссии пока не опубликован...

— Так зачем же торопиться каменотесам?

— Люди должны знать нашу версию!

— Но почему же ничего об этом не сказано в надписи на камне? Из нее ведь нельзя даже понять, что речь идет о пассажирах самолета, который просто пролетал над чужой войной...

— Понимаешь, этот камень должны одновременно увидеть и родственники погибших, и российские, и украинские граждане. И каждый должен понять написанное по-своему.

— А зачем? Почему народы разных стран не могут прочитать эту надпись одинаково? Если люди погибли случайно?

— Это невозможно признать, потому что в таком случае России придется признать в тяжком военном преступлении — постав-

ках тяжелого вооружения, а, возможно, и в самом уничтожении самолета силами российского экипажа.

— Ну и признали бы, и извинились бы. Извинились же украинцы, когда сбили над Черным морем российский пассажирский самолет случайной ракетой?

— Во-первых, уже поздно. Да и потом тут другое, тут все сразу скажут, что Российская Федерация просто пытается повторить захват Украины, как это сделала Советская Россия в 1921 и в 1939 годах.

— Но зачем тогда вообще устанавливать камень в память о погибших иностранцах?

— Понимаешь, за границей ценность одной человеческой жизни гораздо выше, чем у нас или в России. И убили-то у этих австралийцев или голландцев всего ничего – несколько десятков человек, а они носятся с ними так, как будто случилась вселенская катастрофа...

— Значит, тетя Валя правильно напоминает нашим каменотесам, что, если уж говорить о невинных жертвах, то давайте считать всех, а не только иностранцев...

— Понимаешь, тетя Валя не совсем права, потому что список наших жертв все время пополняется, и Российская Федерация не готова пока останавливаться на 4 или 5 тысячах невинных жертв!

— Погоди-ка, но ведь это означает, что «невинными жертвами» являются только иностранцы, а все остальные – кто? Сознательные участники войны? Но нас ведь никто даже не спросил, хотим ли и мы погибнуть ради того, чтобы Российская Федерация присоединила к себе всю Украину. А ведь выражение «гражданская война» означает только это!

— Нас никто и не спрашивает, а вот мнение международного сообщества все-таки приходится учитывать. Поэтому мы должны хотя бы сделать вид, что чтим память невинно убиенных. Ну, и чтобы не очень лезли в наши планы со своими советами.

— Так ведь получается нелепость! Скрывая правду, мы даже не можем спрятаться за спасительным лозунгом, призывающим почитать память всех жертв – и наших, и тех, кого убили наши.

— Так именно поэтому над формулой «памяти 298 невинных жертв гражданской войны» работали лучшие чекистские умы: своей неконкретностью она показалась всем нашим наиболее подходящей.

— Но разве мы с тобой только что не установили, что эти 298 погибших были, пусть случайно, убиты именно нашими силами с помощью, по всей вероятности, экипажа российского «Бука»?

— Да, но ты же видишь, какая тревожная обстановка сегодня вокруг России! Да и сбили-то случайно!

— Сбили, может, и случайно, вот только «Бук» прислали нарочно, чтобы самолеты сбивать.

— Ну, и как, по-твоему, могла бы выглядеть честная надпись на камне?

— Написанное сейчас тоже, по-своему, честно. Просто в переводе с ДНР-овского на русский эта лапидарная проговорка чекистов выглядела бы еще эффектнее...

— И как же?

— «Убитым — от соучастников убийц».

— Может быть, все-таки «невольных»?

— Это лишнее слово: не были бы невольными, не поставили бы и этот камень неслучайно убитым от невольных убийц.

26 июля 2015

Топонимы, вызывающие боль

Жители многих стран сами себя часто называют иначе, чем их соседи. Скажем, финны называют Германию «Саксонией» (Saksa), что, правда, ни немцев, ни финнов, кажется, совсем не беспокоит. Тем более, что и у самой Финляндии в самой Финляндии — двойное имя — собственно Финляндия и Суоми.

Но здесь — ввиду отсутствия общих границ, территориальных и политических противоречий — расхождение в именовании страны не влечет за собой никаких последствий. Другое дело — соседние государства, вдруг обнаруживающие, что ближайшие соседи называют их совсем не так, как они называют сами себя. Случай финского названия Германии интересен тем, что здесь применяется риторическая фигура *pars pro toto*, иначе говоря, название одного из германских племен и, в дальнейшем, одной части германского государства используется для обозначения всего этого государства. Так обстоит дело и у французов. Но, в отличие от финнов, выбравших в качестве имени для всей Германии Саксонию, французы используют название территориально

более близких к Франции алеманнов, потомки которых обитают сейчас в пограничье Швейцарии, Франции и Германии.

Значит ли это хоть что-нибудь в современном политическом раскладе Западной Европы и Скандинавии? Ровным счетом ничего. Как не является оскорбительным для немцев само это слово «немец». Все пограничные вопросы улажены, сложившиеся границы признаны и закреплены настолько, что поляки, французы и немцы могут довольно безбоязненно селиться в странах друг друга и совместно обсуждать недавнюю и давнюю общую историю. В том числе — историю тех регионов, которые столетиями переходили из рук в руки и имеют собственную историю в недрах когда-то враждебного соседа. Эльзас, Силезия, Померания, Судеты — это темы болезненные, но в политической повестке дня вопрос их текущей политической принадлежности обсуждается разве что маргиналами.

Совсем другое дело — в странах, которые совсем недавно вылупились из недр распавшихся империй. До тех пор, пока Греция граничила на севере с Югославией, соблюдался некий символический баланс: у каждой страны имелась своя Македония: у югославов столицей Союзной республики Македония был Скопье (Скопье), в Греции столицей области Македония были Фессалоники. Но вот распалась Югославия, все бывшие республики стали, в результате войны и этнических чисток, самостоятельными государствами, и только одна Македония не смогла автоматически сохранить названия. Т.е. сами себя македонцы — славяне и албанцы — называют Македонией, а член Евросоюза Греция отказывается признать за ними это право и требует, так сказать, полной сатисфакции — переименования всей этой маленькой страны, которой не повезло называться тем же именем, что греческой области. Основание только одно: «Македония — это Греция». Борьба за имя идет нешуточная, хоть и символическая. Тут есть и положительная сторона. Если бы не этот, довольно абсурдный в условиях Европы XXI века, спор, или мирный конфликт, вряд ли был бы построен, например, грандиозный музейный комплекс над раскопанным в конце 1970-х годов выдающимся греческим археологом Манолисом Андроникосом мавзолеем Филиппа Македонского в Вергине. Не было бы и символического обмена зеркальными музеями «Истории Македонии» между Салониками и Скопье.

Иногда спор об именах идет там, где официально никто в мире и не сомневается, что твое имя — это только твое имя.

Но тебе самому почему-то приходится доказывать себе самому и остальному миру, что ты — это не только ты, но еще и твой сосед. Например, в мире и в законодательстве самой крупной части, оставшейся от СССР, считаются синонимами названия «Российская Федерация» и «Россия». И вот четверть века спустя некоторым людям в названной Федерации начало казаться, что пришла пора разобраться с соседями, когда-то исторически входившими в ныне не существующие государственные образования — Российскую империю и Советский Союз. Например, соседней Украине говорят, что, мол, раз ты Украина, т.е. наша окраина, то и лезь обратно в кузов, возвращай себе правильное историческое имя «Малороссия» и помалкивай, пока жива.

Примерно это означают слова третьего президента РФ господина Медведева, произнесенные на днях в интервью словенскому телевидению. «Кто помнит такую страну, как Югославия? Я думаю, что большинство молодых людей уже с трудом припомнят, что такая страна была на карте Европы... Я вспомнил Югославию только потому, что, я надеюсь, нам через некоторое время не придется в таком же ключе вспоминать, что было такое государство, которое называлось Украина».

Трогательное «мы» в устах руководителя правительства текущей Российской Федерации позволяет и мне напомнить вот о каком событии.

18 сентября 1939 года газета «Правда» опубликовала ноту советского Наркоминдела В.М.Молотова послу Польши в СССР В. Гжибовскому. Текст этой ноты полезно перечитать сегодня:

17 сентября 1939 г.

Господин посол!

Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность Польского государства. В течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава, как столица Польши, не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что Польское государство и его правительство перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому,

будучи доселе нейтральным, Советское правительство не может больше нейтрально относиться к этим фактам.

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, оставались беззащитными.

Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Одновременно Советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумным руководством, и дать ему возможность зажить мирной жизнью.

Примите, господин посол, уверения в совершенном к Вам почтении.

*Народный комиссар
иностранных дел СССР
В.Молотов*

В сентябре 2014 года это письмо отметило славный 75-летний юбилей. Взглянув на сегодняшнюю карту Европы, мы, однако, наблюдаем там довольно процветающую Польшу, и ее соседку — вскользь упомянутую в ноте Молотова Германию. А вот Советского Союза мы на карте не видим. Но уж больно ужимки и повадки сталинского волка-мининдела выразительны и заразительны.

Внимательный читатель заметит в ноте Молотова выражение «польско-германская война». Это потом, после Второй мировой, в Советском Союзе объявят, что 1 сентября 1939 года Германия напала или даже вероломно напала на Польшу. А с 1939 года официальная версия была иной: это Польша напала на Германию, науськанная Англией и Францией. Поэтому и война несколько лет называлась по-русско-советски польско-германской, а не германо-польской. Да и была она уже в 1939 — мировой.

Статья «Польша» в «Политическом словаре» (М., Госполитиздат, 1940) заканчивалась словами: «...В панской Польше не нашлось ни одной общественной силы, которая желала бы сохранить существование лоскутного, искусственно созданного государства... Развал польского государства открыл путь для вся-

ких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР... Выполняя решение Советского Правительства, Красная Армия 17 сентября 1939 г. перешла границу и освободила Западную Украину и Западную Белоруссию... Теперь в Восточной Европе восстановлен мир и порядок. Определена граница между обоюдными государственными интересами СССР и Германии на территории бывшего польского государства».

Гитлеровский Берлин, в представлении товарищей Молотова и Сталина, действовал вполне разумно, а Варшава — неразумно. Сегодня, в головах новых молотовых, вместо «неразумной Варшавы» — «неразумный Киев». Вот только старого и до поры верного союзника — гитлеровской Германии — нет. Его ищут в разных местах. Выкликают. С кем хотят кремлевские перцы-имперцы разделить сегодняшнюю Украину? С Венгрией? С Польшей? Напоминают, что была такая страна — Советский Союз. Пережила Югославию всего на год с небольшим. Так что не надо врать, что «никто не помнит Югославию». Помним. Есть такое слово в этой букве. Как и то, что сами совки разлюбили совок за патологическое вранье.

2 августа 2015

Инсинератор для санкционного продукта

29.06.2015   Указ Владимира Путина об уничтожении санкционных продуктов.

В «Словарь войны на востоке Украины», который когда-нибудь выйдет, обязательно войдут слова «мобильный крематорий», «санкционные продукты» и «универсальный инсинератор». Разбираться в них, может быть, противно, но важно.

В начале сентября 2014 года я узнал выражение «мобильный крематорий». Это было далеко не первое, но уж больно мрачное сообщение о предмете.

«В Ростовскую область доставили разработанные в Петербурге передвижные крематории ИН-50.1К на базе грузовых автомобилей Volvo. Их, как сообщила в интервью изданию Цензор. Нет российская правозащитница, основательница группы в Facebook «Груз 200 из Украины в Россию» Елена Васильева,

видели недалеко от украинской границы как минимум двое свидетелей.

«То, что российский премьер Дмитрий Медведев передал военным шесть передвижных крематориев, это правда, — утверждает Васильева. — Есть ли они непосредственно в Ростовской области? Подозреваю, что есть, хотя на 100% не уверена. Двое людей уже подтвердили, что видели там машину крематория».

«По мнению специалистов, производительность передвижного крематория более высокая, чем если всех погибших хоронить. Пеплом землю посыпать легче, чем в землю закапывать тысячи тел», — говорит она».

За год вроде бы худо-бедно начали действовать так называемые Минские договоренности, и тема ушла даже из второстепенных главных заголовков российских СМИ. Выражение «мобильный крематорий», страшное своей конкретностью и недвусмысленностью, было вытеснено в информационном пространстве другим, как раз вполне двусмысленным: «гумпомощь Донбассу».

Превращение синтагмы «гуманитарная помощь» в просторечную аббревиатуру «гумпомощь» — предмет для специального психолингвистического анализа. Важно, что вокруг этой самой «гумпомощи» накопилась такая бездна слухов и документально подтвержденных разоблачений, что в будущем «Словаре войны на Востоке Украины после захвата Крыма Россией» (а такой словарь — русско-украинско-английский, например, — непременно будет издан еще до окончания текущего десятилетия), в толкование слова «гумпомощь Донбассу» непременно войдет и его второе дно. Если в советской армии «шрапнелью» называли «перловку», то в постсоветских вооруженных формированиях, называемых «ополчением», гумпомощью может зваться присланное из РФ оружие. «У меня версия только такая, — пишет наблюдатель, — у „ополченцев“ заканчиваются гуманитарные боеприпасы к артиллерии, минометам и градам».

Международные отношения сильно портятся, когда контрагенты пользуются словами не в общезначимом для всех смысле, а в кавычках или, как это еще называется по-русски, с фигой в кармане.

Эта фига в кармане означает, что собеседнику предлагается не принимать во внимание сказанное. «Ты, милоч, слушай, на ус наматывай, но выводов, пожалуйста, из моих слов никаких не делай! Я потом тебе на ушко шепну, как меня надо было понимать раньше и как следует понимать теперь».

- А как же я пойму, что ты и сейчас не говоришь понарошку?
- Не бойсь, я тебе маякну и подмигну.

Прошел год. И тут страны Запада объявили в конце июля, что финансовые и экономические санкции против российских политиков, ответственных за развитие конфликта в Украине, расширяются: слишком уж прозрачным становится выполнение Минских договоренностей.

В ответ на это и РФ в самый последний день июля 2015 года сообщила о продлении эмбарго на европейские и американские пищевые продукты, или о закреплении режима санкций против собственно российских частных потребителей чужеродной еды. Российские СМИ сообщили, что власти выявили множество случаев обхода эмбарго. И вот, наконец, пришел день, когда Российская Федерация приступила к следующей фазе санкций против стран Запада и собственных предпринимателей, пытающихся, при содействии несознательной части российского общества, все-таки ввозить в РФ так называемые «санкционные продукты питания». Президент подписал распоряжение уничтожить эти самые «санкционные продукты» прямо на границе.

Конечно, интеллигентские хлюпики сразу заголосили: «Да как же это возможно, что в стране, где была блокада Ленинграда, где был Голодомор 1920-1930-х в Казахстане, Поволжье и Украине, где и сегодня недоедает беднейшая часть общества, у правителей поднимается рука на уничтожение еды, пусть и ввозимой нелегально?!»

К хлюпикам прислушиваться не стали, но сожжением отходов решили заняться с помощью той же техники, которая недавно называлась «мобильными крематориями». Сейчас стараются, кажется, использовать менее brutальное название – инсинератор. Оказывается, еще четыре года назад этот вопрос журналисты обсуждали с производителями означенной техники.

Когда первые мобильные крематории показали на выставке экологической техники в Петербурге в марте 2011 года, журналистка Ксения Иванова спросила главу предприятия Михаила Вострикова:

— Нет ли опасений, что такое название — «Мобильный крематорий» — может вызвать негативную реакцию у жителей Петербурга?

— Есть такое опасение. Действительно, в названии мы первоначально подчеркивали назначение мобильного комплекса по

типу отходов. Крематорий – для отходов биологического происхождения, инсинератор – более универсальная печь. Согласно, слово «Крематорий» звучит пугающе. Наверное, всё-таки правильнее называть наш комплекс мобильным инсинератором. Теперь, после этой беседы, думаю, точно переименуем!

Прошло четыре года, а техника, изготовленная предприятием под названием «Турмалин», называется то инсинератором, то мобильным крематорием, а то и просто печью для экологичного сжигания токсичных биологических отходов. Производитель сложной техники на наших глазах ищет наиболее точное обозначение.

«Мобильный крематорий – только часть совершенно нового важнейшего для города проекта – Центра уничтожения опасных отходов (ЦУОО), – говорит он. Как я уже сказал, мобильный крематорий – для экстренных случаев. Например, для эпидемий. Если же эпидемия охватила целый регион (как совсем недавно у нас было с африканской чумой свиней), потребуется другая установка – кремационная площадка. Она больше подходит для ликвидации большого количества биоматериала в полевых условиях. Такое оборудование тоже базируется в Центре уничтожения опасных отходов. Но главная установка там – универсальный инсинератор для сжигания всех видов отходов».

Сегодня, когда российское государство приняло радикальное решение об уничтожении десятков тонн «санкционных продуктов», появляется отличная легальная возможность насытить приграничное пространство как раз-таки «универсальными Инсинераторами для сжигания всех видов отходов».

«Дело в том, что все инсинераторы на границе ставятся на „мирное“ время, а здесь речь идет о „боевом“, – объясняет корреспондентам российских СМИ уже в 2015 году Михаил Востриков. – Считалось, что мощности в 50 кг в час, или 1 тонна в сутки, достаточно, но сейчас ситуация изменилась. Если на границу придет фура с незаконным грузом в 15-20 тонн, штатных мощностей не хватит. Мы разработали мобильные инсинераторы большой мощности, которые запросто могут покрыть имеющиеся потребности», – добавил Востриков.

В 2011 году инсинераторы строились для больших городов, чтобы, помимо прочего, сжигать в них трупы многочисленных бродячих собак, птиц и прочей павшей живности. С началом горячей, а потом и холодной фаз войны в российско-украинском пограни-

чье спрос на инсинераторы растет. Но как ни прячь «мобильный крематорий» за «инсинератором», в самих этих устройствах, которые «запросто могут покрыть имеющиеся потребности», есть что-то окончательно-угрожающее. Попавшее в печь уже не откапашешь для выяснения истины. Самый мощный инсинератор, судя по проспекту фирмы-производительницы, может сжигать по полтонны биоматериалов (например, трупов животных) в час.

Способная на все машина, управляемая способными на многое людьми. Чего они хотят? Спрятать в горящих санкционных продуктах другие токсичные биоматериалы? Как перевести название этой адской машины на русский язык? Праходел? Или, может, это старый добрый Флегетон? Так, Палящим Потоком, древние греки называли огненную реку в подземном царстве, в которой кипели убийцы родственников. Флегетон, умеющий быстро сделать сухое несущим... Чуть-чуть отменяющий действительность. А теперь – что? Эффективное приспособление для обслуживания политического момента?

4 августа 2015

За что русский язык не любит Москву?

03.08.2015

Бывший премьер-министр Украины Николай Азаров создает альтернативное правительство в изгнании – Комитет спасения Украины.

Много лет назад надо мной посмеялась переводчица-американка. Темные, говорит, вы люди. Что ни статья, то обязательно начнется с Даля. Ну с какой стати отсталый лексикограф и третьестепенный литератор второй половины XIX века должен определять актуальный русский дискурс?

Меня, как сказал бы А. И. Солженицын, аж захолонуло.

Да потому что, потому что... это был последний, ну, если и не совсем свободный, то правдивый русский толковый словарь. Потому-то нам так удобно плясать от Даля – как от печки.

– Ну, и в чем же правда, например?

– Да вот, например, в том, что русский язык – живой великорусский язык – не любит Москву и москалей, верных солдат Московского царства...

Какую сторону жизни ни возьми, всюду старик Даль подsunул точное беспощадное слово.

Москва у всей России под горой: все в нее скатывается.

У России в широком смысле.

Недавно скатились в Московское царство две головы из братской Украины. Зацепились за подмосковные зори, попрыгались в чертополохе и, по мере нашей, москальской, надобности, всплывают.

Одна голова — бывшего президента Януковича. Другая голова — бывшего премьера Азарова.

Говорю «голова» не в охуление, а потому только, что политического корпуса, при всей корпулентности, у названных господ не имеется.

Итак, пока первая голова говорила, развернулась война на востоке Украины да Крым отошел к России.

Первая голова умолкла — всплыла вторая голова, заговорившая громче. Аккурат 3 августа 2015 года голова Николая Азарова пригрозила Украине войной. Сказала, что в Москве создан Комитет Спасения Украины.

Тут же выступил и пресс-секретарь президента РФ г-н Песков, убедительно заявивший, что руководство России никакого отношения к созданию Комитета Спасения Украины не имеет. В самом деле, гостиница «Украина», где Азаров и его команда проводили пресс-конференцию, с давних пор экстерриториальна.

Говорят, что первоначально этот Комитет хотели назвать «Свободная Украина» — по аналогии с комитетом «Свободная Германия» в последние месяцы Великой отечественной войны. Но решили, что со «Свободной Украиной» и так уже имеют дело, а спасать-то надо «Русский Мир», посему остановились на Комитете Спасения Украины.

Думал, наверное, господин Азаров, что дадут ему отлежаться в Москве, а потом отпустят куда-нибудь в Австрию к друзьям по бизнесу, или, может, в Италию к Берлускони. Но где тот Берлускони? В Европе не принимают! А гостеприимцы москальские, небось, говорят: «Засиделись без дела, товарищ Азаров, а ведь Украину-то спасать надо, а кто сам не захочет спасать, тому на доске нашей московской неуютно будет спать».

«Москва что доска: спать широко, да кругом метет...»

Так покажи же нам дорогу на Киев, товарищ Азаров, не менжуйся.

Но все равно очкует товарищ Азаров, потому что помнит:

«Знает москаль дорогу, а спрашивает».

Но выхода нет, и приходится голове без тела объявлять войну собственному народу. А как иначе понять слова о «спасении»?

«Мы приняли решение выдвинуть на пост президента Украины Олейника Владимира Николаевича».

Все-таки удалось пока спрятаться за третьей головой господину товарищу Азарову, верному москальскому гостю.

По-украински, или, как говорит В. И. Даль, по-малороссийски, «москалить» значит «мошенничать, обманывать в торговле».

Николай Азаров, говорят, в этом деле дока.

Он даже самих москалей, пусть и для виду, за нос водил. И теперь, может быть, надеется, что поводит за нос хоть кого-нибудь в Украине. А может, и не надеется.

Так, во время нападения на Финляндию СССР в 1939 году подготовил к высадке в Хельсинки целое «народное правительство в изгнании». Поэты и музыканты сочиняли песню «Принимай нас, Суоми-красавица». Но не задалось тогда у товарища Сталина. Зря опозорились братья Покрасс и Д'Актиль, сочинив свою одноразовую мерзость:

*Сосняком по откосам кудрявится
Пограничный скупой кругозор.
Принимай нас, Суоми-красавица,
В ожерелье прозрачных озёр!
Ломят танки широкие просеки,
Самолёты кружат в облаках,
Невысокое солнышко осени
Зажигает огни на штыках.
Мы привыкли брататься с победами
И опять мы проносим в бою
По дорогам, исхоженным дедами,
Краснозвёздную славу свою.
Много лжи в эти годы наверчено,
Чтоб запутать финляндский народ.
Раскрывайте ж теперь нам доверчиво
Половинки широких ворот!
Ни шутам, ни писакам юродивым
Больше ваших сердец не смутить.
Отнимали не раз вашу родину —
Мы приходим её возвратить.
Мы приходим помочь вам расправиться,*

*Расплатиться с лихвой за позор.
Принимай нас, Суоми-красавица,
В ожерелье прозрачных озёр!*

И вот ту же песню затянул в скупой политической прозе разыскиваемый Украиной бывший премьер-министр, а ныне еще и мятежник Николай Азаров.

А я что, может сказать товарищ Азаров, я ж чисто по Далю, «поехал в Москву за песнями»...

Вот только «не за то бьют москаля, что крадет, а чтобы концы хоронил». Азаров и хоронит концы: никто его не заставлял выступать в этой дважды подлой роли. Что вы, господа журналисты, как вы могли подумать, что кто-то манипулирует нами, патриотами Украины. Не этой вот, которая нас прогнала, а другой — Украины нашей мечты.

И хоть знает правительство в изгнании, что «с москалем дружись, но за кол держись», а все-таки бывших соотечественников и теперь боится больше: «От москаля, хоть полы отрежь, но уйди!»

Стало быть, и спрос с бывшего премьера в Украине (не гостинице) будет теперь другой.

Вот он и пишет — «как черт шестом по Неглинной»... «Кто идет? Черт! Ладно, абы не москаль!»

Все-таки не каждый день твоей стране объявляют войну ее бывшие высокопоставленные чиновники с территории соседнего недружественного государства. Которое гордится подвигами СССР 1940 года в Финляндии, 1956 года в Венгрии, 1968 в Чехословакии, 1979 в Афганистане.

Лишь бы потом не приписали мне официальное объявление войны, может думать Азаров: «В воде черти, в земле черви, в Крыму татары, в Москве бояре, в лесу сучки, в городе крючки: лезть к мерину в пузо: там оконце вставишь да и зимовать себе станешь».

Да вот зимовать-то больше и не дают, за карточный стол сажают. Мол, «на пиках вся Москва вступает».

Да и киевляне Даля читают. «Отсюда до Москвы всех не перевешаешь», — думают они. Зато можно «показать Москву в решето». И снова Даль подсказывает правительству в изгнании: «Живи, ребята, поколе Москва не проведала».

Вы скажете, что и «хохлов» русский язык не любит? Куда там! «Хохол глупее вороны, да хитрее черта». До любви ли тут. Но это — другая песня.

9 августа 2015

Народная пословица, или Неприличный восторг

Чем интересны пословицы, собранные Владимиром Ивановичем Далем? Тем, что слово он любит, а к людям придирчив. Состоящих на государственной службе ценит за неподкупность, а вот инородцев и евреев не жалует. Поставщики его пословиц — собеседники у армейских бивуаков во время колониальных экспедиций или подавления Польского восстания — сделали сборник пословиц Даля сокровищницей так называемых этнофолизмов — отлитых в слове стереотипных отрицательных характеристик насельников разных городов и стран, попадавших на зуб или на штык служилого человека.

«Жид на ярмарке — что поп на крестинах».

Чего здесь больше — антиклерикального или антисемитского? Даль, вслед за русским народом, не любит ни попа, ни еврея, ни себя самого, ни украинца, ни богатого, ни бедного.

На лес и поп вор, — сообщает Даль. И в скобках поясняет: «Т.е. дрова всякий ворует».

По Далю, язык не только поверхность вещей нам показывает, но и суть каждой вещи.

Что значит, например, такая пословица:

Вор и сытый, и обутый, и одетый украдет?

А то, что, по Далю, вовсе не социальные условия порождают воровство, а сама природа человека.

Вот почему афоризмы, произнесенные далевскими информантами, а нам предложенные в качестве народных пословиц, кое-чем похожи на знаменитые «Характеры» греческого философа Теофраста. Из всех трех десятков характеров мы не найдем ни одного положительного. Всех людей Теофраст, ученик Аристотеля, расписал по признакам жадности и болтовни, чванливости и скупости, лести и всезнайства, лени и грубости.

Начнешь говорить о человеке и — нечувствительно становишься Собакевичем.

А у Даля в пословицы попадают и полушуточные-полузлые хохмы, случайно произнесенные кем-то когда-то и просто зацепившиеся за ворот.

Терпеть я не могу этой тесноты (сказал хохол, доставая огня на трубку и опрокинув котелок на треножнике, в чистой степи).

Проклятые москали: понаставили столбов, что и проехать негде (сказал хохол, зацепив возом за верстовой столб, среди степи).

Хоть его святи, не святи, а он все в болото лезет (сказал хохол, уронив на улице в грязь пасхального жареного поросенка).

Малороссы — мазепинцы, хохлы, чубы; индюшка высидела; галушкой подавился. Индейка из одного яйца семерых хохлов высидела.

Как-то вот с трудом верится в «индейку», которая, согласно народной мудрости, якобы «семерых хохлов высиживает». Или вот еще что:

Черт с хохла голову снял да приставил ему индюшечью.

Хохол глупее вороны, а хитрее черта.

Хохлацкий цеп на все стороны бьет (хохлы молотят через руку).

Чтоб те хохлыда повыходили! — А чтоб те москали да их повытаскали (ответ).

И по воду хохол, и по мякину хохол.

Хохол не соврет, да и правды не скажет.

Он хохол (т. е. хитер и упрям).

Продали с хохла пояс за три деньги, а хохол нипочем в придачу пошел.

Так отчего же Казак Луганский так не любит своих соотечественников?

А просто смотрит с высокого безлюдного шестка того же интереса, с какого Александр Сергеевич Пушкин написал свой «Кавказ»:

*Теснится средь толпы еврей сребролюбивый,
Под буркою казак, Кавказа властелин,
Болтливый грек и турок молчаливый,
И важный перс, и хитрый армянин.*

Молчаливые, с занавешенными лицами хозяева Кавказа и окрестностей так соседствуют с «меньшинствами» — еврейским ростовщиком, армянским купчишкой и болтливым бездельником-греком.

Как же в эдаком окружении жить?

Оказывается, только так люди и живут – восполняя в коммуникации недостающие знания о другом человеке карикатурным портретом соплеменников или земляков этого другого.

Кашира в рогожу обшила.

Пензяне толстопятые.

Саратовские мещане собор свой с молотка продали.

Арзамасцы собор кандалами сковали.

Кострома – блудливая сторона.

Между тем, ничего удивительного в эдаком портрете соседей нет.

Мы слышим только очередное подтверждение старой истины: слово – серебро, молчанье – золото.

Интересное в речи всегда соседствует с опасностью.

А кто угрожает России, спросим мы у Даля. Известно кто:

«Хан Крымский да папа Римский».

Эта опасность – или в том, что высказывание соответствует истине события, или в том, что оно отвечает истине отношения. Иначе говоря, может быть, папе римскому и дела нет до России, а изобразить его надо с клыками и с ружьем.

Но не таков ли и вообще человек?

Римский писатель Апулей – тот самый, которого Пушкин предпочитал Цицерону, однажды так описал род людской.

«Люди, которые населяют землю, речью владеют лучше, чем разумом. Души у них бессмертны, а тела бrenны; ум у них ветрен и суетлив, а плоть груба, но ранима; обычаи у всех разные, а суеверия одинаковые; дерзостны безудержно, за надежду цепляются до самого конца; труд их напрасен, а судьба изменчива; хоть каждый человек и смертен, но все вместе, благодаря смене поколений, существуют из век в век; время их пролетает так, что быстрая смерть опережает медлительную мудрость, отчего жизнь человеческая такая жалкая».

Вот какая штука получается: одним и тем же языком приходится пользоваться, чтобы сказать доброе и злое, попробовать на вкус прекрасное и отвратительное, вознести хвалу и возвести хулу.

А сколько человек, нарисованный Апулеем, говорит просто непонятного!

Как, например, истолковать так называемую народную поговорку Даля:

Русак до читанья, хохол до спеванья?

Значит ли это буквально, что украинцы поют, пока русские читают? Или это намек на запрет в Российской империи на печатание книг на украинском языке, отчего «хохлам» и приходится «спевать», потому что читать им не велено? Или, может быть, под «читаньем» тут надо и вовсе что-то другое понимать. Вроде и просто сказано, а дальше думать надо.

Но, как сказал мудрый Апулей, у нас, людей, владеющих речью ловчее, чем разумом, «время летит так, что быстрая смерть опережает медлительную мудрость, отчего жизнь у людей выходит такая жалкая». Почему же, вместо того, чтобы разобраться со своими наследственными болячками, люди с упоением кроют соседа и брата? Любя слова и словари, а также сборники пословиц и поговорок, мы легко ответим на этот вопрос. Ведь словари — это и сокровищница живого, и могильный склеп. Мы раскрываем их не только для того, чтобы понять сказанное другими, но и для того, чтобы посмотреть, как пляшут кости. Миллионы просмотров набирают ролики несчастных случаев и катастроф. Так и я, заглянув в сокровищницу языка, испытал этот странный восторг перед пляшущим скелетом, не желающим никуда уходить.

16 августа 2015

Почему вышел из моды Булат Окуджава

25.07.2015   Майор Владимир Старков задержан в
Украине с КамАЗом боеприпасов.

Булат Окуджава вышел из моды. Несколько месяцев назад один 17-летний студент сказал, что, мол, вся эта бардовская песня — какая-то отморозенная религиозная муть, все эти вставшие пораньше барабанщики, трубачи на крыше и бумажные солдаты.

Про бумажного солдата мой студент сказал зря. Трагикомическая песенка о бумажном солдате, который мечтал умереть «за нас», но был игрушкой, а мыне верили, и вот он сторел совершенно зазря, была написана в 1959 году. И я даже ее напомним читателю:

*Один солдат на свете жил,
красивый и отважный,
но он игрушкой детской был:*

*ведь был солдат бумажный.
Он переделать мир хотел,
чтоб был счастливым каждый,
а сам на ниточке висел:
ведь был солдат бумажный.
Он был бы рад — в огонь и в дым —
за нас погибнуть дважды,
но насмехались мы над ним:
ведь был солдат бумажный.
Не доверяли мы ему
своих секретов важных,
а почему?
А потому,
что был солдат бумажный.
А он судьбу свою кляня
Не тихой жизни жаждал.
И все просил: «Огня, огня!» —
Забыв, что он бумажный.
В огонь? Ну что ж, иди! Идешь?!
И он шагнул отважно,
и так сгорел он ни за грош:
ведь был солдат бумажный.*

Я впервые услышал эту песню в авторском исполнении сквозь сон из-за шкафа в нашей первой большой комнате коммунальной квартиры в писательском доме на Ломоносовском проспекте, потому что первоклашкам надо рано вставать, и бардов слушать не полагалось. А потом слышал много-много раз – и в том варианте, когда Окуджава говорил «мы», и в том, где начал говорить «вы».

Немного лет спустя понятие «бумажного солдата» обогатилось в сознании советского школьника еще одним именем – «Подпоручика Кижее», героя романа Юрия Тынянова. Вернее, не одним, а двумя. Подпоручик Кижее, который быстро вырос до генерала. И поручик Синюхаев, который был объявлен мертвым и заживо похоронен родным отцом. Все эти события разворачивались, конечно, в далеком историческом прошлом Российской империи времен Павла Первого. И с песней Окуджавы о «бумажном солдате» сопологались только по касательной. Когда Павлу сообщили о смерти полковника Кижее, император сказал, мол, жалко,

хороший был солдат. А вот о смерти поручика Синюхаева никто ничего такого и сказать не мог, потому что смерть его сначала случилась только на бумаге, а потом превратилась в фантасмагорию.

Объединяет Кижэ и Синюхаева только одно: оба солдата обязаны своей жизнью и смертью армейскому писарчуку.

Очень не хотелось бы мне залезать на филологические котурны. Но в истории языка и литературы бывают времена, когда приходится делать это через не хочу.

13 августа 2015 года в российских газетах была опубликована и даже снабжена видеоиллюстрацией статья, герой которой, в чине майора (вспомнившим о гоголевском майоре Ковалева просьба не беспокоиться, да?), попросил главнокомандующего и президента РФ «признать его» существующим.

Служба безопасности Украины опубликовала видеозапись, на которой россиянин, предположительно, майор армии РФ, Владимир Старков призвал президента России Владимира Путина признать, что он является действующим военным Вооруженных сил РФ. Ранее Старков был задержан пограничниками на контрольном посту «Березовое» (Донецкая обл.) за рулем КаМАЗа с боеприпасами.

«Я не боевой офицер, я бумажный, тыловой офицер. Не знаю, как в таких ситуациях поступать, но я 19 лет все-таки прослужил в российской армии, и меня теперь не признают, говорят, что такого не было, такой не служил. Хотя имеются сослуживцы, которые могут подтвердить данный факт, что вместе служили. Есть командиры, которые могут подтвердить, что я с ними служил – действующие командиры и уже уволенные, с которыми до сих пор хорошие отношения», – заявил Старков.

«Если посылать на такие операции, то нужно специальных людей посылать, а не так – кого ни попадя взяли, вывели, и все. Я не террорист, я не шел сюда кого-то убивать, – сказал Старков. – Поэтому перед задержанием я не стал оказывать никакого сопротивления, потому что знал, что официально передо мной нет врага, что Украина нам войну не объявляла. Мы Украине тоже. Мы не враги. Против кого мне применять оружие было? Поэтому прошу признать, что я действительно военный, и помочь отсюда в Россию перевестись».

Поручик Синюхаев тоже писал на высочайшее имя прошение, но резолюция на прошение была наложена, как известно, неутешительная.

тельная: «Исключенному поручику за смертью, просившему принять его в службу, потому что жив, а не умер, отказать по той же самой причине».

Иначе говоря, попал на Украину, вот и служи теперь в Украине, ну или сиди там как террорист. Собственно именно эту угрозу и хотел бы отвратить от себя предполагаемый майор Старков.

Нужно прямо сказать, что заявление Старкова, сколь бы кратким оно ни было, составлено по всем правилам классической риторики. Другое дело, что, благодаря современной технике, он не может уговорить одного адресата в нужном месте закрыть уши, а другого – как раз в этом месте слушать особенно внимательно. И все же всего в трех предложениях этот не существующий с точки зрения советских властей офицер, пусть сбивчиво, – а как бы говорили мы с вами, окажись мы в таком положении? – но все-таки очень доходчиво объясняет, что хоть он и «бумажный офицер», но тоже человек, у которого есть знакомые, сослуживцы. Эти люди могли бы дать показания, и вот тогда все сразу бы произошло самым чудесным образом!..

Конечно, этот аргумент, такой естественный в устах человека, оказавшегося в безвыходном положении, очень слаб. Слаб перед лицом государства, которое знает, что от солдата, под давлением этого самого государства, отвернутся родная мать и жена. Помните, как родной отец поручика Синюхаева, полковой лекарь, положил своего живого сына в госпитале в койку, над которой повесил табличку с надписью «Случайная смерть», и не задавайте дурацких вопросов.

Оправдываясь одновременно и перед украинскими следователями, и перед российскими командирами, предполагаемый майор Старков объясняет, почему сдался без сопротивления, одновременно удовлетворяя требованиям России, якобы не имеющей своих военных на территории Украины, и Украины, официально избегающей признания, что вооруженные силы этой страны противостоят никаким не сепаратистам, а соседнему государству: у нас ведь никакой войны с Украиной нет!

Единственное подлинное доказательство своей принадлежности к пославшему его в Украину российскому командованию предполагаемый майор Старков произносит в том месте своей речи, которая является микроскопической жалобой на непосредственное начальство. Напомню его:

«Если посылать на такие операции, то нужно специальных людей посылать, а не так — кого ни попадя взяли, вывели, и все».

«Забрали ночью, сонного подняли», — как пел другой бард.

Иначе говоря, гражданин начальник, я бы и рад, но офицер я — не вам чета, не боевой разведчик, а бумажный солдат, и тут ваши подчиненные напортачили — «а кого ни попадя, пустили на Донбасс».

Нет, не случайно, не просто так назвал себя «бумажным офицером» предполагаемый майор Старков, не только в том смысле, что сам я, мол, делопроизводитель, и попал, мол, под раздачу.

Многие, очень многие воюющие в Украине российские солдаты и офицеры — «бумажные солдаты» из песни Окуджавы, служивые люди, которым, может быть, и приказа не давали, а только телевизором очи выели, заставили кулаки сжать, поверив лжецам, что сгореть там, на Донбассе, сейчас, когда другие люди загорают на пляжах или закатывают банки на зиму — это самое верное государственное дело и есть.

«Он был бырад — в огонь и в дым — за нас погибнуть дважды, но насмехались мы над ним, хоть был майор бумажный...»

30 августа 2015

Темная сторона Луны

Одно из первых почти сознательных воспоминаний детства — сообщение по радио поздней осенью 1959 года о фотографии так называемой обратной стороны Луны. Ее называли еще темной стороной Луны. Всплыло оно сразу после того, как немецкие газеты наперебой стали цитировать президента Германии Йоахима Гаука.

Политик откликнулся 28 августа 2015 года на ксенофобские демонстрации и неонацистские поджоги домов, в которых власти Германии временно разместили беженцев из Сирии и соседних стран, растерзанных многолетней войной и распадом государственности. Президент ФРГ использовал для описания происходящего слово, которое не так-то просто перевести на русский язык даже двумя или тремя словами. Президент употребил слово Dunkeldeutschland. По-русски можно было бы сказать примерно так: «Та Германия, в которой скопился весь вот этот вот мрак». Или просто «темная сторона Германии».

Йоахим Гаук, конечно, никак не мог бы сказать, что это «не Германия», а что-то совсем-совсем другое: уж слишком много исторических – и давних, и не очень давних – примеров похожего поведения людей в Германии у него есть. Поэтому у президента страны есть и основания сказать «Германия мрака», не будучи при этом обвиненным в «предательстве» своей страны. Скорее, он просто называет вещи своими именами.

Надо сказать, что такие «темные» стороны есть в запасе у каждого государства, которое, зажмурившись от неожиданности, может попросить поддержки и совета в донных и даже подонных стратах своего общества. Именно там нашли в Греции свою «Золотую зарю», в России – до появления «Единой России» – такой стратой был электорат ЛДПР Жириновского. Такова правящая партия Венгрии, «Лига Севера» в Италии и «Национальный Фронт» во Франции – политические образования, которых «дневная», «светлая» сторона Германии или Франции, Венгрии, Италии или России как раз стесняется или стыдится. И не только после второй мировой войны.

Есть у этих объединений и еще одно общее свойство. Они обязательно обвиняют своих критиков в «очернении всей страны» и, разумеется, в отсутствии патриотизма.

«Какой бы ни была твоя родина-мать, не смей поносить ее!»

«Помни, что ты всего лишь червь!»

Лунатикам, конечно, проще. Их темная сторона не видна с Земли. Совсем по-другому с темной стороной государств. Чтобы повернуться к другим своею темной стороной, государству не нужно приглашать высокотехнологичный спутник. Мало того, государственные деятели, организующие разворот своей страны к другим (да и к своим) этой темной стороной, должны научить своих сограждан не узнавать этот собственный мрак. Захватывают лунатики с темной стороны чужие кратеры, а дневные лунатики думают, что так и надо, ни правоотступничества, ни предательства не замечают. Научились не замечать.

Возможно, лунатики не знают о либрации. Потому ли, что только в памяти у землян остался школьный курс астрономии? Либрация – это такая штука, которая позволяет наблюдать с Земли часть темной стороны Луны. В каждом конкретном случае мы видим не больше половины Луны, но в состав этой половины всегда входит край темной стороны. Поэтому невидимая часть темной стороны все-таки, на круг, меньше светлой, дневной. При-

мерно на одну пятую часть, но меньше. Если бы не либрация, можно было бы отрицать само существование темной стороны, и лунатики с темной стороны так и оставались бы невидимками. Но все-таки они выдают свое существование.

До поры до времени темные лунатики прячутся от светлых и скрывают свои цели. Если нынешний президент Германии заговорил о «темной стороне» своей страны, значит, он счел нужным предостеречь собственных сограждан от возможных так называемых непоправимых ошибок.

Светлая и темная стороны Луны несимметричны. Трудно маленькой Луне увернуться от Солнца, не всегда удается увернуться и от наблюдателей с Земли. После катастрофы национал-социализма – идеологии величия собственной нации, очищенной от «чужеродных» и «вредных» элементов вроде евреев, геев или инвалидов, зато наделенной высшим чувством справедливости для всего остального мира, – всякий сколько-нибудь ответственный политик в Германии предпочитает высказываться о малейшей угрозе повторения прошлого прямо и без обиняков. Помня о либрации, Гаук и назвал ксенофобские выступления своих соотечественников «темной стороной Германии», «Германией мрака» – для того, чтобы Германия не развернулась к миру этой темной стороной.

Сегодня полнолуние, и яркая Луна осветила площадку перед магазином недалеко от железнодорожной станции. Дерутся пьяные лунатики. Точнее сказать, четверо пьяных валтузят двоих других. Злобно, напористо. Пьяные бомжи – местные, подмосковные, пьяные избиваемые – приезжие, украинские гастарбайтеры. «Западенцы». Бьют их за то, что в очереди говорили по-украински да еще и с продавщицей-молдаванкой перебросились шуткой по-украински – шуткой, которую не поняли местные незлобивые бомжи. Слово за слово, и началась драка. Угасла она после того, как начали было колотить уже разнимавших, но вдали показался наряд полиции, и разбежаться пришлось всем.

Это была либрация: в ярком свете лунного блина можно было бы даже в школьный телескоп разглядеть показавшуюся на этот раз полоску темной стороны Луны. Но где та школа и где тот телескоп?

Не исключено, что, протрезвев, все участники драки, включая того, которому выбили передние зубы, смогут быстро найти общий язык. В конце концов, ни один из них телевизор не смотрит, а новости каждый узнает из воздуха – по обрывкам разговоров возле магазина. Одни с презрением и ненавистью смотрят

на гастарбайтеров, день и ночь вкалывающих и не без опаски выезжающих на свою воюющую родину. Другие с презрением и страхом – на разложившихся суверенов, утративших способность к труду, но не к насилию. И только угроза еще большего слепого насилия со стороны государства пробуждает и в лунатиках простое человеческое желание сбежать.

Да-да, в том числе и с видимой стороны Луны или Земли.

Эпидемия лунатизма темной стороны распространяется не только на выпивох, но и на трезвенников. Им кажется, что они точно знают, как надо, где враг и какими тайными тропами можно привести своих лунатиков к победе.

Эта уверенность, признаюсь, была воспитана в те самые времена, когда работали все радиостанции Советского Союза, и в один прекрасный день поздней осенью 1959 года шестилетний мальчик услышал о великом подвиге советских ученых, сумевших сфотографировать темную сторону Луны и показать всем людям на Земле то, чего никто никогда раньше не видел.

От того огромного чувства гордости остался маленький след – это чувство надежды, что лунатики оставят в покое самую большую наследницу Советского Союза, что Российская Федерация снова развернется к остальному миру своим светлым ликом, а не этим вот *Dunkelrussland*, рычащим на своих соседей.

20 сентября 2015

Может ли политика испортить жизнь языку?

11.08.2015   Министр иностранных дел Сергей Лавров произнес свое сразу ставшее знаменитым мемом «дебилы, блять» на переговорах с коллегой из Саудовской Аравии.

В конце 1930-х годов филолог-романист Виктор Клемперер начал отбирать материалы, которые сами собой накапливались в его дневнике, в отдельную папку под названием «Язык третьего рейха». Всего двадцать лет спустя он выпустил книгу, которой было суждено стать одним из важнейших источников понимания того, как немецкий язык, язык Гете и братьев Гумбольдтов, Альберта Эйнштейна и Генриха Белля, утратил свою роль мирового языка науки и техники.

Как вообще это возможно, что язык родины книгопечатанья,

точных, естественных и гуманитарных наук утратил свои позиции всего за полтора десятилетия – с 1933 по 1945 год? Когда Клемперер писал свою книгу, он еще не знал, что ждет его родной язык. Он был сосредоточен на поиске очевидного результата: как национал-социалистической идеологии – силами ее активных адептов и пропагандистов при массовой поддержке населения – удалось за несколько лет обесмыслить политические и творческие усилия нескольких поколений немцев?

В книге всего несколько сот страниц, в более подробном дневнике – несколько тысяч. А писал Клемперер примерно о том, чем в одно время с ним занимался в Советском Союзе Юлий Марголин, автор книги «Путешествие в стану Зэ-Ка», а тридцать лет спустя будет заниматься в СССР Александр Солженицын. Все эти люди составили отчет о – сейчас будет страшное слово – речевых механизмах отключения обоих этих языков, русского и немецкого, от рефлексии и интроспекции. Рефлексия – это осмысленный отклик на внешние события, интроспекция – это осмысленный взгляд в себя. Рефлексия – это отчет, понятный всем окружающим. Интроспекция – отчет, понятный только тебе самому.

Что это значит практически? А вот что: какой бы вопрос ни задавала вам ваша жизнь, у вас на все есть ответ-штамп. Например, ваша родина – самая прекрасная страна. Это же очевидно. И совершенно очевидно, что всякий, кто выражает сомнение или осмеливается утверждать, что и его родина – тоже самая прекрасная страна, – такой человек либо предатель, либо враг.

Ваши начальники – самые мудрые и симпатичные. Именно поэтому все вы спите и видите, как они продлевают свою молодость и копят силы вам на радость, чтобы сделать свое пребывание у власти над вами возможно более продолжительным. Если же кто-то осмеливается заявить, что власть – это только функция, только временные полномочия, и что поэтому наделять ими можно только тех, кого в регулярные промежутки времени выбирают, – если кто-то осмеливается потребовать публичного сравнения достоинства кандидатов, то человек, выступающий за сменяемость власти – это конечно, злой завистник и враг нашего лучшего в мире, хитрейшего и дзюдойшего правителя.

У советской идеологии было одно несомненное преимущество перед нацистской. Нацисты прямо заявляли, что принадлежат к арийской расе, чистота которой требует-де истребления вредонос-

ных евреев и цыган и принуждения остального человечества к поклонению Великой Германии. Советская идеология говорила о «дружбе народов» и всеобщем равенстве народов на основе подчинения личности коллективу, ну а младших народов и племен – старшим народам. Встроенная в советскую идеологию фиктивная цель делала ее заманчивой для тех, кому было совсем плохо, вот почему она продержалась на несколько десятилетий дольше.

Обе идеологии рекрутировали себе на службу свои языки. Как и в случае с быстродействующими ядами, ну, или с ложкой дегтя в бочке с медом, оказалось, что достаточно всего нескольких формул-торпед, чтобы носители великих языков полностью утратили союз с этой вот, спящей в твоём языке гуманистической традицией. Гитлер и его геббельсы-гиммлеры убивают в человеке Гейне и убивают человека Тухольского. Сталин и его молотовы-вышинские убивают в человеке Пушкина и убивают человека Мандельштама.

Обе идеологии были вынуждены для укоренения убивать тех, чей язык был способен на критику, истреблять тех, кто не боялся переспрашивать. Они приучили свои народы сначала уточнять, а не страшно ли переспрашивать, и только потом – рисковать. Поэтому носители немецкого языка в середине и носители русского языка в конце двадцатого века проиграли носителям языков, на которых продолжали спорить о жизни, писать неудобные кому-то книги, издавать газеты, менять правительства примерно как перчатки. Отменять ошибочные решения, называть обанкротившихся политиков банкротами и прогонять их из парламентов и правительственных зданий. Очень часто, почти всегда, этим более свободным народам приходилось многим жертвовать ради того, чтобы слова сохраняли силу и значение. Маленькая Греция, большая Германия и очень большие Соединённые Штаты Америки пользуются сейчас своими политическими языками рискованно и свободно.

Время, предшествующее моменту выбора, это царство политического языка. В спорах с настоящими противниками всем кандидатам приходится не просто высказывать свои политические предпочтения, планы и амбиции. Им приходится терпеть, когда политические противники громят их за совершенные ошибки, публично демонстрируют, где слова и обещания были одни, а реальность обернулась совсем другой стороной.

Всего этого в России боятся как огня.

Но тут никого не спасут такие знакомые русские отмазки: «Да какая разница, кто!»

«Да все одним миром мазаны!»

«Да следующие могут оказаться еще хуже!»

В последние 15 лет в России пошли в ход и старые штампы, те самые ключевые слова, которые были в ходу в Третьем Рейхе и в Совке сталинской эпохи – «пятая колонна», «враги народа» и им подобные.

Правда, и под грохот телевизионного маразма, с его «танковыми биатлонами», с его каждодневными разоблачениями «киевской фашистской хунты», пока еще сохраняет силу многоукладность русской жизни.

Учебные заведения Российской Федерации находят в себе силы сопротивляться «русскому миру». Куда ни сунешься, везде обнаруживается тяга к английскому языку, к тому авангардному слову, которое хочет слышать от преподавателей и студентов наша страна и остальной мир. Публикация на английском языке ценится в Российской Федерации в десять раз выше публикации на русском. Так называемые отечественные академические издания считаются, по большей части, макулатурой. Не в мире – в самой России. Русский мир сам знает, что он такое. Некоторые коллеги возмущаются. И это хорошее, благотворное чувство. Надо, надо возмущаться. Опыт национал-социализма в Германии и сталинского большевизма в СССР показывает, что политическая глупость слишком дорого обходится людям: она застревает в мозгах на десятилетия.

Вот почему на наш вопрос, может ли политика испортить жизнь языку, мы отвечаем утвердительно: да, может. До такой степени, что начинаешь бояться собственного языка. Д.Б., как говорит в таких случаях остроумный мининдел Лавров.

Между игиловцами и скобарями

24.09.2015

Лев Шлосберг, выступивший против отправки российских военных в Украину, лишен депутатских полномочий в Псковском областном собрании.

Некоторые слова начинают волновать общество, хотя давно устарели, а другие только входят в обиход, и между ними устанавливается некая музыкальная гармония. Слушать музыку революции заклинал Александр Блок в годы Гражданской войны в России. Слушайте музыку инволюции! – отпечатано на портянках деятелей текущей России.

Незабываемый призыв Владимира Жириновского, лет двадцать назад напечатанный в газете «Известия», построить в России «социализм с запашком портянок», глубоко впитался в сознание его однопартийцев и не выветривается из российской повседневности.

После того, как в четверг 24 сентября 2015 года во Пскове местные депутаты изгнали из областного парламента единственного человека, который боролся там за права граждан (в том числе посмертные права), в соцсетях России выросло число запросов на слово «скобари». Почему, дескать, их так называют? Уничжительное ли это прозвище для псковских? И правда ли, что это прозвище связано с некими скобами, производством которых скобские, якобы, занялись после того, как их поработило Московское царство? Может, возвращается оно потому, что нынешним депутатам хочется быть особенно надежной скрепой в противостоянии пресловутому «госдепу»? Именно это обвинение бросил Шлосбергу представитель суровой фракции. Могут сказать, что теперь, когда партии портянок во Пскове победили, любопытствовать поздно, но так уж устроен наш язык, что, даже подслушивая из укрытия, мы редко захватываем ключевое слово времени *in flagrante*.

Размышляя об этой материи, я вспоминал другие исторические термины, давно отошедшие в прошлое. Например, давно забыты китайские хунвейбины, гремевшие в 1960-х, перестали быть самой грозной силой исламского сопротивления Западу афганские талибы. Даже суровая Аль-Каида и африканская Боко-Харам уступили новым ассасинам – игиловцам, или людям, воюющим на стороне Исламского Государства Ирака и Леванта, или ИГИЛ.

За сравнительно короткое время ИГИЛ превратился из идеологической в территориально-географическую реальность. На картах в мировой печати область, удерживаемая игиловцами, уже превосходит по площади бывшую Сирию, а может быть, и бывший Ирак.

А словом *игиловец* стали обозначать людей по всему миру, устремляющихся на короткое время или надолго повоевать за то, чтобы новое государство – целый халифат! – окрепло и устоялось. Судя по сообщениям международных агентств, игиловцы не похожи ни на талибов, ни на партизан Латинской Америки, ни на тамильских тигров. Объясняется это довольно просто: они сражаются не с захватчиками на своей земле, а в священной области, принимающей в свои объятия, а иногда и в свой песок, всех тех, кто считает себя не просто обездоленным, но и не способным добиться исполнения мечты в родной стране.

Велик гнев игиловца на главных заправил современного мира, велико отчаянье от бессилия в родных стенах, велико желание громко заявить о себе и о своих правах. Вот и идут они туда, в Халифат, биться с супостатом, с Западом, с Америкой. Из Франции и из Германии, из Соединенных Штатов и из Великобритании, из России и из Грузии – отовсюду, где СМИ честно сообщают оставшимся: «Такой-то игиловец вернулся на родину, где его ждет преследование за нарушение таких-то и таких-то статей уголовного кодекса...»

Общество еще не успело разобраться, кто же такие игиловцы и игиловки, а люди в русских соцсетях уже охотно подшучивают друг на другом и над собой: уфимец называет игиловкой мусульманку в хиджабе на празднике города, а блогерша-дизайнер из Белгорода шутя называет игиловкой себя, стоит ей только почувствовать, как в ней просыпается гнев на местную позднесоветскую архитектуру.

Что все это значит? Только одно: игиловцы и игиловки среди нас, мы только боимся себе в этом признаться.

Можно сказать даже иначе: если среди нас есть иностранные агенты, а некоторые политические активисты даже прямо показывают пальцем на агентов Госдепа, как это сделал скобарь Иванов, вышедший на пикет против Льва Шлосберга со своей портянкой, то это значит, что должны быть и другие. Размышляя об этом, я смотрел, как из одного московского вуза расходились студенты. Десятки, сотни молодых людей – религиозных и светских, с крестиками на груди и в мусульманских платках, девушки на стиле-

тах и юноши в черных-пречерных штиблетах.

Улыбчивы и красивы. Двое в черных джинсах и свежих белых рубашках. «Наши игиловцы», — шуткой и восторженным взглядом провожает их женщина так называемой славянской внешности с тугим пучком на макушке.

Любопытство было сильнее цейтнота.

Я двинулся за «игиловцами» и, наконец, настиг их у входа в «Старбак».

— Господа! Молодые люди!

Чувствую, молодые кавказцы и не хотели бы, но долг юноши хоть на минуту прислушаться к старшему. И через несколько минут мы сидим в заведении и пьем кофе. А я записываю за ними — не связный текст, а только некоторые обрывочные формулы. Только синтагмы, обещал я юношам. Ну хорошо, только синтагмы. Они оказались настолько занятыми, что я оставляю их здесь в том виде, в каком они они вырывались из белозубых уст моих собеседников.

— Рамзан все правильно делает... Путин все правильно делает...

— Игиловец? Слушайте, нет никаких игиловцев...

— Игиловок намного больше, потому что настоящих мужчин растеряли много.

— Женщина много фанатичнее может быть...

— Она будет сначала тихо-тихо сидеть, как царица Медея...

— Там борьба идет за руководство, и Москва отозвать никого не может...

— Пусть думают, что он у Обамы помощь от Рамзана просить будет...

— Тигр и волк заманят и загрызут немецкую овцу и черную обезьяну...

— Нет, не свинью. Мы свинину не едим. (белозубая улыбка)

— Там будет так: наши будут в ИГИЛе и наши будут в анти-ИГИЛе...

— Теория заговора? Нет никакой теории заговора, есть практика договора!

— Рамзан все правильно делает... Путин все правильно делает...

— Все нас боятся. И это хорошо.

— Сейчас наши везде. И пусть их боятся.

— Русские? А кто это — русские? Вот вы — русский? (белозубый смех)

— Нет русских, нет нерусских. У нас дома знаете, сколько

погибло?

— Хитрее, умнее надо быть.

— Мы не игиловцы. Это шутка.

— Знаете, кто надо, уже уехал. Кто надо, еще уедет.

— Это как хадж. Знаете, даже на хадже погибнуть хорошо.

Это только дураки кудахчут, что давка-мавка.

— Они об этом даже мечтать не могли, что по правую руку сидеть будут...

— Что – семьи? Чьи семьи? Игиловские семьи знаете какие...

Разбросаны по свету. И их уже никто не посылал никуда.

— Просто сейчас все очень просто: чем им будет хуже, тем всем будет хуже.

— Не рой другому яму. Вот и вся гигиена.

Игиловский дискурс студентов без игиловцев и игиловок.

Сталинский дискурс скобарей без Сталина.

Оба заслуживают изучения.

Но общество пока что не наплясалось под эту музыку инволюции.

4 октября 2015

Логика сентиментального бандита

Аристотель считал, что поэзия воспитывает человека, трагедия – очищает, а философия побуждает к действию. Вот почему при анализе поведения, например, политического деятеля или банкира, бандита или факира так важно понимать стихи и песни его юности: здесь – ключ к тому заветному, в чем наш политик, может быть, не готов признаться даже себе самому.

Особенно это касается политиков-бандитов, или таких, которыми их поклонники восторгаются за то, что те действуют, грубо нарушая любые законы и правила, легко принимая жертвоприношения.

Здесь соединяются два значения слова «бандит» – страшное макро-социальное – «человек, силой оружия добывающийся желаемого от своих и чужих», и симпатичное микро-групповое – «лихач, обходящий всякие правила для слабаков и добывающийся своего»; так, «бандитами» любящие хозяева называют своих ловчих котов, а родители – шкодливых отпрысков.

В годы моей юности было не так уж много сверх-талантливых

бардов и бардесс. Некоторые из них сочиняли песни, сентиментальность которых была спрятана столь виртуозно, что сохраняет свой аромат даже десятилетия спустя, раскрываясь вместе с распусканием, цветением и плодоношением воспитанных этими песнями людей.

Если мы хотим понять действия бандита, советует нам Аристотель, нам надо вникнуть в сочинения, которые могли бы объяснить его ранние душевные движения. К Аристотелю глупо не прислушаться, ведь он был воспитателем одного из самых знаменитых бандитов в мировой истории — Александра Македонского, и спустя четыреста лет после смерти Александра Плутарх покажет, какую пагубную роль сыграла в жизни этого человека поэзия, ведь он читал Еврипида, но не очищался его трагедиями, а впитывал лирическую сладость мести Медеи и горечь судьбы Андромахи, решимость убийцы матери Ореста и жестокость Аполлона.

Об опасности, которая подстерегала начинающего бандита при встрече с большим искусством, я подумал, когда прослушал необычайно популярную в годы моей юности песню Новеллы Матвеевой «Какой большой ветер» которую сам я впервые услышал на квартирнике в самом начале 1970-х в исполнении другого великого барда, Владимира Высоцкого, и вообще долго считал, что песню написал именно он.

И вот, представьте себе, прошло сорок пять лет, и вдруг свалившаяся из бездонного чрева ютуба песня заставила вспомнить и Аристотеля, и Александра Македонского, и нашего вот этого вот бандита, вернее — то возможное воспитание чувств, которое должен был пройти человек, ввергающий сейчас подвластную ему часть человечества в бурю с последствиями.

Попробуем понять тот не совсем простой образ героя мечты, который подарила нам Новелла Матвеева.

Здесь соединились три удивительных образа.

Один — реальности обиды и беспомощности человека перед стихией.

Другой — мечтаний о чудесах, в том числе о чуде человеческой или, точнее, нечеловеческой ловкости.

Третий — мечты о бесконечной уверенной силе, которую не может поколебать даже самый свирепый ураган.

Но давайте по порядку.

Какой большой ветер

*Напал на наш остров!
С домишек сдул крыши,
Как с молока — пену,
И если гвоздь к дому
Пригнать концом острым,
Без молотка, сразу,
Он сам войдет в стену.*

Виртуозная внутренняя рифмовка «гвоздь без молотка в стену» и «ветер-гость, снявший с молока пену» немного пугает слушателя, но еще не предвещает ничего страшного. Наоборот: мир становится как бы игрушечным, и в нем есть место маленькому странному и опасному чуду — самоуправляемый гвоздь, вгоняемый в стену. Но тут:

*Сломал ветлу ветер,
В саду сровнял гряды —
Аж корешок редьки
Из почвы сам вылез
И, подкатясь боком
К соседнему саду,
В чужую врос грядку
И снова там вырос.*

Это коварство природы, прихоть исторического вихря, эта Аляска и это предчувствие Крыма, подумал я, эта обида, эта обидная беспомощность человека перед стихией, которая, при ближайшем рассмотрении никакая не стихия, а сознательная вредительница и противница нашего счастья.

*А шквал унес в море
Десятка два шлюпок,
А рыбакам — горе, —
Не раскурить трубок,
А раскурить надо,
Да вот зажечь спичку —
Как на лету взглядом
Остановить птичку.*

О да, остановить взглядом птичку. Китайскими или японскими

палочками поймать муху, как в легенде про дзюдоиста, на лету взглядом остановить.

Я даже не о предчувствии других «птичек», «остановленных взглядом». Поэт — вития, vates, пророк, тут нет ровным счетом ничего удивительного.

А удивительно другое. Природе противостоит, должен противостоять герой-созерцатель, который, хоть и не курит, но как раз умеет остановить взглядом птичку. Вместе с вихрем смотрит, как человеческий мир превращается в игрушечный. Вихрь сдувает крыши — как с молока пену. Уносит шлюпки-щепки, задувает спички.

Он еще и коварен — ворует нашу редьку и пересаживает в огород соседа-супостата.

Но у бардессы есть герой. Есть Ты, который сильнее самого гонителя волн и хозяина бурь — Нептуна.

Вы думали, что на этой песне будут воспитывать долготерпение доброго созерцателя?

Конечно, сколько их, сидящих тихо в бурю. Таких, кого не сдвинуть никакой силой.

Но ведь и бандит, сентиментальный бандит, тоже думает о себе в этих категориях. Только вот его, бандита, мощь состоит не в бессильном молчании и ожидании, когда буря, наконец, уляжется.

Последние слова песни, так хорошо объясняющие, отчего ни один мускул не дрогнет на лице бандита, пусть на его глазах погибнут даже и самые верные его люди. Бандит до последнего момента актерствует. Он думает о себе:

«Сиди тихо, и тогда никакой силой тебя нельзя сдвинуть. Скорей Нептун слезет со своего трона...»

Сентиментальный бандитизм абсолютно искренен. Он силен презрением к слабому, к «горю» моряков, людей со слабостями, которым, видите ли, «надо раскурить трубку». Но если спросить его о цели мужественного пережидания бури за наблюдением над «горем моряков», то сентиментальный бандит сошлется, может быть, на хрестоматийного школьного «Пловца» Языкова, из которого все помнят строчки

*Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней,
Будет буря: мы поспорим*

И помужествуем с ней.

Куда меньше в памяти народной другие, вполне самоубийственные строки из того же стихотворения Н.Языкова:

*Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.
Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья, бурей полный,
Прям и крепок парус мой.*

Авантюризм сентиментального бандита согрет лучами прекрасной поэзии — той самой, которая ведь принадлежит, как вам кажется, только вам — интеллигентным, хорошим и умным.

А песенку эту может с юных лет напевать себе под нос и бандит, сентиментальный, но и злопамятный.

11 октября 2015

Как получить Нобелевку после Светланы Алексиевич

08.10.2015

Нобелевская премия по литературе присуждена белорусской писательнице Светлане Алексиевич.

Я пишу эту заметку в электричке. Выходной день, народу совсем мало. Особенно с тех пор, как подмосковных пенсионеров лишили права на бесплатный проезд в московском метро.

У граждан нашей страны с Нобелевскими премиями отношения на редкость сложные, — начал я. Товарищ Сталин даже пытался помочь советским гражданам — велел ввести в школах логику, но потом почувствовал, видимо, угрозу режиму, и отменил. Последствия пожинаем до сих пор.

И тут на станции Переделкино подсаживается ко мне бывший русский советский писатель, была такая рубрика в Краткой Литературной Энциклопедии. Ныне он — просто русский писа-

тель NN.

Кинул взгляд дальнорезкий на экран и оживился. И ты, мол, туда же. И тебе Нобелевки захотелось?!

Ну да, говорю, забор починить надо, трубы кое-где поменять.

А что, говорит бывший молодой русский советский, а ныне крупный писатель земли русской, дали премию журналюге.

— Ведь шутка сказать — Нобелевская премия! Это ж какого уровня писатель-то должен быть! Это ж главная литературная премия мира! Да как же это возможно, чтобы за какую-то журналистику, да еще с русофобским душком, да еще тетке какой-то, которая в 1980-х даже рядом со мной, уже известным тогда критиком (драматургом, прозаиком, поэтом, публицистом-международником), не стояла. Гоняла себе по каким-то афганцам-чернобыльцам, магнитофон крутила. А я, уже тогда, в общем, почти маститый критик (драматург, прозаик, поэт, публицист-международник) ковырял в носу за столом, по легенде принадлежавшим самому Аксакову.

И статьи из-под моего пера острые выходили, что тогда, что теперь. Но что я, скромняга. У нас же есть титаны пера. Почему не им? Почему не ходил Валентин Распутин в нобелиатах? Это же титан! Да вот хоть Александр Термоядович Проханов и Эдуард Большевикевич Лимонов! Ведь и они правду-матку режут! И они наносят, каждый в меру своей поражающей способности, урон нашей многострадальной России! Почему, черт возьми, не они, а какая-то вот белорусская, прости господи, письменница, у них и языка-то своего нету, все по-нашему, по-русски пишут, почему она? Да и не писательница она никакая, правда? Это же журналистика, правда?

Тогда как в стране выросла хорошая, духовитая, по-хорошему смердяковская поросль. Вот Захар Прилепин. Это ж глыба, 1930-х годов человек. Вот кто правду-то матку режет. В «Российской газете» четко дал понять супостатам, что чужаков-иноземцев за версту чует. Про Есенина написал наш мальчик. Вот послушай: «Есенин действительно урожденный славянский парень, не дворянских кровей. У нас же, признаться, таких славянских ребят в поэтическом иконостасе не густо. Про Пушкина мы все помним — он ведь не только эфиоп был, но еще и немец. Державин и Давыдов — татарского племени. Шотландский Лермонт, еще немцы — Брюсов (Брюс) и Блок. Ну и так далее. И недруг есенинский — Маяковский — был дворянского рода, и даже Мариенгоф — сын

русской дворянки. Есенин же — кровинка. Нацедили».

Ведь как сказано, а? «Нацедили кровинку». Кто еще так скажет, а? Что поморщился? И шведы такое не выдержат, небось, сразу сблюют. Потому что слабаки. Начнут бляеть про нацизм да про расизм. Но мы-то с тобой понимаем, что прав наш мальчик, кругом прав. Не умеем еще кровинку цедить по-настоящему.

И Алексиевич эту еще надо проверить. Вот эти вот все Гуревичи, Сахаревичи, Зубаревичи. Мы это проходили. Все знаем. Все помним. Двадцать лет по Европе хвостом крутила, творчество свое впаривала, а перед тем, как нобелевка-то созрела, в родное гнездо вернулась: почувяла, что вольной птице не дадут, что на родине надо пожить-пострадать. Ловкая бабенка!

Если б только литературные власовцы получали, куда ни шло, намекнул большой советский русский писатель на нобелиата Солженицына.

Но ведь и премию мира дают за развал России! Буквально.

А ведь это Нобелевская премия! Мира! Главная премия!

Ну вот дали академику Сахарову. За то, что, дескать, выступил против ввода советских войск в Афганистан. Встал, говорят, один против всего Политбюро. Подумаешь, Политбюро. Да плевать мы на него хотели, на Политбюро это. В советские-то годы. Я вот в носу ковырял за дубовым столом. Писал острую публицистику. А что против Афгана не бунтовал? Ну как? Чего бы я добился один? Сахарову легко было. Он — умный. Трижды Герой Соцтруда. Академик. Его и сослали-то всего-навсего в другой академический институт. А мне небось другого дубового стола от Аксакова бы не дали. Сам бы дуба, небось, скорее дал. А что парни наши тысячами гибли и десятками тысяч инвалидами возвращались, так это ж жизнь. Это понимать надо. Диалектика. Сейчас в Сирию вот войдем. Всерьез и надолго.

Или вот Горбачеву дали. Говорят, что за прекращение войны в Афганистане. Вывел, якобы, войска. Сберег, якобы, десятки тысяч жизней наших солдат. Ну, сберег. Так они ж потом все равно полегли — кто в Чечне, кто на Донбассе. Для чего, спрашивается, сберегал? Ну кто его просил?

А ведь это Нобелевская премия мира! Главная премия!

Но получить ее просто. Ты не думай. Черножопым, извини, ваще охотней дают. Напиши антиисламский роман «Аллохол в бар!» И все! Или тебя бляхой мира наградят, или, как эту Шапиро-Алексиевич, литературы. Шведы все-таки тонко работают.

Нейтралитет, то-се.

Главное — что? Понимают, как это нас раздражает, как обижает. Полтава им спать не дает.

Робко возражаю писателю земли русской, что вроде бы премию мира норвежский парламент дает, а не шведская академия.

Но попутчика моего не собьешь.

— Какие, бляха-муха, норвеги?! Ты хоть сам-то понял, что сказал?! Это ж один народ. Скандинавы — как наши вайнахи. Там только финны наши. Хоть и не совсем. Линию Маннергейма забыть не могут.

Знают, чем нас ранить! Что славяне мы, что с украинцами и белорусами — кровные братья. Она ведь не русская, не белорусская, не украинская какая-нибудь. Советская она писательница. И хотела бы, гнида такая, нас, советских, русских людей объединить вокруг чуждых благ. Но не на тех началах, на каких мы сейчас вот строим, а на старье этом сахаровско-горбачевском.

Опозорили премию, опозорили.

Ведь Нобелевка, Нобелевка, — прошипел русский советский писатель — Главная премия мира — и кому?! И за что?! И премию мира в этом году опозорили. Кому дали?! Когда наш президент стеной встал на Донбассе, ценой жизни наших ребят помогает Сирии, кому дали? Черножопым, извини, тунисским. За жасминовую революцию. Вроде как косвенно за Майдан получается.

Опозорили премию, опозорили...

Но вот проползла мимо нас станция Москва-Сортировочная, и на Киевском вокзале столицы мы расстались с русским советским писателем NN.

Как все-таки, думаю, слово «нобелевка» человека нашего выдает. О них, бедолагах, с ампутированной логикой, большой русский поэт Герман Лукомников написал свое бессмертное двустишие:

*Заместо премьи Нобля
Мне выдали говнобля.*

Гибридные бюджетники и обманутые пророки

Кто не знает, что такое тумак? И присказку все знают про то, что, мол, кому пироги и пышки, а кому — тумак и шишки. И все же в обиходе слово «тумак» в значении «удар кулаком, полученный чаще при избивении более сильным, чем в драке с равным», в последнее время не так уж часто и услышишь. Слово хоть и знакомое и даже родное, но какое-то даже и чересчур культурное теперь уже для наших широт.

Что говорить о другом значении слова «тумак», и вовсе позабытом. Тумаками в старину звали ублюдков — животных, родившихся от случайного союза, например, зайца-беляка и зайца-русака. Или собаки с волком. У Владимира Ивановича Даля как раз в статье «ублюдок» приводятся интересные примеры.

В лучах расовой теории слово «ублюдок» стало бранным. И вместо него стали говорить «гибрид». Как говорится, шли годы, и появилось много приятных гибридов и полезных гибридных вещей. Например, грейпфруты и гибридные двигатели. Но есть и такие понятия, которым, при ближайшем рассмотрении, больше подходит слово «ублюдочный». Например, вот эта вот ваша «гибридная война» — отличная проговорка получилась. Хотелось выдержать стиль, но ублюдочное содержание побилось.

Тут действует такой закон. Сейчас я его попробую сформулировать попроще. Вот: когда разум отказывается стоять на страже языка, язык заступает на стражу разума. И вот вам пример.

В церковнославянском языке словом восстание передавали два греческих слова. Оно было калькой сразу двух слов — и слова *анастасис* — воскресение, и слова *енстасис* — бунт. Когда мы в школе учили наизусть пушкинского «Пророка», добрые и хорошие учителя наши объясняли нам, несмышленишам, что в словах бога:

*«Востань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей»*

поэт сплавляет оба значения. Те, против кого поднимался народ, называли этот подъем бунтом. А бунтари — восставали. Иначе

говоря, воскресали к свободной политической жизни. Со временем восстание было переименовано в революцию и заболтано до такой степени, что человеческое стремление воскреснуть к свободе каждый болван научился крыть пушкинской же цитатой про «русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

Сейчас как раз времена, когда духовная жажда не в моде, и языку самому приходится выводить его носителей на чистую воду. Превращаясь в политическую фауну, люди продолжают переосмысливать слова, вероятно, чтобы потомки могли разобраться в том, что происходило с сознанием их несчастных предков, этих несчастных бюджетников некогда великого и могучего языка.

До некоторой степени бюджетником был и поэт, написавший «Пророка» после того, как, видимо, прочитал библейскую книгу пророка Исаяи. И — кто знает? — может быть, сегодняшний Пушкин должен был бы рассказать о преображении казенного человека, бюджетника?

Судите сами. Само это скучное слово — бюджет — пришло в русский из английского через французское посредничество. И долгие года оно означало не что иное, как смету государственных расходов. Почему же сейчас, буквально на наших глазах, это слово стало синонимом чего-то странного, местами даже непристойного. Бюджетным, а раньше — малобюджетным, называют то дешевое и сердитое, что получает от государства — из госбюжета — самая слабая, неприхотливая, но и мало к чему пригодная часть общества. Те самые 86 процентов, которые ради сохранения своего не очень-то завидного положения готовы склонить выю как раз перед теми, кто этим бюджетом распоряжается.

Казенный человек, собственно, толкающий своим пердочим паром государственную машину, самим словом «бюджетник» объявляет себя нахлебником этой самой государственной машины. Стало быть, превращение слова такое — сначала «малобюджетный», потом просто «бюджетный», а теперь и просто «самый дешевый». Эта семантическая фантазмагория нужна языку, чтобы предупредить тех, кто в будущем вернется к логике, воспрянет ото сна, услышит обращенные к нему некогда слова «восстань, виждь и внемли». Начнет задавать вопросы об этой странной метаморфозе.

Сто с небольшим лет назад слову бюджет была посвящена статья в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, которую будущие историки нашего захватывающего настоящего будут читать с замиранием сердца. «В конституционных государствах

законопроект, содержащий предварительную смету доходов и расходов государства, рассматривается и утверждается народным представительством. Совокупность положений, определяющих порядок рассмотрения Бюджета в парламенте, составляет так называемое бюджетное право. Основное положение парламентского бюджетного права выражается в том, что ни один новый налог, никакая перемена в старых налогах, ни заключение государственного займа не могут быть произведены без согласия парламента. Осуществление бюджетного права дает народному представительству могущественное средство участия в государственном управлении и надзора за целесообразной деятельностью правительства».

Но человек, сам назвавший себя «бюджетником» или согласившийся на такое название, не может даже и мечтать ни о каком контроле за, прости господи, деятельностью правительства. Все тот же словарь, выпущенный аж в 1909 году, цитирует мнение тогдашних корифеев экономики и права: «Бюджет, оказывается, есть вместе с тем процесс, путем которого государство выясняет свои задачи, проверяет свои наличные силы для осуществления последних и устанавливает объективное отношение между теми и другими, причем каждый отдельный момент в составлении и утверждении Бюджета имеет свое содержание и свои формы».

Тот же, кто сводит бюджет к простой смете, этот сметливый хитрец и специалист по гибридной войне и гибриднему миру, в пароксизме бесконтрольности забывается — примерно так, как российские власти 100 лет назад, когда автор энциклопедического словаря Брокгауза честно предупреждал: «Самый порядок составления бюджета выражается, во всех цивилизованных государствах, в том, что все отдельные ведомства, выработав свои частные сметы, представляют их министерству финансов, где составляется уже общегосударственный бюджет, который, с приложением объяснительных записок и других материалов, вносится заблаговременно, как всякий другой законопроект, на рассмотрение высшего законодательного учреждения: государственного совета в России и палат в конституционных государствах, причем при поступлении в последние обыкновенно передается, для предварительного анализа, в специальные финансовые комиссии; затем — с заключениями этих комиссий — бюджет представляется на рассмотрение палат и, по одобрении с их стороны, поступает на окончательное утверждение главы государства, а по

утверждении обнаружится, как всякий другой закон, после чего всем отдельным ведомствам, на основании его, открываются подлежащие кредиты на предстоящий финансовый год. Бюджет на предстоящий финансовый период рассматривается обыкновенно в одно время с отчетом по исполнению государственной сметы за истекший финансовый год; в государствах с представительным правлением подобный законодательный контроль служит главным основанием так называемого абсолюториума, состоящего в том, что палаты признают действия министров правильными и снимают с них ответственность за истекший период».

А теперь представим себе абсолюториум, в котором никто из министров и членов представительных палат не может отвечать ни за какие действия, включая вполне гибридные, предпринимаемые главой государства за счет бюджета этого самого государства.

Именно это случилось в 1917 году, всего-навсего через 10 лет после публикации умной статьи в Брокгаузе. Никто не слушал нашу энциклопедическую Кассандру, и Российская империя выбыла из списка цивилизованных государств. С тех самых пор изменения значения слов «бюджет» и «бюджетный» так много говорят нам об изменениях, происходящих в сознании людей. Таким же гибридным, каким оно было и раньше, хоть и называлось по-другому.

25 октября 2015

Казенный язык

Двадцатый век не был милостив к царям не только в России. Но монархия кое-где в Европе еще сохранилась, да и государственное устройство Советской России и посюветской РФ напоминает скорее монархическое, чем какое-либо еще.

Даже убитый в прошлом году последний крупный деятель демократического толка — Борис Немцов — в своих мемуарах неожиданно много рассуждает о монархии как о легитимной для РФ форме правления. Немцов пользуется неожиданной для политика такого масштаба аргументацией: монархия в России, видимо, все-таки нужна; но поскольку она как бы и запрещена, то должна присутствовать хотя бы виртуально. Руководитель России, считал Немцов, должен быть хотя бы похож на настоящего царя. По

этому признаку Немцов признавал виртуальное царское достоинство за Борисом Ельциным. Трагическим образом, Немцов попал в точку, поскольку своим отречением Ельцин повторил, пусть и не в условиях мировой и гражданской войны, схему поведения последнего настоящего государя и наследника престола — Михаила Александровича, — отрекшихся всего через несколько дней после Николая. Недостаток прежнего, советского еще, государственного устройства Немцов видел в том, что фактическая монархия не была соответствующим образом декорирована.

Несмотря на простой и совсем не политический словарь, а также на отсутствие опыта «практиковать сложность» (М. Мамардашвили), молодой российский политик опирался в своих рассуждениях на анализ полезной русской максимы «без царя в голове». Так говорят о человеке, не готовом ни взять на себя ответственность самому, ни разумно исполнять предписания, которые получает от того, кто от такой ответственности как раз не увернулся.

Так вот в стране, среди людей, которые, как современные россияне, живут «без царя в голове», монархия, считал Немцов, как раз очень опасна.

Это выражение, «без царя в голове», бывшее в ходу, естественно, еще при царской власти, обладает важным свойством: давая кому-либо такую характеристику, говорящий отстаивает право потребовать документы на авторитетность.

Несколько десятилетий, которые прошли со дня первой публикации словаря В.И. Даля в 1863—1866, закрепившего тогдашний многодиалектный узус, до нормативного словаря Д.Н. Ушакова (1935—1940; второе издание 1947—1948), были временем утверждения — сейчас будет ужасно скучное, но неизбежное выражение — коллективного институционального авторитета в области языка.

Авторитет этот стоял на трех китах. Первым китом была академическая наука и единая средняя школа. Вторым китом — контролируемая советским государством книжная и газетно-журнальная продукция, а также кино, телевидение, театр. К каждой редакции и каждому вузу приставлялись спецсотрудники государства — от освобожденных секретарей партийных организаций до кураторов КГБ. Весь этот обширный аппарат мог не быть наделен индивидуальным запоминающимся вмешательством, но он всегда прикрывался идеей абсолютной нормы. Советское государство уверяло всех, что оно занято будущим всего человечества, и просто вынуждено было относиться к русскому языку как

к важнейшему своему ресурсу управления сознанием.

Но отвлечение к казенному языку и идеологии к концу советской власти накопилось такое, что с закатом совка распространилась массовая неуверенность в русском языке как в ценности, которую стоит защищать. Можно показать это движение на одном-единственном примере — изменении в сознании людей, в речи и на письме представления об авторитетности, об авторитетах. Само это слово — «авторитет» — было, как и многие близкие ему по духу и смыслу, девальвировано казенными речевками («пользуется авторитетом в коллективе»). Но все же понятие авторитетности как опирающейся на человеческие достоинства и профессионализм личной влиятельности в обществе могло бы остаться в силе и в постсоветской России, если бы не одна проблема.

В значение самого слова «авторитет» с конца 1980-х гг. широко вошла уголовная составляющая. Наряду с другими базовыми понятиями уголовной среды (во всех ее регистрах — от пенитенциарной машины до мелких преступных сообществ), таких как «беспредел» или «общак», «авторитет» — относящийся к верхушке преступного мира субъект — оставил авторитеты гражданского общества в иронической тени. Ловкие проходимцы, в том числе, конечно, имевшие высшее образование, перестали относиться к науке и знаниям с почтением и даже трепетом последнего советского поколения руководителей.

Шумные похороны «интеллигенции» как слишком грамотного, а потому особенно вредоносного воплощения совковости и вообще, по Ленину, «говна», похороны, прошедшие в начале 1990-х годов, обесценили в сознании русскоязычного сообщества и всякое гуманитарное знание.

Членораздельная и логически обоснованная речь, если она не опирается на силу оружия или денег, не приводит ни к каким общественным последствиям, не авторитетна. Разоблачат плагиатора-министра, так никто не понимает даже, что никак невозможно тому оставаться на прежнем месте.

Есть и другая сторона медали. Вернее, не так. Сейчас говорят о формате. Есть и другой формат производства речи. Который никакого авторитета не требует. Наоборот, он требует проглатывать любые речи. В том числе публично объявляющие, что еще вчера ты всем врал, зато сегодня, может быть, скажешь правду. Да и то вряд ли. Русский язык был буквально на наших глазах

объявлен языком, на котором, говоря языком блатных, можно лажать. Когда вежливо, а когда и не очень.

Когда настоящий царь языка умер или казнен, его место занимает тот, кто, воспользуемся формулой Бориса Немцова, на царя не похож. Ключевым речевым ресурсом публичного дискурса стал инструментарий теневого авторитетов — носителей уголовно-полицейского жаргона, диффузно описывающего реальность как поле низменных страстей. Так, в 1990-х бывшие советские художники слова и сцены задружились с ворами в законе.

В 1851 году Александр Иванович Герцен цитировал в письме из Ниццы французского беллетриста Огюста Ромье, что, мол, Европе грозит «или безвыходный цезаризм, или красный призрак». Герцен возражал, что куда страшнее «цезарский коммунизм».

Мучительное для подданных несходство с царем казалось не очень страшным, ведь и французы в 1789 казнили своего, и мы в 1918 своего Николашку-то кокнули. Дело же не в них, а в отсутствии «царя в голове». Который помнил бы, что предупреждение Герцена сбылось в полной мере в другой стране сто лет спустя.

Но в начале 21 века ни «цезаризма», ни «красного призрака» никто не боится: эти слова не значат ничего для тех, кто «сливает», «берет на понт», «нагибает», подносит к носу «господ» свою такую гордю, такую обиженную портянку дворового цезарька.

1 ноября 2015

Римские слова и русские понятия

На первый взгляд кажется, что студентам из нашего третьего Рима сравнительно легко понять, как существовал и функционировал Рим первый и единственный, настоящий. В конце концов, неужели так трудно разобраться в реалиях двухтысячелетней давности?

Император, или принцепс, и цензура, консул и карцер и ... смело поставьте на тысячу слов и понятий, и будете правы. Все эти конкретные следы государственного устройства — такие же следы времени, и они живут в наших головах точно так, как камни Форума между Палатином и Капитолием.

Несмотря на все перестройки и переделки, вряд ли какой другой город может поспорить с Римом по части подлинности.

Мысль, что это город, в котором все – настоящее, не оставляет, сколько бы ты сам ни слушал студентов, которые уверенно говорят о временах, когда никакого Колизея и в помине не было, или о кирпичках, с помощью которых фальсифицируется сегодняшняя руина. Рим – город подлинный, но и в нем жили сплошные подражатели.

Это касается и слов. Император Адриан не был ни первым ни последним, кто фальсифицировал слова «консул», «великий понтифик» или «трибун плебеев». Это был лишь один из череды узурпаторов, под конец правления перепивший крови своих врагов.

В подражание Августу он оставил после себя самую большую могилу, которая, словно в насмешку над собственной историей, зовется Замком Святого Ангела. Об этом новом имени Адриан уже ничего знать не мог. Он умер в состоянии двойного безумия, которое обуревают едва ли не каждого правителя, надолго задержавшегося у нечисто захваченного государственного кормила. Адриан думал, что благодаря вечной душе он будет жить вечно, и даже написал одно из самых так называемых пронзительных стихотворений о душе в мировой лирике. Он думал, что можно построить такую могилу и написать такую биографию, откуда никто и никогда не достанет его подлинного. Но римляне были невероятно писучим народом, и об Адриане было известно, например, что Сервиана, девятилетнего мужа своей сестры, он «заставил умереть, боясь, как бы тот не пережил его самого». А после книги Маргариты Юрсенар остается и вовсе нешуточное ощущение, что угроза прожить жизнь Адриана висит над каждой живой душой – душенькой или душонкой, к которой обращался Адриан в своих предсмертных стихах.

Потому что, в конце концов, счет ведется не по укрепленным границам или построенным водопроводам, а по ключевым словам, которые остаются, и по событиям, виновником которых правитель мог и не быть.

Хотя по Городу, мы читаем эти ключевые слова на стенах. Иногда они выбиты или нацарапаны на камне, иногда – это только плакаты, приклеенные на день-два-неделю. Завтра, 2 ноября 2015 года, исполнится 40 лет со дня убийства Пьера-Паоло Пазолини. Мы живем в Остии в двух шагах от того места, где режиссера сначала пытали и убивали, а потом несколько раз переехали на автомобиле. Организаторы убийства до сих пор не установлены,

не были привлечены к ответственности и все непосредственные исполнители. Раз в пять лет – в последний раз это было в 2010 – в Риме происходит что-то вроде люструма – очистительного медийного жертвоприношения, когда выдается очередная маленькая порция новых сведений об убийстве левака-гомосексуалиста, которое совершили фашисты. Одни говорят, что убийцы Пазолини были недовольны фильмом, оплевывающим эпоху Муссолини. Другие – что убийцы были-де наняты нефтегазовой компанией Епі. Третьи – что убили художника, который выдвигал невыполнимые требования своим зрителям: не быть пошлыми, носить тонкую человечью, а не толстую носорожью кожу.

1 ноября 2015 миновал новый люструм, и на стенах Рима появились плакаты с сообщением о новом витке нового расследования убийства.

Удастся ли новое расследование? С плакатами об убитом гее-коммунисте и великом режиссере рифмуется новое выступление фашистов: плакат, требующий от парламента запретить однополые браки и усыновление детей геями и лесбиянками. Сотни плакатов по всему городу. В двух-трех местах плакаты разорваны или замазаны краской. Но чаще – другая картина. На фашистский плакат наклеен плакатик поменьше, напечатанный городскими властями Рима. На нем – предупреждение, что сам призыв к ограничению в правах ЛГБТ-сообщества – злоупотребление свободой слова.

Запретить вовсе вывешивать фашистские лозунги (как всегда, под видом борьбы за духовность и нравственность) мэрия Рима не может. А выражать свою, официальную позицию – вполне.

Речь идет, как видно, не об окончательной победе над фашизмом, которая едва ли возможна, и даже не об ограничении фашистов в правах. Речь идет о другом: приди эти люди к власти в Италии, они не станут наклеивать на плакаты своих противников предупреждений. Подражатели Муссолини будут действовать так, как их герой.

Город споров, многие из которых в истории заканчивались человеческими жертвоприношениями, Рим задает больше вопросов, чем дает ответов. Под инсулами и храмами – катакомбы, где когда-то соседствовали и теснили друг друга чужие культы, привезенные в Рим мигрантами с Востока. Вот евреи, вот почитатели Митры, а вот – приверженцы культа Христа. Почему одни прои-

грали, другие укрепились, третьи ненадолго удержались?

Мир еще не создан. Вот Митра убивает быка. За его подвигом наблюдает бог Солнца в лучезарном венце. Бык – символ хаоса – сопротивляется. Но Митра сейчас перережет дикому свирепцу горло. А помощник Митры скорпион отгрызет обессиленному парнокопытному яйца, семя прольется на землю, и из нее возникнет род людской. Богиня Афродита, рожденная из семени оскопленного Урана, пришла в греческий Пантеон похожим образом.

Кажется, картина мира у христиан несколько веселей, хотя и ее подлинность внушает сомнения.

Выбитого на камне слова недостаточно. Важно понять, как разрешится очередной люструм, чем разрешится спор между меньшинствами и их гонителями, установят ли все-таки, кто и за что сорок лет назад убил великого Пазолини?

Возвращение в третий Рим неизбежно. Но какому Риму подражает этот третий? Бережет ли он, по слову поэта, свои «царственные яйца»?

9 ноября 2015

Третьеримское начальство и его пулларии

31.10.15

Российский самолет Airbus A321 авиакомпании

В мире происходит столько великих ужасов, что когда на выходных в ленте агентств подряд всплывают новости веселые, хватаешься за них как за источник утешения. Эти радостные новости 7 ноября 2015 года – словно добрый подарок к 98-летию Великой октябрьской социалистической революции, прогремевшей над миром 25 октября 2017 года по старому стилю.

«Индия планирует начать поставки сыров в Россию».

«Россия и Куба создадут совместное предприятие по сборке грузовиков».

Долети два эти заголовка до далеких уже ушей В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого, вожди революции нисколько бы не удивились. В самом деле, сказали бы они, случилось освобождение Индии от британского владычества, и вот эта свободная страна начала, в рамках кооперации бывших колониальных народов, производить

сыр для Советской России. А уж грузовики и подавно — не с «Фордом» же их вместе произвести, правда?

За последние пятнадцать лет русские приникли к источнику особой мудрости, отвернувшись, наконец, от поучений лицемерных европейцев, а уж тем более от американского диктата. Сколько можно крыть последними словами пиндосов за бомбардировки Ливии и Югославии, Ирака и Сирии, если и сами мы с усами, а уж бомбить можем точно не хуже ихнего? Логической нестыковки третьеримцы все равно не замечают: никто и не пикнул, когда начальство повторило как раз те действия супостата, которые некоторое время назад оно же само называло преступными, не согласованными с ООН.

В третьем Риме логике поставили, как выражались в моем советском отрочестве, такой пистон, что она, бедная, попросту сбежала куда-то. Ищешь ее, болезную, и все зря. У третьеримского народа теперь вместо холодной логики — теплая вера в богов. Чтобы быть поближе к этим богам, третьеримцы мужественно отринули накопленную за две тысячи лет западно-восточную богословскую дребедень. Усилиями великого этимолога и философа русского языка Михаила Задорнова гоп-компания топ-шоуменов вывезла своих телезрителей в необыкновенно интересные места. Здесь царят отношения, в чем-то близкие республиканскому Риму. Не исключено даже, что Задорнов прав в главном: нежелание знать скучную историю твоей собственной страны заставляет тебя изучать историю чужую.

Римский историк Тит Ливий рассказал две тыщи лет назад вот какую историю.

Римляне много гадали по внутренностям и полетам птиц. Вообще говоря, в этих гаданиях было гораздо меньше суеверия, чем позднейшие наследники приписывали своим предкам. Например, гадавшие по поведению или по внутренностям кур, вовсе даже не гадали, а только смотрели, где вода получше, зерно повкусней и, стало быть, куры здоровее. Однако, дело гадателей считалось священным, связь их с божественной субстанцией никто не оспаривал. Вот почему, когда однажды пулларий — так у них звали гадателей по поведению кур — подделал результаты экспертизы, никто не стал этого пуллария привлекать к ответственности за «кошунство» и тому подобные нехорошие вещи. Шла как раз война римлян с самнитами, пулларии почуяли, что всем хочется воевать, и придумали, будто куриный бог клюет в три клюва, а

это верный знак удачи. На самом-то деле, пишет Ливий, куры клевали вяло. О махинациях пуллариев стало известно командующему. Но римский воин не велел карать пуллариев, а просто поставил их в первые ряды войска: ведь это они сами напророчили победу. Ливий передает слова главкома Папирия, который высказался в том смысле, что, мол, не его это дело вторгаться в отношения гадателя с его богами и курами.

Это страшно удобная позиция, которая могла бы полностью избавить людей от нелепых попыток присвоить себе статус верховных священнослужителей. А русским людям-третьеримцам сейчас нелегко, это правда.

И если бы древние римляне с добродушием отнеслись к тому, что какие-то далекие северяне верят, будто живут в третьеримской империи, перворимляне наверняка бы посоветовали что-то полезное и интересное.

Вместо того, чтобы ездить на отдых в страны, где можно мало-помалу осваивать нормы человеческого общежития, третьеримцев тянет туда, где дешево и сердито, чтобы под охраной военных погреть свои аполитичные туши на горячем песочке под водку и караоке. И это они называют «косточки прогреть»? — спросили бы римляне.

8 ноября древние римляне отмечали как день (один из трех в году), когда открывалось окно в подземное царство, *mundus Cereris* по-латыни. В этот день устанавливался прямой контакт между теми, кто навеки находится там, и теми, кто пока еще находится здесь. Отодвигали по такому случаю *lapis manalis*, или «камень манов», и в этот день никакими ответственными делами не занимались. А только собирали знаки, которые кажутся важными. В наше-то время такие знаки собирают как раз журналисты. Они, каждый по-своему и по-разному, сосредотачиваются на событиях, чтобы общество делало свои выводы относительно дальнейшего поведения.

Государству в эти отношения влезать не полагалось. У него своих забот хватало. И берутся за эти заботы правовые, а не религиозные институты. Если они есть.

Вот почему пулларий, от которого требовалось только рассказать, хорошо ли клюют куры, не должен был ловить так называемый дух времени и подстраивать под него свой ответ, а должен был только исполнить свой долг.

Еще раз: пулларий не должен был говорить, что куры предрекают успех предприятию. Ему достаточно было сказать неприят-

ную правду: куры, мол, клюют вяло; решайте сами.

У третьеримцев все наоборот. У американцев, например, третьеримцы усвоили технику бомбометания. А ведь как ругались, как не любили, но все-таки решили повторить подвиги супостатов. Куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Колымаги у них — тоже заокеанские: были североамериканские, станут кубинские. Сыр — заморский: был галльский, станет индийским. Вера у третьеримцев — как у египетской службы безопасности, которая умеет не только аккуратно стеречь «косточки» приносящих деньги безбожников-третьеримцев, но, как видно, и не очень аккуратно ронять эти косточки на землю. И когда кто-то указывает третьеримскому начальству на это пренеприятное обстоятельство, начальство начинает верещать о «кощунстве». Устами своих же надежных пуллариев, которые расскажут о курах, сообразуясь с требованиями начальства или с духом времени.

Вот только и «пуллариив» не настоящие — вроде тех, о которых рассказал Тит Ливий. Настоящие пуллариивы — карикатуристы «Шарли Эбдо», которые и показали, что решения третьеримского начальства стоили жизни сотням третьеримских граждан. Да, недалеких и бедных, но все же своих, пусть они и не догадываются, кто обрек их на преждевременный спуск в mundus Cereris — что в соседней Рутении, что над далеким Синаем.

15 ноября 2015

Что значит слово Париж?

Даже для тех, кто родился в Париже, имя и слово значат не одно и то же. А уж для тех, кто смотрит на него издали, и подавно.

Для римлян, завоевывавших Галлию, «город паризиев» был головной болью. Тезка Москвы — «Мутноводска», и Париж был сначала Лютетией, или Грязевым. Но пройдет несколько веков, и вот уже молва свяжет имя города не с суровыми кельтами-паризиями, которые сожгли свой город, лишь бы не сдавать его легионам Лабиаена, а с троянским царевичем Парисом, тем самым,

кого выбрали богини, состязавшиеся в красоте. Эту роль и это значение всемирного арбитра прекрасного Париж сохранил и в новых европейских языках. Немецкое выражение «жить, как бог во Франции», конечно, касается Парижа.

А уж русские, впервые услышавшие о Париже от поляков и усвоившие польское имя самого прекрасного города на свете, из века в век в прозе и в стихах тоскуют по Парижу как по несбыточной мечте.

«Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли – Москва», писал Маяковский, и за этой цитаткой, точно по трафарету, бежали десятки поэтов до второй мировой войны.

Быстро уходило в прошлое поколение русских, запросто бывавших в Париже до первой мировой войны. Владимир Иванович Вернадский, великий ученый, который впоследствии станет министром первого независимого украинского государства, чуть позже возглавит Академию Наук Украины, а потом станет советским академиком, писал жене в 1910 году из Франции:

«Париж всегда так тесно связан с столь многим в моей молодости. Я так много здесь передумал и потому я всегда возвращаюсь к нему с удовольствием. И странно, как-то жаль, что время движется – а между тем ведь вся красота Парижа в этих сохранившихся наслоениях огромной былой, культурной и созидательной жизни. Странно, отчего жаль прошлого – когда в сущности всё миг один!..»

Но пройдет всего несколько лет, и следующему поколению прошлого будет не жаль. В революционном запале, когда большевикам казалось таким легким делом взорвать к чертям весь старый мир, поэты проговаривались, как Михаил Светлов:

*Вельможная Польша
Не сдержит напор,
Стоит на коленях
Варшавский собор.
Шумит над Парижем
Потоком камней
Последняя паперть
Взметённых церквей.*

Но потом была вторая мировая, революционный пыл поугас, и Париж вернулся в русский обиход как город анекдотов, живьем

знакомый только немногим «выездным».

- Где вам сшили этот костюм?
- В Париже!
- Как далеко это от Жмеринки?
- Две тысячи верст.
- Такая глушь, и так неплохо шьют...

Этот грустно-смешной Париж сыграл вот какую шутку над людьми, притерпевшимися к подневольному существованию. Они всеми способами гнали от себя мысль от излучаемого этим городом духа свободы.

«А что ей до меня, она была в Париже, ей сам Марсель Марсо чей-то говорил», — пел нам Владимир Высоцкий о Ларисе Лужиной. Но к простой невозможности «быть в Париже» приплеталась тоска быть в Париже не так и не там, где хотелось бы — от знаменитого эмигрантского вскрика Ходасевича 1920-х годов пошла волна — куда более сильная, чем от Маяковского:

*Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.
И Виргилия нет за плечами, —
Только есть одиночество — в раме
Говорящего правду стекла.*

И вот эта двойная тоска — не побывать в Париже или быть там не там и так, как хотелось бы, докатилась до 21-го века, когда Париж стал символом чужого веселья, чужого благополучия, чужой легкости. В 2001 году в Москве, в издательстве «НЛО» вышла антология современной русской поэзии под названием «Нестолличная литература». Столицей нестолличных поэтов оказались не Москва, не Петербург и не Воронеж.

*Париж, Париж,
так хочется горячих щей...
Накопить бы денег
да съездить в Париж...
а то какой же я получаюсь
к чертям собачьим
русский писатель*

*если не был
в Париже.*

Или вот:

*Все на месте. Пьют боржом.
Бомж беседует с бомжом.
Подхожу поближе...
Снова о Париже.*

Один поэт из Новосибирска написал:

*У меня на кофте
Надпись одна:
«PARIS».
Вот я и парю
над Коммунальным мостом, Оперным театром, молодежью
напротив, работами всякими, коммерсантами...
Интересно, а каково им в городе их французском?!
Столице всемирной Моды и Бляди.
Я думаю, то же самое:
находчивая молодежь, коммерсанты, иногда коммунисты в
галстуках...
Нет, уж лучше парить в Н-ске,
Чем х*й сосать в городе без работы,
Где никого не знаешь».*

Так мы добрались до суровых парижских пригородов, где тоже задержалась история, подстроив всем нам ловушку. Ведь всего сто с небольшим лет назад в Париже и Берлине тогдашние министры и банкиры делили Северную Африку. Задумывались ли они, что произойдет, когда разбогатевший и одряхлевший европейский колонизатор разомкнет объятия с бывшим рабом?

«Да, меня не пантера прыжками на парижский чердак загнала...» — писал Ходасевич в 1924 году.

Но была и другая «Пантера».

В 1911 году Франция брала под свой контроль Марокко. Германия отправила в Средиземное море канонерку «Пантера». Французы, чтобы не ссориться с немцами из-за Марокко, предложили кайзеру свои владения в экваториальной Африке... «Пры-

жок «Пантеры», как говорили тогда, на два-три года задержал начало первой мировой войны.

Колониальные владения Франции в Северной Африке, как принято говорить, «стали историей».

Ночтоэтозначит – «стать историей»? Ведь знаком с правнучкой германского министра, который вел тогда переговоры с французами от имени Вильгельма Второго. И ведь еще не было двух мировых войн...

Разве что-то «стало историей», если в 2015 году Париж – прекрасный и свободный, терпимый к чужим богам и к чужим шайтанам, — для кого-то другого, кто здесь родился и вырос, стал джунглями партизанской войны?

Откуда выпрыгнула эта новая-старая пантера?

Недостижимость счастья в лучшем городе мира, может быть, и осталась бы личным сплином выходцев из Магриба, если бы под бомбами не погибал самый древний город земли и когда-то тоже прекрасный Алеппо.

Вот и русское имя «Париж» понимается по-разному: для одних это символ свободы, мучительно ищущей новую формулу, для других – злорадное ожидание конца «толерастии» с приходом Марин Ле Пен или предвкушение «фитиля, вставляемого черножопым» в «белой Европе от Гавра до Владивостока».

И только на гербе города латинская надпись под корабликом на Сене, который «качается, но не тонет». Жаль, что столь многим говорящим по-русски смысл этого парижского девиза пока не внятен.

29 ноября 2015

Турецкий марш, или Езда в неизвестное

29 ноября Гугль предлагает всем русским пользователям отметить день рождения буквы «ё». И сам делает это, нарисовав вместо привычных своих букв плёнку, ёжика, лёд, мёд, ёлку и, наконец, саму букву «ё», чтоб никто не сомневался в серьезности намерения.

Русскому языку не повезло. Важные и полезные буквы, действительно необходимые и исконные, чтобы показать, например, происхождение слова, «i» или «фиту», в 1918 году из азбуки вычистили, а несчастную «ё», 220 лет назад высосанную из

пальца княгиней Дашковой, оставили. В последние годы её всячески навязывают и без того малограмотному населению, чтобы оно плодило новые и новые ошибки.

Ни одна другая буква так не вредит иной раз даже грамотному человеку, как эта ваша «ё». То и дело суют ее туда, где, по всем правилам, должна стоять старая добрая «о».

Справедливости ради нужно сказать, что чисто политически буква эта в последнее время решает все же и полезные, в хорошем смысле слова подрывные, воспитательные задачи. Требует от носителей языка соучастия в осмыслении происходящего.

«Поэзия – вся! – езда в неизвестное», – писал Владимир Маяковский. А теперь представьте себе, что происходит, когда такие ёзды в неизвестное поодиночке и группами совершает целое языковое сообщество. Да-да, не короткие заезды и поездки, а именно регулярные ёзды. Как ни вариативен наш язык, есть на его рёбрах реперные точки, которые видны всем. Особенно в момент высочайшего общественно-политического напряжения.

Страна сейчас как раз переживает острый процесс выявления в языке целого зловредного слога. В самом этом слоге – «тур» – буквы «ё», как нетрудно заметить, нет, но ведь язык – система. А это значит, что малейшее изменение в одном месте приводит к изменениям в других местах.

Несколько ранее мы наблюдали стремительную массовую общественно-политическую ёздность, или, описательно выражаясь, быстрый отъезд крыши у 86% населения, при попытке выделить и зажучить слог «укр».

Буква «ё» уже тогда носителям языка страшно пригодилась. «Ёж мою мышь!» – говорили носители языка, почуяв, что нет такого укромного места, нет такого укрепрайона, где они могли бы укрыться, пока начальствующие уркаганы сукровицу укропом укрупняют, украденными укроземлями укывища свои украшают. Хотели, уродцы, возбудить народ против слога «укр», но почему-то не получилось. Вздулся «укр», отовсюду заметнее стал. Не впрок пошло украденное. Ладно, решили, поищем другой вредный слог.

И вот нашли, кажется.

И, похоже, опять на букву «ё» поработали. И сегодня у буквы этой праздник, уводящий от Екатерины Романовны Дашковой, соучастницы государственного переворота, а не только диверсии с буквой «ё», в настоящую древность.

Потому что начать придется с Всеволода Святославича, который в 12-м веке на половцев ходил. Это ж Буй-тур Всеволод наш из «Слова о полку Игореве». «Ёксель-моксель! Японский городской! Это ж куда вас нелёгкая понесла, звёзды вы наши залётные! Турагенты, в неизвестном ёзднутые!»

Прямо скажу, у меня нехорошее чувство, форменная пременница неприятностей, возникло еще в 1980-е годы, когда интеллигентные люди в совковом ещё обиходе вместо «джезвэ» стали, утратив чуткость, говорить «джезва». Но к 1990-м, уже побывав на Востоке, весь этот наш бомонд стал и вовсе называть кофейник «туркой». Густела в этом слове странная обида на трудолюбивых соседей. Социологических исследований на эту тему не читал, но язык выдает её, коренную эту обиду. От общения с нами, мол, эти турки только наживаются. И когда мы едем отдыхать на ихние турбазы, наживаются. И когда мы покупаем ихние фрукты, наживаются. И когда они приезжают к нам строить, наживаются. А когда мы продаём им наш газ и нефть, греются!

А вот теперь, когда мы выделили источник обиды и решили его локализовать и удалить из нашей высокодуховной жизни, попрекают нас бабушкой Василия Андреевича Жуковского и прочими туркскими корнями и кореньями.

«Ё-кэ-лэ-мэ-нэ да ёжкин же кот, да когда ж мы всех вас выгугрим отсёдова?!»

В гнездах разврата турчанского сразу почувяли, что дело жареным пахнет, и первыми зашевелились «турецкоподданные». Ужом завертелись. Особливо маланцы. Один такой, с фамилией Турецкий, сперва норовил свою еврейскую сущность спрятать. А теперь еврейством Турцию покрывает. Фамилия моя, говорит, от еврейского местечка «Турец» в Польше. Евреям сейчас еще пока терпимо, ну разве только немножко этот слог «евр» мешает, который у них с Гейропой общий. Но артист Турецкий, наверное, утешится, если узнает, что у него был в не таком уж далёком прошлом коллега по несчастью. В дневнике немецкого филолога Виктора Клемперера за 1934 год появилась такая запись (перевод А.Б.Григорьева):

«Из поколения в поколение передавалась в свое время старая гимназическая шутка: каким образом из древнегреческого слова $\alpha\lambda\omicron\upsilon\pi\eta\varsigma$ (лиса) получилось слово Fuchs с тем же значением? Ответ: метаморфоза происходила в такой последовательности – алопекс, лопекс, пекс, пикс, пакс, пукс, фукс. Но 13 января 1934 г.

этот анекдот неожиданно выплыл из забвения. Это произошло при чтении циркуляра № 72 за текущий семестр. Торжественным стилем он сообщал, что наш коллега экстраординарный профессор и депутат магистрата от национал-социалистической партии Германии Израель «с разрешения министерства» возвращает себе древнее имя своей семьи. «В 16 в. фамилия звучала как Эстерхельт, а в Лужицком крае она, претерпев фонетические искажения в последовательности Юстерхельт, Истерхаль (а также Истерхайль и Остерхайль), Истраель, Иссерель и т.п., приобрела форму Израель».

Так что Михаил Турецкий встал на верный путь. И все же, вспоминая печальный недавний опыт, от названия еврейского местечка Турец лучше ещё подальше попрыгать. Сначала к слову «тур», а потом сразу, в одно касание, к «зубру», и стать простым русским парнем «Зубровым» или даже «Зубровкиным».

Труднее всего придётся, однако, не отдельным хормейстерам, а целым социальным группам. Например, туроператорам. Если раньше их считали связанными с туристским бизнесом, то теперь они несмываемо приросли к этой ужасной, ужасной южной стране.

Да и сами туристы не должны, пожалуй, больше так называться. В видах чаемого сближения с бывшей колонией – Беларусью, можно и вовсе заменить слог «тур» слогом «зубр». Исторгнуть память о зловредной стране на, можно сказать, клеточном уровне и сблизиться самым интимным образом с незлобивым русскоязычным соседом.

Вы скажете, предложение несерьёзное и глумливое? Отчего же. Очень серьёзное. И, главное, реалистичное. Терпите, люди русские, сейчас некоторые из вас, в силу описанной Владимиром Маяковским поэтической езданутости в незнаемом, слово «чокнутый» пишут через «ё», как «чѐкнутый». Ёрничают, наверное.

Или просто празднуют день рожденья буквы «ё»? Дайте ответ! Не дают ответа...

Непреодолимая мощь штампов

*струи из крана довольно тебе,
чтобы вода не замерзла в трубе:
может от рабства тебя уберечь
только открытая ясная речь.*

6 декабря 2015

Перед концом эпохи слова переодеваются

15.12.2015

В библиотеке украинской литературы в Москве прошёл очередной обыск. Правоохранительные органы подозревают сотрудников библиотеки в распространении книг, признанных в РФ экстремистскими

Да, перед концом эпохи слова переодеваются. Можно добавить «сами». И в этом не следует видеть никакой мистики.

Например, в сегодняшнем Риме «веспасианом» называют вовсе даже не императора, а бесплатные общественные сортиры – такие же, как те, с которых в свое время Веспасиан брал тот самый налог, знакомый нам по выражению «деньги не пахнут». Мог ли божественный Веспасиан думать, что его именем станут почти два тысячелетия спустя называть бесплатные муниципальные нужники?

При жизни Веспасиану приходилось отмываться от прозвищ, полученных в бытность, как сейчас бы сказали в нашем третьем Риме, простым федеральным чиновником. Но и они остались в памяти потомков благодаря Светонию и Тациту.

Веспасиана за скупость при жизни называли селечодником. Придумавший новые налоги, чтобы щедрее финансировать новое строительство, Веспасиан, однако, не дождался от римлян скидки за заслуги, и хотя самым знаменитым его изречением остались слова о деньгах, которые якобы не пахнут, имя императора вошло в язык в самом обидном из всех возможных значений.

Или вот в России почти на всем протяжении советского двадцатого века не было ведь никаких губернаторов. А пословица о «положении хуже губернаторского» имела. Но губернатор в ней не настоящий, а ледащий жеребец-пробник, которого подпускали к кобыле, только чтоб раззадорить ту перед появлением настоящего жеребца-производителя. Теперь губернаторы снова появились, пусть с не совсем приятным, но многозначительным шлейфом старого значения.

Это все примеры медленного переодевания слова. В подтексте его мы видим стремление придать слову прочное, настоящее значение. Успехи Александра Македонского, оставившего после

себя, вероятно, больше всего топонимов, не давали покоя будущим властителям не только в Восточном Средиземноморье. Нерон в свою честь назвал «неронием» месяц апрель, а Рим мечтал переименовать в «Нерополь», но, как мы знаем, ничего из этого так и не вышло.

И прозвища, и названия застревают в языке не всегда понятным образом. Например, московскому русскому словарю три государственных деятеля в прошлом и нынешнем веке дали свои имена для обозначения архитектурных стилей. У некоторых людей из-за этого произошел ералаш в голове. Сталинскими у нас называют добротные дома высокого класса, которые строили, стало быть, при великом вожде и отце всех народов, а вот хрущобами называют бедное железобетонное строительство эпохи Хрущева, которого изображают эдаким жалким ниспровергателем Сталина. Что в хрущевское время и после него приходилось расселять настоящую «сталинскую» Москву – барачную, нищую, бесчеловечную, что на самом-то деле сталинская архитектура – это не те несколько сотен роскошных многоквартирных домов для элиты, в которых горит «московских окон негасимый свет», а, совсем наоборот, десятки тысяч бараков – не только лагерных, а и тех, других, в которых и до сих пор живут еще по городам и весям бывшего СССР сотни тысяч людей.

Коварен московский русский и в другом отношении. Первые два десятилетия посоветской Российской Федерации в столице ее – лужковские. Казалось бы, где ты, «лужковская кепка», где ты, «самый пчеловечный человек», как шутил «Коммерсантъ»? Давно уже «пчеловеда», на колючем московском говорке, сменил «оленеvod». Лужковский эклектичный, нахрапистый, пузато-башенный стиль, состоящий, как говорится, в отсутствии всякого стиля, это подражание сразу всем столицам, при сохранении, караван-сарайного, полукочевого антуража между вполне городскими постройками, одними проклинается, другими прославляется. Но для языка главное не мнения – хорошие ли, дурные ли. Для языка главное, что для всего этого есть слово – «лужковский». Слово и для нового строительства, часто – безжалостного к вкусам образованного общества, и для разрушения – всегда безжалостного к памяти горожан.

Конечно, для остальной России этот русский словарь Москвы – не указ. Так, региональный окказионализм, «лужковка». Или мелкий топоним («Лужков мостик», например, и, кажется, даже

не один). Но и символ раскрепощения, освобождения, слишком уродливого, да, но – какого-то своего.

Это свойство «своей эпохи» – название готовится исподволь, подкатывает из настоящего, а вот накатывает из будущего. Приближается шестнадцатая годовщина текущей после-ельцинской эпохи. Многим и эта эпоха кажется подходящей к концу. В самом деле, когда Ельцин уходил в отставку, Российская Федерация была окружена, по большей части, друзьями и союзниками. Свыкалась с членством бывших западных колоний в дружественном Евросоюзе, дружила и с Соединенными Штатами, и с бывшими восточными республиками СССР, побраталась с некогда подозрительной Турцией, наслаждалась распределенной благожелательностью Израиля и Египта. Признала приоритет международного права, пошла в рост.

Оставалась, пожалуй, только одна гастрономическая проблема. Предложение президента Ельцина всем субъектам Российской Федерации взять столько суверенитета, сколько те «способны проглотить», со многими сыграло злую шутку. Как в популярной карикатуре «Никогда не сдавайся!» лягушонок, уже проглоченный было цаплей, начинает душить прожорливую птицу, так и маленькая Чечня, захотевшая больше суверенитета, оказалась не проглатываемой и для главного суверена – Российской Федерации. За полтора десятилетия эта, так и не проглоченная федеральными властями, страна практикует свой специфический суверенитет.

А вот в самой Российской Федерации за полтора десятилетия все изменилось. Ушло в прошлое странное самоназвание нулевых годов как эпохи «суверенной демократии»; его придумал какой-то сановный хлыщ, и его полезно было бы сохранить в словаре исторического жаргона. Демократия 1990-х годов кончилась, и положение, прямо скажем, стало «хуже губернаторского». Станным образом скукожился и «суверенитет». При закате ельцинской эпохи международно признанный суверенитет Российской Федерации распространялся на всю ее фактическую территорию. Полтора десятилетия спустя, на закате наших после-ельцинских времен, вдоль южных и западных границ прилепились территории, суверенитет над которыми признает только сама Россия.

Итак, время «суверенной демократии» кончилось, а какое же настало? Смутное время самоизоляции, хищнического ограбления братьев, самоубийственной вражды с сильными вчерашними

союзниками, пробуждения в гражданах ненависти друг к другу и к ближайшим соседям? Каким именем назвать эту эпоху?

Некоторые шутники называют ее переходной.

Во времена Нерона в латинском языке слово «лечение» приобрело то же значение, какое слово это имеет в современном русском уголовно-чекистском жаргоне. Приговорив кого-то к самоубийству, Нерон давал своей жертве всего час-другой на сборы, а чтоб тот не медлил, присылал врача, который должен был самостоятельно «приступить к лечению», т.е. к кровопусканию, если вдруг приговоренный заартачится. Что и самому Нерону пришлось в конце пути пережить такое лечение, малоинтересно.

Интересно другое. Чтобы удалить память о нем, Веспасиан и Тит построили на том месте, где находился окружавший Золотой Дом Нерона сад и пруд, Колизей, Colosseo, называемый так в память вовсе не о Флавиях, а о стоявшей там некогда колоссальной статуе самого Нерона.

Что с того, что память о «Золотом Доме» Нерона пережила века? Веспасиану, я считаю, повезло больше, пусть его именем и называют бесплатные общественные сортиры: незаменимая вещь в большом городе.

13 декабря 2015

Так вингсют или бердман?

Вообще, в странах, где говорят на славянских языках, все так приколно. Это говорит, растягивая слова, попутчица в самолете.

— А что прикольно?

— Что почти оно, но не совсем оно. У нас оно вроде даже и наоборот. Если бы знать все слова, понимание было бы прямо кубическое, понимаете?

— Да, это очень интересно. А какие, например, слова?

— Ну, вот, у них увага, а у нас уважение, например. И «внимательность» можно сказать, но внимательно можно и елочку разглядывать, а к человеку особое слово должно быть, поэтому уважение с увагой вместе так прикольно.

Как будет на других славянских языках «прикольно», я не знал, но не переспросил. Друг девушки занимается вингсютингом. Ну, бердманы, слышали? Типа бэтмана? Проверил по сло-

варю. А, да, конечно. А почему все-таки не белка-летяга? Есть же значение.

Ну нет, говорит, это же зоология. А тут, ну как сказать, целая уже антропология. Другая эпоха. Да и белок этих, кажется, уже почти истребили. Как амурских тигров. Сразу рассмеялись. Поговорили о двух героях уходящего года – тигре Амуре и козле Тимуре.

– Почему они вдруг всем стали так интересны?

– Да потому что людям заняться нечем. Вот в Польше все расстроены результатами выборов. Они вообще только о политике говорят, даже совсем молодые ребята. И работают много.

– А в Киев – надолго?

– Да мы живем в Киеве.

– А выговор московский...

– Ну, в Москву теперь ездим только через интернет. Если есть деньги, стараемся в Польшу. (смеются) Или в Дубаи. Вингсьютинг – это будущее.

Перелет Варшава – Киев короткий, и поговорить толком не удалось. Слова моей собеседницы, что новая сущность не должна называться старым именем, меня задела, хоть я и сам так хотел бы думать.

Ну хорошо, этот вингсьют. Костюм ангела? С ангелом другие ассоциации. Взял полистать проспект. Тони или фаталити? Тут все дело в качестве ткани.

Нет, вингсьютинг – это не бейсджампинг. Скорее, часть парашютинга или параглайдинга. Есть такие, кто считает, что это просто фаза в развитии дельтапланеризма.

Есть еще вингпеки, те и вовсе ближе к моторному дельтаплану.

Да, все это совсем без страховки. Пишут, что все популярнее делаются полеты на тречке. Есть еще полеты флоком. При этом флок флону рознь. У вингсьютеров флок – не то, что у автомобилистов, для которых флочкирование – это такой сайдинг. Летуны, летающие флоками, образуют стаю – как те ворсинки при флочкировании, ну, вы понимаете.

– Язык требует обновления. Что было аэродромом Бородянка, стало дроп-зоной Боро, да?

– Ну да. Но в общем, совершенно не обязательно летать. Можно и в сухопутной жизни оттягиваться каждый день. Ну, правда, в странах с нормальным покрытием. Дорога должна быть, понимаете, без особых выбоин, или с предсказуемыми препят-

ствиями, которые, как швы, можно преодолевать. Это лонгбординг. Нормально на работу можно на лонгборде. Тупо фрирайдом, без слайдов, без карвов, не нарываясь на вобблинг – просто даунхилл. На подъем, когда пешком, тоже надо напрягаться, и здесь – пушингом или пампингом – норм.

– Расскажи ему про бокинг.

– Ну да, бокинг. Писториуса знаете, который жену убил? Вот. Но у него-то протезы. А тут продвинулись конкретно с гибким копытом. Джолиджампер. Бокинг. Риска больше, потому что каждое приземление – опять перед прыжком. Гасить сложно. Но за этим будущее.

– Сапоги-сороходы?

– Ну да, может, они и были бы сапоги-сороходы, но мы их только в сказке произносим, а делают корейцы, поэтому просто джамперы.

– Не путать с джемпером.

– Ну да, надо просто делать и рисковать.

– Наши занимаются еще стантрайдингом. Это когда на мотоцикле на одном колесе. Но я это хуже знаю. Там тоже свои правила. Стоппи – когда на переднем колесе езда, вилли – когда на заднем. Риски страшные, мне кажется.

– Вообще, риск – тоже английское слово.

– По-украински смешнее – ризик.

– Только на севее можно без ризика?

– Да в том-то и дело, что и на велосипеде есть риск, можно и с севея неудачно сигануть.

Из нашего разговора я понял еще, что самое крутое в этом новом мире все-таки – атмофлаинг. Чистый флаинг. Там тоже есть свой фристайл, фрифлай и прочие формации. Атмонавтами они называются не зря. Новый век начался у них с полета ногами вперед – атмостенда. Правила полета не те, что у прыгающих затыжным прыжком по старинке.

– Это знаете что? Человек-крыло, настоящий самолет. Слова для него у нас просто нет.

– Да, полная противоположность беспилотному самолету.

Я вспомнил старое свое стихотворение:

*беспилотный самолет
отправляется в полет*

*расширяет окоем
под невидящим крылом*

*спит бесплотная пилотка
на сиденье словно лодка
алый кант слегка дрожит
чувет видно что летит*

*бес полета спит пилот
спит бесплотный обормот
на посту на боевом
он не слышит боя гром*

*всепогодный самолет
продолжает свой полет
угрожает и рычит
излучением прошит*

*беспилотный этот борт
по пути в аэропорт
или прямо в океан
как слепой козы баян*

*но со дна всплывет пилотка
по волнам пойдет как лодка
а на дне лежит пилот
улыбаясь во весь рот*

К счастью, наш борт вынырнул из облаков и благополучно приземлился на суше. И только эти новые слова роились в голове и точно спрашивали, где и когда они приземлятся в языке. Станут ли мотоциклами и мотороллерами, пропеллерами и троллейбусами, парламентами и депутатами, министрами и президентами?

25 декабря 2015

Главное в русском языке в 2015 году

1.01.2016

Вступило в силу Соглашение о свободной
торговле между Украиной и Европейским Союзом

Какая наглость! Да откуда же ты-то знаешь, что главное в нашем языке в 2015 году? – спрашиваю с возмущением сам себя. И тут же отвечаю: «Узбагойзя! Ведь ты же только произносишь эти слова, которые вовсе не означают, что ты знаешь, что главное в русском языке 2015 года. И вообще, ты только задаешь вопрос! Как, вы еще не знаете, что стало главным в русском языке в 2015 году?»

Да мы же, да вы же, да он же, да ты же...

Итак, начнем, пожалуй, вот с чего. Несмотря на все запреты, несмотря на навязываемую нам с Запада политкорректность, а из Госдумы – цензуру, на русском языке в 2015 году можно было говорить абсолютно все что угодно. Были сняты все тормоза и все запреты.

Министр иностранных дел Сергей Лавров выматерился в микрофон и подарил народу алмазную самооценку «Дебилы, блять!» Православный протоиерей Всеволод Чаплин призвал свою паству «осуществить лучшие идеалы Святой Руси, халифата и СССР». Но эти, сами по себе – яркие и звучные, мысли меркнут на фоне снятия главного запрета – на самокритику.

А ведь именно в конце 2015 года президент РФ Владимир Владимирович Путин произнес сакраментальную фразу, которая завершает целую эпоху в истории России и СССР, не только этот вот тошнотворный 15-летний отрезок. Не буду томить. Вот она, главная фраза года:

**ЭТО СОВСЕМ НЕ ФАКТ, ЧТО ЧЕЛОВЕКА
НАДО БЫЛО УБИВАТЬ!**

Сказано это было, на первый взгляд, спонтанно, в ходе так называемой прямой линии – особого коммуникативного жанра, но сказано тоном человека, который, видимо, в последнее время не раз и

не два произносил эти слова как формулу, как мантру. Да, многим носителям русского языка понимание этой формулы не сулит душевного спокойствия. Но давайте попробуем вместе разобрать ее. Понимая, что со временем ей, этой формуле, будут посвящены книги.

Первое – поверхностное – соображение: здесь не на месте слово «факт». Ведь факт – нечто свершившееся, нечто уже сбывшееся. А говорящий объявляет фактом то, что может быть чем угодно, но только никогда уже не станет фактом. Объявляет фактом – данную постфактум оценку ошибочного намерения, имевшего место в прошлом.

Ну, скажут нам, подумаешь! Это ж разговорная речь. Тем более, что для человека, не одно десятилетие находящегося у власти, фактом является и его вчерашнее чувство, и настроение сегодняшнего дня.

ЭТО СОВСЕМ НЕ ФАКТ, ЧТО ЧЕЛОВЕКА НАДО БЫЛО УБИВАТЬ!

Что еще означает это речение? Что прежде, например, во времена до убийства Бориса Немцова, о котором и говорил президент РФ, в ходу была все-таки другая мантра. Например, «нет человека – нет проблемы». Или «лес рубят – щепки летят».

Люди в России знают, что не расследованные, недорасследованные или ложнорасследованные политические убийства омрачают не только 1990-е, но и нулевые и десятые годы XXI века. Стало быть, эта фраза выдает некоторый итог сразу нескольких отрезков недавней истории России? Не прикажи Борис Ельцин выпустить ракету по Джохару Дудаеву, не отрави известные неизвестные Юрия Щекочихина и Александра Литвиненко, не выстрели известные неизвестные в Галину Старовойтову, Сергея Юшенкова, Анну Политковскую, Бориса Немцова, и для страны были бы важны другие факты – политической борьбы, споров, из которых рождалась бы и более ценная истина, чем эта вот.

ЭТО СОВСЕМ НЕ ФАКТ, ЧТО ЧЕЛОВЕКА НАДО БЫЛО УБИВАТЬ!

К какому обществу обращены эти слова?

25 декабря 1979 года СССР напал на Афганистан, через службу в котором прошли сотни тысяч молодых мужчин и жен-

щин. Десятки тысяч погибли. Михаила Горбачева, подписавшего указ о выводе войск и о прекращении десятилетней войны, спасенные им люди проклинают. А о Леониде Брежневе и Дмитрие Устинове, организаторах и виновниках Афганской трагедии, поубивавших и покалечивших без толку, зазря десятки тысяч сограждан, говорят уважительно и с придыханием.

Стало быть, эти слова обращены к довольно слабоумным людям. Вот почему они тоже важны. Слабоумных, вероятно, нельзя резко отучать от людоедства. Даже человечность в больших количествах может быть опасна для их душевного здоровья. Но пока они еще верят своему набольшему, пока еще прислушиваются к нему, пусть говорит.

ЭТО СОВСЕМ НЕ ФАКТ, ЧТО ЧЕЛОВЕКА НАДО БЫЛО УБИВАТЬ!

3 января 2016

Кругом шешнадцать, или Високосная вечность

16.01.2016 Координатор Госдепартамента США по санкциям
Дэниел Фрид заявил, что санкции против России
могут быть сняты уже в 2016 году.

Что говорит нам язык о наступлении Нового года?

Поздравляли и с наступающим,
и с подступающим,
и с подкрадывающимся,
и с подползающим,
и с прихрамывающим,
и вот с наступившим.

На одних январь накатывает-налетает по Окуджаве, «бешеный, как электричка».

Другие видят себя самих переходящими из старого года в новый, как переходят по вагонам этой самой электрички, а третьи старый год — уходящим спутником, а новый — приходящим, который, возвращаясь к первым, и переехать может.

Разные картины мира. И разные мифопоэтические подкладки.

А где вы, а где я – в вагоне или на путях? Неужели мы отстали на нелепом полустанке?

*Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.*

Молчим в желтых и синих? Качаемся в тамбуре? Поем и плачем в зеленых?

Или провожаем взглядом их блоковскую «привычную линию» из своей неподвижной точки?

Еще там, в глубине далекого уже 2015 года, русские любители поэзии цитировали Владимира Маяковского:

*Я, обсмеянный у сегодняшнего племени,
как длинный
скабресный анекдот,
вижу идущего через горы времени,
которого не видит никто.*

*Где глаз людей обрывается куцый,
главой голодных орд,
в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год.*

*А я у вас – его предтеча;
я – где боль, везде;
на каждой капле слёзовой течи
распял себя на кресте.
Уже ничего простить нельзя.
Я выжег души, где нежность растили.
Это труднее, чем взять
тысячу тысяч Бастилий!*

Нужно признать: каждая строчка сильного стихотворения может быть объявлена пророческой. В России, где революция, с небольшими перерывами, началась в 1905 и не кончилась только гражданской войной, а потянулась дальше, и следующий век, в котором живем теперь мы, начинают рифмоваться.

Это вот число – шестнадцать, в просторечии – шешнадцать, в памяти прошлого, двадцатого века, да даже и девятнадцатого, странной занозой сидит.

«Кругом шешнадцать» – есть такое народное речение. О значении его идут споры. Одни говорят, что обозначается с его помощью неудача, незадача, какая-то особенно обидная форма жизненного провала.

У Саши Черного есть сказка «Кабы я был царем». Написал он ее в 1932 году, уже в эмиграции. Солдату привиделось, что стал он царем: «Государство наше, поди, поболее Турции, а живем кисло. Голова в золоте, тело в коросте. Дворцы да парады, кумпола блестят, в театрах арфянки гремят, гостинные дворы финиками-пряниками завалены, а у нас в деревне кругом шешнадцать. Леший в дырявом лапте катается, сороковкой погоняет, онучей слезы утирает... Афганскому принцу пирожок на золотом блюде показываем, а начинка тараканья. Я царь, мне это досадно».

Какая Россия была государством, более заслужившим революцию – блоковского 1910, 1916 года Маяковского, сталинская, 1932 года, или вот этого вот нашего, только-только начавшегося 2016 года?

Сами мы вошли в этот год и будем своей многоглавой всенародной волей определять его ход? Или он переедет нас, растянувшись на рельсах?

Наталья Брюханенко вспоминала, как в 1926 году отправилась с Маяковским на автомобиле в Крым.

«На шоссе стоят верстовые столбы с указанием километров. Маяковский следит за ними и предупреждает:

– Следующий столб будет «кругом шешнадцать».

И действительно, мы проезжаем столб, на котором с трех сторон цифры 16, 16 и 17. Не совсем кругом, но это мелочь...»

В том, что за 16 следует 17, ничего удивительного нет, и в том, что за 1916 годом последовал 1917, тоже ничего удивительного нет. Но вот этот столб «кругом шешнадцать», как его-то понимать? К чему сказал это Маяковский?

Говорят, что «кругом шешнадцать» произносят иронически. Мол, просто шешнадцать – это числовое выражение удачи и успеха: четырежды четыре – прочное и складное. А вот добавление атрибута – обстоятельства места или времени – «кругом» – как бы превращает удачу и успех в неудачу и безуспешность.

Нескладное число. А год 2016 – к тому же еще и високосный. Если переводить с латинского – дважды шестой. Двойная шестерка. Несчастливый год. Суеверие это возникло, по-видимому, не случайно. Гай Юлий Цезарь, отец-основоположник современного календаря, велел, по примеру египтян, раз в четыре года добавлять к шестому дню перед мартовскими календами еще один шестой день. По нашему счету, он выпадал на 24 февраля. Назначая февралю 29 дней, мы в некотором смысле нарушаем первоначальный устав римлян, поначалу раз в три, а потом уже – раз в четыре года дважды проживавших 24 февраля. Поскольку февраль был последним месяцем года, повторение шестого дня перед началом нового года скрадывало некоторое неприличие, возникавшее в отношениях человека с собственным летоисчислением. Мало того, ради установления своего нововведения Цезарь буквально остановил время, растянув до пятнадцати 708-й год от основания Рима, или, по-нашему, 47-46 гг. до н.э.

Убийство Цезаря в мартовские иды 44 года до н.э., или 710-го года от Основания Города, заставляет с тех пор суеверных людей, даже субъективно стойких, смотреть с опаской на всякие случайные совпадения.

Каждый год – уникален и неповторим, но в нем, как вагоны внутри поезда, повторяются месяцы, недели и числа всех прошлых лет, и новогоднее празднество напоминает нам об этом противоречии, даже о схватке круговращения, в котором вечно и неизменно меняются так называемые времена года, с движением по прямой, по которой мы несемся сквозь время. И только високосный каждый четвертый год раз за разом все крепче привязывает нас к истории города Рима, заставляя вспоминать судьбу человека, две тысячи лет назад распространившего на весь свет александрийский календарь.

Сам-то Цезарь суеверия презирал, лавровый венок с вплетенной в него белой лентой носил не для того, чтобы приучить сенат к своему царскому достоинству и приучить народ беспримерной наглостью. Светоний пишет, что единственная причина, по которой божественный Юлий носил лавровый венок, таилась в желании скрыть от окружающих лысину.

Но почему кто-то должен сносить незаконную царскую власть из уважения к комплексам плешивого узурпатора? И в мартовские иды високосного 710 года от Основания Города Гая Юлия Цезаря, забитого Брутом, Каской и их товарищами, у всех на глазах сожрала эта еще более загадочная штука – вечность.

Та самая, для которой он сработал свой календарь, связавший нас с ним этой двойной шестеркой. И вот — кому просто шестнадцать, а кому кругом шестнадцать, граждане.

18 января 2016

Тонкое и толстое на вашем языке

22.01.2016

Около миллиона человек вышли в Грозном на митинг в поддержку главы Чеченской Республики Рамзана Кадырова.

Парламент Таджикистана принял поправки в текст Конституции, которые позволяют действующему президенту страны избираться неограниченное число раз.

Но в Крещенские морозы одни ищут прорубь почище, а другие расчищают к ней дорогу.

Говорят, что слишком тонким в купель нырять опаснее, а у толстых преимущество. Возможно, это глупое предубеждение. Есть тонкое и толстое и в языке.

Едва заметные изменения в значении слова улавливают, говорят, тонкие натуры. Обстоятельства жизни уже стали толстыми-претолстыми, и тут ты такой с тонкостями. Ну, только для разминки. В деловом языке это уже общим место стало, но в словари пока не вошло. В обиходе слова «зайти» и «занести» — такие простые. А в крупном бизнесе и в политической экономии ими так просто не воспользуешься уже. Когда какой-нибудь концерн или, скажем, банда крупная «заходит» или уже «зашла» куда-то — в город, в страну, в регион, то это значит, что меняются правила игры, начинается новая жизнь. Или вот, когда бизнесмена спрашивают, что тот «занес», чтобы сдвинуть дело с мертвой точки или откупиться от другого дела, ясно, что это он не книжку почитать занес и не забытый шарфик.

Но на то они и тонкие, такие перемены, чтобы накапливаться медленно-медленно, пока не потолстеют. Совсем другое дело, когда человек говорит толсто, заметно, красиво. Показывая свою силушку богатырскую.

Пешеход сталкивается со снегоуборочной техникой не чаще автомобилиста, но у него есть важный бонус: можно поговорить с человеком, эту технику обслуживающим. Пока вы греетесь после окунания в ледяную воду, расскажу о наших разговорах.

Потому что техника эта зашла давно. Она почти вся иностранная. А русский человек любит природное иностранное слово. Любит его юзать. И не только в ЮЗАО.

Зачем контейнера́, блять, завезли бы кохер, блять, термобун-кер, блять. И все. Нет, надо было на Москва́-реку возить!

Ну не лопатой же дрочить, когда можно на бабкате джойстиком – пальчиками – тью-тью!

Я вот тоже сначала ничего не понял, что-то неприличное усмотрел в джойстике с «бабой Катей». Оказалось, это погрузчик Bobcat, бабкат в просторечии. А лопата – да. Моя алюминиевая совершенно стерлась уже, хотя снег выпал только в январе.

Вообще, в разгар зимы полный отвал башки у верховного начальства этой нашей северной Евразии, как оно само бы выразилось, особенно бросается в глаза. Снег падает такой чистый, ложится такой белый. А оно разрабатывает Донецкий угольный бассейн, прорубаясь в 19-й век. Но не о них сегодня речь.

Начальство пониже, идейно рехнувшееся на импортозамещении, внедряет все-таки западную или дальневосточную технику. Развивает население. Через не хочу. Они, может, в слове «импортозамещение» только портки свои и видят или, точнее, остро ощущают угрозу снятия оных, медленно, но верно обучая кадры обобщенному иностранному языку.

Мне вообще страшно нравятся все эти грейдеры и скреперы, бульдозеры и шлагбаумы, парикмахеры и маркшейдеры, крепдешины и чемоданы, вализы и брендспойты, нравится лизинг и слайдинг, маркетинг, даже лав-бренды нравятся (это любимые марки разных товаров). Как и всему нашему богомерзкому народу, нравится мне вип-сервис и мустанги от адекватного дилера, и мегалук бластер NERF для тех, кто устал от обычных бластеров, и бластер страйк, и бластер каунтерстрайк. И слингфайр и рэмпейдж тоже нравятся. Это зима, граждане.

На чистом белом снегу разложены чистые портяночки – свои, да. А вот на них уже товары современного мира разложены. И все они как-то называются. Гель-лак для педикюра в стиле nude. Да и простой френч, дети мои. Омбре, стразы, акриловая лепка. Помечтайте, помечтайте о лете, пока мужики бородатые убирают снег: они все равно не поймут этого вашего языка.

Хускварна, Хутер или Хундай, да не один ли ХВУЙ? Нашего снега они ни хуя не боятся. У них там ваще циклоны такие до весны.

Приятно со специалистом поговорить, управляющим всеми этими ковшами и отвалами.

Инженерная косточка, в юности радовавшаяся рейсшинам и штангенциркулям, рейсфедерам и пинцетам, и сегодня не удивляется, что рейсфедеры используют, прости господи, в эпиляции. Брови там выщипывают и тому подобные места, требующие особой тонкости в обхождении. Тут с толстым инструментом не подойдешь.

И как же бережно обращается наш богоспасаемый язык с красивыми, модными словами. Это же не просто макияж бровей! Это – татуаж жизни! Попробуй – замени его местной приبلудой – народ засмеет. Свои у нас – одни натопытши. А новейший клей турбо-тач – германский, элитный. Зверь, а не клей!

Любит, любит народ этот иноязычный тюнинг. Чем объяснить это, не знаю. Турботач какой-то. Тачскрин. Это какой-то бенедиктин, изобретенный во Франции в 16 веке. Это какой-то Бенедикт Камбербэтч. Просто Камбербэтч. Имя так быстро всосалось в язык, что стало обычным русским словом. Со своим фан-клубом.

Как Рочдельская улица в Москве. Спросил одного малого, который там живет, знает ли он происхождение названия своей улицы. Понятия, говорит, не имею. Древнерусское, полагает, что-то, родниковое, сочное такое, родня и челядь типа. Во, говорю, да это же в честь первого кооператива в Англии времен Карла нашего Маркса, в честь города Рочдейл! Немая сцена. Потребкооперация, Карл! Родня и челядь. Вот, кстати, хорошее название для ООО. Или для ОАО. Или для заведения общественного питания. Из давальческих продуктов.

Но слово давальческий какое-то не деловое. Давалец – это теперь саплаер, и точка. Да, вот, чуть не забыл! Снегоуборочная техника не должна задевать наружку. Никак нельзя, потому что дорого очень.

А в сити-форматах наш народ давно толк нашел, вкус к ним имеет и юзает на бродбэнде. И к этим вот пилларсам, их в древности тумбами называли, все эти пилоны, роллерсы. Вообще, имиджевая составляющая у нашей бордолюбивой оттатученной молодежи – сильна. И это хорошо. Русский язык нашей эпохи – стихийный космополит. В этом, собственно говоря, проявляется его природный патриотизм. Ибо родина языка – что? Правильно! Мозг, сердце, ум его носителей. Мировая отзывчивость.

Что еще симпатично в пилларах, или пилларсах, так это вариативность. Производители, промоутеры и пиарщики пилларво-пилларсовой наружки играют, в одном предложении употребляя оба варианта. Со временем, должно быть, победит какой-то один. А может, и нет, так и будем прыгать от пилларса к пиллару. Они ж еще и вращаются. Роллинг пиллар. Чистый гламур. Потому что любят наши люди биллборды и штендеры, баннеры и старые добрые брандмауэры, увешанные световыми коробами вместо строителей коммунизма и мускулистым профилем дедушки Ленина.

Не любил Лукич иностранщины, и просчитался. Потому что любит наш народ дюралайт и фейерверк. И его не собьешь. Каким бы сильным ни был снегопад. Из-под толстого-толстого снега торчат тонкие-тонкие прутья растений. Всюду жизнь!

24 мая 2016

На полпути от Лииньграда к Петербургу

14.05.2016

В Москве на Хованском кладбище произошла драка со стрельбой, в которой приняли участие от 100 до 500 человек. Погибли два человека. Конфликт возник из-за распределения территорий обслуживания кладбища.

Великий французский афоризматик Ларошфуко вот уж сколько десятилетий не устает задавать мне один и тот же вопрос: «Почему мы во всех подробностях помним то, что с нами случилось, но неспособны запомнить, сколько раз мы рассказывали об этом одному и тому же лицу?»

Вот и я не помню, рассказывал ли уже старый анекдот о двух еврейх – один был гражданином Белорусской ССР, а другой – Украинской ССР.

– Слушайте, – говорит украинский еврей, – почему у ваших городов такие длинные названия?

– Какие же? – спрашивает обиженный белорусский еврей.

– Ну, слушайте, эти ваши Ми-и-и-инск, Пи-и-инск...

– Ну да. А что, у вас, что ли, короче?

– Конечно! Днпрпетрвск! – проглатывая гласные, выпаливает собеседник.

Зачем же в мае 2016 года такое короткое название решили еще сократить?

И почему такое, прямо скажем, иррациональное озлобление вызвало это переименование Дніпропетровська в Дніпро (по-русски Днепр) в соседней России. Шутки, появившиеся в эти дни, поражают ничем не замутненным слабоумием. От выражения «Херсон и Запорожье напряглись в ожидании» не смогли удержаться тысячи нормальных людей, потрясенных этим небывалым в истории нашей части света событием – переименованием целого города.

Да виданое ли это дело? Изменить устоявшееся, так хорошо зарекомендовавшее себя название? К которому привыкли миллионы людей? Да это ж вандализм! Волонтаризм! Это же, вспомним уж дедушку Ленина, эмпириокритицизм какой-то!

Пока психологи думают, что же двигало людьми, иногда обличенными высокими официальными должностями, на обнажение старого верного звериного оскала, дам объяснение филологическое. Построенное на анализе произведений высокой поэзии, доступной миллионам носителей языка. Сегодня самыми яркими произведениями поэтического искусства делится с народом группа «Ленинград». Особенно два недавних произведения в исполнении этого замечательного коллектива, который, кстати, называет себя «группировкой», запали в душу миллионам россиян. В них сочетается высокий лиризм и открытость постижения нового мира. Произведения, которые позволят нам понять, отчего так возбудились россияне скромным актом декоммунизации в Украине, оставившим для потомков от Днепрпетровска прекрасное имя Дніпро (по-русски Днепр).

Начнем, однако, с самого названия группы – «Ленинград». Должен признаться, и сам город многие россияне пока еще не научились называть ново-старым именем. К слову, и старое его название произносят по-русски не слишком членораздельно – примерно «Лииньград». Но, конечно, уважая питерцев, сейчас спохватываются и говорят иногда «Петербург», некоторые пользуются даже именем «Петроград». Ну а в просторечии-то говорят «Питер», конечно. Что же в имени группировки «Лииньград» поэтического, могут спросить некоторые. Разве это не просто стёб такой, не ерничество?

Может быть, это намек на не изжитое историческое прошлое? Эйфория переименований, которые бодро шагнули в начале ель-

цинской эпохи, потихоньку сдулась. Санкт-Петербург застрял в Ленинградской области, Екатеринбург, часто называемый Ебургом, — в Свердловской. В 1999 году — в самом начале нынешней эпохи, подходящей, по-видимому, к концу, в альбоме «Мат без электричества» была песня «Батарея», она начиналась так:

*Я обнимаю батарею,
Хочу тепла, хочу тепла,
Хочу, чтоб эта батарея,
Меня, как баба, обняла.*

С этой мечтой вся страна входила в эпоху, которую вот уже второе десятилетие и окормляет группировка «Ленинград». Одни скажут, что Сергей Шнуров и его команда выражают ее дух и по-своему жалеют сограждан, другие, наоборот, что эти музыканты и поэты жалят эпоху и жарят пожирателей и прожигателей страны, как, наверное, делали бы черти в Аду. В лирической песне «Москва» как раз представлен образ, как бы замещающий переименование города — неосторожно перенесенной столицы бывшей империи и главного города СССР:

*Вчера приснился сон прекрасный —
Москва сгорела целиком.
Пожар на площади на Красной,
И тлеет бывший Избирком.*

*Никто не выжил — все сгорели,
Все Pussy, Путин и Собчак,
И у стены кремлевской ели
Горели охуе*но так.*

*Сгорел Медведев и Навальный,
И будущий, и бывший мэр;
Лужков приехал как специально,
Но не успел принять он мер.*

*Горели люди на Болотной,
ОМОН сгорел и все менты,
А с неба дождик шел кислотный,
Еще для большей красоты.*

*Останкино сгорело быстро,
А утонуть бы не смогло,
Горели замки, что на Истре,
Горели медленно, назло.*

*И Храм Спасителя, и бани,
Хачи сгорели, москвичи,
А дома ждали россияне,
Когда остынут кирпичи.*

Песня, понятное дело, остро-шуточная, но для филолога она обладает огромной исторической ценностью, поскольку здесь названы и главные деятели, протагонисты и фронт-мены, и ключевые события, и важнейшие мотивы минувшего пятнадцатилетия с хвостиком.

Здесь и лидеры страны и города, и возмутители спокойствия, и протестующий средний класс, и его подавители, и местные жители, и приезжие, и подлодка «Курск», и горящая Останкинская телебашня, и Красная площадь, и особняки на Рублевке.

Мелодичный припев, точно нежное воспоминание, объясняет происходящее еще и как некое воздаяние, которое должно примирить слушателя-зрителя со случившимся:

*Москва, по ком звонят твои колокола?
Москва, почему твои золотые купола?
Москва, по ком звонят твои колокола?
Москва, почему твои золотые купола?!*

Ночной кошмар с ультимативной движухой – это расплата за дневную беззаботность и безответственность. За что-то такое, что люди взялись в свое время сделать, но погнались за золотишком и – не справились с задачей.

Интересно, что поет это все, как говорили в советское время, творческий коллектив, вернувшийся в Лииньград из поездки в Петербург. Музыканты огляделись и попробовали разобраться в переименовании собственного города. Император назвал его именем патрона – апостола Петра, и эта официальная этимология освящала акт возвращения к корням, к первым сваям «города на Неве». Но

музыкантов группы эта этимология не устроила. Питер – от слова «пить». Здесь нет той нежной мелодичности, которую мы находим в песне о Москве, но припев и здесь должен раскрыть глаза соотечественникам на происходящее: Какой апостол? Какой амператор?! Питер – от слова «пить»! В диалоге трагического хора явственно слышны голоса русских поэтов прошлого, двадцатого века. Отсюда и мрачный географический припев:

*В Ростове шикарные плюхи,
Размером с большую печать,
В Москве охвательно нюхать,
В Челябинске лучше торчать.*

*А в Питере – пить!
В Питере – пить!
В Питере тире – пить!
В Питере – пить!
В Питере – пить!
В Питере тире – пить!*

А само произведение, легшее в основу популярного ныне клипа, заставляет вспомнить Сергея Есенина.

*Много городов у нас в России,
Нету пальцев столько на ногах,
С каждым годом всё они красивей,
Утопают в солнце и в снегах.
Я поездил в общем-то немало,
Есть что вспомнить, есть чего забыть,
Добирался даже до Ямала,
И видел то, чего не может быть.
И при всём при внешнем похвудизме,
Сердцем я люблю страну свою,
Эта песня, в целом, о туризме,
И для туристов я её пою.*

Ироничная Муза нашей географической поэзии все еще готовится к чему-то важному. Она пока не полюбила эту местность. То ли ждет, «пока остынут кирпичи», то ли боится выйти из похмелья. В таком настроении чужие успехи кажутся вызывающими, оскор-

бительными, хочется сразу взяться за чужой Херсон и за чужое Запорожье.

Это настроение человека в состоянии меланхолии более полувека назад прекрасно выразил другой русский поэт – Николай Рубцов в стихотворении «На кладбище»:

*Неужели одна суета
Был мятеж героических сил,
И забвением рухнут лета
На сиротские звезды могил?*

*Сталин что-то по пьянке сказал –
И раздался винтовочный залп!
Сталин что-то с похмелья сказал –
Гимны пел митингующий зал!*

*Сталин умер. Его уже нет.
Что же делать, – себе говорю, –
Чтоб над родиной жидкий рассвет
Стал похож на большую зарю?*

*Я пойду по угрюмой тропе,
Чтоб запомнить рыданье пурги
И рожденные в долгой борьбе
Сиротливые звезды могил.*

*Я пойду поклониться полям...
Может, лучше не думать про все,
А уйти, из берданки паля,
На охоту в окрестности сел...*

Это и есть то состояние души, которое словами выражается неохотно, а если выражается, то – издалека. Застраившие на полпути от Ленинграда к Петербургу, ищущие человеческого тепла от батареек пока не научились говорить сами, зато любят поучать других. Им не без Петровского, им без Сталина все еще сиротливо. Редкая птица долетит до середины Днепра.

11 сентября 2016

Пятнадцатилетняя война

03.09.2016 В Екатеринбурге на два месяца арестован видеоблогер Руслан Соколовский, по обвинению в экстремизме и оскорблении чувств верующих. Поводом для возбуждения дела послужило видео, на котором видеоблогер ходит по храму и играет в Pokemon Go.

09.09.2016 Подписан указ об отставке уполномоченного при президенте по правам ребёнка Павла Астахова, на посту его сменила Анна Кузнецова. В России произведён очередной успешный испытательный пуск межконтинентальной баллистической ракеты «Тополь».

Президент непризнанной Приднестровской Молдавской республики Евгений Шевчук издал указ о подготовке к присоединению к России, в частности о приведении правовой системы республики в соответствие российскому законодательству.

Первые сорок лет моей жизни слово «война», произносимое по-русски без эпитетов и вне контекста, в девяносто девяти случаях из ста означало Великую отечественную войну. Поэтому и два, может быть, самых известных мема послевоенного времени — присказка «лишь бы не было войны» и «хотят ли русские войны?» из стихотворения Евтушенко — относились именно к этой войне. В подтексте обоих речений — именно прошедшая война: лишь бы та война не повторилась; русские не хотят повторения войны.

Следствия у прилипания этой войны без артикля (в русском языке ведь нет артикля, но он часто подразумевается) к только Великой отечественной было два.

Первое — любая другая война, в которую ввязывался или которую начинал Советский Союз, вовсе не считалась войной, если была более мелкого калибра, чем та, что шла четыре года на нашей территории. Конечно, до поры до времени. Между войной в Афганистане, прикончившей Советский Союз, и Чеченскими войнами, сделавшими Российскую Федерацию тем, чем она пока является, происходило постепенное освобождение сознания от магии величия главных событий, случившихся, якобы, в прошлом. Оказалось, что мы и сами с усами, живем прямо-таки в самом центре большой истории. Вот и у нас появились настоящие войны. Видные российские

публицисты – от Анатолия Чубайса до Александра Дугина – проповедовали с середины 1990-х годов целебность войны дляковки национального духа и обжига национального самосознания.

Другое следствие искусственной пропагандистской занятости «войны» только Великой отечественной – и в этом коварство истории – инфляция самого слова. Чему только ни объявляли войну советские и особенно постсоветские люди – от лени и ротозейства до коррупции и терроризма. В советские годы грамотные русские вздрагивали, когда вместо правильного *война с кем-то* или *воевать с кем-то* – война с врагом, воевать с фашистами и т.п. – все чаще стали говорить «война против кого-то». Эта вроде бы мелкая морфологическая и стилистическая заноза была одним из сигналов и более крупной перемены, вызванной, возможно, пропагандистским потоком вокруг еще и двух невидимых войн, которые сопровождали и весь мир, и СССР в этом мире.

Первая – «холодная война», вторая – «угроза атомной войны».

Диапазон страха перед новой войной и отвращения к ней проявлялся по-разному – от смертельной серьезности послевоенного Джорджа Оруэлла (1949), с его саркастичным «мир – это война», до сатиры Александра Галича, с его «мы стоим за дело мира – мы готовимся к войне, ты же хочешь, как Шапиро, прохладжаться в стороне» (1960-е).

Но как только облетели листочки пропагандистского леса, люди в бывшем СССР перестали бояться атомной войны. Она стала для большинства бумажным тигром. На всем протяжении 1990-х, да и в начале нулевых, американские, российские, казахстанские, украинские военные специалисты бок о бок трудились над сокращением этой угрозы. Но конец холодной войны оказался и концом этой самой ядерной угрозы. Вместо одной атомной войны в Европе, в Азии, в Африке началось несколько – да множество! – войн. От войн за советское и югославское наследство до гражданской войны в Афганистане и множества войн в Африке.

11 сентября 2001 года эта война сразу за несколько имперских наследств перекинулась на территорию Соединенных Штатов Америки. Вдруг стало ясно, что для нанесения чувствительного удара даже сверхмощному противнику и не нужно атомного оружия, а нужна средняя техническая и очень хорошая моральная подготовка. Повсюду в мире заговорили о войне с террором, которая идет вот уже 15 лет. Ее ведут государства с разрозненными, но время от времени образующими прочную сеть частными сообществами.

Фантастическую повесть Владимира Бээкмана «Ночные летчики» выпустили в переводе Арнольда Тамма на русском языке в Москве за четыре года до начала Афганской войны, от которой ведут отсчет, как мы теперь знаем, и талибы, и Аль-Каеда и tutti quanti, увидевшие, наконец-то, войну в сердцевине мира. Главные герои книги – немецкие военные летчики, чудом сохранившие свои старые истребители в норвежских фьордах, вылетавшие оттуда на операции. Командование куда-то исчезло, оставался только воинский долг. Но было и желание понять, что же стряслось с Европой. Там, думал главный герой, на первый взгляд, воцарился мир: нет больше светомаскировки, гражданские лица явно свободно передвигаются и живут обычной жизнью. Но что это может значить? Только одно: просто война приобрела новые свойства. Она идет теперь не так, как прежде. И летчики приспособляются к этой новой войне. Своими скромными силами они оказываются в состоянии сбивать сверхсовременные вражеские машины, пилоты которых проигрывали бой просто от неожиданности.

Фантазия 1975 года. А в реальности готовились к атомной войне. И в шутку, и всерьез. А противник поджидал совсем с другой стороны. Эта притча снова вернулась со страшной силой – войной за советское наследство между Российской Федерацией и Украиной, которую начали герои Бээкмана. Только у эстонского писателя это были немецкие летчики, словно клонированные для новых подвигов Люфтваффе, а в нашей реальности – это клонированные для новых подвигов Красной армии гиркины-стрелковы. И это их братья, собравшиеся под черным флагом для уничтожения гражданской жизни на всей бывшей территории великих империй – от Римской до Оттоманской.

Война, которая стала родной матерью целого поколения.

После первой успешной попытки перенести ее в Северную Америку предпринимались все новые и новые. Пока безуспешно. Но и ключ к прекращению этой пятнадцатилетней войны пока не найден. Сотни тысяч погибших. Миллионы перемещенных лиц. Но эти слова равным счетом никого не волнуют.

Удивительное дело. Война идет совсем рядом. Но страха или лозунга «лишь бы не было войны» не слышно и не видно.

С кем ни поговоришь о войне сегодня, через 15 лет после 9/11, в семантическом ореоле этого слова точно выпали два ключевых цвета – страх за себя и за близких и скорбь за тех, кого она уже унесла.

В Риме есть памятник жертвам 11 сентября 2001 года, точнее даже – тем, кто погиб в башнях-близнецах на Манхэттене. Памятник очень лаконичен: две античные колонны, поставленные рядом – через дорогу от Чирко Массимо. Вместе и знак скорби и – признание бессилия перед иронией истории.

К концу 2016 оказалось, что 9/11 было только прологом к событиям, символами которых стали разрушенный до основания аэропорт «Сергей Прокофьев» в Донецке, руины Пальмиры и полуразрушенный город Алеппо. Война, разрешенная языком без костей, вступила в свои права.

4 декабря 2016

Постправда: главное слово 2016 года

07.12.2016

Журнал Time назвал Трампа человеком года. Иран сменил название национальной валюты с иранского риала на персидский туман.

Объявлено о продаже 19,5 % акций компаний Роснефть швейцарской компании Glencore International и суверенному фонду Катара Qatar Investment Authority. Компания Glencore International опровергла факт крупных вложений в бумаги российской компании. Источником финансирования приватизации «Роснефти» назван итальянский банк Intesa.

В англо-саксонском мире, говорят, в 2016 словом года стала постправда. Прямо в Оксфорде так и сказали. Post-truth. И я их понимаю. После того, как все признали правду, наступают совершенно новые времена. Кого выдвинут народы мира на роль вершителей своих судеб?

На рубеже XX и XXI века та сила, которая отвечает за язык, начала по-новому испытывать людей. К власти в разных странах стали приходить политические деятели, которых принято было называть харизматическими. Это такие люди, за которыми большинство населения готово пойти, закрывая глаза на некоторые мелочи политической тактики ради большого общего успеха, сулимого божественной одаренностью нового лидера. Николя Саркози во Франции, Сильвио Берлускони в Италии, Герхард Шредер в Германии олицетворяли для многих харизматический стиль правления и межгосударственных отношений.

Казалось, они были рождены для власти, и власть их любила. Однако, при всей харизматичности, оставались еще и правила. Харизматик вынужден соблюдать закон. И это при том, что его толкают с двух сторон: слева – обычные и даже скучные люди, такие, как ты и я. Вроде Франсуа Олланда во Франции или Ангелы Меркель в Германии; а справа – люди, выдающие себя за сказочных тотемических животных или символических волшебников, которым все надоело, а особенно надоели – сами правила, установленные, как они считают, из лицемерия, все эти связывающие свободу личности законы, от которых совсем житья не стало. Люди, которые могут решительными действиями, а лучше – одним ударом, и со смехом на устах сломать утомительную рутину, и называются трикстерами.

Трикстер – персонаж одновременно абсолютно серьезный и грозный, но и смехотворный, парадоксально вызывающий смех и привлекающий к себе своей отвратительностью. В старину такие политические деятели приходили на смену мертвым идеологическим вождям. Так, Сталин постоянно себя ставил рядом с мертвым Лениным как подмастерье рядом с мастером. Гитлер был трикстером при Гинденбурге.

Роль трикстера часто навязывается персонажу, который, может, и не хотел ее играть. Например, роль пьяного медведя-шатуна навязывалась Борису Ельцину в последние годы его правления. Роль трикстера несомненно присуща В. Жириновскому – признанному волчаре телевизионных кричалок и думских перепалок. Трикстер – это человек, который наделяется признаками мифического героя, в отдельных случаях даже божества, но при этом допускает постоянное смеховое переозначивание реальности и глумится над всеми, однако при этом не вызывает у масс людей отторжения и, тем более, исторжения из сана или отстранения от политической роли. И это – несмотря на то, что главное занятие трикстера – постоянное надувательство окружающих с целью извлечения какой-нибудь выгоды. Чем более грубым и вызывающим становится персонаж, тем более он приемлем для массового восприятия. Постоянно присутствующий на политической сцене Панург, трикстер утоляет тягу обывателя к мифу и вечности. Вот почему даже самый мелкий трикстер не торопится менять привычную форму одежды: не лишится ли байкер по кличке Хирург, он же Александр Сергеевич Залдостанов, своей мистической силы без шапо и кожаной безрукавки?

Если за нулевые и начало десятых годов XXI века в ведущих странах мира харизматиков начали теснить скучные нормальные люди, то вторая половина десятых годов пройдет, по-видимому, под знаком перевеса трикстеров.

Чем же трикстер отличается от харизматика?

Харизматик ведет себя в рамках существующего права. Каким бы экстравагантным он ни был, в хорошем или в дурном смысле, харизматик склоняется перед законом. Даже Сильвио Берлускони вынужден был уважить закон.

Харизматиков не бывает много, потому что ими не становятся, а рождаются. А вот трикстером можно стать. Поэтому некоторые харизматики, чтобы удержаться у власти, вынуждены и сами перекрашиваться в трикстеров, и окружающих активистов приучать и приобщать к трикстерству.

Чем больше смехового, до сардонических конвульсий смешного, поведения верховных трикстеров, тем более приемлемой кажется обществу их данность. Поистине гениально и надежно укоренен в мифологической традиции трикстерский стиль Владимира Путина. Ведь в древнем мифе трикстер первоначально являлся в облике зверька или превратившегося в него хитреца. Хитрее всех, однако, выступает трикстер, перебирающий, почище мифического Протея, своих тотемических животных, но не оставившийся ни на одном. То стерх, то осетр, то тигр, то медведь, то утка, то морж, то коала, то собака.

Падение харизматика в трикстеры интересно было наблюдать на примере бывшего канцлера Германии Герхарда Шредера. Уже проиграв в 2005 году Ангеле Меркель, он в последний момент попытался, было, оспорить результаты выборов, предложив по отдельности подсчитывать голоса партии Меркель (ХДС) и ее партнеров по баварской ХСС. Это был вызывающий ход, ломающий политические приличия, и вдруг все увидели высунувшуюся на мгновение мордочку трикстера. Этим шагом капитан социал-демократического корабля пробил в своей партии брешь, а сам стал полноценным политическим трикстером – самым крупным агентом и лоббистом другой страны в Германии, где сам же еще вчера работал канцлером.

Таким образом, трикстер, в отличие от харизматика, презирует не только закон, но и правила приличия. У него низменная речь, а если он пользуется возвышенной речью, то в низменных целях. Култ коллективного трикстера транслируется в СМИ, но

более всего – на телевидении. Он там живет и оттуда до поры до времени безнаказанно поливает население своим едким секретом. От отца и дочери Ле Пен во Франции до президента Орбана в Венгрии – европейцы не верят своим глазам, и некоторые от страха голосуют. Возможно, в надежде, что трикстер все равно долго не продержится, зато, как им кажется, прочистит воздух и обновит систему.

Как долго трикстер может пробыть у власти? Может – очень долго. Так долго, что люди успевают забыть, что этот тип был трикстером. Интересны случаи, когда трикстер меняет имидж. Так, за последние недели ноября-декабря 2016 года наблюдатели отметили отращивание длинной бороды чеченским лидером Рамзаном Кадыровым и важными людьми из его окружения. Возможно, эта аксакализация трикстерства нужна для того, чтобы постепенно слить в одном лице духовное и военное лидерство. Подбираются к военно-космической промышленности и к системе образования и российские рясоносные трикстеры. С ними – бог, и светские привластные люди ничего противопоставить этой экспансии не могут, поскольку ведь и сами не уважают закон.

Огромного успеха добились трикстеры в Британии. Министр иностранных дел Борис Джонсон пытается, правда, превратиться из трикстера в респектабельного политика. А вот у Терезы Мэй – другой маршрут: по мере нарастания препятствий на пути к осуществлению брексита ей придется из политиков перейти в трикстеры.

Но главный-то новый трикстер уходящего года – новоизбранный президент США Дональд Трамп. Если бы я был карикатуристом, обязательно нарисовал бы такую картинку: на первую встречу президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов приходят Тигр, самой природой обернутый в Георгиевские Ленты, и Красный Слон, а над ними два плаката: «Подниму Россию с колен!» и «Снова сделаю Америку великой!» Тут-то мы и узнаем, что она такое, постправда.

Мы-то пришли к постправде из своей межеумочной щели между истиной и правдой.

Богатые тоже плачут – так назывался сериал, обогативший духовную жизнь бывших советских людей. Так-то они все словом Даля пробавлялись да призывами ЦК КПСС. Словарь Даля отвечал за сермяжную правду, а призывы ЦК КПСС отражали идеологию единственно верного учения.

К наступившей эпохе глобализации оказались не готовы те, кто слушал дятлов, стрекотавших, что, мол, не в силе бог, а в правде. Да и те, кто хохмил, вторя ильфо-петровскому Берлаге «я сделал это не в интересах истины, а в интересах правды», никак не ждали, что наступит «момент истины». Реалисты, от Даля же знавшие, что «вся правда в счете», начали было приближаться к этой самой истине, но тут грянула эпоха постправды, и снова все поломалось.

Эпилог, или В ожидании американского чуда

- Что у тебя, Расеюшка, болит?
- Святой Владимир...
- Так. Украинит.
- Иван Василич Грозный...
- Сталинит.
- Фиделя сердце больше не стучит!
- А это, бабка, у тебя Кастрит...
- Да что же это, как мне дальше жить?
- Как раньше — без мозгов, и - не тужить...

«Чтобы понять Трампа, учите русский!»

30.12.2016

США ввели новые санкции против России после публикации отчёта по кибератаке на Национальный комитет Демократической партии и обвинения России во вмешательстве в избирательный процесс в 2016 году.

09.01.2017

ООН официально изменила статус прибалтийских стран Эстонии, Латвии и Литвы с восточноевропейских на государства Северной Европы. Президент Белоруссии подписал указ о безвизовом въезде в Беларусь на срок не более 5 суток для граждан 80 государств, включая весь Евросоюз, а также Бразилию, Индонезию, США, Японию и иные государства.

Сообщество американско-британских и примкнувших к ним глобальных славистов-русистов SEELANGS взбудоражено статьей однофамильца покойного гуру русской грамматической правды Дитмара Эльяшевича Розенталя – американского журналиста Эндрю Роузенталя. Колонка в «Нью-Йорк Таймс» вышла под занятным названием «Чтобы понять Трампа, учите русский!»

Понятное дело, это высказывание однофамильца нашего Дитмара Эльяшевича Розенталя звучит особенно вызывающе на фоне слухов о вмешательстве российского руководства в избирательную кампанию в США. Но оно интересно и содержательно. Роузентал, в частности, пишет, что с «правдой» в России можно химичить как угодно. Ну, газетка-то с 1912 года выходит, и сколько ее, по слову Пушкина, «на подтирку изорвали», и не счесть. А вот «истина», полагает американский Розенталь, она у русских одна и высоко. Американский журналист считает, таким образом, что сам язык подарил русским удивительную возможность врать и лгать, даже и не покидая домена правды-истины. И даже прикрываться одной из двух ипостасей этой штуки, когда припрет.

В значительной степени эта парочка – правда и истина – и в самом деле рекомендует пользователям языка взгляд на мир с двух сторон. Правда указывает, скорее, на область правильных интерпретаций, а истина, скорее, на единственно возможную тождественность события или вещи самим себе.

Вот почему в словах сказавшего правду о другом жулике Берлаги из романа Ильфа и Петрова содержится та же мудрость,

какой русское общество окормляется и Далем. Не в силе бог, а в правде! – говорит один народ.

Чья сила, того и правда! – отвечает ему другой народ.

Вся правда в счете! Была правда когда-то, да излежалась! Не все то правда, что бабы врут!

Чувствуется, что американский Розенталь и Далевы пословицы полюбил. Важность для американской психеи русского различения между правдой и истиной он объясняет своим американским читателям, например, вот как.

Правда кампании Трампа 2016 заключается в том, что та опиралась не только на голоса откровенных расистов. Но истина победы Трампа на выборах 2016 состоит в том, что большую часть его избирателей составляли как раз расисты и ксенофобы.

Правда состоит в том, что все 17 секретных служб США могут и ошибаться, говоря, что, мол, русские хакерские атаки повлияли на ход выборов в США. Но истина состоит в том, что русские пустились во все тяжкие в желании повлиять на американскую политику, а сам Трамп – своим отказом от сотрудничества с западно-европейскими партнерами и поддержкой российского вторжения в Украину – был самым желанным кандидатом для России.

Эндрю Роузентал предлагает различать правду и истину там, где рассуждает о новом предполагаемом госсекретаре США Рексе Тиллерсоне. Есть правда в словах Трампа, говорит Роузентал, что, дескать, нечего прислушиваться к американским спецслужбам, которые ввели в заблуждение американские власти, когда обвинили Ирак Саддама Хусейна в обладании запасами химического оружия. Это правда. А вот истину Роузентал видит в том, что нового госсекретаря привела Трампу та самая Кондолиза Райс, что на посту госсекретаря при Буше настаивала на правдивости обвинений против Саддама, которые вскоре оказались фейком.

Американские русисты, надо отдать им должное, не оставили камня на камне от концепции Эндрю Роузентала, обвинив того чуть ли не в попытке вернуть современные знания о языке к середине 20 века и даже раньше. Именно тогда расцвела прямая интерпретация социальных процессов в их зависимости от языка. Например, если в словоупотребление «правды» и «истины» зашифо противоречие, стало быть, и сознание у носителей русского языка должно быть не таким, как у всех, а немножко другим. Особенно сегодня, сейчас, в загадочные годы постправды, начавшиеся на наших глазах.

Что бы кто ни говорил, а в отношении «правды» и «истины» носители русского языка нередко ведут себя, и опять-таки – строго по Далю! – как буриданов осел. И туда хотелось бы, и сюда, а сами – ни с места. Но так ведь и околоть можно. У нас ведь и с рабством так, с крепостной зависимостью, с любовью к начальству. А все почему? Потому что никак не могут выбрать между «свободой» и «волей». Вот и предпочитают рабство. Если не в прямом смысле, то в переносном.

Между тем, граждане, есть на этом фронте и хорошие новости. И если американцам советуют входить в эпоху Трампа, запасись русскими словами, русская молодежь охотно инкрустирует свою речь американизмами. Хорошая коллега по домашней философии русского языка Марина Кедрова рассказала мне, как собирает и обсуждает словечки новейшего русского молодежного жаргона с дочерью, 16-летней Марианной. Молодежная тяга к истине и правде столь велика, что, как раз во избежание попадания в буриданову ловушку, молодые носители русского охотно обрабатывают чужое. Как назвать нечто правдивым – но без истерики и без сентиментального пафоса наших и ваших споров об истине и правде? Да вот же оно – «трушное», «надежное», «верное» – от английского true & truth. Не становись «моралфагом» – сентиментальным занудой, пожирающим собеседников своим моральным превосходством. Не «агрись», т.е. не злись! Поменьше «хейта», или ненависти, да?

Среди новых слов и словечек, выпрыгивающих из садка молодежного жаргона в реки и запруды нашей речевой повседневности, заметнее других материал, который я бы назвал антипафосным. Даже удовольствие описывается не старым бодрым «кайф», а ироничным «каеф». Про самоубийцу скажут, что он «выпиллился», разочарование в ком-то передадут английским словечком «фейспалм», мол, закрываю лицо рукой, чтоб глаза мои этого срама не видали.

Конечно, у московских школьников нет 17 спецслужб, как у американского президента или журналиста Нью-Йорк Таймс, да и местное окаменевшее вранье они, судя по лексикону, не особо обсуждают. А если в чем уверены, говорят без надрыва и пафоса «инфасотка». Учите русскую матчасть, дорогие наши трампанутые братья и сестры. Мы отсюда поможем, чем можем. Кому сейчас легко?

8 января 2017

Первое модное слово нового политического года

18.01.2017 ЦРУ обнародовало рассекреченные документы о холодной войне и НЛО.

19.01.2017 Совет Безопасности ООН выступил за передачу власти в Гамбии избранному президенту Адаме Барроу.

20.01.2017 Боевики ИГИЛ частично разрушили часть Римского театра в Пальмире.

Турция отказалась от требования немедленной отставки Асада.

Дональд Трамп вступил в должность президента США

Не успели мы ввалиться в 2017 год, как в узких кругах русских политических мыслителей разыгралась нешуточная битва за слово. Как ни странно, слово это не «революция», что было бы понятно в год столетия Февральской и Октябрьской революций в России, а, извините за выражение, анократия. Это понятие, впервые описанное немецко-еврейским философом Мартином Бубером в 1946 году, тридцать лет спустя оказалось вновь востребованным, когда сочинение Бубера перевели на английский язык. С его помощью исследователи описывают смешанные режимы, в которых ни у автократии (или авторитаризма), ни у демократии нет либо сил, либо достаточных ресурсов для окончательной победы, и в результате создается особый режим совместного и взаимного выживания в обоих смыслах последнего слова. Автократия с трудом выживает, выживая с политического поля всех своих оппонентов. Демократы выживают, не решаясь на решительные действия, поскольку так же боятся риска, как и ненавидимые ими автократы. Политолог Екатерина Шульман воспользовалась этим термином для описания текущего политического режима в Украине, что немедленно вызвало протестную реакцию. Братья-политологи тотчас упрекнули Шульман, что та своим высказыванием затушевывает анократический характер как раз российского государства. В списке постсоциалистических

режимов, остановившихся на полпути, Украина все-таки идет или ползет от авторитаризма к демократии, тогда как российское государство движется в обратном направлении, или от демократии к авторитаризму. К тому же говорят, что, мол, если бы такую оценку давал внешний наблюдатель из политически развитой страны, ее можно было бы принять, но высказывание российского политолога оказывается чуть ли не академической поддержкой российского глумления над Украиной как над неполноценным и беспомощным государством-соседом.

Однако анократия – слово относительно новое, и любому обществу было бы полезно о нем поразмыслить. Тем более, что реальной политикой, например, в России занимаются разве что сотрудники службы охраны президента страны. Перед новым годом эти люди под видом рыбацкой ватаги фотографировались с президентом и премьером во время случайной встречи у некоего водоема. 7 января 2017 года та же группа рыбаков отстояла с президентом РФ рождественскую службу в некоем храме далеко от Москвы. Это и есть анократическая политика: приличия еще требуют от единственного в стране политика общаться с простыми людьми, но у него уже нет уверенности даже в относительной безопасности попадания в народную гущу, и приходится даже с богом общаться в окружении телохранителей.

Но что взять с незнакомой анократии, о которой мы помним, кстати говоря, немало хорошего. Разве не анократическим, хоть и на переходе от авторитаризма к демократии, было последнее пятилетие совка, когда один за другим на тот свет уходили геронтократы КПСС и КГБ, оставляя после себя все менее управляемое государство?

Режиссер-документалист Алексей Ханютин в новогоднюю ночь предложил своим друзьям и ученикам пофантазировать вот на какую тему. А что если ее не было бы, этой последней четверти века, со всеми ее анократиями – что нисходящей от демократии к авторитаризму, что восходящей от авторитаризма к демократии? Представим себе, что генеральным секретарем ЦК КПСС избирают или назначают не Михаила Горбачева, а, скажем, Бориса Ельцина? Представим себе торжественное заседание, посвященное столетию ВОСР (кто позабыл, так на излете совка называли Великую Октябрьскую социалистическую революцию). Как бы оно проходило? Вволю насмеявшись воображаемой юбилейной речи генсека ЦК КПСС, мы разошлись по домам, и тут как раз

грянула в тихой лужице фейсбука дискуссия об этой нашей анорексии, т.е., я извиняюсь, анокрагии.

Что же помешало бы докладчику к столетию ВОСРа? Ну, во-первых, само понятие Октября было занафталинено до такой степени, что никому и в голову не могло бы прийти подлинное значение слова «революция». Как это и было перед роспуском СССР. И за двадцать лет до него. Само понятие революции в тогдашнем русском политическом языке было антонимом того, что, собственно, означает слово «революция» – переворот всех общественных отношений. Разрушение старого строя. Нет, революция к концу совка была каменной неизбежностью *per se*, т.е. – противоположностью революции. И в современном русском политическом языке слово «революция» вызывает страх и ужас. Да оно и подменено ужасным, прямо-таки кошмарным украинским словом «майдан». 86 или сколько там процентов россиян не верят ни в какие эти ваши революции. Ни в какие «Авроры» и «Броненосцы Потемкины», но в какие лозунги «Мир без аннексий и контрибуций», ни в какого Блока и ни в какого Маяковского. Этому отношению к революции они научились, конечно, не столько у правых либералов или националистов, сколько у позднесоветских идеологов. Именно тогда, в десятилетия так называемого «застоя» и так называемой «перестройки» с революцией связывалось не освобождение и творчество, а порабощение и мука обязательности, не глоток свежего воздуха, а спертый воздух барачных и коммуналок. Когда рядом с вами и почти на ваших глазах кто-то устраивает революцию и свергает опостылевший режим, мы здесь этого принять и понять ну никак не можем. Это же так рискованно. А сейчас-то худо-бедно терпимо. И еще даже не дешево и сердито, как в глухие 1970-е. А главное, вы посудите сами, разве можно быть уверенным в результате?

Вот что такое революция: это неоправданный риск, это создание безобразной почвы, на которой взрастет не новая свободная цивилизация, а черт знает что. И не то чтобы все были шариковы и швондеры. Но призывать к насильственной или даже бархатной революции могут только враги государства. Вы посмотрите на Украину. Чего они добились? Крым отобрали, на Донбассе разбередили такую рану, что без иностранного вмешательства не обойтись. Посмотрите на театр военных действий после демократических революций или их подобию в Европе и на Балканах, в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Ведь это же сплошной

ад и ужас. Нам все эти бархатные, цветные и прочие революции не нужны. Плавали, знаем. У нас родовая травма. Мы как в 1917 году запустили этот процесс, так от страха последствий опомниться и оправиться не можем.

Но тут вдруг происходит революция в Соединенных Штатах Америки. Воспользовавшись кризисом традиционных институций – политических партий, техники выборов процедур, – к власти пришел не системный, не опытный, крикливый и упрямый кот в мешке. Настоящий революционер, ловко воспользовавшийся беспомощностью сначала своего, республиканского, истеблишмента, а потом и демократов, разбив в пух и прах их кандидату. Каких бы консервативных взглядов ни придерживался Дональд Трамп, он идет в Белый дом, скорее, как Ленин въезжал в Кремль после переноса столицы из Петрограда. Но нам, людям из анократической щели, этого как раз не видно. Мы давно похоронили и слово революция, и несчастный ВОСР, и душевную готовность к новизне. Хочется, чтобы Трамп «все вернул назад», что не получилось с традиционным политиком по фамилии Обама. Но где это видано, чтобы революционер восстанавливал историческое прошлое? В ожидании невиданных испытаний 2017 года очень некстати только вот эта вот интеллектуальная анорексия.

29 января 2017

Верьте антисемитам и рабовладельцам – они не соврнут

Есть слова, которые лучше не произносить вовсе. И это не то, что вы подумали. Нет, это не низменные, матерные слова, от которых, говорят, можно отмыть рот мылом. Так, во всяком случае, поступала мать Эрнеста Хемингуэя, когда тот был мальчишкой. В дальнейшем писатель не воздерживался, да и смывал дурное слово, как известно, коктейлем дайкири.

Так вот, не низменное и дурное слово, о котором давно и хорошо известно, что его лучше не произносить. Вы помните, были времена, когда человека спокойно можно было назвать «рабом». И в этом слове не было ничего особенного. Точнее, оно, конечно, было ужасным. Но все тогдашние люди понимали, что

иначе и не скажешь. Были рабы, были рабовладельцы. Были, конечно, и великие поэты.

Например, у Эсхила Кассандра произносит замечательные слова «и у раба душа божественная есть». Такой оксюморон. В России рабство для русских отменили в середине позапрошлого века, но фразу Чехова о трудностях выдавливания из себя раба любили повторять весь следующий, советский век. Сегодня, в 21-м веке, о рабах говорят в двух смыслах слова – в прямом и в переносном.

В прямом смысле слова рабами являются совсем бедные люди, которых рабовладельцы заставляют на них вкалывать за гроши. Рабы – это бригады нищих в поездах и в метро, которых содержат рабовладельцы. Рабовладельцы всем известны – достаточно дернуть за ниточку, которую держит в руках участковый. Но кто ж будет связываться! Ведь их, рабов этих, не так уж и много. Глядя на них, как и, например, на бомжей, люди, скорее, внутренне радуются, что они – не эти вот отвратительно пахнущие существа, находящиеся, конечно же, в добровольном рабстве у своих слабостей или обстоятельств. Я – другой. И пока сам я бегаю на свободе, могу пользоваться словом «раб» в привычном переносном смысле, разве не все мы – рабы, например, привычек или страстей? Слово это – обидное, и обращаться с ним приходится очень осторожно. Поэтому в спорах его используют только в переносном смысле. Так и о рабовладельцах говорят в переносном смысле слова. Но вот тут как раз возможны крупные неприятности.

В России слово «раб» традиционно подменялось эвфемизмом «крепостной крестьянин», и это позволяло даже знающим людям многие десятилетия уходить от серьезного обсуждения проблемы рабства. И в эпоху колхозного строя, и во времена массовых переселений или других преследований людей по вот этому самому признаку рабства. Попробуй только заговорить о рабстве в России! Или о порабощении, например, народов, которые по мановению руки владыки перемещались в вагонах для скота куда-нибудь далеко от родных мест.

Ну зачем вы сравниваете? Это ведь совершенно разные вещи. Но вещи эти не разные. Это как раз оно и есть – приписывание людям рабского достоинства в их природной совокупности. По слабости ума люди могут десятилетиями не видеть того простого факта, что их собственная принадлежность к этно-племен-

ному коллективу фиктивна. После великих катаклизмов, когда такое понимание вбивается в сознание людей войной или бомбами, они – не все, конечно, а только получившие специальную подготовку, – начинают это понимать и даже постепенно распространяют вокруг себя новую философию прав человека, прав личности, ее достоинства, никак не связанного с его происхождением или социальным статусом. Просто потому, что он или она – человек. Но остальные люди, к сожалению, этим пониманием не наделяются автоматически. Вот для таких людей и предлагается режим политической корректности: чтобы неверным, токсичным, как теперь говорят, словом не разбудили лихо. До поры до времени люди, принимающие решения, должны были проходить некую выучку, чтобы различать токсичное и не токсичное в языках управления. Их специально готовили к управлению, и в этой подготовке имелся специальный раздел, посвященный, например, Второй мировой войне и – специально – судьбе в этой войне евреев, цыган, инвалидов и гомосексуалистов. Людям, претендующим на занятие каких-либо должностей в иерархиях – судебной, административной, военной, – объясняют, например, в Германии, что причиной катастрофы их страны в этой войне было не что иное, как распространение представления о делении людей на расы, на больных и здоровых, заслуживающих истребления за какую-либо ущербность и заслуживающих разведения за принадлежность к правильной расе. Именно в этом смысл знаменитой фразы Теодора Адорно, что после того, как людей бросали, как картошку, нельзя писать стихи. Хотя сам Адорно в дальнейшем отверг остроту этого суждения, оно сохраняет силу вот в каком виде. Прежде чем ты не осознал, что нельзя бросать людей, как картошку, не берись за писание стихов. И уж во всяком случае за управление государством.

Но вот проходит несколько поколений. Напряжение, которое испытало общество, лишившееся на войне своих сыновей и дочерей, ослабевает. И, по миновании ужаса, из омута начинают вылезать новички, которые, как ни смешно это звучит, недопоняли случившегося несколько десятилетий назад с их родными и близкими и с другими людьми – жертвами или палачами, совершенно неважно.

Проснулись к политической жизни люди, которым кажется, что они могут быть кем-то, не став им. Это может быть Бьорн Хеке, немецкий неонацист и представитель партии «Альтерна-

тива для Германии», который объявил недели две назад «позором для Германии» установление в самом центре Берлина памятника евреям, убитым во времена национал-социализма. Это может быть российский политик и даже потомок целого дворянского рода, который находит виновников Революции, искоренившей все его сословие, в евреях – в самой бесправной части русских рабов, рабов Российской империи, которые с наганами выбежали из-за черты оседлости, поубивали священников и захватили храмы.

Оба эти выступления – Петра Толстого в Москве и Хеке в Берлине – совсем не случайно срифмовались в последние дни с попыткой нового президента Дональда Трампа запретить въезд в США «сирийцам» или «иракцам» – как отвечающим за преступления террористов. Все очень просто: террористов мы определяем по расово-религиозному признаку. Среди чекистов и коммунистов было много евреев, среди террористов – арабов-мусульман. Пора, давно пора указать на это обстоятельство!

Ну а в наших широтах полезно вспомнить, «что там у хохлов». Рифмуются эти заявления и со словами бывшей прокурорки Крыма Натальей Поклонской, попавшей в своем бывшем государстве – Украине – под следствие за нарушение присяги. Бедняга назвала власти публично преданного ею государства «оккупационным режимом»: значит, все-таки, есть совесть у человека, и бывший прокурор понимает, что «сотрудничает» с «оккупационным режимом» именно она. А чтобы оправдаться, Наталке-Полтавке нацистской эпохи придется натравливать на бывшую украинскую родину свою новую, российскую.

За всеми этими высказываниями – дикарское представление невежественного человека о собственном существовании и о мире как достаточное основание для вмешательства в жизни других людей. Ариец из Германии, бывший дворянин из России, правотступница из Украины, миллиардер из Нью-Йорка объединены одной мыслительной и речевой ошибкой. Они плохо учились в школе и уже не знают, что людей нельзя бросать так, как бросают картошку.

Что людей нельзя причислять к рабам, хохлам, мусульманам, евреям, просто присвоив себе право распоряжаться чужими судьбами на том основании, что кто-то другой говорит на чужом тебе языке, молится другим богам или выглядит не так, как тебе приятно.

Вот почему грамотной части современного общества, независимо от страны проживания и происхождения, важно видеть, что загорается тут одна гирлянда: Петр Толстой и Бьорн Хеке по-настоящему, а не в шутку, видят в евреях врагов своего племени, своего рода, своей территории, и это – серьезная угроза всем евреям, особенно тем наивным, что все никак не могут доказать начальству свою русскость, православность и державность: им пламенный привет от Бьорна Хеке и Владимира Ивановича Даля! Хорошо, что пока еще Петр Толстой не набрал силу для успеха своего дела. И бывшая прокурорка Крыма, чтобы очиститься от неприятного статуса находящейся под следствием нарушительницы присяги, вполне готова спровоцировать большую войну, и это – серьезная угроза всем россиянам и украинцам. Хорошо, что пока еще она не набрала силу для успеха своего дела. И президент Трамп видит в мексиканцах и арабах, в бабах и в газетчиках – неполноценных, которых надо держать в узде. Но ведет он себя как рабовладелец, одержавший победу над янки через полтора года после окончания гражданской войны. Хорошо, что в Америке есть суд, который может отменить решения сумасброда, вообразившего себя таким рабовладельцем.

Свободным людям приходится воспринимать слова возбужденных рабовладельцев всерьез – какими бы воображаемыми ни казались им эти рабовладельцы. Какой бы подлинной ни казалась свобода: слишком много таких, кто уговаривает тебя, что свобода это только слово, но отнять его у тебя старается изо всех сил и – как настоящую.

Дорогой читатель!

Как хорошо и правильно, что Вы начали читать эту книгу с указателя.

Книга без указателя – это не книга, сказал когда-то историк Теодор Моммзен. Особенно, написанная по горячим следам событий, когда важные мелочи могут потеряться, если не посадить их на булавку указателя. Вот почему индекс начинается с ленты лет: по ней читатель сразу увидит, какой год, какая эпоха и почему прорастает в нашей современности. Большая часть глав книги выходила – голосом по радио или в газете, колонкой о языке, и автор благодарит редакции, прежде всего, коллег с Radio France Internationale, за возможность неделю за неделей вести рубрику *Les mots* вот уже несколько лет для русского слушателя, где бы тот ни находился. Для книги отобрано только то, что касается языка, еще вчера казавшегося невероятным, – противостоения Российской Федерации и Республики Украина. Добавлены небольшие статьи о языке и для других изданий, преимущественно московских.

Как же читают и понимают все случившееся за несколько лет люди, говорящие по-русски и живущие в России? В каком контексте движется общественная мысль России? Указатель поможет читателю за две-три минуты определить, стоит ли ему вообще читать книгу под таким мало-симпатичным названием!

Книга печатается в авторской редакции и следует постоянно перенастраиваемой норме. Слово «крымскотатарский», например, я пишу слитно, потому что «крымские татары» – конкретное имя конкретного народа; я пишу «в Украине», потому что пишу «в России», уважая государственный суверенитет и территориальную целостность обоих государств-наследников СССР. Мемы и бранные клички (этнофолизмы) печатаются в указателе курсивом – как чужие слова, а в тексте оставлены как есть, ведь из песни слова не выкинешь.

Горячо благодарю издательницу LAURUS Полину Лаврову за приглашение напечатать книгу в Киеве. Картинки и вирши-подписи отобрала Диана Ключко. За труд, идею, сердечное участие – низкий поклон, Диана! Другьям и коллегам, причастным к изданию, – Ксении Турковой, Антону Ключко, Лейле Лятифовой, старому другу Андрею Дмитриеву – душевное, сердечное спасибо!

Спасибо дочери, Дине Гусейновой, за предпринятые сокращения.

И все же, конечно, ответственность за все несет автор.

Дорогой читатель, теперь слово – за Вами!

- 11 сентября 2001 года, 333-336; см. 1940-е, 109
- 9/11 1940, 256, 264, 294
- 1380, 111 1941, 38, 154
- 1789, 296 1942, 38, 39
- 1801, 128 1944, 38
- 1851, 296 1945, 100, 215, 218, 276
- 1863-1866, 294 1946, 346
- 1870-е, 22 1947, 221, 294
- 1880, 90 1948, 110, 218, 221, 294
- 1884, 180 1949, 334
- 1898, 142 1950-е, 13, 62, 109, 154
- 1904, 177 1953, 4, 11, 110
- 1905, 52, 111, 173, 179, 321 1956, 11, 151, 173, 264
- 1906, 31 1959, 268, 272, 275
- 1909, 179, 292 1960-е, 13, 40, 106, 110, 173, 174, 197-199, 279, 334
- 1910, 303, 322 1962, 105
- 1911, 220 1963, 137
- 1912, 343 1966, 198
- 1913, 123 1967, 24, 197, 198
- 1916, 322 1968, 11, 151, 264
- 1917, 52, 123, 173, 180, 210, 293, 322, 349 1969, 136
- 1918, 111, 139, 296, 307 1970-е, 13, 109, 110, 190, 201, 223, 227, 254, 283, 348
- 1920-е, 28, 259, 304 1971, 23, 136, 190
- 1921, 252 1974, 223
- 1922, 11, 109, 193 1975, 4, 335
- 1924, 305 1979, 11, 151, 221, 264, 319
- 1925, 190 1980-е, 31, 48, 83, 90, 106, 144, 156, 198, 223, 228, 242, 287, 295, 308
- 1926, 322 1987, 120
- 1928, 231 1988, 4, 106, 120, 121
- 1930-е, 28, 65, 100, 128, 218, 259, 275, 287 1989, 118, 120
- 1932, 322 1990 14
- 1933, 276 1990-е, 5, 13, 51, 89, 152, 175, 176, 199-202, 210, 234, 295, 296, 308, 313, 319, 334
- 1934, 309 1991, 118, 119, 176, 184, 186, 217
- 1935-1940, 294 1993, 151, 152
- 1936, 28, 42, 126, 128, 186 1994, 50, 151-153, 175, 178-179
- 1937, 12, 62, 65, 66, 142
- 1938, 218
- 1939, 38, 43, 215, 252, 255-257, 263

- 1996, 56, 57, 151
 1999, 177, 329
 2000-е, 5, 52, 201, 230, 234, 313, 319, 334, 338
 2001, 334
 2002, 166
 2004, 166, 176
 2005, 338
 2006, 166
 2009, 37, 111, 113
 2010-е, 119
 2010, 9, 10, 47, 298
 2011 259-260
 2012 15, 16, 21, 23, 26, 29, 34, 35, 37, 39, 40, 47, 97, 154, 160
 2013 42, 44, 47, 49, 52, 55, 56, 59, 62, 65, 68, 72, 75, 77, 78, 81, 87, 90, 92, 94, 95-97, 184
 2014 96, 99, 102, 105, 108, 111, 114, 117, 121, 122, 125, 128, 132, 134-139, 143, 146, 149-154, 158, 160, 163-168, 170, 175-192, 195, 200-205, 207, 215, 245, 246, 248, 258
 2016 84, 320-328, 333, 336, 339, 343, 344
 2017 343, 346, 347, 349
 416 г. до н.э. 102
 9/11 335, 336; см. 11 сентября 2001
 Charlie Hebdo 207, 302
 D.O.M. 192
 e.f. 193
 era fascista 193
 HSE 193
 Pussy Riot, см. Пусси Райот
 RIP 192
 sokr.ru 145
а вот случись оно с тобой, вот тебе и пожалуйста 199
 аббревиатуры 27, 28, 77, 143-147, 193, 228, 258
 абсолюториум 293
 Абсурдопедия 228-229
 Австрия 59, 100, 196, 222, 262
 автомат Калашникова 184
 Агамемнон 183
агриться 345
 Адорно Теодор 351
 Адриан, император 297
 Азаров Николай 88-89, 261-264
 Азербайджан 4, 105, 107, 116, 122, 166, 168, 220
 айпад 51, 208
 акронимы: см. аббревиатуры
 акцент 58, 87, 90, 97, 131, 240
 Александр Македонский 87, 186, 283, 311
 Алексиевич Светлана 286-289
 Алеппо 306, 336
 Аলেখина Мария 15, 62, 64
 АЛЖИР 26-29; см. аббревиатуры
 Алкивиад, 221
 Аль-Каеда 279, 335
 Аль-Каида см. Аль-Каеда
 Аляска 177, 284
 Амальрик Андрей 26
 американизмы 21, 23, 52, 201, 232, 345
американская помощь 38-39
 анастасис и енстасис 290
 Андрей Белый 177-180
 Андромаха 283
 Андроникос Манолис 254
 Андропов Ю.В. 40, 182, 186
 анекдот 25, 31, 87, 89, 114, 165, 177, 191, 208, 239, 240, 304, 309, 321, 327
 аниме 228-230
 Аннинский Л.А. 175
 анократия 346-349
 антиамериканизм 39
 антимайдан 213
 Антиферонт 156

- Антопольский Л.Б. 136
Аполлон 283
апофигей 150
Апулей 183, 267, 268
Аристотель 140-143, 156, 282-283
Армения 4, 16, 156
Артемида 163
Асиялова Наида 96
Астахов Павел 333
Афганистан 11, 56, 151, 221, 225, 264, 279, 287, 288, 319, 320, 322, 333-335
Афины 102, 105, 148-149, 155
Афродита 299
Ахматова Анна 87, 90-91, 223
аятолла Хомейни 221
байкеры 107, 337
балаклава 21, 22, 128, 133
Балдаев Данцик 144
Балканы 182, 348
Балтийское море 13, 109
барбудос 200
бардовская песня 111, 113, 268, 269, 283
Барт Ролан 149
Бартельс Клаус 170-171
Бахтин М.М. 50, 75
Бахчанян Вагрич 197
Бахчисарай 109, 218
Бекирова Гульнара 110
Беларусь 118, 176, 237, 256-257, 286, 327, 343
Бель Генрих 275
Белогорск см. Карасубазар
Белоруссия см. Беларусь
Берлин 185, 229, 247, 257, 305, 352
Берлускони Сильвио 9, 18, 262, 338
Бианки Виталий 71
Бичевская Жанна 111-114, 124
Блок Александр 14, 111-114, 279, 287, 320, 322, 348
богатые тоже плачут 339
Богородица, Путина прогони! 18, 19, 22, 64, 80
Бонинг малайзийский 160, 226
БОМЖ 28, 144, 274, 305, 350; см. аббревиатуры
Боннер Е.Г. 152
Бородино 200
Бостонский марафон 55-57
Бостонское чаепитие 55-57
Брежнев Л.И. 23, 26, 40, 46, 48, 117, 186, 208, 247, 320
Брестская крепость 200
Брестский мир 200
Бродский Иосиф 39, 87
Брут Марк Юний 323
Брюханенко Наталья 322
Бубер Мартин 346
Буданов, полковник 58
буква «ё» 306-309
Буковский В.К. 23
Булатовский Игорь 13
бумажный офицер 269-272
бумажный солдат 268-270
Бут Виктор 58, 201
Бутовский полигон 65-69
Буш Джордж 344
бывший советский человек 166, 214, 216, 287
Быховский Бернард 221
Бэкон Фрэнсис 180, 182
Бээкман Владимир 335
бюджетник 290-293
в лучших домах Филадельфии и Бостона, 55
вайнахи 289
Вашингтон 40, 59, 201
ВВП 143, 145; см. аббревиатуры
вежливые люди, вежливые зеленые человечки 104, 126, 127, 201, 230

- Большая Октябрьская социалистическая революция см. ВОСР
- Большая отечественная война 49, 106, 130, 222, 262, 333, 334
- Венцлова Томас 11-15
- Вергилий 171
- Вернадский В.И. 303
- верующие, 25, 26, 93, 94, 333
- Веспасиан 311-314
- веспасиано 314
- Википедия 43, 228
- Вильнюс 14, 235-238
- вингсьют 314-315
- високосный год 320-323
- Вишневецкая Марина 245-249
- возвращенные имена 48
- Войнович В.Н. 68
- Волгоград 49, 95
- воры в законе 44
- ВОСР 347-349; см. аббревиатуры
- восстание 11, 21, 63, 102, 265, 290-291
- Восточная Европа 12, 14, 217, 256
- Восточная Пруссия 109, 217-218
- вот да! 78-80
- Врубель Дмитрий 247
- все продумано 34
- все схвачено 34
- вторая мировая война 11, 38, 42, 49, 91, 126, 172, 200, 217, 218, 225, 229, 256, 279, 303, 304, 351
- Высоцкий Владимир 13, 92, 107, 135, 241, 283, 304
- Гагарин Ю.А. 34, 106
- газ, наследство, сделки* 119
- Гайдар Е.Т. 150
- Галич Александр 13, 173, 242, 334
- Гаспаров М.Л. 20, 198
- Гаук Йоахим 272-275
- ГДР 31, 63
- Гейбельс Й. 100, 277
- гей-парад в Киеве 6.6.2015, 237
- Гейне Генрих 277
- Гейропа 308
- георгиевская лента 11, 177-179, 339
- Гера 160
- Геракл 155, 157
- Гераклит 34-36
- Герасимова Анна (Умка) 13
- Германия 11, 13, 42, 59, 108, 130, 131, 181, 183, 209, 210, 215, 218, 222, 253-257, 266, 271-273, 277, 280, 305, 309, 336, 339, 352
- Герцен Александр 296
- Гершкович Ф.М. 298
- гибридная война* 290-293
- Гиркин см. Стрелков И.
- Гитлер А. 11, 38, 45, 49, 53, 85, 98, 100, 130
- гласность 17, 118
- глобализация 46, 120, 340
- Говорухин С. 69
- Гоголь Н.В. 68, 140, 141, 143, 270
- гомофобия 42, 59-61, 162
- Горбаневская Наталья 90
- Горбачев М.С. 58, 69, 118, 288-289, 320, 347
- город на Неве 330; см. Ленинград
- Горшков С., адмирал 110
- Горький Максим 68, 71, 120, 127, 136-137
- Госдеп, Госдепартамент США 80, 108, 164, 249, 279, 280, 320
- Готье Теофиль 44
- Греция 20, 105, 254, 273, 277
- греческий язык 16, 24, 25, 29, 37, 39, 73, 81, 84, 109, 115, 139-142, 146-149, 153-155, 160, 162, 183, 212, 218, 228, 238, 254, 290, 299, 308
- Григорьев А.Б. 308
- Григулевич И.Р. 225-226

- Грозный, город 57, 59, 132-133, 324
 Грузия 11, 53, 58, 76, 106, 176, 280
 ГУЛАГ 28, 32, 173 см. аббревиатуры
 Гундяев Кирилл, патриарх Кирилл 18, 65, 68
 Даль В.И. 22, 261-265, 267, 290, 294, 339, 340, 353
 Дашкова Е.Р. 307
 двуглав 238-239
 двушечка; влупить (впясть) двушечку 18, 63, 172; см. Пусси Райот
 дебилы, блять 275
 Дегтярев М., депутат Госдумы 108, 153
 Дед Хасан 44-45
 демоний Сократа см. Сократ
 День международной солидарности трудящихся 10
 День Победы 10-12, 47-49, 229, 230
деньги не пахнут 311; см. веспасиано
 Депардьё Ж. 42-46, 107
 деревянный язык 93, 233
 десталинизация 117
 джезвй 38
 Джеймс Бонд 34-36
 Джемилев Мустафа 107
 Джемо, Микеладзе Джемо 44
 джинсы 187, 198, 281; см. тыхасы
 Джонсон Борис 329
 Дзержинский Ф.Э. 93, 184, 186
 диалог 17, 31, 75, 79, 105, 130, 132, 147, 248, 331
 диалог культур см. межкультурная коммуникация
 Дибров Дм. 113
 Диоген Лаэртский 84
 дискурс 5, 16, 79, 90, 164, 232, 248, 261, 282, 296
 Дитрих Марлен 131
 Дмитрий Александрович Пригов 41
 Днепр, река 332
 Днепропетровск, Днепр 211, 328
 ДНР и ЛНР 161, 253
 Дождь, телеканал 181
 доктора прислать, 314; см. Нерон доллар 10, 190-191
 Донбасс 127, 133, 169, 175, 189, 198, 214, 238, 250-251, 258, 272, 289, 348
 Достоевский Ф.М. 49-52, 75-78, 136, 145
 Другая Россия 70
 дружба народов 44
 Дугин А.Г. 147, 151, 334
 Дудаев Джохар 56-59, 319
 Дунаевский И.О. 42
 духовка 23-25, 72, 74
 духовник 25, 72
 духовность 24, 72, 157, 231, 241, 298
 духосрач 72
 Душенко К.В. 34
 ЕБН 145; см. аббревиатуры
 Евразийский союз 185
 Еврипид 283
 Европа 5, 9, 14, 26, 34, 46, 67, 83, 104, 105, 112-113, 120, 124, 131, 172, 176, 179, 181, 184, 186-189, 202, 207, 212, 222, 235, 245, 254-257, 262, 288, 293, 296, 300, 303, 305, 306, 318, 334, 335, 339, 343, 344, 348
 Евтушенко Евг. 105, 107, 333
 Егорова Ольга, судья 64
 Ельцин Б.Н. 36, 46, 57-59, 118-119, 145, 151, 175, 186, 217, 229, 294, 313, 319, 337, 347
 Есенин Сергей 37, 287, 288, 331
 если враг не сдаётся, его уничтожают, 44, 137
 если жизнь повернулась к тебе задом, пни её и начни новую, 32
 Жванецкий М.М. 30
 Жданов А.А., 100

- железный Феликс см. Дзержинский Ф.Э.
- Женева 90
- жид 213, 265 см. этнофолизмы
- жидобандеровцы 133; см. этнофолизмы
- Жириновский В.В., 30, 49-51, 70, 124, 145, 148-149, 151, 160, 175-177, 179, 237, 273, 279, 337
- жопа, 53, 142, 197-200, 288-289, 306
- Жуковский В.А., 308
- Задорнов Михаил, юморист, 300
- Залдостанов А.С., он же байкер Хирург, 337
- Запад, 34, 38, 58, 110, 118-121, 164, 172, 176, 188, 189, 201, 214, 221, 230, 254, 258-259, 279, 280, 300, 313, 318, 325, 344
- западенцы 274
- застоя эпоха 118, 348
- заумь 52-54
- затокрымнаш 128, 217 см. Крым
- Захарова Марианна, 345
- здравствуй, жопа, Новый год! 197 и след.
- Зевс 84, 105, 154, 155, 159-162, 163
- Зелинский Ф.Ф. 142
- и да, см. вот да!
- Иван Грозный 342
- Иванов Вяч.Ив. 142
- Иванова Ксения 259
- ИГИЛ 279-282, 346; см. аббревиатуры
- Икснон 158-162
- Ильф Илья и Петров Евгений 202, 340, 343
- имперка, 157; см. триколон
- импортозамещение 203-205, 325
- Индия, страна 121, 209, 299, 302
- Индия, чумной барак 27
- индус 27-28
- интернационализм 44-46, 123
- инфасотка 345
- Ионеско Эжен 126, 149, 151
- Италия 114, 148, 262, 273, 298, 336
- Ичкерия 102; см. Чечня
- кавалер-кондуктор 245
- кадры решают все 44
- Кадыров Рамзан 57-59, 95, 102, 133, 324, 339
- как страшно жить 30
- Калининград см. Кенигсберг
- Калининградская область 217-218
- Калоев Виталий 166-168
- Камбербэтч Бенедикт 326
- Каменев Л.Б. 45
- Камчатка 26
- Камянов В.И. 136
- Канада 188
- Кант Иммануил 217-219
- Капков Сергей 197
- Капсихор 218
- Карасубазар 109, 218
- кариатура 73, 164, 191, 200, 213, 267, 302, 313
- Карпинский Л.В. 120
- Каска Сервилий 323
- Кастро Рауль 200
- Кастро Фидель 85, 200, 342
- Кастро, братья 201
- Катаев В.П. 21, 197
- Кafka Франц 33, 126, 196, 197
- КГБ 149, 150, 152, 184, 185, 215, 294, 347; см. аббревиатуры
- Кенигсберг 48, 109, 217-219
- Киев 88, 80, 91, 110, 133, 177, 181, 185, 216, 237, 248, 251, 257, 262, 264, 315
- Киров С.М. 45, 48
- Кировлеса дело 52
- Киселев Дмитрий 124
- Китай 26, 27, 89, 94, 117, 161, 177, 279
- Кишинев 116

- классики марксизма 180, 190
Клемперер Виктор 275, 276, 308
клининг 23, 25, 26
Клитемнестра 183
КНР см. Китай
Козьма Прутков 26, 84
Коктебель 109
коктейль Молотова 42, 43, 160
колорадка см. георгиевская лента
Коммерсантъ, газета 312
Коммунизм у Берегов Америки (Куба) 203
кому сейчас легко? 30
конвергенция 120-121
Константинополь 57, 113
контингентные беженцы 210
Корвалан Луис 23
космополитизм 13, 120-121
косплей 227-229
косточки п(р)огреть 301
Костров Леонид 179
кошунник 25, 26
красно-коричневые 151, 179
Красноярск 47
Кремль 13, 38, 97, 102, 105, 106, 108, 117, 217, 231, 249, 257, 329, 349
Кронгауз М.А. 247
Кропоткин П.А. 35
Крым 22, 99, 100, 102, 104, 105, 107-110, 113, 116, 118, 123, 124, 126, 127, 133, 147, 151, 171, 172, 174, 188, 201, 203, 215, 217-219, 234, 247, 249, 251, 258, 262, 264, 267, 284, 322, 348, 352, 353
крымнашисты 249
крымские татары, крымскотатарский 105, 107, 109, 110, 123, 218, 219, 234, 264
крыша 24-26, 51
ксенонимы 238-240
Куба, Остров Свободы 200-203
Кузнецова Анна 333
Курилла Иван 248
курицу выпустить негде 232
Лавров Сергей 40, 275, 278, 318
лайк 192
Лаокоон 94
Ларошфуко 327
Латвия 109, 116, 176, 235, 243
Латинская Америка 41, 280
латинский язык 81, 84, 116, 139, 141, 146, 192, 199, 219, 239, 301, 314, 323
ЛГБТ 298; см. аббревиатуры
Ле Пен Марин 306, 339
Лебедев-Кумач В. 42
Левонтина Ирина 248
левые 118
Ленин 29, 45, 47, 48, 60, 69, 90, 91, 93, 97-99, 117, 165, 184, 185, 227, 229, 248, 295, 299, 327, 328, 337, 349; см. Лукич
Ленинград 26-29, 40, 48, 110, 142, 184, 221, 259, 328-329
ленинопад 90, 184-186
Лента.Ру 16, 182
Лермонтов М.Ю. 129, 287
лес рубят – щепки летят 318
Лесков Н.С. 244
Лессинг Г.-Э. 211, 212
Лета, река 36
либрация 272-274
Лимонов Эдуард 287
Лисий 148-149
Литва 217, 219, 235-236, 343
Литвиненко Александр 149, 166-167
Лихачев В. 211
лишь бы не было войны, 333
Ломоносов М.В. 208
Лосев А.Ф. 4
Лосев Лев 13
Лотман Ю.М. 13, 123

- Лубянка 93, 184, 185
Луговой Андрей 58, 149, 166-168
Лужков мост(ик) см. Лужков Ю.М.
Лужков Ю.М. 312, 329
лужковка (кепка) см. Лужков Ю.М.
лужковский стиль см. Лужков Ю.М.
Лужина Лариса, 304
Лукич 98, 186, 326; см. Ленин
Лукомников Герман 289
Львов 88, 109
люстрация 152
Магадан 144-145
Магнитский Сергей 37-39, 54
мазепинцы, хохлы, чубы 266; см. этно-
фолизмы
майдан 87, 186, 213, 289, 348
Маканин Владимир, 83
Македония 105, 254
Мамаев курган 49
манга 228, 229
Мандельштам О.Э. 48, 70, 231, 232,
277
Манн Томас 130-132, 196, 218
мантра 32, 33, 319
Маргарян Гурген 166
Марголин Юлий 276
Марк Аврелий 246
Маркин Владимир 53-54
Маркс Карл 180, 181, 203, 326
Марсо Марсель 304
марш миллионов 70
марш против подлецов 71
Матвеева Новелла 282-284
матерная речь 21, 75-78, 134-135, 231,
232, 233, 349
Матрона Московская 47
Маяковский Владимир 21, 52, 97, 236,
246, 288, 303, 304, 309, 321, 322, 348
МГУ им. М.В.Ломоносова 4, 26, 147,
226
Медведев Д.А. 34-36, 57, 255, 258, 329
Медея 281, 283
межкультурная коммуникация 11, 75,
210
Мелос 102-105
Мемориал, общество 65, 67, 68
мемы 19, 29, 30, 55, 90, 197, 275, 333
Мережковский Д.С. 31, 110,
Меркель Ангела 337, 338
мерсикать 21
Мерсье Луи-Себастьян 128-130
метафора 9, 31, 32, 99-102, 126, 194
Милош Чеслав 13
Митра 298
Михалков Н.С. 146, 148
МКАД 144; см. аббревиатуры
Можаев Борис 121
Молотов В.М. 45, 255-257, 277; см.
коктейль Молотова
Морган Льюис 180-181
Морское, см. Капсихор
москаль, москалик, москалить 85, 237,
261-264, 266; см. этнофолизмы
Москва *passim*
московских окон негасимый свет 312
музло 74
Мурманск 81
Мусин Александр 172
Муссолини Бенито 298
мышинный жеребчик 184
Мэй Тереза 339
Навальный Алексей 32, 34, 62, 329
Нарышкин Сергей 186, 189
НАТО 133, 188, 235
наша многострадальная Родина, 287,
293
незалежность 87
Немцов Борис 293, 294, 296, 319
неполная коммуникация 141, 192-194,
239

- Нерон 312-314
нет человека – нет проблемы, 318
Нидерланды 158, 174
Николай Второй Романов 179, 296
Николай Мирликийский 171
Никонов Вяч. 117, 124
НКВД 65, 66, 149, 226
нобелевка 286-289
Новиков Денис 175, 176
Новодворская Валерия Ильинична 149-153
Новороссия 151, 156, 171, 182, 215, 225, 227, 229
Новочеркасск 11, 63
Новый Орлеан 26
Норвегия 183, 289, 335
Нью-Йорк Таймс, газета, 343, 345
Обама Барак 40, 162, 164, 191, 200, 202, 281
ОБЖ, основы безопасности жизнедеятельности, 76, 77
Объединенный народный фронт 69
окончательная победа 298
Окуджава Булат 92, 268-272, 320
она утонула, 330
онемэ, 229; см. анимэ
ООН 207, 300, 343, 346
ополченцы, 161, 168-170, 258
Орбан Виктор 339
Орест 283
Орехов Б.В. 16
Оруэлл Джордж 53, 334
осквернение 170, 173, 241,
оскорбление чувств 47, 163, 191, 210, 248, 333
ослышка 163, 164
откат 16, 19, 24, 43, 51
отступление от ленинских норм партийной и государственной жизни 117
оттепель 117, 249
Офицеров Петр 52
Павел Первый 269
Павловский Глеб 120, 168, 190
Пазолини П.-П. 297, 299
Панас Мирный 90
панк-молебен 15, 18
Париж 14, 35, 42, 114, 128, 207, 302-306
Парнас, Партия народной свободы, 70
партия жуликов и воров 1
Патрушев Н.П. 64
ПГМ, православие головного мозга; противогололедный материал, 74; см. аббревиатуры
Пелевин Виктор 135
перашки 93
первая мировая война 11, 46, 111, 128, 179, 200, 225, 303, 306
перевод и переводчики 12, 13, 16, 21, 29, 34, 59, 97, 99, 100, 132, 139-143, 210-213, 261, 308, 323, 335
переименование 27, 45, 48, 63, 92, 97, 101, 102, 108-111, 117, 142, 185, 218, 254, 260, 291, 328, 330
перестройка 118-119, 180, 210, 228, 297, 348
Петр Первый 99, 330
Петров-Водкин Кузьма 179
ПЖиВ см. партия жуликов и воров
пиндосская подстилка 249; см. этнофелизмы
пиндосы 110, 161, 191, 300; см. этнофелизмы
Пиотровский А.И. 142
Платон 4, 148, 159
плинтус, ниже плитуса, 177
Плутарх 221, 283
ПНХ 143, 146
по самое не могу 97
по сатане, угореть по сотоне, упороться

- по сатане 72-74
 Поволжье 28, 218, 239
 поднять жопу и идти работать 197; см. Капков С.; см. жопа
 поднять Россию с колен! 339
 Поклонская Наталья 352
 политическая корректность 318
 политически грамотен, морально устойчив, 137
 Политковская Анна 319
 политкорюстика 176
 посоны 73, 74
 постправда, post-truth 336-339
 поэзия – вся! – езда в незнаемое 307
 правоотступник, правоотступница, правоотступничество 71, 273
 православие, самодержавие, народность 119
 правые 119, 348
 Пресли Элвис 227, 229
 Приап 163
 Прибалтика vs. Балтия 39, 104, 151, 343
 прибалты 14; см. этнофолизмы
 Прилепин Захар 287
 продукты питания 241-245
 Прометей 155
 Проханов Александр 287
 прямая линия с 55
 Псаки Дж. 164
 психологически важная черта, 15
 Псков 15, 182, 279
 ПТН ПНХ 143-146
 ПТН 143-146
 ПТНХ 146
 пулларий 299 и след.
 Пусси Райот 15, 18, 21, 37, 39, 64, 80
 Путин В.В. passim
 Путина М.В. 158-159
 Пушкин А.С. 7, 14, 26, 50, 68, 87, 99, 109, 131, 140, 143, 145, 199, 208, 218, 266, 267, 277, 287, 290, 291, 343
 пчеловод, пчеловечный см. Лужков Ю.М.
 пятая колонна 13, 278
 Пятигорский А.М. 136-137
 Рабле Франсуа 34, 36, 43
 рабство 41, 53, 103, 310, 345, 350
 разговорный язык 187, 229, 319
 Райс Кондолиза 164, 344
 Распутин Валентин 287
 Распутин Григорий 43
 религиозное возрождение 74
религия не позволяет 48
русский бунт, бессмысленный и беспощадный 291
 репрессии 11, 34, 62-65, 146, 149, 167
 Рига 116
 Рим 57, 81, 114-117, 171, 172, 192, 296-299, 323
 Ровшан Ленкоранский 44
 Рогозин Дмитрий 117
 Роднина Ирина 162, 164
 Розанов В.В. 195-196
 Розенталь Д.Э. 343, 344
 ролевые игры 161, 230; см. косплей
 Ромни Митт 40
 Ромье Огюст 296
 Россия passim
 Роузентал Эндрю 343-344
 Рочдейл 326
 РПЦ 67, 68; см. аббревиатуры
 Руанда 182
 Рубцов Николай 332
 русофобия 246, 286
 русские не сдаются 108
 Русский мир 14, 215, 262, 278
 Рякашуте Неринга 236
 Саакашвили М. 122
 Сабир 221

- Сайгон 26-29
Сайченко Марат 132-134
самостийность 87
Самуцевич Екатерина 15
Санкт-Петербург 29, 47, 142, 239
санкции 170-174, 201, 257, 259-261, 320, 343
саплаер 326
Саркози Николая 336
Сатуновский Ян 90
Сафаров Рамиль 166-168
Сахаров А.Д. 121, 288, 289
Саша Черный 322
Светлов М.А. 303
Светоний, Гай С.Транквилл 198, 311, 323
свечник 25
Севастополь 22, 109, 113, 133
Сегодня, газета 178-179
селечодчик 314; см. Веспасиан
Сетунь, река 36
Сибирь 47, 123, 228, 305
Сидякин Олег 132
Сизиф 163
сильные выражения 95
Симонов Максим 39
Симферополь 109
синие ведерки 17
Синявский А.Д. 40, 69
скайп 156
следак 73
Смирнов Игорь 120
Собчак Ксения 329
советский новояз 64
Соколовский Руслан 333
Сократ 165, 166, 168-170
солея (солей) 22, 24
Солженицын А.И. 38, 47, 48, 121, 208, 222, 232, 246, 261, 276
социализм с запашком портянок, 30, 50, 51, 279
Сочи 47, 120
спецоперация 16-17, 19, 95, 182, 225, 226
Список Магнитского см. Магнитский С.
Средиземное море 102, 115, 305, 312
Сталин 11, 12, 34, 38, 42, 45-49, 53, 62-64, 75, 85, 106, 110, 117, 118, 122, 170, 173, 174, 205, 227, 229, 230, 232, 248, 256, 257, 277, 278, 282, 312, 322, 332, 337, 343.
Сталинград 47-49, 200
сталинобус 47, 49, 200
Старков Владимир 268-272
Старовойтова Г.В. 151, 319
статусы (статусики) 30-33
Стерлигов Г. 151
Стикс, река 36
стокгольмский синдром 169
Стрелков И. 168, 170, 223, 225, 226, 336
Стругацкие А. и Б. 135-137
стриюкки 52
суверенитет 69, 104, 169, 170-173, 217, 219, 313,
суверенная демократия 313
судак 73
Судеты 100, 254
Суслов М.А. 40, 100, 221
США 11, 37, 39, 40, 41, 54-58, 80, 97, 120, 160, 164, 171, 172, 188, 191, 200-202, 207, 320, 339, 343, 344, 346, 352
Тайвань 26-27
так долго не живут 176
Тамм Арнольд 207
Таро, Ониани Тариэл 44
Твардовский А.Т. 27
Теофраст 265
техасы 198

- Тиллерсон Рекс 344
Тимошенко Ю.В. 9, 97
Тиресий 184
Тит Ливий 300-302
Толоконникова Надежда 15, 62, 64
Толстой Л.Н. 131, 145,
Толстой Петр 351-353
Томск 142, 228
тот я, 79-81
травматика 25
Трампа Дональд 336, 339, 343-349, 352,
353
Третий Рейх 124, 275, 278,
третья мировая война 160,
триколор 153, 157, 175-179, 229
трикстер 249, 336-339
тролли, троллить 249
Троя, Троянская война, Троянский
конь 8, 94, 96, 155, 303
трушное, от англ. true 345
тумаки 345
Тургенев И.С. 227
Турецкий Михаил 306-308
турецкий язык 51, 115
турка см. джезвй
Туркова Ксения 248
Турция 308, 312, 322, 346
Тухольский Курт 277
Тынянов Ю.Н. 269
Тышкевич-Хасанова Беата 235-237
Тюмень 47
Украина *passim*
украинофобия 87, 88
урумы 114-119
Устинов Д.Ф., 320
утратить чувство реальности 189
Ушаков Д.Н. 294
фейк, фейковый 158-162, 204-205
фейсбучный 209, 246
Филипп Македонский 254
Финляндия 177, 253, 263
финский язык 254
фон Хагенс Гюнттер 246
Франция 36, 42, 65, 66, 129, 254, 256,
273, 302-307, 336-339
Французский квартал (Новый Орлеан)
26-29
французский язык 21, 23, 43, 44, 50,
129, 131, 147, 164, 219, 291
ФСБ 185; см. КГБ; см. аббревиатуры
Фукидид 102-105, 139
хакатон 209
Ханой 27
Ханютин Алексей 347
Харьков 184-186
хачи 330; см. этнофолизмы
хейт 345
Хеке Бьорн 351-353
Хилон 84-85
Хлебников В.В. 52
Ходасевич В.Ф. 11, 304-305
Хоннекер Эрих 247
хохлосрач 89; см. этнофолизмы
хохлы 264, 266, 268, 352; см. этнофо-
лизмы
Храм Христа Спасителя см. ХХС
христианские ценности 2011
Хрущев Н.С., 26, 200, 249,
Хрущевская оттепель см. оттепель
хрущевское время 117
ХТПКТ, 147
ХХС, 174
Царнаевы, братья 55-58
цезарский коммунизм 296
Цезарь Гай Юлий 323
Цицерон Марк Туллий 171, 267
ЦРУ 346; см. аббревиатуры
Цюрих 172, 180
Чапек Карел 126-128, 196
Чаплин Всеволод 318

- ЧВС 145; см. аббревиатуры
чекисты 19, 29, 63, 67, 70, 93, 99, 142, 151, 162, 182, 184, 186, 195, 198, 205, 223, 225, 232-233, 249, 250, 314, 352
Черновцы 190
Черное море 105, 110, 127
Черномырдин В.С. 35, 145
Чехов А.П. 109, 137, 350
Чечня 56-59, 95, 102, 132, 133, 175, 217, 288, 313, 324, 333, 339
чтоб два раза не вставать 78, 80
чтоб мало не показалось 74
Чубайс А.Б. 334
Чуковская Л.К. 222, 223
Чуковский Корней 11, 222
чурки 107, 111; см. этнофолизмы
Шакро молодой 45
Шанхай 42
Шапошников Е.И. 151
Шарли Эбдо, журнал см. Charlie Ebdо
Шевченко Тарас 87
Шендерович Виктор 30
Шкловский В.Б. 234
Шлосберг Лев 182, 279, 280
Шмитт Карл 136
Шнуров Сергей 329
Шолом Алейхем 196
Шохин А.Н. 151
Шпет Г.Г. 142
Шредер Герхард 336, 338
Шульман Екатерина 346
Шульц Мартин 108
Щекочихин Юрий 319
Эдип 155, 157
Эйнштейн Альберт 275
Эллада см. Греция
Энгельс Фридрих 180-181
энократия см. анократия
Эстония 57, 116, 122-123, 156, 176, 234, 335, 343
Эсхил 4, 141, 142, 350
Эткинд Е.Г. 13, 14
этнофолизмы 247, 263
это слишком пафосно 140, 141
это совсем не факт, что человека нужно было убивать 317-320
этот неловкий момент, когда 29-31
эхолалия 54
юдофобия 59
ЮЗАО 325
Юпитер 171
Юрсенар Маргерит 297
Юшенков Сергей 319
Ющенко Виктор 9
Яблоко, политическая партия 71
явка с повинной 16, 18
Языков Н. 285, 286
Якунин В. 218
Якутия 122, 123
Ялта 109, 110
Янукович В.А. 9, 89, 133, 185, 248, 262
Япония 111, 120, 207, 228, 229, 285, 343
японский городской! 308
Япончик 45

Научно-популярное издание

Гасан Гусейнов

Язык мой – Wгаск мой.

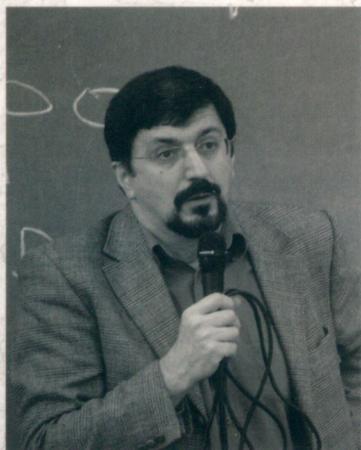
Хроника от Ромула до Ленинопада

Редактор *Диана Клочко*
Корректор *Мария Яковлева*
Дизайн *Антон Клочко*
Верстка *Лейла Лятифова*

Подписано к печати 24.04.2017
Формат 60×90/16
Бумага офсетная, печать офсетная
Гарнитура Peterburg. Печать офсетная
Зак№17-083

Издательство «LAURUS»
Регистрационный номер издательства: ДК №4240 от 23.12.2011
04114, Киев, ул.Дубровицкая 28
www.laurus.ua
+380 (44) 234-16-30
laurus.info@yahoo.com
Facebook: laurus

Напечатано в ООО «Типография "Бизнесполиграф"»
ДК №2715 от 07.12.2006
02094, Киев, ул.Вискозная, 8
Тел./факс +380 (44) 503-00-45

Гасан Чингизович Гусейнов род. в Баку 2 сентября 1953 года, окончил МГУ им. М.В.Ломоносова в 1975 году, филолог-классик, кандидатская диссертация об Эххиле (1979), докторская – о советских идеологемах в постсоветском русском (2002). Автор книг, в т.ч.: «Аристофан» (М., «Искусство», 1988), «Д.С.П. Материалы к русскому словарю общественно-политического языка XX века». Т.1-2. (2003), «Нулевые на кончике языка» (М., «Дело», 2012), «История всего: лекции о мифе» (М., 2016). Преподает в университетах России и Европы античную литературу и политическую риторику. Ведет колонку о политическом языке на Radio France Internationale.

Новая книга известного филолога – дневник наблюдений над драмой русской политической речи эпохи, как пишут на несоветском новоязе, «российско-украинского противостояния вокруг Крыма и Донбасса». Автор разбирает языковые травмы, которые пост-советское российское общество наносит себе и другим в попытках гальванизировать имперские химеры, легализовать чекистский жаргон. Но есть в этом обществе и стремление вобрать и выразить новизну – от блатняка зоны до хипстерских американизмов, от речи обскурантов до истории рефлексии украинофобии. На русском языке пишет лауреат Нобелевской премии по литературе Светлана Алексиевич, но на нем строчит письма смерти и Гиркин-Стрелков. Дневник включенного наблюдателя и сам – исторический документ.

Книга снабжена подробным предметно-именным указателем. Адресована и широкому кругу исследователей – политологов, филологов, культурологов, журналистов, но и каждому, кто стремится понять, как история преломляется в языке, в повседневной речи.

Отзывы на книгу присылайте по адресу:
gusejnov@gmail.com

ISBN 978-617-7313-09-9

9 786177 313099